

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Дин Пэй

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ НЕГАТОНИМОВ

В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Том 1

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук,

доцент Виктор Сергеевич Савельев

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том 1

Введение	7
Глава 1. Теоретические основы изучения негатонимов в русском языке	21
1.1 Теоретические основы исследования.....	21
1.1.1 Основные понятия ономастики.....	21
1.1.2 Основные понятия антропонимики	24
1.1.3 Основные понятия псевдонимики	27
1.1.4 Негатонимы как объект изучения псевдонимики	40
1.2 Категория «отрицание» в русском языке	46
1.2.1 Отрицание в наивной картине мира человека.....	46
1.2.2 Отрицание с точки зрения гуманитарных наук	48
1.2.3 Отрицание с точки зрения лингвистики	51
1.3 Системное изучение лексики	66
1.3.1 Лингвистическое понятие «поле». Типы полей.....	67
1.3.2 Поле отрицания как функционально-семантическое поле	78
1.3.3 Лексико-семантическая группа.....	81
1.3.4 Ядро и периферия в лексико-семантических группах	86
1.4 Способы выражения отрицания в современном русском языке	89
1.4.1 Описание способов выражения отрицания в «Грамматике русского языка» (1960)	90

1.4.2 Описание способов выражения отрицания в «Грамматике русского языка» (1980)	93
1.4.3 Описание способов выражения отрицания в исследовании А.И. Бахарева.....	107
1.4.4 Описание способов выражения отрицания в исследовании Т.В. Степановой.....	111
1.5 Прецедентные феномены	117
1.6 Языковая игра.....	120
1.7 Выводы	126
Глава 2. Негатонимы в русском языке XVIII – первой половины XX	
вв.....	131
2.1 «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова.....	131
2.2 Объем понятия «негатоним».....	137
2.2.1 Критерии отнесения псевдонимов к негатонимам	138
2.2.2 Структура лексико-семантической группы «негатонимы» ..	145
2.3 Структурные особенности негатонимов.....	155
2.3.1 Структурные особенности однословных негатонимов	155
2.3.2 Структурные особенности неоднословных негатонимов	159
2.4 Графические особенности оформления негатонимов	164
2.4.1 Слитное, раздельное и дефисное написание	165
2.4.2 Использование строчных и заглавных букв	173

2.4.3 Языковая игра в параграфемике негатонимов	177
2.5 Образование негатонимов	179
2.5.1 Способы образования негатонимов.....	181
2.5.2 Типы производящих баз	194
2.6 Лингвокультурные аспекты образования негатонимов	202
2.6.1 Частные случаи образования негатонимов.....	202
2.6.2 Типы языковой игры при образовании негатонимов	217
2.6.3 Негатонимы как источник установления прецедентных имен русской культуры	223
2.7 Выводы	228

Том 2

Оглавление

Глава 3. Негатонимы русского зарубежья первой половины XX века .. 5

3.1 «Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)» М. Шрубы.....	5
3.2 Структурные особенности негатонимов.....	10
3.2.1 Структурные особенности однословных негатонимов	11
3.2.2 Структурные особенности неоднословных негатонимов	14
3.3 Графические особенности оформления негатонимов	16
3.3.1 Слитное, раздельное и дефисное написание	16
3.3.2 Использование строчных и заглавных букв	20
3.3.3 Языковая игра в параграфемике негатонимов	24

3.4	Образование негатонимов	26
3.4.1	Способы образования негатонимов.....	26
3.4.2	Типы производящих баз	32
3.5	Лингвокультурные аспекты образования негатонимов	43
3.5.1	Частные случаи образования негатонимов.....	44
3.5.2	Типы языковой игры при образовании негатонимов	45
3.5.3	Негатонимы как источник установления прецедентных имен русской культуры	48
3.6	Сравнение негатонимов в словарях псевдонимов И.Ф. Масанова и М. Шрубы.....	51
3.6.1	Пространственные и хронологические рамки.....	51
3.6.2	Негатонимы как одна из разновидностей псевдонимов.....	52
3.6.3	Структурные особенности негатонимов.....	53
3.6.4	Словообразовательные модели.....	54
3.6.5	Типы производящих баз	58
3.6.6	Семантическая мотивация и функции негатонимов.....	60
3.6.7	Графическое оформление негатонимов	63
3.7	Выводы	70
	Заключение	75
	Библиография	94
	Приложение 1. Основной список негатонимов из «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова с	

указанием источников	128
Приложение 2. Негатонимы из «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова, совпадающие с распространенными русскими фамилиями, с указанием источников.....	185
Приложение 3. Способы образования негатонимов из «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова	201
Приложение 4. Основной список негатонимов из «Словаря псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)» М. Шрубы с указанием источников	222
Приложение 5. Негатонимы из «Словаря псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)» М. Шрубы, совпадающие с распространенными русскими фамилиями, с указанием источников.....	235
Приложение 6. Способы образования негатонимов из «Словаря псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)» М. Шрубы	239

Введение

Одним из объектов изучения современной лингвистики являются **псевдонимы**. Псевдоним представляет собой вид антропонима, обозначающий «вымышленное имя, существующее в общественной жизни человека наряду с настоящим именем или вместо него» [Подольская 1988: 113]. Псевдонимы являют собой важное звено, которое связывает человека с миром. «Человек живет не просто среди людей, но и среди имен, которые образуют вокруг каждого человека определенный континуум, особое национально-культурное пространство» [Шелест 2022: 274]. Одним из видов псевдонимов, который может представлять интерес для изучения лингвистами, литературоведами, библиографами, являются **негатонимы (негативные псевдонимы)**.

В.Г. Дмитриев в монографии «Скрывшие свое имя» приводит следующее определение негатонимов: «Негатоним – это подпись, отрицающая принадлежность автора к той или иной профессии, партии и так далее, или противопологающая его тому или иному писателю» [Дмитриев 1980: 278]. Таким образом, к негатонимам относятся такие псевдонимы, как *Не-критик* [Масанов 1957: 259], *Нетехник* [Масанов 1957: 264], *Не-Жуковский* [Масанов 1957: 256], *Не-Некрасов* [Масанов 1957: 261] и под.

Правильное истолкование негатонима требует от читателя (слушателя) фоновых знаний – необходимо знать, что именно

подвергается негации. В связи с этим можно предположить, что негатонимам свойственны две особые характеристики: во-первых, в качестве производящей базы негатонимов регулярно используются прецедентные имена, названия и высказывания; во-вторых, создание негатонимов чаще всего является случаем языковой игры, поскольку в результате их авторы образуют такие слова, которые должны не только скрыть их имя, но и привлечь внимание читателей (слушателей) своей необычностью. В первую очередь это относится к негатонимам, которые образуются на базе имен собственных – *Микель Неанджело* [Масанов 1957: 187], *Невагнер и Негуно* [Масанов 1957: 252], *Негейне, Иван* [Масанов 1957: 254] и под.

Негатонимы являются богатым источником для выявления фактов, имеющих социальную, литературную и культурную характеристики, демонстрирующие неразрывную связь языка, жизни авторов, общества и государства. В связи с этим существует необходимость изучения негатонимов «на стыке» разных научных дисциплин – лингвистики, литературоведения, социологии, истории, философии, географии, культурологии и других гуманитарных направлений.

Настоящая диссертационная работа посвящена изучению особенностей образования негатонимов в лингвистическом аспекте: в работе устанавливаются способы образования негатонимов, описываются особенности их семантики, изучаются особенности функционирования,

связанные с эпохой их возникновения и употребления.

Степень разработанности темы исследования. Научное исследование псевдонимов русского языка связано с работами лингвистов второй половины XX – первых десятилетий XXI вв. Их появление было обусловлено изданием в 1956–1960 гг. «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова. Изучение псевдонимов включает ряд аспектов, в том числе их классификацию (Н.А. Голомидова, В.Г. Дмитриев, К.С. Мочалкина), определение специфики возникновения и функционирования в качестве антропонимов особого типа (В.Г. Дмитриев, А.Л. Петрс, А.В. Суперанская, А.В. Сулова), соотношения с настоящими именами и переходом в разряд настоящих имен (К.С. Мочалкина, А.А. Реформатский), установление типов семантической мотивации и способов образования (В.М. Калинин, А.В. Суперанская, А.В. Сулова, С.В. Фуникова). В качестве одной из разновидностей псевдонимов выделяются негатонимы, приводятся их примеры, устанавливаются особенности их семантики (М.В. Голомидова, В.Г. Дмитриев, В.С. Савельев, А.В. Суперанская, А.В. Сулова).

Актуальность исследования заключается в том, что, несмотря на существование исследований русских псевдонимов, в которых упоминаются негатонимы, специальным образом негатонимы еще не изучались: не определены критерии отнесения псевдонимов к негатонимам, не установлен список негатонимов, не выявлены

особенности их структуры, способы образования, в том числе с использованием средств языковой игры и привлечением в качестве производящих баз прецедентных имен, названий и высказываний, не определены их функционально-прагматические характеристики.

Материалом исследования являются «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова, 4 тома которого были изданы в 1956–1960 гг., включающий около 80 тысяч псевдонимов XVIII – первой половины XX вв., и «Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)» М. Шрубы, изданный в 2018 году и включающий около 9800 псевдонимов периода русской эмиграции первой волны.

Объектом исследования являются негатонимы, использование которых в русском языке приходится на XVIII – первую половину XX вв. и зафиксировано словарями псевдонимов.

Предметом исследования стали особенности образования негатонимов в русском языке в формальном, семантическом и функционально-прагматическом аспектах.

Целью работы являются выявление особенностей происхождения негатонимов, определение их семантики, структуры, способов образования и функционально-прагматических характеристик.

Достижение поставленной цели определило следующие исследовательские **задачи**:

– уточнить объем понятия «негатоним» путем определения критериев отнесения псевдонимов к данному типу и на основании выявленных критериев установить список негатонимов и особенности их соотношения в составе лексико-семантической группы «негатонимы»;

– установить и описать особенности морфемной, морфологической и синтаксической структуры негатонимов;

– установить способы образования негатонимов, классифицировать их и определить их семантический потенциал в соотношении с типами производящих баз;

– установить особенности графического оформления негатонимов, определить закономерности и причины использования графических средств разных типов;

– определить функционально-прагматические характеристики использования негатонимов, влияющие на их образование и использование;

– определить отличительные признаки, свойственные негатонимам, включенным в словари псевдонимов И.Ф. Масанова и М. Шрубы, и установить их причины.

Теоретической базой исследования являются научные разработки, представленные в трудах специалистов в области ономастики, в том числе антропонимики и псевдонимики:

- теория ономастики (И.Д. Гаврилова, Р.Н. Каримуллина,

Н.С. Панарина, Н.В. Подольская, А.В. Суперанская, А.В. Суслова, А.С. Щербак) – изучение имен собственных, истории их появления и/или трансформации в результате длительного употребления в языке-источнике или в связи с заимствованием из других языков;

- теория антропонимики (Б.Д. Бондалетов, С.Б. Веселовский, Н.А. Максимчук, В.А. Никонов, В.В. Нимчук, О.О. Селиванова, А.В. Суперанская, В.А. Супрун, А.В. Суслова, Б.О. Унбегаун, А.Н. Шевченко, Т.А. Шелест) – изучение особенностей антропонимической лексики и конкретно-референтных имен собственных;

- теория псевдонимики (А.С. Балкунова, М.В. Голомидова, Т.А. Гридина, О.Р. Демидова, В.Г. Дмитриев, А.Ф. Журавлев, В.М. Калинин, Н.И. Коновалова, Ю.В. Кравченко, И.Ф. Масанов, Ю.И. Масанов, К.С. Мочалкина, О.Ю. Осьмухина, А.Л. Петрс, О.В. Прокопьева, А.А. Реформатский, В.С. Савельев, А.В. Суперанская, А.В. Суслова, М.И. Сухомлинов, С.В. Фуникова, А.А. Хисамутдинов, Г.В. Холодных, М.В. Яковенко, М. Шруба) – изучение причин появления псевдонимов, способов их образования и взаимосвязи между языком и культурой.

Для установления специфики реализации значения отрицания при образовании негатонимов в качестве теоретической базы были привлечены исследования, посвященные изучению категории

«отрицание» в русском языке (В.Г. Адмони, И.В. Андреева, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Бондаренко, В.Б. Борщев, И.Н. Бродский, Н.А. Булах, С.А. Васильева, А. Вежбицкая, О. Дюкро, О. Есперсен, В.Н. Зенчук, О.С. Милосердова, Е.В. Москалева, Е.В. Падучева, Б.Х. Парти, А.М. Пешковский, О.А. Прокофьева, И.Ф. Рагозина, Т.Б. Радбиль, С.О. Рахимов, Л.З. Родионова, О.Ф. Семенова, М.П. Соколов, В.И. Соловьева, Я.Г. Тестелец, В.М. Труб, Ю.В. Черниченко, А.А. Шепелюк, И.С. Янович).

В целях установления особенностей системного соотношения негатонимов как слов, обладающих схожими семантическими и формальными характеристиками, были привлечены сведения из исследований, посвященных системному изучению лексики (В.П. Абрамов, Ю.В. Блошенко, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, Т.В. Жеребило, Г. Ипсен, Ю.Н. Караулов, К.А. Кочнова, А.М. Кузнецов, Э.В. Кузнецова, Г. Мюллер, А.В. Набирухина, Л.А. Новиков, М.М. Покровский, З.Д. Попова, Н.А. Слюсарева, Ф. де Соссюр, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Г.В. Судаков, А.Н. Тихонов, Й. Трир, А.А. Уфимцева, А.А. Хазанова, Цзян Нань, Л.М. Шатилова, Д.Н. Шмелев, Г.С. Щур, В.Н. Ярцева).

Для определения средств выражения значения отрицания, принадлежащих разным языковым уровням, были использованы исследования, посвященные их изучению («Грамматика русского языка»

(1960), «Русская грамматика» (1980), Н.Д. Арутюнова, А.И. Бахарев, Г.А. Золотова, Е.А. Магазеева, Т.В. Степанова, А.Н. Шрамм, М.Н. Янценецкая).

В целях определения способов образования негатонимов были привлечены морфемные, словообразовательные и толковые словари русского языка, а также исследования, посвященные изучению способов выражения значения отрицания в русском языке (см. выше).

Для установления функционально-прагматических характеристик негатонимов в работе используются также данные исследований, посвященных прецедентным феноменам (Д.В. Багаева, Л.И. Гришаева, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, М.В. Золотарев, В.В. Красных, Т.В. Лобан, Н.Б. Мечковская, Р.З. Назарова, Э. Сепир) и языковой игре (Л. Витгенштейн, Б.Ю. Норман, В.З. Санников).

Специфика объекта данного диссертационного исследования и поставленные задачи обуславливают выбор **методов анализа**. В диссертации используются описательный, исторический, семиотический, стилистический, лингвокультурологический и статистический методы.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней:

- определены состав лексико-семантической группы «негатонимы» и ее структура;

- установлены особенности морфемной, морфологической и синтаксической структуры негатонимов, определены типы однословных

и неоднословных негатонимов, определены разновидности структурных компонентов, подвергающихся негации;

- установлены способы образования негатонимов, создана их классификация, выявлены словообразовательные и лексико-синтаксические, продуктивные и непродуктивные, узуальные и окказиональные модели;

- установлены функционально-прагматические характеристики негатонимов, включающие типы авторской языковой игры, прецедентные имена, названия и высказывания, использованные при образовании негатонимов;

- определены отличительные признаки, характеризующие негатонимы, включенные в словари псевдонимов И.Ф. Масанова и М. Шрубы.

Теоретическая значимость диссертации заключается в уточнении объема понятия «негатоним», определении критериев отнесения псевдонимов к негатонимам, установлении семантических и формальных типов производящих баз и их дериватов-негатонимов, словообразовательных и лексико-синтаксических способов образования негатонимов, способов их графического оформления, типов реализации языковой игры, типов прецедентных имен и способов их трансформации.

Практическая значимость настоящей работы состоит в том, что полученные результаты могут быть применены в учебных курсах и на

практических занятиях по лексикологии, лексикографии, словообразованию, синтаксису, семантике, истории русской литературы, а также при составлении словарей и справочников разного типа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Критериями отнесения псевдонимов к негтонимам является наличие у них двух обязательных (формальная характеристика: отрицательная маркировка с помощью морфем *не-*, *без-* и др., частицы *не*, предлога *без*; семантическая характеристика: значение отрицания, конкретизируемое в зависимости от типа семантической мотивации) и одного дополнительного (функционально-прагматическая характеристика, определяемая на основе данных о языковой личности автора) признаков. Негтонимы, для выделения которых достаточно наличия обязательных признаков, образуют ядро лексико-семантической группы «негтонимы». Негтонимы, выделяемые на основании трех признаков, образуют его периферию.

2. Однословные негтонимы (в том числе сочетания с частицей *не*) обладают различной грамматической оформленностью в зависимости от типа соотношения с производящей базой. Неоднословные негтонимы представляют собой синтагмы, используемые в качестве единых номинативных комплексов, компоненты которых связаны различными типами синтаксических отношений, и при этом различающиеся

структурно в зависимости от того, подвергается ли негации один из компонентов, несколько компонентов или весь комплекс.

3. Способы образования негатонимов включают продуктивные узуальные словообразовательные (префиксация, суффиксация, префиксально-суффиксальный способ) и лексико-синтаксические (образования с частицей *не* и префиксом *без*), а также непродуктивные окказиональные словообразовательные (постфиксация с помощью форманта *-не*, морфемизация субморфов и др.) модели, своеобразие которых определяется типами производящих баз, обуславливающих семантический потенциал каждой из моделей.

4. Особенности графического оформления негатонимов являются слитное / раздельное / дефисное написание форманта *не* и использование строчной или заглавной инициальной буквы мотиватора, обусловленные следованием орфографическим нормам или авторской установкой на языковую игру, подразумевающую их нарушение.

5. Функционально-прагматические характеристики негатонимов состоят в обусловленности их образования и использования конкретными условиями речевой деятельности авторов с учетом общих фоновых знаний носителей русского языка в исторический период появления негатонимов, что, в частности, проявляется в реализации средств языковой игры разных типов и в привлечении в качестве производящих баз прецедентных имен, названий и высказываний.

6. Негатонимы, включенные в словарь псевдонимов И.Ф. Масанова, реализуют антропоцентрическую модель создания онимов, позволяющую через использование псевдонимов сообщить о разных характеристиках авторов. Негатонимы, включенные в словарь псевдонимов М. Шрубы, реализуют социально-идентификационную модель создания онимов, в рамках которой основной задачей использования псевдонимов является реализация оппозиции «свой // чужой».

Достоверность полученных результатов подтверждена надежностью использованных методов анализа, большим объемом исследованного материала, последовательностью аргументации, использованной при написании диссертационного исследования, непротиворечивостью результатов, полученных при изучении двух словарных источников, содержащих негатонимы, а также апробацией результатов работы в докладах, сделанных на международных конференциях, и в публикациях в рецензируемых научных изданиях.

Личный вклад автора состоит в сборе и обработке материала исследования, в установлении методов анализа и их применении при изучении собранного материала, в получении результатов исследования на основе анализа собранного материала, в апробации результатов исследования, в создании текста диссертации и автореферата.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования изложены в докладах, прочитанных на XXXI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2024» (Москва, 2024 г.), на XXXII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2025» (Москва, 2025 г.).

По теме исследования опубликованы 4 статьи¹ в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ.059.1 по специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России:

1. Савельев В.С., Дин Пэй. Особенности образования негатонимов (на материале «Словаря псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)» М. Шрубы) // *Litera*. 2025. № 1. С. 1–15. (0,583 п.л.).

2. Дин Пэй. Особенности образования негатонимов с дефисным написанием приставки *не-* // *Мир науки, культуры, образования*. 2025. № 1 (110). С. 523–525. (0,125 п.л.).

3. Савельев В.С., Дин Пэй. Русские негатонимы: перспективы изучения // *Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология*. 2025. № 3. С. 69–81. (0,542 п.л.).

4. Дин Пэй. Особенности образования префиксально-суффиксальных негатонимов // *Litera*. 2025. № 7. С. 13–25. (0,500 п.л.).

¹ Объем авторского вклада Дин Пэй в двух совместных с В.С. Савельевым публикациях – 50%.

Структура работы: диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и шести приложений.

Первая глава посвящена теоретическим основам изучения негатонимов, которое, учитывая характеристики объекта исследования, требует многоаспектного подхода с привлечением теоретических наработок разных научных направлений.

Вторая глава посвящена комплексному исследованию негатонимов на материале «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова.

Третья глава посвящена комплексному исследованию негатонимов на материале «Словаря псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)» М. Шрубы и их сопоставлению с характеристиками негатонимов, вошедших в словарь И.Ф. Масанова.

В заключении обобщаются результаты проведенного исследования.

Список источников, словарей и литературы, использованной в диссертационной работе, включает 228 наименований.

Глава 1. Теоретические основы изучения негатонимов в русском языке

1.1 Теоретические основы исследования

Негатонимы представляют собой один из видов псевдонимов и являются объектом изучения антропонимики. В свою очередь, антропонимика представляет собой раздел ономастики, изучающий собственные имена людей. В связи с этим, прежде чем приступить к исследованию негатонимов, необходимо привести основные понятия ономастики, антропонимики и псевдонимики.

1.1.1 Основные понятия ономастики

Ономастика в современной лингвистике понимается как специальная область языкознания, предметом которой являются имена собственные и закономерности их образования и функционирования в речи. В научной традиции закрепилось представление о двух значениях термина «ономастика»: с одной стороны, он называет комплексную науку об именах собственных, с другой стороны, обозначает совокупность имен собственных – онимов (см. [Суперанская 1973: 5]). Имена собственные, будучи частью языковой системы, занимают в ней особое положение, что требует привлечения, с одной стороны, общелингвистических знаний, а с другой – информации, связанной с другими науками.

Междисциплинарный характер ономастики определяется ее связями с гуманитарными (история, литературоведение, археология) и

естественными (география, геология, астрономия) науками. Сведения, устанавливаемые в данных областях знания, позволяют уточнить специфику именуемых объектов и статус имен собственных, оставаясь вспомогательными относительно языкового анализа, который составляет ядро ономастического исследования. В то же время результаты исследований активно используются литературоведами, историками, географами для извлечения неязыковой информации, заключенной в системе имен собственных (см. [Суперанская 1973: 35]).

В рамках лингвистического подхода ономастика трактуется как дисциплина, в которой информация об имени собственном извлекается языковыми методами. При этом онимы усваивают лексические элементы определенных исторических эпох, но их развитие определяется внутренними законами языка, а связь с общественной жизнью опосредована через языковую систему. А.В. Суперанская и А.В. Сулова отмечают, что «имена нарицательные помогают нам познавать мир, объединяя окружающие нас объекты в классы однородных. Имена собственные присваиваются в индивидуальном порядке каждому предмету, имеющему свое имя нарицательное» [Суперанская, Сулова 1981: 8].

Функциональный аспект ономастики подчеркивает различие между нарицательными и собственными именами: первые выполняют классифицирующую функцию, тогда как собственные обеспечивают

индивидуализацию единичных референтов. А.В. Суперанская и А.В. Сулова указывают, что «каждое прозвище, как и любое другое собственное имя, теряет все характеристики, свойственные имени нарицательному, кроме одной, которая становится ведущей для данного конкретного акта именованя» [Суперанская, Сулова 1981: 9].

Современные исследования показывают, что онимы обладают многофункциональностью, которая проявляется в разных коммуникативных контекстах. В интернет-коммуникации онимом может утрачиваться ориентирующую функцию, в этих случаях на первый план выступает экспрессивный потенциал знака. В художественных текстах, включая научную фантастику, имена собственные не только позволяют читателю идентифицировать персонажей, но и участвуют в образовании виртуального художественного мира как такового, являясь в то же время областью реализации авторского словотворчества (см. [Панарина 2018: 283], [Гаврилова, Каримуллина 2019: 125, 128]).

Практическое значение ономастики проявляется в лексикографической деятельности. В отличие от толковых словарей, реализующих семасиологический принцип составления, ономастический подход исходит из понятия и лишь затем соотносит его с языковым знаком. Данный принцип реализуется в идеографических, тематических, синонимических, антонимических и семантических словарях, где единицы группируются по типологии выражаемых значений, а не по

алфавиту, что повышает функциональность словарей как инструмента изучения речевой деятельности.

В последние десятилетия ономастические исследования смещают акцент в сторону способов вербализации знаний о человеке и пространстве, раскрывая когнитивный потенциал имен собственных и механизмы формирования ономастического знания в различных типах дискурса. Как отмечает А.С. Щербак, «переключение фокуса ономастических исследований на специфику вербализации знаний о человеке и пространстве, т.е. вербализацию мысли, создает возможности для изучения различных способов формирования и представления ономастического знания» [Щербак 2008: 35].

Таким образом, ономастика в современной лингвистике рассматривается как дисциплина, исследующая имена собственные с точки зрения их языковой структуры, когнитивного и коммуникативного потенциала, а также в аспектах, подразумевающих использование данных разных наук. Комплексный анализ онимических единиц с учетом их системного статуса, функциональных характеристик и коммуникативной вариативности составляет методологическую основу ономастических исследований.

1.1.2 Основные понятия антропонимики

Антропонимика представляет собой раздел ономастики, в рамках которого как особая группа онимов изучаются собственные имена людей

(антропонимы), устанавливаются их специфические характеристики и особенности функционирования в языке. Основное внимание уделяется тому, как антропонимы формируют особую подсистему языка, отражают историко-культурные особенности общества и способствуют индивидуализации носителей имени. По сути, антропонимы выполняют не только лексико-наименовательную, но и социально-когнитивную функцию, обеспечивая идентификацию конкретного человека среди других субъектов (см. [Бондалетов 1983: 27]).

Как отмечает Б.Д. Бондалетов, «совокупность антропонимов – это антропонимия. Наука, которая изучает антропонимию, называется антропонимикой» [Бондалетов 1983: 7]. Согласно определению Н.В. Подольской, антропонимика изучает «антропонимы, закономерности их возникновения, развития, функционирования» [Подольская 1988: 33].

Современные исследования показывают, что структура и функционирование антропонимов подчиняются специфическим закономерностям. Так, способы образования антропонимов, их мотивирующая база в значительной степени отличаются от того, что свойственно нарицательным существительным: «антропонимия и производит особый отбор слов-основ, и устанавливает монополию на форманты» [Никонов 1974: 6]. А.В. Сусловой и А.В. Суперанской особо отмечается историко-культурный аспект изучения антропонимов; как указывают исследователи, «имена людей отражают быт, верования,

чаяния, фантазия и художественное творчество народов, их исторические контакты. Многие имена несут на себе яркий отпечаток соответствующей эпохи» [Суслова, Суперанская 1991: 3].

Функциональная сторона использования антропонимов проявляется в их способности обозначать и индивидуализировать конкретных людей. В.В. Нимчук определяет антропоним как «слово или словосочетание, которое используется для выделения именуемого им субъекта среди других субъектов, его индивидуализации и идентификации» [Нимчук 1996: 25], а О.О. Селиванова отмечает, что собственное имя придает индивиду «статус реальности» [Селиванова 2006: 121]. Эти наблюдения подчеркивают роль имен собственных в социальной и когнитивной организации человеческого опыта. Особенности функционирования антропонимов в языке В.А. Супрун рассматривает как формирование особой подсистемы, где общезыковые законы реализуются специфически: наряду с общезыковыми возникают собственные закономерности, отсутствующие в общей языковой системе (см. [Супрун 2012: 29, 36]).

Отдельную область исследования антропонимов составляет изучение особенностей номинации персонажей литературных произведений. Так, А.Н. Шевченко отмечает, что система имен в литературном произведении формирует художественный образ героя и отражает мировоззрение автора, а также обладает экспрессивным и

стилистическим потенциалом, который зависит от жанра, стиля речи и социокультурных условий (см. [Шевченко 2017: 260, 261]).

Важной составной частью антропонимики является определение двойственной природы антропонимов и, соответственно, возможность их многоаспектного изучения. Так, Н.А. Максимчук рассматривает антропонимы как единицы, одна сторона которых обращена к языковой системе, а другая – к системе знаний о носителях, что позволяет выделять различные типы данных знаков (имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, кличка) и описывать каждый из них особым образом (см. [Шелест 2022: 275]).

В целом, антропонимика занимается изучением специфики антропонимов как языковых знаков особого типа и особенностей функционирования их в языке и речи, в том числе устанавливает антропонимические модели, стилистические характеристики антропонимов, исследует их социальную мотивированность, средства и способы выражения эмоционально-экспрессивных оттенков, изучает антропонимы, используемые как средства общения в условиях официальной и неофициальной коммуникации, исследует употребление антропонимов в художественной литературе.

1.1.3 Основные понятия псевдонимики

Псевдонимика является разделом антропонимики, в рамках которого изучаются псевдонимы. Согласно определению

А.В. Суперанской и А.В. Суловой, псевдонимы представляют собой «вымышленные или измененные имя, отчество, фамилию, заменяющие временно, в каких-то определенных ситуациях, или постоянно подлинное имя, отчество, фамилию» [Суперанская, Сулова 1981: 134]. Таким образом, необходимо обратить внимание на то, что в качестве функции псевдонимов указывается их способность замещать подлинное имя и, как следствие, их вторичность, факультативность относительно подлинных имен.

Буквальный перевод термина «псевдоним», восходящего к греческому *pseudōnymos*, как выражающего значение ‘ложное имя’ не отражает его функционирования в современной антропонимической системе: несмотря на формальную оправданность такого толкования, в языковой и социокультурной практике псевдоним не противопоставляется паспортному имени как «неистинный». Последнее сохраняет подлинность прежде всего в юридическом аспекте, тогда как псевдоним, получивший устойчивую общественную известность, выступает как альтернативное, социально значимое именование и нередко вытесняет официальный антропоним из публичного употребления. Анализ мотивов его выбора показывает, что возникновение псевдонима обусловлено социальными, профессиональными и коммуникативными факторами (см. [Суперанская, Сулова 1981: 134]), а не стремлением создать литературную

мистификацию (см. [Петрс 2020]). В ряде случаев псевдоним утрачивает факультативный характер и становится основным именем носителя, подтверждая функциональную тождественность псевдонима и паспортного имени в системе антропонимической номинации (см. [Реформатский 1963: 43]).

Исследователи отмечают, что в русской антропонимической традиции большинство псевдонимов тяготеют к фамилиям и нередко обладают морфемной структурой, свойственной фамилиям, сохраняя их характерные словообразовательные и морфологические особенности. Так, в процессе образования псевдонима используемое в качестве производящей базы прозвище или имя родственника может быть трансформировано в фамилию, как, например, в случае с псевдонимом известного советского поэта Н. Рубцова: «*Н. Рубцов* – псевдоним поэта Н.М. Жоголева (по прозвищу его деда – Рубец)» [Суперанская, Сулова 1981: 139].

Наряду с отмеченной тенденцией, состоящей в том, что многие псевдонимы структурно близки фамилиям, среди псевдонимов обнаруживаются также и такие слова, морфемная структура которых свидетельствует, что в целом псевдонимы отличаются значительной формальной вариативностью. Они могут включать нетипичные для языка звукосочетания, необычные слоговые структуры, элементы искусственного словотворчества, сближающиеся по своему характеру с

товарными знаками или технической номенклатурой, что подчеркивает их искусственную природу и осознанный характер номинации (см. [Суперанская, Сулова 1981:139]). Данная особенность позволяет рассматривать псевдоним не только как ономастическую единицу, но и как средство индивидуального самовыражения (см. [Фуникова 2014: 50]). При этом крайне важным оказывается установление того, чем руководствуется автор при выборе производящей базы с учетом того, что толкование псевдонима подразумевает «актуализированность речевой, языковой, энциклопедической информации или эксплицированность ситуации наречения именем» [Калинкин 2017: 11].

Вопрос классификации псевдонимов традиционно занимает центральное место в псевдонимических исследованиях. Первая систематизация псевдонимов была предпринята Адриеном Байе в 1690 году. Адриен Байе описывает более двадцати способов замены имен, включая чужие имена, сокращения, синонимы, перевод на другой язык, анаграммы, инициалы и др. Трактат Адриена Байе «Авторы, укрывавшиеся под чужими, заимствованными, придуманными, ложными, зашифрованными, нарочито измененными, вывороченными или переведенными на другой язык фамилиями» стал первой попыткой классификации псевдонимов, хотя сам термин «псевдоним» появился позднее (см. [Дмитриев 1980: 5]).

При описании псевдонимов следует учитывать, что в научной традиции отсутствует единый универсальный принцип их классификации. В разных исследованиях псевдонимы систематизируются по различным основаниям: в рамках лингвистического подхода – по фонетическим, словообразовательным, семантическим и иным языковым признакам; наряду с этим они рассматриваются также в социологическом, психологическом, историческом, эстетическом и логическом аспектах (см. [Мочалкина 2004: 34]).

Наиболее подробная классификация псевдонимов разработана В.Г. Дмитриевым [Дмитриев 1980: 276–279]. В ее основу положен способ образования псевдонимов, при этом исследователь разделил все псевдонимы на два типа: «псевдонимы, связанные с истинными именами и не связанные с ними» [Дмитриев 1980: 7]. К псевдонимам первого типа были отнесены онимы, в которых «истинное имя автора спрятано различными способами, и его можно найти, расшифровав подпись» [Дмитриев 1980: 7]. К первому типу относятся такие разновидности псевдонимов, как анаграмма («криптоним, полученный путем перестановки букв: *Алькофрибас Назье* (Франсуа Рабле)» [Дмитриев 1980: 276]), ателоним («криптоним, полученный посредством пропуска части букв имени и фамилии: *Всл. Пикн.* (Василий Пушкин), *В. Б-ий* (Белинский)» [Дмитриев 1980: 276]), инициалы («начальные буквы имени и фамилии (или имени и отчества, или имени, отчества и фамилии): *Л.Н.*,

Л.Н.Т. (подписи Л.Н. Толстого)» [Дмитриев 1980: 277]) и др. Относительно псевдонимов второго типа В.Г. Дмитриев пишет, что они очень разнообразны и в большой степени различаются по своему «функциональному значению: одни из них характеризуют автора с той или иной стороны; другие представляют его не таким, каков он на самом деле (литературные маски); третьи ставят своей задачей лишь обеспечить инкогнито» [Дмитриев 1980: 7]. К данному типу относятся такие разновидности псевдонимов, как зооним («подпись, в основу которой положено название животного: *Кот-Мурлыка* (Н. Вагнер)» [Дмитриев 1980: 277]), инкогнитоним («подпись, подчеркивающая, что автор хочет остаться неизвестным: *X, Y, Z, N., N.N, Некто, Незнакомец*» [Дмитриев 1980: 277]), псевдоинициалы («буквы, не соответствующие истинным инициалам автора: *А.Б.* (Пушкин), *П.Щ.* (Аксаков). Некоторые зашифрованные титлонимы могут выглядеть как инициалы: *Р.И.* (Русский историк)» [Дмитриев 1980: 278]) и др. Всего же В.Г. Дмитриевым выделено более 50 разновидностей псевдонимов (см. [Дмитриев 1980: 6]).

В ряде исследований, созданных в последние десятилетия, в качестве основы классификации предлагается функционально-семантический принцип, ориентированный на интерпретацию значения и коммуникативной функции псевдонима. Так, Н.А. Голомидова рассматривает псевдоним не только как средство

сокрытия подлинного имени, но и как семантически мотивированную номинацию, задающую определенный «код» для адресата и тем самым позволяющую реконструировать образ носителя имени (см. [Голомидова 1998: 97, 98]). В рамках данного подхода исследователь предлагает классификацию псевдонимов по доминирующему семантическому признаку, выделяя «социометрическое направление (ориентация на социальный статус и деятельность), антропометрическое (вербализация биофизиологических и психических характеристик) и натурметрическое (ассоциации с природными объектами и явлениями), что позволяет систематизировать псевдонимы с точки зрения их смысловой мотивации» [Голомидова 1998: 101, 106, 107, 111].

В научной литературе по русским псевдонимам обнаруживается работа – диссертация К.С. Мочалкиной, – в которой в рамках одного исследования псевдонимы разграничиваются по способу образования, по смысловому принципу, по функциональному принципу, по причинам появления, по сферам распространения и по степени известности (см. [Мочалкина 2004: 36, 37]), что приводит исследователя к созданию нескольких классификаций:

1) К.С. Мочалкина систематизирует такие способы образования псевдонимов, как словообразовательный (аффиксация, основосложение, аббревиация, усечение, качественная деформация, калькирование), лексико-семантический (онимизация, трансонимизация) и ряд

специфических приемов (шифрование, графическая и фонетическая деформация и др.) (см. [Мочалкина 2004: 104–118]);

2) Опираясь на «смысловой принцип», К.С. Мочалкина разрабатывает системную классификацию, структурирующую псевдонимы по частям речи (существительные, прилагательные, местоимения и т.д.) с последующей семантической детализацией, в рамках которой выделяются такие группы, как названия профессий (*Доктор*), социальные статусы (*Граф*), наименования животных (*Волк*), топонимы (*Москвич*), характеризующие прилагательные (*Горький*) и другие категории (см. [Мочалкина 2004: 69]);

3) По функциональному принципу К.С. Мочалкина выделяет языковые (номинативную с подфункциями дифференцирующей и идентифицирующей, а также аккумулятивную), речевые (прагматическую, включающую характеризующую, экспрессивную и эстетическую подфункции, а также текстообразующую) и экстралингвистические (эзотерическую и рекламную) функции псевдонимов (см. [Мочалкина 2004: 81]);

4) В основе классификации, учитывающей причины появления псевдонимов, лежит дихотомия наличия или отсутствия эзотерической функции. К псевдонимам, реализующим эту функцию, исследователь относит «псевдоним-защиту» (стремление избежать преследований) и «псевдоним-ширму» (неуверенность в успехе, неблагозвучие фамилии и

др.). В группу, лишенную эзотерической функции, входят «псевдоним как художественный прием» (мистификация, полемика) и «псевдоним как товарный знак» (следование моде, коммерция) (см. [Мочалкина 2004: 55]);

5) Классификация, учитывающая «сферы распространения», отражает исторически сложившиеся и современные области наиболее активного функционирования псевдонимов. К ним относятся прежде всего литературная и журналистская деятельность (где псевдоним часто служил ширмой или художественным приемом), политическая и общественная борьба (с конспиративными и пропагандистскими целями), а также сфера исполнительских искусств – театр, кино и цирк, где псевдоним становится частью сценического образа. К.С. Мочалкина отмечает свойственную современной эпохе экспансию псевдонимов в пространстве масс-медиа и интернет-коммуникации (см. [Мочалкина 2004: 38–57]);

6) Оценивая степень известности псевдонимов, К.С. Мочалкина разграничивает общеизвестные псевдонимы, прочно закрепившиеся в культурном сознании и функционирующие как самостоятельные имена, и малоизвестные или ситуативные псевдонимы, употреблявшиеся эпизодически и не получившие широкой социальной закреплённости (см. [Мочалкина 2004: 28]).

Таким образом, подобный комплексный подход при классификации псевдонимов позволяет систематизировать их с учетом как формальных, так и содержательных и прагматических характеристик.

Причины возникновения псевдонимов и их функции в речевой деятельности также отличаются значительным разнообразием. В работе В.Г. Дмитриева подчеркивается, что псевдонимы следует рассматривать как важный фактор литературной жизни, а их изучение находится на стыке библиографии, лингвистики и литературоведения. Исследователь отмечает, что наука о псевдонимах, или псевдонимика, ориентирована на анализ способов образования псевдонимов, их смыслового содержания, а также на выявление мотивов, побуждающих автора скрывать свое подлинное имя (см. [Дмитриев 1980: 3, 4]).

Социальная обусловленность псевдонимов подчеркивается и в работе А.В. Суперанской и А.В. Суловой, которые связывают их появление с необходимостью сокрытия подлинного имени у представителей различных социальных групп – писателей, художников, музыкантов, публицистов и общественных деятелей (см. [Суперанская, Сулова 1981: 135]). В этом плане псевдоним выступает как средство социальной адаптации и защиты, позволяющее автору устанавливать дистанцию между частной и публичной идентичностью.

В современной научной традиции псевдоним трактуется как условное имя творческой личности, выполняющее одновременно личную

и социальную функции. Расширение сферы употребления термина и его переход из литературно-издательской практики в филологию и библиографию привели к размытости границ понятия и его пересечению с такими антропонимическими единицами, как «творческие имена, прозвища и литературные маски» [Голомидова 1998: 83]. Псевдоним может быть связан с конкретным произведением либо формировать устойчивый публичный образ автора в театральной, литературной, музыкальной или медийной среде.

С функциональной точки зрения псевдоним выполняет двойную задачу: с одной стороны, он трансформирует или скрывает социальный образ автора, а с другой – фиксирует его статус как субъекта творческой деятельности и носителя авторского права. В этом смысле подпись псевдонимом одновременно идентифицирует создателя и подтверждает право на интеллектуальную собственность (см. [Голомидова 1998: 85, 86]. В целом псевдоним может быть определен как «искусственно созданное условное имя творческой личности, адресованное широкому кругу коммуникантов» [Голомидова 1998: 93].

В системе современной русской антропонимии псевдонимы занимают периферийное положение по отношению к личным именам, отчествам и фамилиям, образующим ядро антропонимической лексики. К.С. Мочалкина подчеркивает, что именно сопоставление с ядерными антропонимами позволяет выявить степень онимичности других

номинативных единиц, при этом прозвища и псевдонимы формируют антропонимическую периферию (см. [Мочалкина 2004: 23]). Степень «псевдонимности» при этом неоднородна: ядро составляют псевдонимы, образованные по модели «имя + фамилия» (например, *Никита Безрычов* [Мочалкина 2004: 31]), тогда как на периферии располагаются, с одной стороны, номинации, связанные с реальными именами носителей (например, *Баб-Эль* – *Бабель*, *С.А.* – *Сергей Аксаков*, *Алсу* – *Алсу Сафина*; см. [Мочалкина 2004: 31]), с другой – структурно нестандартные обозначения (например, *Ы.Ц.Ч.* – *Н.М. Карамзин*, *Ленин* – *В.И. Ульянов*; см. [Мочалкина 2004: 31]).

Сфера функционирования псевдонимов отличается высокой динамичностью. В частности, псевдоним может утрачивать свою первоначальную функцию единицы, которая замещает использование первичного онима, вытесняя его на периферию и становясь, по сути, единственным именованием автора, как это произошло в случае с использованием псевдонима *М. Горький* вместо имени автора *А. Пешков* (см. [Мочалкина 2004: 28]). С точки зрения мотивации, псевдонимы формируются в коллективе и отражают его ценности на определенном этапе исторического развития, причем истинные мотивы номинации не всегда осознаются самим автором и могут трансформироваться под влиянием традиции, эстетических предпочтений и моды (см. [Мочалкина 2004: 54]).

Мода и профессиональная сфера деятельности оказывают существенное влияние на выбор псевдонима, задавая предпочтительные семантические модели и словообразовательные схемы. Следование моде обеспечивает псевдониму рекламную и коммуникативную привлекательность, что особенно заметно в среде писателей, журналистов, политиков и деятелей искусства. Основными пространствами функционирования псевдонимов выступают литература, сцена, средства массовой информации и интернет-коммуникация (см. [Мочалкина 2004: 59]).

Наконец, важной характеристикой псевдонима является его интерпретативный потенциал. Он позволяет адресату соотносить содержание имени с апеллятивной основой, а также «актуализировать языковую, речевую и энциклопедическую информацию, связанную с ситуацией наречения» [Калинкин 2017: 11]. При этом, как отмечает С.В. Фуникова, «псевдоним создается самим человеком, нередко как особое средство самовыражения» [Фуникова 2014: 50].

Таким образом, псевдоним в современной лингвистике рассматривается как особая антропонимическая единица, выполняющая функционально замещающую по отношению к настоящему имени роль и обладающая высокой формальной, семантической и прагматической вариативностью. Многообразие структурных моделей, мотивационных оснований и сфер функционирования псевдонимов обуславливает

отсутствие универсальной классификации и подтверждает периферийный статус псевдонимов в системе русской антропониимии. В то же время псевдоним выступает важным средством самономинации и социального позиционирования творческой личности, сочетая идентификационные и интерпретативные функции в современной коммуникации.

1.1.4 Негатонимы как объект изучения псевдонимики

Негатонимы представляют собой одну из разновидностей псевдонимов и являются объектом изучения псевдонимики. По существу, понятие «негатонимы» до настоящего времени не получило систематической разработки. Первое описание негатонимов было осуществлено В.Г. Дмитриевым, который также предложил определение данного типа псевдонимов¹. Говоря о негатонимах как об особой группе псевдонимов, В.Г. Дмитриев устанавливает ряд характеристик, свойственных им. Прежде всего он отмечает объединяющий их признак: «Некоторые псевдонимы являются своего рода негативными характеристиками: они начинались с отрицания» [Дмитриев 1980: 138]. В связи с этим внимание исследователя привлекает то, какие именно значения подвергаются негации при образовании негативных псевдонимов. Он выделяет несколько типов объектов, которые могут отрицаться негатонимами:

¹ Определение В.Г. Дмитриева приводится нами во Введении.

1) отрицание профессиональной принадлежности: «Такие подписи, как *Не артист, Не географ, Не музыкант, Не врач, Не дипломат, Не критик, Не фельетонист* давали понять, что автор не претендует на компетентность и высказывается не с узкопрофессиональной точки зрения» [Дмитриев 1980: 138];

2) отрицание какой-либо иной социальной характеристики: «Иногда подчеркивалось, что автор не является уроженцем той или иной местности, лицом той или иной национальности, не примыкает к такой-то партии, не занимает такое-то общественное положение: *Не бессарабец, Не гласный, Не помещик, Не профессор, Не народник*. Карл Маркс одну статью в 1843 г. подписал *Не берлинец*; среди подписей В.Г. Короленко есть *Не статистик*, а В.И. Ленина – *Не депутат* и *Не либеральный скептик*» [Дмитриев 1980: 138];

3) отрицание отождествления с каким-либо лицом: «Встречаются негативные псевдонимы, противопологающие автора какому-нибудь писателю или поэту, чаще всего в юмористическом плане: *Не Гомер, Не Вересаев, Не Белинский, Не Козьма Прутков, Не Демьян, но бедный, Иван Негейне* и т.п. На обложке брошюры "Рассказ о том, как черт японца обманул" стояло: *Немаксим Горький*, а пьеса-подражание "По дороге на дно" была подписана *Негорький*. Автор "Томских трущоб" подписал их *Не Крестовский* (чтобы напомнить об авторе "Петербургских трущоб")» [Дмитриев 1980: 138, 139].

Помимо этого, В.Г. Дмитриев обращает внимание на то, что при образовании негатонима могут быть использованы нестандартные способы словообразования: «Негативный псевдоним мог быть зашифрован мнимыми инициалами: *Н.Е. Гоголь, Н.Е. Пушкин*» [Дмитриев 1980: 139].

Дальнейшее развитие представлений о негатонимах связано с анализом их функционирования в литературной и публицистической практике. А.В. Суперанская и А.В. Суслова отмечают активное использование отрицательных моделей в авторских подписях писателей и общественных деятелей, где отрицание становится элементом языковой игры и интертекстуального намека (см. [Суперанская, Суслова 1981: 144]). Данное наблюдение иллюстрируется рядом характерных примеров, приведенных исследователями: «*Не-Врач, Не-Критик, Не-Артист, ср. Не-Гласный*. Одна из подписей В.Г. Короленко – *Не-Статистик*, а В.И. Ленина – *Не-Депутат*. Известны также псевдонимы *Не Гомер, Не Белинский, Не Козьма Прутков, Иван Негейне, Не Демьян, но бедный, Немаксим Горький и Негорький*, ср. также *Н. Е. Гоголь и Н. Е. Пушкин*, т. е. не Гоголь и не Пушкин, *Марк Нетвен*» [Суперанская, Суслова 1981: 144] ¹. Все приведенные примеры, по мысли исследователей, демонстрируют, что в подобных случаях негатоним не только отрицает прямую идентификацию автора с носителем прецедентного имени, но и

¹ Обращает на себя внимание то, что приводимые А.В. Суперанской и А.В. Сусловой негатонимы в большинстве своем повторяют негативные псевдонимы, выбранные в качестве иллюстративного материала В.Г. Дмитриевым.

одновременно предполагает ее узнаваемость, что существенно усиливает коммуникативный эффект псевдонима (см. [Суперанская, Суслова 1981: 144]).

Особую разновидность негатонимов образуют псевдонимы, сформированные на основе отрицательных местоимений, которые маркируют отсутствие или намеренное сокрытие авторского начала. В связи с этим М.В. Голомидова выделяет группу псевдонимов, которые реализуют стратегию отрицательной самоидентификации и создают эффект уклонения от прямого ответа на вопрос о субъекте высказывания: «Прежде всего подвергается осмыслению центральная оппозиция – наличие/отсутствие творческого субъекта. Маркерами невыраженного авторского начала выступают отрицательные местоимения: Ник. Т-о – И.Ф. Анненский; Никто – Я.Д. Земский; Нободи (англ. nobody – "никто") – Л.К. Панютин; Я. Никто – Е.П. Карпов; Nemo (лат. nemo – "никто") – более 20 авторов. Не менее расплывчато и обобщенное маркирование какого-то творческого субъекта: Некто – И.А. Бахрах; Некто X – А.М. Пешков; Квидам (лат. quidam – "некто") – И.Ф. Анненский» [Голомидова 1998: 99]. Обращает на себя внимание то, что к подобным негатонимам исследователь относит слова, базой образования которых стали местоимения из разных языков.

Особое внимание в исследованиях уделяется словообразовательному потенциалу негатонимов и их связи с

трансформацией прецедентных имен. В частности, в исследовании В.С. Савельева устанавливается, фамилии каких именно классиков русской литературы XIX века служат основой для создания негтонимов, вызывая у читателя устойчивые культурные ассоциации (см. [Савельев 2022: 171]). В качестве иллюстрации исследователь приводит фамилию Некрасов, отмечая, что «фамилия Некрасов входит в число немногочисленных фамилий классиков русской словесности XIX века, служащих основой для создания негтонимов (негативных псевдонимов)» [Савельев 2022: 168].

Заметим также, что семантическая природа негтонимов может быть рассмотрена в более широком контексте оппозиции позитивных и негативных имен. А.В. Суперанская указывает на закономерность, согласно которой негативные по значению имена образуют оппозицию позитивным и способны обозначать все, что не совпадает с названным объектом или категорией. При этом формальное выражение имени не всегда отражает его реальную семантику: позитивная форма может обладать отрицательным значением («ленивый»), а отрицательная – позитивным («непьющий») (см. [Суперанская 1973: 99, 100]). Подобное расхождение формы и содержания свидетельствует о сложном характере отрицательной номинации и подтверждает необходимость ее функционально-семантического анализа.

Универсальность отрицательной номинации подтверждается и этнографическим материалом. Так, в монгольской традиции фиксируются личные имена с явно выраженной отрицательной семантикой («*Не-Человек, Не-Тот, Совсем-Не-Тот, Опять-Не-Тот*» [Суперанская 1973: 99, 100]), которые, как отмечает А.В. Суперанская, выполняли апотропеическую функцию и были направлены на обман злых духов, якобы похищающих детей. Эти примеры демонстрируют, что отрицательная семантика может выполнять не только номинативную, но и защитную, магико-коммуникативную функцию, что сближает негатонимы с более архаичными формами антропонимии.

Таким образом, изучение негатонимов в исследованиях последних десятилетий демонстрирует, что, по мнению ученых, отрицательная семантика является ключевым инструментом авторской самоидентификации и социальной дистанцированности. Негатонимы не только отрицают прямую принадлежность к профессиональным, этническим или культурным группам, но и создают узнаваемые коммуникативные эффекты через оппозицию позитивным именам, трансформацию фамилий и использование отрицательных местоимений. Их системное исследование раскрывает устойчивые стратегии отрицательной номинации и подтверждает значимость негатонимов как многофункционального средства псевдонимической практики в русской литературной и культурной традиции.

1.2 Категория «отрицание» в русском языке

Негатонимы представляют собой псевдонимы, значения которых связаны с выражением отрицания. В связи с этим возникает необходимость рассмотреть понятие «отрицание» – категорию, обладающую междисциплинарным характером и рассматриваемую с различных точек зрения. В частности, для полноценного понимания природы и функционирования негатонимов необходимо проанализировать, какое место занимает категория отрицания в наивной картине мира носителей русского языка, как она интерпретируется в различных научных дисциплинах, каковы ее особенности в лингвистическом знании и каким образом она реализуется на разных уровнях системы русского языка.

1.2.1 Отрицание в наивной картине мира человека

Обыденные представления о том, что такое «отрицание», отражаются в том, что для именованного этого явления используется именно слово «отрицание», происхождение которого показывает, какое место в наивной картине мира носителя русского языка это явление занимает.

Слово «отрицание» образуется от глагола «отрицать», который, в свою очередь, этимологически связан с древнерусским глаголом «отрекати». Как указывает В.И. Даль, глагол «отрекать» выражает значения ‘отречь что, отрицать, отрещи или отречь, не признавать

истиной или за истину, отвергать, опровергать' [Даль 1881: 777]. По данным этимологических словарей, глагол «отрицать» связан по происхождению с глаголом «*отречь, отреку* – "отказать", префиксального производного к *речь, реку* – "сказать"» [Шанский, Иванов, Шанская 1971: 319]. Таким образом, отрицание изначально связано с выражением оценки определенного типа в процессе речевой деятельности.

Толкования понятия «отрицание» в лексикографической традиции демонстрируют его многозначность. Так, в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова выделяется несколько значений этого слова: «1. Действие по значению глагола *отрицать* <...> Отрицательный ответ. <...> 2. То, что отрицает собою, своим существованием что-н. (книжн.). <...> 3. Момент в процессе диалектического развития материального мира и мышления, характеризующийся разрушением отживающих сторон и развитием положительных. <...> 4. Слово, придающее отрицательный смысл речи» [Толковый словарь русского языка. Т. II 1938: 979].

Сходное понимание «отрицания» представлено в словарных статьях и других авторитетных толковых словарях русского языка, в которых подчеркивается как философский, так и грамматический аспекты данного явления. Согласно «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, слово «отрицание» означает «1. см.

отрицать. 2. В философии: стадия в развитии объекта, сменяющая собой предыдущую и вбирающая в себя из нее все положительное. <...> 3. В грамматике: слово или морфема, заключающие в себе значение противоположности утверждаемому, напр. "нет", "не", "ни"» [Ожегов, Шведова 2006: 479]. В «Большом академическом словаре русского языка» дается более развернутое определение: «1. Действие по знач. глаг. отрицать; непризнание кого-, чего-л. <...> 2. То, что фактом своего существования исключает возможность существования чего-л. другого. <...> 3. В философии – необходимый момент процесса развития, сущность которого состоит в том, что утверждение последующей стадии предполагает разрушение предыдущей. <...> 4. В грамматике – слово или морфема, заключающие в себе значение противоположности утверждаемому» [Большой академический словарь русского языка Т. XIV 2010: 640].

Таким образом, в наивной картине мира человека отрицание можно интерпретировать как акт отказа, дистанцирования, обособления от чего-либо – как на уровне мышления, так и на уровне языка. Этот базовый опыт непризнания, сформулированный еще в речевых и культурных практиках древности, получает развитие в научных интерпретациях, включая философские и лингвистические трактовки.

1.2.2 Отрицание с точки зрения гуманитарных наук

С точки зрения диалектической философии, отрицание

представляет собой не просто отказ или устранение, а необходимый этап развития объекта. Это отражено в определениях данного термина, в которых подчеркивается связь отрицания с прогрессивным саморазвитием. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что «позитивное понимание существующего <...> включает в то же время понимание его отрицания» [Маркс, Энгельс 1960: 22]. В.И. Ленин подчеркивал, что для диалектики существенно «отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного» [Ленин 1969: 207].

Современные философы указывают, что диалектическое отрицание обладает творческим характером: «Старое "снимается", его положительные стороны сохраняются в новом качестве» [Ильичев, Федосеев, Ковалев, Панов 1983: 471].

Понимание категории отрицания в научной традиции формируется прежде всего в рамках логического мышления, где отрицание осмысливается как универсальный способ соотнесения высказывания с действительностью. В логике отрицание изначально трактуется как операция, направленная на установление истинности или ложности суждений, однако уже на этом уровне обнаруживается многообразие подходов к его интерпретации, что становится основой для лингвистического осмысления данного феномена.

В логико-философских исследованиях отрицание нередко рассматривается как формализованная операция, эквивалентная обороту

«неверно, что...» или частице *не* (см. [Ильичев, Федосеев, Ковалев, Панов 1983: 471]), обеспечивающая переход от высказывания A к высказыванию $\sim A$, при котором истинность одного предполагает ложность другого и наоборот (см. [Горский, Ивин, Никифоров 1991: 139]). В рамках классической логики такая интерпретация подчеркивает тесную связь отрицания с мышлением и подразумевает абстрагирование от коммуникативных условий его реализации, что позволяет рассматривать отрицание как универсальный и формально симметричный по отношению к утверждению механизм.

В то же время уже в ранних логических концепциях ставится под сомнение равноправие положительных и отрицательных суждений. Так, Х. Зигварт различает выводное и невыводное отрицание, связывая первое с логическим умозаключением, а второе – с констатацией отсутствия или несоответствия (см. [Зигварт 1909: 247, 248]). По утверждению исследователя, «объектом отрицания всегда служит выполненное суждение» [Зигварт 1909: 135], в силу чего отрицательное суждение не может рассматриваться как первичное и равноправное положительному. Тем самым отрицание осмысляется как вторичное образование, возникающее на базе уже имеющегося содержания.

Идея вторичности отрицания получает развитие в работах А.Д. Гетмановой, которая подчеркивает двойственную природу отрицания: с одной стороны, оно выступает как логическая операция,

противопоставляющая истинные и ложные суждения, с другой – как действие, указывающее на несоответствие предиката субъекту (см. [Гетманова 1973: 17]). При этом исследователь обращает внимание на то, что отрицательные суждения активно функционируют в прикладных областях знания – судебной практике, медицинской диагностике, математических доказательствах (см. [Гетманова 1973: 56]). Одновременно А.Д. Гетманова указывает на вторичность отрицательных суждений, обращая внимание на то, что отсутствие или недостаток признаков также рассматривается как значение или понятие (см. [Гетманова 1973: 52]).

1.2.3 Отрицание с точки зрения лингвистики

Переход от логического к коммуникативному осмыслению отрицания отчетливо проявляется в лингвистических исследованиях конца XX – начала XXI вв., связанных с логическим анализом языка. Так, Н.Д. Арутюнова указывает, что для успешного опровержения высказывания необходим «как бы прямой контакт между отрицанием и миром» [Арутюнова 1999: 664], то есть соотнесенность отрицательной реплики с внеязыковой действительностью. В этом случае отрицание перестает быть исключительно логическим преобразованием и приобретает прагматическое измерение, связанное с речевым взаимодействием.

В данном отношении показательна концепция О. Дюкро, в которой

проводится различие между полемическим и дескриптивным отрицанием. «Полемическое отрицание возникает как реакция на предшествующую реплику («неверно, что р»), тогда как дескриптивное отрицание является автономным и семантически независимым («верно, что не-р») (указ. в [Семенова 2025: 30]). Такое разграничение позволяет рассматривать отрицание не только как средство опровержения, но и как способ констатации отрицательного содержания вне полемического контекста.

Интегративный характер данной эволюции отражен в работах И.Ф. Рагозиной, которая предлагает учитывать дихотомию отрицания, включающую коммуникативно и логически обусловленное vs. необусловленное, а также выводное vs. невыводное (описательное, констатирующее, информирующее) отрицание (см. [Рагозина 2009: 77]). Приводимые исследователем примеры демонстрируют, что отрицательная реплика может быть как логически мотивированной, так и коммуникативно автономной, а в ряде случаев – выполнять опровергающую функцию даже при формально положительном содержании («Да нет») (см. [Рагозина 2009: 77, 78]). С учетом такой точки зрения, отрицание предстает как многоплановый феномен, находящийся на пересечении логических, семантических и прагматических факторов.

Категория отрицания в психолингвистике рассматривается как важный механизм осмысления взаимоотношений между мыслями и

представлениями человека. Она выполняет не только логическую функцию, но и коммуникативную, позволяя выразить отказ, несогласие или корректировать восприятие собеседника. Уже в ранних исследованиях по психолингвистике отмечалось, что «отрицательное предложение вторично по отношению к утвердительному, поскольку отрицательное суждение появляется там, где пытаются связать два одновременно столкнувшихся в сознании представления» [Бондаренко 1983: 50].

Дальнейшее развитие психолингвистического подхода позволило рассматривать слово как динамичную структуру, возникающую в процессе коммуникации. Так, Е.В. Москалева анализирует способы выражения отрицания через аффиксы и другие средства, а также механизмы образования новых слов с отрицательной семантикой. Исследователь подчеркивает, что язык формирует «двойной мир», включающий реальные объекты и образы, которые обозначаются словами, и человек может произвольно управлять этим вторым миром, создавая новые смысловые формы (см. [Москалева 2009: 44]). В частности, отрицательные аффиксы активно используются в молодежной речи и сленге для образования неологизмов с иронической или юмористической окраской. Например, слова «невруб», «неврубалово», «неврубон» обозначают непонимание чего-либо. Отрицательные префиксы в новообразованиях типа «недушно», «нереально», «неслабый» могут

придавать словам положительный или иронический оттенок (см. [Москалева 2009: 49, 50]).

Таким образом, психолингвистический подход позволяет рассматривать отрицание не только как логическую категорию, но и как живой инструмент образования новых слов, оценки ситуаций и построения коммуникативного пространства, что делает его важнейшим элементом анализа современного языка.

Помимо психолингвистического подхода в исследовании отрицания в лингвистике существуют также и другие направления научного изучения данного объекта. Так, отрицание связывается с эмоционально-оценочным аспектом речевого акта. Например, О. Есперсен указывает, что «это коммуникативная операция, отклоняющая или корректирующая мнение адресата, то есть отрицание является речевым актом, цель которого не в сообщении новой информации, а в том, чтобы опровергнуть мнение адресата» (цит. по [Родионова 2014: 73]).

В рамках лингвистической традиции XX века отрицание рассматривается прежде всего как важный элемент значения предложения: исследователи обращают внимание на то, что вне предложения связь между объектами не устанавливается. В частности, А.М. Пешковский указывает, что отрицание сводится к тому, что «связь между явлениями, выраженная в предложении словами и словосочетаниями, реально не

существует» [Пешковский 1956: 386]. Похожей точки зрения придерживается и О.С. Ахманова, которая подчеркивает, что отрицание выражает отсутствие связи между элементами высказывания (см. [Ахманова 1969: 607]). Таким образом, в обоих определениях подчеркивается семантическая функция отрицания как категории, используемой для констатации отсутствия реальной связи между компонентами высказывания.

Отдельного внимания заслуживает точка зрения С.О. Рахимова, который сосредоточивает свое внимание на способах выражения данной категории в языке. По его словам, «категория отрицания выражается синтаксическим способом, лексическим способом, с отрицательными наречиями и с отрицательным словом» [Рахимов 1973: 28]¹. Таким образом, как это видно из данного определения, отрицание проявляется на разных уровнях языковой системы – от лексики до синтаксиса.

Подобную многоплановость отмечает и И.В. Андреева. Как указывает исследователь, «категория негативности (отрицания) должна рассматриваться в структуре предложений, а отрицание должно определяться как грамматическая категория» [Андреева 1984: 33]. Тем самым подчеркивается функциональная природа отрицания как средства синтаксической организации высказывания.

Отрицание может реализовываться не только на синтаксическом,

¹ Способы выражения отрицания будут рассмотрены в разделе «1.2.3 Словообразовательные способы выражения отрицания в современном русском языке».

но и на лексическом уровне, при этом значение отрицания может быть выражено как словообразовательными средствами (аффиксы, выражающие значение отрицания, а также отрицательные частицы, образующие сочетания с отдельными словами), так и компонентным значением самой лексемы. Е.В. Падучева выделяет внутрилексемное отрицание и подразумеваемое, неявное отрицание, функционирующее без формальных маркеров, как в примерах: «Много ты понимаешь!» и «Так я ему и поверила!» (см. [Русский язык. Энциклопедия 1997: 310]).

На лексическом уровне механизм отрицания тесно связан с ассертивностью. Как отмечает Е.В. Падучева, «ассерция составляет сферу действия отрицания – равно как и других семантических операторов» [Падучева 2013: 24]. Так, в высказывании «Она мне не сестра» отрицанием «снимается» именно ассерция (факт принадлежности к классу сестер для говорящего), но не затрагиваются иные возможные смыслы. Эта связь создает условия для феномена отрицательной поляризации: ряд элементов (например, «хоть», «так уж», местоимения с «ни-») приобретают грамматическую допустимость только в контексте отрицания, что демонстрируют примеры «Не думаю, чтобы он выиграл хоть одну партию; Никто никогда не приходил» [Падучева 2013: 223, 261].

При этом важно различать общее (полное) и частное (неполное) отрицание: общее охватывает всю пропозицию («Дети не пошли в

школу»), а частное затрагивает только отдельные семантические компоненты («Дети не спят из-за шума») (см. [Русский язык. Энциклопедия 1997: 310]; см. также [Большой энциклопедический словарь. Языкознание 1998: 354], [Падучева 2013: 292]). Это различие обуславливает интерпретационную многозначность отрицательных предложений, поскольку один и тот же формальный показатель отрицания может допускать разные чтения в зависимости от того, какие элементы включаются в его сферу действия, что подтверждается анализом примеров с причинными и временными обстоятельствами (например, «Она не будет менять свой план из-за тебя», «Такие газопроводы не строят в течение двух лет») (см. [Падучева 2013: 18]).

Также исследователи указывают на тесную связь отрицания и пресуппозиции: семантические элементы, осмысляемые как пресуппозитивные, не подвергаются отрицанию. Например, Е.В. Падучева указывает, что в высказывании «"Я не был рад его приходу" <...> компонент "Он пришел" не подвергается отрицанию, поскольку составляет пресуппозицию этого предложения» [Русский язык. Энциклопедия 1997: 310].

Особый интерес представляет явление «смещенного отрицания», которое возникает, когда отрицание синтаксически присоединяется не к тому элементу, к которому оно относится по смыслу. Типичным случаем является отрицание при сказуемом. Например, как указывает

Е.В. Падучева, высказывание «Я не решил всех ваших задач» означает «Я решил не все ваши задачи» (см. [Русский язык. Энциклопедия 1997: 310]). Возможны и другие формы смещения отрицания, включая конструкции с отрицанием, выражаемым перед предлогом, как, например, в устойчивых сочетаниях «не в свои сани = "в не свои сани", не в ту сторону = "в не ту сторону"» [Русский язык. Энциклопедия 1997: 310].

На синтаксическом уровне отрицание представлено предикатным и присловным типами, однако их формальное противопоставление не всегда соответствует семантическому различию между общим и частным отрицанием. Так, при предикатном отрицании возможно как семантически общее отрицание (например, «Коля не приедет»), так и частное (например, «Мы с вами долго не увидимся»); то же наблюдается и в случае с присловным отрицанием, которое может быть как общим (например, «Это был не портрет»), так и частным (например, «Иногда он отвечает не сразу») (см. [Падучева 2013: 292]). Такого рода факты позволяют рассматривать синтаксическую позицию отрицания как относительно независимую от сферы его интерпретации.

Рассматривая формальные особенности отрицательных конструкций, необходимо упомянуть о специфическом морфологическом оформлении синтаксических единиц, входящих в сферу действия фразового отрицания. Так, в русском языке прямое дополнение при глаголе с отрицанием может оформляться не винительным, а

родительным падежом (например, «Он не имеет на это права» [Большой энциклопедический словарь. Языкознание 1998: 355]). Согласно концепции Е.В. Падучевой, морфология отрицания в русском языке (родительный падеж при отрицании и корреляция с несовершенным видом) имеет семантическую природу: она выходит за рамки формальных преобразований, выражая состояние невыполнения действия. Так, родительный падеж («не несет ответственности» вместо «ответственность») отражает абстрактное отсутствие, а несовершенный вид в отрицательном контексте («не подписывал письмо») передает продолжительное состояние неосуществленного действия (см. [Падучева 2013: 136, 166, 200]).

Важно отметить, что в языке, согласно его логической оценке, действует правило: отрицание отрицания эквивалентно утверждению. Однако в реальной речи, как правило, два отрицания не полностью «погашают» друг друга: «сложное выражение, как правило, слабее простого; ср. не без страха (\approx "с некоторым страхом") и со страхом» [Большой энциклопедический словарь. Языкознание 1998: 355].

Согласно исследованиям лингвистов, в семантике отрицания ключевым является противопоставление контрадикторного (строгая оппозиция $p / \text{не-}p$) и контрарного (допускает третью возможность) типов. В русском языке этому соответствует формальное различие: частица *не* обычно выражает контрадикторное отрицание, а префикс *не-* часто имеет

контрарное значение, особенно в лексикализованных словах (например, «неслучайно») (см. [Падучева 2013: 19]). При этом, как отмечает Е.В. Падучева, «если не оговорено противное, речь идет о контрадикторном отрицании. Контрарное отрицание – это отдельный семантический примитив» [Падучева 2013: 19]. На словообразовательном уровне негативность обозначается местоимениями и наречиями с *ни-* («никто, ни о чем, никогда»), предикативными местоимениями с *не-* («негде, некому»), словами *нет, нельзя* и другими предикативами, прилагательными и наречиями с приставкой *не-* («невозможно, нежелательно, неженатый, немного»). Следует учитывать, что приставка *не-* обозначает не только негативность, но и неопределенность, например, «некто, некий, некоторый» (см. [Падучева 2013: 17]).

Обобщая вышеизложенное, можно отметить, что отрицание представляет собой сложную и многоплановую категорию, охватывающую как лексический, так и грамматический уровни языка. Как подчеркивает В.И. Соловьева, отрицание представляет собой значимую языковую категорию, обусловленную необходимостью дифференциации явлений действительности. В лингвистическом аспекте отрицание характеризуется сложностью, поскольку охватывает как лексику, так и грамматику языка и реализуется посредством различных средств выражения (см. [Соловьева 2018: 11]).

Таким образом, отрицание предстает как комплексная языковая

категория, обладающая широкой формальной и семантической вариативностью. Для более глубокого понимания ее природы необходимо рассмотреть отрицание не только как формально-семантическое явление, но и в свете различных лингвистических подходов. В связи с этим далее представляется целесообразным привести сведения о том, как категория «отрицание» рассматривается в работах лингвистов, принадлежащих разным научным направлениям.

Философско-гносеологический аспект отрицания подчеркивается в работе И.Н. Бродского: «Бытие и небытие отношения вещей есть действительность, бытие отношения вещей называют положительным, а небытие – отрицательным фактом» [Бродский 1973: 14]. Исходя из этого, исследователь делает вывод: «Отрицательные суждения отражают объективную действительность не в меньшей мере, чем утвердительные. С точки зрения информативности и конкретности отрицательные суждения являются менее ценными для процесса познания человеком мира, поскольку в центре внимания познания находятся, прежде всего, значимые свойства окружающей действительности, а не их отсутствие» (цит. по [Соловьева 2018: 9]).

Отрицание фиксирует смысловую разъединенность между элементами предложения и отражает объективную разъединенность в действительности. Так, Н.А. Булах подчеркивает, что грамматическое отрицание обозначает «отсутствие действия и смысловой связи между

какими-либо членами предложения» (цит. по [Милосердова 2012: 314]). В.Н. Зенчук рассматривает грамматическое отрицание как отражение логического отрицания, «суть которого состоит в отображении разъединенности, объективно существующей между предметами и явлениями действительности» (цит. по [Милосердова 2012: 314]). С.А. Васильева отмечает, что отрицание фиксирует отсутствие определенных свойств и отношений у конкретного предмета (см. [Васильева 1958: 150]). Таким образом, отрицание выступает как универсальное средство отображения семантического разделения элементов языка.

Ученые, поддерживающие прагматическую концепцию отрицания, рассматривают ее не как собственно грамматическую, а как прагматическую или функциональную категорию, отражающую негативное отношение к собеседнику: связано это с тем, что «отрицание выражает предположение говорящего относительно знаний и мнений адресата» [Соколов 2008: 252].

Н.Д. Арутюнова трактует отрицание как форму реактивной оценки действительности, и в качестве примера приводит произведения Ф.М. Достоевского, в которых эта особенность ярко проявляется: высокая частотность использования слова «нет» отражает особой взгляд на мир персонажей и повествователя (см. [Арутюнова 2009: 6–9]). Лексические единицы, передающие неистинность или фиктивность, также выступают

как средства отрицания; речь идет о таких словах, как «ерунда», «фантазия», «бред» и дериватах с префиксами «псевдо-», «квази-», «лже-» (см. [Арутюнова 2009: 7]).

Ключевыми средствами негации в русском языке являются частица «не» и предикатив «нет», различающиеся по функциональной и семантической нагрузке. «Нет» эквивалентно целой пропозиции в диалогической речи, тогда как «не» участвует в словообразовании, формируя единицы с ослабленной или переосмысленной отрицательной семантикой («неглуп», «недруг», «неуч») (см. [Арутюнова 2009: 8, 9]). Противопоставление «да» – «нет» следует отличать от оппозиции «истина» – «ложь», обладающей иным философско-оценочным статусом. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «истина и ложь не являются, строго говоря, полными антонимами. Истина абсолютна и не имеет лексических вариантов. Истина входит, прежде всего, в интеллектуальную, научную речь, а также в язык философии и богословия» [Арутюнова 2009: 9], тогда как «правда» и «неправда» включены в сферу субъективной и моральной оценки [Арутюнова 2009: 9]. Это различие подчеркивает многоуровневую природу отрицания в языке.

Современные исследования показывают связь отрицания с категорией модальности, отражающей отношение говорящего к действительности. В то же время «модальность и отрицание остаются самостоятельными языковыми категориями» [Бондаренко 1983: 72].

В.Г. Адмони рассматривает утверждение и отрицание как базовые модальные значения, отражающие реальность и нереальность связей и явлений действительности (см. [Прокофьева 2002: 16]). Более развернутое описание модальности предложено Е.В. Падучевой, которая определяет ее как «отношение говорящего к содержанию высказывания, статус обозначаемой ситуации по отношению к реальному миру и иллокутивную силу высказывания» [Падучева 2016].

В теории семантических примитивов А. Вежбицкой отрицание рассматривается как «позитивный фактор глубинной структуры фразы, которая связывает с выражением некоего субъективно-волевого, "модального" примитива» (цит. по [Шепелюк 2017: 17]). Ю.В. Черниченко подчеркивает, что отрицание реализуется через взаимодействие субъективной и объективной модальности, при этом контекст определяет интерпретацию высказывания (см. [Черниченко 2017: 25]).

Комплексный подход к изучению отрицания представлен в совместной работе В.Б. Борщева, Е.В. Падучевой, Б.Х. Парти, Я.Г. Тестельца и И.С. Янович, в которой разграничиваются синтаксическое, семантическое и прагматическое отрицание. Исследователи выделяют сентенциальное отрицание, охватывающее всю пропозицию, и конституентное, распространяющееся на отдельный компонент. В русском языке конструкции с «не» чаще реализуют

конституентное отрицание, а предложения с «нет» – сентенциальное, связанное с выражением отсутствия или несуществования. Наряду с этим исследователями выделяется прагматическое отрицание, интерпретация которого определяется контекстом и системой пресуппозиций (см. [Борщев, Падучева, Парти, Тестелец, Янович: 129–131]). Как отмечают исследователи, «в современной теории различие между семантикой и прагматикой не всегда четкое. Важно учитывать контекст и пресуппозиции, так как «они формируют универсум релевантных ситуаций» [Борщев, Падучева, Парти, Тестелец, Янович 2009: 136].

С точки зрения целей нашего исследования, важными представляются идеи Т.Б. Радбиля, изложенные в статье «"Онтологизация негации" как аномалия языковой картины». Онтологизация отрицания трактуется как «придание отрицаемому предмету или признаку нормального онтологического статуса» [Радбиль 2009: 91]. Исходя из философского вопроса – «существует ли реально то, что отрицается?» – автор приходит к выводу, что «реального небытия» не существует: «есть только небытие гипотетическое» [Радбиль 2009: 89, 90].

Конструкция «онтологической негации» выражает значимое отсутствие, отражающее внутреннее состояние говорящего: «незвонок» или «непотеплень» становятся проявлением интенционального восприятия [Радбиль 2009: 95]. В литературных текстах подобные номинации («недом», «нефлэт») используются для выражения негативной

оценки и социокультурного несогласия (см. [Радбиль 2009: 98]).

Таким образом, «онтологизация негации» представляет собой лингвистический механизм, при котором отрицание становится способом утверждения и концептуализации: «в этой новой не-номинации одновременно присутствует и сам предмет, и точка зрения на него говорящего» [Радбиль 2009: 101].

Как показывают исследования лингвистов, отрицанию свойственна функция «информационной коррекции», состоящая в указании на несоответствие между уже актуализированной информацией и ложным утверждением (см. [Труб 1990, 1994, 2005]). В.М. Труб подчеркивает, что объектом отрицания является «готовая» пропозиция, а функция состоит в сопоставлении исходной темы с другой, «правильной» ремой, степень конкретизации которой может варьироваться (см. [Труб 2009: 256]).

Таким образом, категория «отрицание», исследуемая в работах лингвистов, представляет собой сложное многоплановое явление, которое требует изучения в самых различных аспектах.

1.3 Системное изучение лексики

Негатонимы представляют собой особую группу слов русского языка, между которыми обнаруживаются сходства как семантического, так и формального плана. В связи с этим представляется необходимым определить лингвистические подходы в изучении слов, которые могут

быть применены по отношению к негатонимам.

Системное изучение лексики связано прежде всего с так называемым полевым подходом, позволяющим рассматривать словарный состав языка как структурированную систему, основанную на смысловых связях и иерархии единиц. В рамках данного раздела уточняется лингвистическое содержание понятия «поле» и его типологические характеристики, раскрываются методологические принципы выделения лексико-семантических полей и лексико-семантических групп, а также рассматривается распределение лексических единиц между ядром и периферией.

1.3.1 Лингвистическое понятие «поле». Типы полей

Понятие «поле» было введено в лингвистику Г. Ипсеном в 1924 году. Согласно его определению, «поле» представляет собой «совокупность слов, связанных одним компонентом значения» [Ipsen 1924: 36].

В лингвистике XX века утвердилось представление о языке как о целостной системе, что во многом связано с идеями Ф. де Соссюра. Согласно исследователю, язык – это «система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа» [Соссюр 1999: 130]. Ученый рассматривал язык как код, состоящий из знаков: «Язык есть система знаков, выражающих понятия» [Соссюр 1999: 54]. Поскольку эти знаки передают определенные идеи,

язык следует понимать не только как систему знаков, но и как систему значимостей, элементы которой взаимозависимы и образуют структурную целостность. Совокупность таких единиц, объединенных общностью содержания, и представляет собой поле в лингвистическом понимании.

Поля рассматриваются учеными как средство отражения системной организации языковых знаков. Так, по мнению М.М. Покровского, слова и их значения не существуют изолированно, а объединяются в сознании носителя языка в различные группы на основе семантического сходства или противопоставления (см. [Покровский 1959: 82]). Уточняя природу таких группировок, Г.С. Щур определяет поле как совокупность языковых элементов, объединенных общим интегральным признаком и способных включать новые элементы с тем же признаком (см. [Щур 1974: 106]). В свою очередь, А.В. Бондарко рассматривает модель поля как особый аналитический инструмент, отражающий системную организацию, группировку и взаимодействие языковых средств (см. [Бондарко 1976: 204]).

В лингвистических исследованиях отмечается, что поле представляет собой совокупность единиц, объединенных по какому-либо содержательному, формальному или функциональному признаку и функционирующих как своего рода система внутри языка (см. [Кузнецов 1990: 380]).

С учетом различных исследовательских подходов и теоретических оснований в лингвистике выделяются несколько типов полей. В частности, наиболее часто речь идет о лексических, семантических, словообразовательных, синтаксических, ассоциативных и функционально-семантических полях (см. [Степанов 1975: 47–52]).

1.3.1.1 Лексическое поле и лексико-семантическое поле

Понятие «лексическое поле» было введено в научный оборот Й. Триром (см. [Trier 1932: 417]). По его концепции, «элементарной единицей лексического поля является слово, при этом единицы словесных полей полностью покрывают соответствующие понятийные поля» [Trier 1932: 108]. Таким образом, слово рассматривается как компонент системы, чья семантика определяется его положением внутри поля.

Лексическое поле представляет собой структурированное объединение лексем, находящихся в отношениях смысловой связи или противопоставления (см. [Щур 1974: 22, 23]). Лексические единицы внутри такого поля связаны наличием инвариантного понятийно-семантического компонента, который объединяет их в единую микросистему и задает внутренние отношения между элементами. Значение слова формируется не изолированно, а в соотношении с другими элементами поля, что подчеркивает принцип системности и функциональной взаимообусловленности единиц лексикона.

В современной лингвистике наряду с термином «лексическое поле» широко используется обозначение «лексико-семантическое поле» (далее – ЛСП). Понятие ЛСП подробно разработано в работах А.А. Уфимцевой [Уфимцева 1962; 1968], А.В. Набирухиной [Набирухина 1990], А.Н. Тихонова [Тихонов 1994] и рассматривается как структура, объединяющая лексемы на основе общности их лексического значения. Несмотря на то что в ряде исследований оба термина употребляются как синонимичные, многие исследователи оценивают эти термины как выражающие понятия, совпадающие частично: «лексическое поле» акцентирует внимание на парадигматических отношениях внутри лексикона, тогда как «лексико-семантическое поле» устанавливает прежде всего семантическую общность и принадлежность единиц к лексическому уровню языка. Именно эта специфика делает термин ЛСП более релевантным для анализа негатонимов.

ЛСП характеризуется лексической однородностью и, как правило, ограничивается словами одной части речи (см. [Тихонов 1994], [Набирухина 1990]). Подобное понимание ЛСП позволяет более точно описать структуру семантических отношений внутри группы слов, а также выявить организацию поля вокруг центральной лексемы или группы ядерных значений.

Для негатонимов использование понятия «лексико-семантическое поле» является принципиально значимым, поскольку исследование

данной группы слов предполагает анализ системных отношений внутри класса слов, объединенных семой отрицания. Именно понятие ЛСП обеспечивает возможность описания таких связей на лексическом уровне и создания модели семантической организации группы негатонимов.

1.3.1.2 Семантическое поле

В современном русском языкознании семантическое поле понимается как крупная смысловая область языка, объединяющая лексические единицы с общим концептуальным содержанием (см. [Словарь лингвистических терминов 2010: 321]).

Семантическое поле представляет собой совокупность лексических единиц, объединенных общим значением и охватывающих определенную тематическую область языка (см. [Новиков 1982: 69]). Оно может включать, например, обозначения цвета, чувственных восприятий, интеллектуальной деятельности и других понятийных сфер (см. [Попова, Стернин 2011: 87]).

В изучении семантических полей выделяют два подхода: экстралингвистический (ономасиологический, «от вещи к слову») и лингвистический (семасиологический, «от слова к вещи») (см. [Trier 1932: 417], [Ipsen 1924: 12]). В рамках первого подхода поле рассматривается как группа близких по смыслу слов, покрывающих конкретную понятийную область, в рамках второго – как система слов с общим значением.

В работах исследователей рассматриваются структурные и функциональные особенности семантических полей. Так, А.А. Уфимцева устанавливает принципы распределения слов по классам и взаимодействие их элементов в лексической системе (см. [Уфимцева 1962: 37]), а В. Порциг выделяет элементарные семантические поля и отмечает асимметрию смысловых связей между лексемами (см. [Степанов 1975: 48]).

Некоторые исследователи отмечают, что семантическое поле следует рассматривать как категорию, связывающую язык и мышление, учитывая при этом когнитивный компонент (см. [Слюсарева 1973: 18]).

Семантическое поле рассматривается также как комплексная структура, включающая не только смысловые связи между словами, но и модели их сочетаемости, которые подчеркивает системный характер отношений между ними (см. [Абрамов 1992: 30]).

1.3.1.3 Сопоставление понятий «лексическое поле», «лексико-семантическое поле» и «семантическое поле»

В современной лингвистике термины «лексическое поле», «лексико-семантическое поле» и «семантическое поле» нередко используются как синонимичные либо не различаются строго в теоретическом плане (см. упоминания об этой особенности использования терминов в [Караулов 1972: 57], [Большой энциклопедический словарь. Языкознание 1998: 380], [Кочерган 2004:

265], [Цзян Нань 2022: 62], [Ли Ян 2023: 29]). В рамках настоящего исследования разграничение данных понятий представляется принципиально важным.

Сопоставляя лексическое и семантическое поля, Г. Мюллер уточняет: «Семантическое поле исходит из четко ограниченной предметной области, которую оно делит на определенные отрезки, а лексическое поле исходит из определенного слова или выражения, которое играет роль ядра этого поля, и вокруг него выкристаллизовывается все то, что может быть с ним связано в осмысленное высказывание» [Мюллер 1967: 358, 359]. Данное разграничение позволяет рассматривать лексическое поле как структуру, ориентированную на словоцентричную организацию, где ключевая лексема формирует ядро смысловых взаимоотношений.

А.А. Уфимцева отмечает, что при описании лексико-семантических микросистем целесообразно избегать термина «семантическое поле» ввиду его многозначности и неоднозначной отнесенности к семантическому уровню языка (см. [Уфимцева 1968: 263]). Полевая теория, в свою очередь, трактует семантическое поле как родовое понятие, объединяющее различные типы полей и допускающее включение в их состав языковых единиц разных уровней и грамматических классов (см. [Полевые структуры в системе языка 1989: 5]).

В практических исследованиях лексики широко используется термин «лексико-семантическое поле», обозначающий более конкретный уровень систематизации, при котором внимание сосредоточено на лексических единицах и их значениях. По наблюдениям А.В. Набирухиной, лексико-семантические поля, как правило, характеризуются большей лексической однородностью и часто ограничиваются словами одной части речи (см. [Набирухина 1990: 6, 7]).

Проблема разграничения терминов «семантическое поле» и «лексико-семантическое поле» получила подробное освещение в работах А.Н. Тихонова. Исследователь подчеркивает, что «ЛСП образуются на основе лексико-семантической общности их единиц. Термин лексико-семантическое поле может более точно определить слова, объединяющиеся в нем, а в термине семантическое поле отсутствует информация, которая отсылает ее элементам лексического уровня языка» [Тихонов 1994: 3]. А.Н. Тихонов также обращает внимание на то, что «семантическим полем часто называются синонимические, тематические, лексико-семантические группы слов и ассоциативные объединения слов. Этот термин лишен однозначности и точности» [Тихонов 1994: 3].

В работах исследователей, разграничивающих употребление терминов, подчеркивается, что объем понятия «семантическое поле» существенно шире по сравнению с понятием «лексико-семантическое поле». Е.И. Зиновьева, в частности, отмечает, что «семантическое поле

может выступать как предмет семиотики и может исследоваться в разных научных дисциплинах, не только в языкознании» [Зиновьева 2003: 109].

К.А. Кочнова рассматривает терминологическое соотношение полей в иерархическом ключе: по ее мнению, «семантическое поле следует рассматривать как родовое понятие по отношению к лексико-семантическому, лексико-фразеологическому, фразео-семантическому, морфосемантическому и т.д. полям – понятиям видовым» [Кочнова 2005]. Тем самым исследователь подчеркивает, что квалификация «лексико-семантическое» указывает на лексическую природу составляющих элементов, тогда как объединение в рамках семантического поля осуществляется благодаря общности минимальных смысловых компонентов и относится к плану содержания.

Согласно точке зрения К.А. Кочновой, использование термина «лексико-семантическое поле» оказывается более оправданным в ситуациях, когда анализ опирается на понятийно-семантический критерий и предполагает систематизацию именно лексических единиц. Такой подход позволяет избежать расхождения между значением термина и его внутренней формой, что характерно для обозначения «семантическое поле», «который диктует представление об области смыслов, значений вне их лексической объективации» [Кочнова 2005].

Таким образом, семантическое поле трактуется как крупная смысловая область языка, объединяющая разноуровневые единицы на

основе общего инвариантного компонента значения. В связи с этим по отношению к изучению негтонимов представляется релевантным использование научных методов, связанных с исследованием лексико-семантических полей.

1.3.1.4 Словообразовательное, синтаксическое, ассоциативное, функционально-семантическое поля

Помимо лексико-семантического и семантического полей, описанных выше, в лингвистике выделяются также и другие разновидности полей.

Словообразовательное поле представляет собой набор аффиксов и производных слов, объединенных общим словообразовательным значением и грамматическими категориями (см. [Ревзина 1969: 10]; [Беркетова 1984: 132]). Использование данного понятия позволяет установить, как производные слова организуются вокруг мотивирующего центра. Понятие «словообразовательное поле» активно используется при описании неологизмов, позволяя установить закономерности их образования (см., например, изучение дериватов с компонентом «ютуб» в [Ли Ян 2023: 34]).

Синтаксическое поле объединяет слова по их семантической или формально-грамматической валентности. Применение данного понятия позволяет устанавливать и описывать синтаксические модели разных типов, например, такие как «субъект + предикат» или «субъект +

предикат + объект» (см. [Васильев 1971: 13]; [Золотова 1973: 201]). Структура таких полей определяется закономерностями сочетаемости слов и синтагматических связей.

Ассоциативное поле характеризуется наличием центра-лексемы, вокруг которого группируются слова-ассоциаты, между которыми устанавливаются когнитивные и мнемонические связи. Формирование ассоциативных полей зависит от индивидуальных и социокультурных факторов, что подчеркивает многоуровневый характер языковой системы (см. [Балли 1955: 31, 150, 151]; [Щур 1974: 106]).

Функционально-семантическое поле объединяет языковые единицы разных уровней (лексические, морфологические, синтаксические) на основе общности категориальной семантики, сочетая план содержания и план выражения (см. [Бондарко 1987: 11]; [Бондарко 2001: 40]). Такая структура позволяет рассматривать явления языка с учетом взаимодействия разных уровней – лексического, морфологического, синтаксического.

Исследования конкретных функционально-семантических полей демонстрируют разнообразие их внутренней организации. Так, А.Н. Быкасов выделяет в поле целеустановки микрополя целенаправленности и идеальной причины (см. [Быкасов 2008: 106]). Ю.И. Нуреев описывает структуру поля количественности как систему микрополей совокупности и сингулярности (см. [Нуреев 2010]).

А.А. Хазанова показывает, что в поле отрицания выделяются три микрополя – отсутствия связи, отсутствия объекта и отрицания модальных отношений (см. [Хазанова 2018: 53]). Эти наблюдения подтверждают универсальность полевой модели как инструмента системного описания языка.

Таким образом, несмотря на разнообразие подходов, семантический критерий остается ключевым при выделении полей разного типа.

1.3.2 Поле отрицания как функционально-семантическое поле

Негатонимы представляют собой слова, семантика которых связана с категорией отрицания. В связи с этим необходимо установить, как именно изучается данная категория в рамках полевого подхода.

Согласно современным лингвистическим исследованиям, отрицание представляет собой семантическую категорию, объединяющую разноуровневые формальные средства языка, а потому рассматриваемую в рамках понятия «функционально-семантическое поле». Отрицание относится к числу универсальных, присущих всем языкам семантических категорий, которые представляют собой неделимые смысловые единицы и не могут быть определены через более элементарные компоненты.

Выражение отрицания в русском языке реализуется различными способами. Наиболее очевидные из них связаны с использованием

специализированных отрицательных единиц и морфем. Как отмечает Л.М. Шатилова, «отрицание может выражаться отрицательными словами, отрицательным префиксом (сравните: русское *неполный*, немецкое *unbekannt*), отрицательной формой глагола, а может не иметь отдельного выражения, то есть быть компонентом значения слова (отказаться – не согласиться) или целого предложения (сравните: "*Много ты понимаешь*". "*Чтобы я еще стала с ним связываться*")» [Шатилова 2007: 80, 81]. Разнообразие формальных средств подтверждает вывод о том, что отрицание функционирует на нескольких уровнях языковой системы – морфологическом, словообразовательном, синтаксическом, лексическом и семантическом (см. [Падучева 2013]).

Рассмотрение отрицания в рамках функционально-семантического подхода дает возможность представить данную категорию как целостное поле с внутренней иерархией. Структурное описание поля отрицания было предложено Ю.В. Блошенко, разработавшей многоуровневую модель функционально-семантического поля отрицания: исследователь выделяет микрополе прямого отрицания и микрополе косвенного отрицания, каждое из которых дробится на микромикрополя [Блошенко 1999: 5, 6]. Так, в микрополе прямого отрицания различаются дискретное и недискретное отрицание, тогда как микрополе косвенного отрицания включает несколько типов, связанных с выражением отрицания через утверждение или оценку факта, установление ложности утвердительного

суждения, а также логическое умозаключение (см. [Блошенко 1999: 5, 6]). К ядру микрополя прямого отрицания относятся конструкции с частицей *не*, являющиеся доминантой: они наиболее частотны и передают отрицание явно, без дополнительных смысловых оттенков. В микрополе косвенного отрицания, включающем пять микрополей, доминируют опосредованные умозаключения – выражение факта через положительную или отрицательную оценку, что характерно для литературной и разговорной речи.

Иную типологическую модель предлагает А.А. Хазанова, которая указывает, что функционально-семантическое поле отрицания представляет собой сложную системную структуру, внутри которой выделяются три взаимосвязанных микрополя: микрополе несуществующей связи между явлениями, микрополе отсутствия лица или предмета, а также микрополе отрицания модальных отношений. Каждое из указанных микрополей характеризуется наличием ядерной и периферийной зон и реализуется с помощью определенного набора языковых средств и конструкций (см. [Хазанова 2018: 53]). Данная модель позволяет уточнить распределение отрицательных значений в зависимости от типа семантических отношений – предметных, бытийных или модальных. Сопоставление этих подходов показывает, что отрицание в русском языке проявляется не как единичный формальный механизм, а как системно организованная совокупность разноуровневых средств (см.

[Хазанова 2018: 53, 54]).

Обращает на себя внимание то, что при изучении функционально-семантического поля отрицания как единого целого (макроуровень) исследователи сосредоточивают свое внимание прежде всего на анализе семантических особенностей категории отрицания, в то же время обращая внимание на то, что формальная реализация категории затрагивает разные языковые уровни и каждый из этих случаев требует особого исследования (речь идет о микроуровнях функционально-семантического поля отрицания, связанных с различными способами выражения). В связи с этим, поскольку негатонимы представляют собой конкретные лексические реализации категории, целесообразно описывать их как один из микроуровней функционально-семантического поля отрицания, опираясь, как уже было указано нами выше, на понятие «лексико-семантическое поле», с которым неразрывно связано понятие «лексико-семантическая группа».

1.3.3 Лексико-семантическая группа

Наряду с понятием «лексико-семантическое поле» при описании лексики часто используется понятие «лексико-семантическая группа» (далее – ЛСГ), занимающее центральное место в лексикологии. Введение в описание данного понятия позволяет классифицировать единицы по общности семантического компонента, а также выделять подгруппы с более детализированными семами.

Согласно определению В.Н. Ярцевой, «лексико-семантические группы – это разряды, под которые содержание данного слова подводится наравне с содержанием многих других, но уже не по грамматическим, а по лексическим содержательным признакам» [Ярцева 1976: 200].

Особенности организации ЛСГ описываются в работах В.Г. Гака. В частности, исследователь отмечает, что «слова, объединяющиеся по сходству значения, составляют лексико-семантические группы (ЛСГ). Но между словами могут устанавливаться ассоциации и по смежности значения» [Гак 1977: 150], что расширяет понимание ЛСГ: в нее могут входить не только элементы, схожие по своему значению, но и связанные ассоциативно.

Рассматривая особенности семантической структуры слова, В.Г. Гак указывает, что «каждое значение слова представляет собой сложное объединение определенных семантических компонентов. Наиболее крупные из них назовем категориями. Внутри категорий выделяются аспекты и субкатегории» [Гак 1977: 154]. Данное положение позволяет описывать ЛСГ как многоуровневое образование, в котором слова группируются не только по архисеме, но и по более частным, дифференциальным семам. Эту мысль В.Г. Гак иллюстрирует примером ЛСГ глаголов движения, выделяемой на основе двух архисем – ‘способ движения’ и ‘направление’; при отсутствии одной из них глагол «проявляет тенденцию к переходу в иную ЛСГ» [Гак 1977: 154]. Таким

образом, по мысли В.Г. Гака, ЛСГ свойственна динамичность, допускающая переход слов между группами.

Теория ЛСГ получает детальную разработку в трудах Э.В. Кузнецовой. Исследователь уточняет системный статус ЛСГ, определяя ее как «самый важный с точки зрения лексической системы тип классов слов», который объединяет слова одной части речи, имеющие «как минимум еще одну общую семантическую составляющую – категориально-лексическую (архисему, классему)» [Кузнецова 1989: 73].

Особое значение для понимания структуры ЛСГ имеют наблюдения исследователя о наличии подгрупп (подпарадигм) внутри ЛСГ. Как отмечает Э.В. Кузнецова, «внутри лексико-семантической группы могут выделяться подгруппы (подпарадигмы), в которых слова объединены не только категориальной семой, но и одной и той же, общей для них дифференциальной семой» [Кузнецова 1989: 73]. Так, общее значение рассматриваемой ЛСГ определяется как ‘действие по приобщению объекта’. В пределах этого общего значения Э.В. Кузнецова приводит примеры того, как производное разветвление внутри данной ЛСГ строится на основе разных дифференциальных сем: подгруппа глаголов со значением ‘местонахождение объекта’: *вынуть, вырвать, достать, вытащить, откопать, снять, черпать* и др. (см. [Кузнецова 1989: 73]); подгруппа глаголов с семой ‘усилие’: *овладеть, добыть, захватить, отнять, выпросить, выхлопотать* (см. [Кузнецова 1989: 74])

и др..

Особенно важно наблюдение Э.В. Кузнецовой относительно того, что «каждое слово может входить в несколько подгрупп в зависимости от характера и количества его дифференциальных сем» [Кузнецова 1989: 74]. Пример глагола *перебрать* наглядно показывает многоуровневость ЛСГ. Как отмечает Э.В. Кузнецова, с одной стороны, сема ‘конкретное орудие’ сближает его с такими глаголами, как *взять*, *вынуть*, *схватить*, *поддеть*, *черпать*, *удить* и др., а с другой – он входит в состав подгруппы глаголов, объединенных дифференциальной семой ‘количество объекта’, таких как *набрать*, *скупить*, *наловить*, *разобрать*, *нажить*, *переловить*, *скопить* и т.п. (см. [Кузнецова 1989: 74]). Таким образом, один и тот же элемент может быть связан с разными подгруппами по разным параметрам, что подтверждает свойственную ЛСГ динамичность.

З.Д. Попова и И.А. Стернин рассматривают ЛСГ как относительно небольшие, но однородные объединения слов одной части речи, «объединенных одним словом-идентификатором или устойчивым словосочетанием, значение которого полностью входит в значение остальных слов группы» [Попова, Стернин 2011: 95]. Так, исследователи указывают, что ЛСГ *инструменты* включает лексемы *молоток*, *лопата*, *грабли*, *клещи*, *пила*, *плоскогубцы* и др., а ЛСГ *медицинские работники* объединяет лексемы *врач*, *медсестра*, *фельдшер*, *акушерка* и др. (см. [Попова, Стернин 2011: 95]).

Крайне важным представляется замечание З.Д. Поповой и И.А. Стернина относительно того, что ЛСГ образуют более узкие объединения внутри лексико-семантических полей – структур более высокого порядка. ЛСП объединяют слова одной или нескольких частей речи общей семой, например ‘средства транспорта’ или ‘наименования периодов времени’ (см. [Попова, Стернин 2011: 95]), в то время как ЛСГ включают слова, принадлежащие одной части речи. При этом исследователи обращают внимание на сложное устройство выделяемых лексико-семантических группировок: «отношения внутри лексико-семантических разрядов и полей оказываются пересекающимися и разнонаправленными» [Попова, Стернин 2011: 94], что делает невозможным строгое логическое распределение слов по единственному основанию. Лексическая система оказывается многослойной, а ЛСГ – гибкими динамическими структурами, допускающими расширение, перераспределение лексем и смену ими групповой принадлежности.

Таким образом, понятия «лексико-семантическая группа» и «лексико-семантическое поле» являются взаимодополняющими, при этом, если иметь в виду цели данного исследования, перспективным для него представляется использование в первую очередь понятия ЛСГ: негатонимы образуют группу слов, объединяемых не только их значениями, но и относящимися – вне зависимости от их структуры – к одной части речи.

1.3.4 Ядро и периферия в лексико-семантических группах

Одним из фундаментальных свойств ЛСГ является их полевой характер, предполагающий наличие структурно неравноценных компонентов. В работах Э.В. Кузнецовой отмечается, что внутренняя организация ЛСГ формируется вокруг ядра – зоны наиболее частотных, многозначных и семантически общих единиц. Эти лексемы характеризуются высокой степенью коммуникативной востребованности и максимальной типичностью для соответствующей семантической области. Именно они задают основное направление групповой семантики и служат центром притяжения для других элементов группы (см. [Кузнецова 1989: 81, 82]).

Периферия ЛСГ, напротив, образуется единицами, чья семантика обладает более узкой специализацией, ограниченной сферой употребления или выраженной стилистической маркированностью. Такие лексемы демонстрируют более слабые связи с центром и нередко оказываются промежуточными между различными группами. Э.В. Кузнецова подчеркивает, что на периферию попадают и те слова, которые «втягиваются в сферу группы из других семантических групп» [Кузнецова 1989: 82], сохраняя при этом признаки иной системной принадлежности.

Степень организованности ядра и периферии проявляется прежде всего в типах семантических отношений, объединяющих лексемы. Как

отмечает Г.В. Судаков, при описании лексико-семантических групп ключевым критерием их выделения является синонимическая связь между лексемами. Антонимические отношения при этом используются значительно реже и носят вспомогательный характер, не являясь основным доказательством существования ЛСГ. В связи с этим синонимический ряд может рассматриваться как наиболее типичное проявление лексико-семантической группы или как ее минимальное ядро, поскольку для него характерны семантическая близость, общая сочетаемость и сходные грамматические признаки составляющих его слов (см. [Судаков 1991: 24]). В целом, внутренняя структура ЛСГ остается подвижной, поскольку «словарный состав языка не только находится в непрерывном движении, но по существу и не очерчен в каждый момент существования языка с достаточной определенностью ... границы остаются зыбкими и открытыми с разных сторон» [Шмелев 1973: 20]. Именно с этим связаны неизбежная размытость границ, наличие переходных элементов и относительность любого классификационного решения.

В современной лингвистике ядро и периферия ЛСГ и ЛСП интерпретируются как уровни различной степени оппозиционной маркированности. Как отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернин, «лексико-семантические группы и поля имеют свое ядро и периферию. Ядро образуют варианты, синонимы, антонимы, родовидовые группы,

объединенные нулевыми и привативными оппозициями. На периферии поля находятся слова, связанные эквиполентными оппозициями с ядерными лексемами. Так, в поле *жить – умирать* через связь *жить – дышать* можно перейти и к более отдаленным лексемам: *устать, отдыхать, спать, бодрствовать* и нек. др.» [Попова, Стернин 2011: 96].

Периферия ЛСГ играет важную роль в установлении межгрупповых связей. Например, «для ЛСГ глаголов говорения периферийными будут лексемы "прокряхтеть", "прошипеть", "просопеть", "улыбнуться", "скривиться", "поморщиться" и т.п., но через них ЛСГ говорения связывается с ЛСГ звучания и мимики» [Попова, Стернин 2011: 89]. Это является свидетельством того, что периферия объединяет слова, которые не менее ценны, чем слова, составляющие ядро ЛСГ: они образуют динамическое пространство, обеспечивающее гибкость и открытость лексической системы.

Как мы видим, определение ядра и периферии в лексико-семантических группах является не только инструментом описания их внутренней структуры, но и отражает фундаментальные свойства лексической системы – ее открытость, историческую изменчивость и способность к межгрупповым семантическим взаимодействиям. Ядро обеспечивает устойчивость и типологическую однородность ЛСГ, тогда как периферия отвечает за динамику, расширение и взаимодействие различных семантических полей, что

делает понятие «поле» ключевым в описании современной лексической семантики.

Таким образом, использование принципов описания лексики, выработанных в процессе изучения лексико-семантических полей, способствует выявлению признаков лексических единиц, объединенных общими семантиками и образующих целостное поле. Дополнительные дифференциальные признаки позволяют структурировать его внутреннюю организацию, выделяя отдельные лексико-семантические группы. При этом элементы ядра и периферии одной лексико-семантической группы могут одновременно входить в ближнюю или дальнюю периферию других лексико-семантических групп. Изучение содержательных особенностей лексем внутри лексико-семантических групп помогает определить их общие семантические компоненты и сгруппировать их по дополнительным основаниям, даже если на первый взгляд связь между ними неочевидна. Анализ лексических единиц в рамках лексико-семантического поля позволяет выявить средства выражения, а также характер и типы семантических связей как на уровне отдельных лексико-семантических групп, так и на уровне всей системы поля.

1.4 Способы выражения отрицания в современном русском языке

Проведенный в разделе 1.2 обзор работ, посвященных изучению категории «отрицание», показал, что данная категория затрагивает разные уровни языка, а потому средствами выражения отрицания являются формальные средства разных уровней. В связи с этим для корректного установления состава негатонимов и способов их образования необходимо определить, какими именно формальными ресурсами для выражения значения отрицания располагает русский язык.

Комплексное описание средств выражения отрицания в современном русском языке обнаруживается в фундаментальных исследованиях «Грамматика русского языка» (1960), «Русская грамматика» (1980), а также посвященных данной теме диссертациях А.И. Бахарева (1996) и Т.В. Степановой (2008).

1.4.1 Описание способов выражения отрицания в «Грамматике русского языка» (1960)

1.4.1.1 Словообразовательные способы выражения отрицания

В разделах, посвященных разным частям речи, 1 тома «Грамматики русского языка» (1960) ее авторы В.В. Виноградов («Словообразование имен существительных», «Словообразование имен прилагательных»), Е.С. Истрина («Глагол»), Н.Ю. Шведова («Местоимение»), Е.М. Галкина-Федорук («Частицы») упоминают некоторые из способов образования слов, выражающих значение отрицания и близкие к нему значения.

Исследователи описывают способы словообразования, которые можно отнести к одной из двух групп в зависимости от выражаемого ими значения: (1) негация значения производящей базы; (2) выражение значения недостаточности как компонента значения деривата¹.

Приставочно-суффиксальное словообразование имен существительных

(1) Негация значения производящей базы

Суффикс *-иц-(а)* в сочетании с приставками *без-* и *не-*², выражающими отрицательное значение, образуют существительные с отрицательной семантикой, указывающие на отсутствие, недостаток или неудовлетворительное состояние (например, *безвкусица, безводица, бессмыслица, безработица, небылица*) (см. [Грамматика русского языка. Т. I 1960: 254]).

Приставочное словообразование местоимений

(1) Негация значения производящей базы

Отрицательные местоимения образуются «от вопросительно-относительных местоимений при помощи отрицательных частиц *не* и *ни*», при этом отмечается, что некоторые из них «употребляются только в отрицательных предложениях, напр.: *никто не знает, никого нет, ничем не занят*» [Грамматика русского языка. Т. I

¹ Ниже при описании словообразования разных частей речи обозначения (1) и (2) будут указывать на тип выражаемых значений. Отсутствие каких-либо из этих указателей в некоторых разделах означает, что соответствующие типы в словообразовании данной части речи не представлены.

² В «Грамматике русского языка» (1960) используется термин «приставка».

1960: 403].

Приставочное словообразование глаголов

(1) Негация значения производящей базы

Приставка *обез-* (*обес-*) образует глаголы, выражающие значение «лишить или лишиться того предмета, который обозначен именной основой», например *обезболить*, *обезволить* (см. [Грамматика русского языка. Т. I 1960: 590]).

(2) Выражение значения недостаточности как компонента значения деривата

Приставка *недо-* выражает значение неполноты или недостаточности действия, например *недобрать*, *недовесить*, *недослышать* (см. [Грамматика русского языка. Т. I 1960: 586]). Как указывают исследователи, приставка *недо-* возникла в результате сращения частицы *не* с приставкой *до-* и широко используется в глагольном словообразовании, указывая на недостижение желаемого или необходимого результата.

1.4.1.2 Выражение отрицания с помощью частиц

Особым образом авторы 1 тома «Грамматики русского языка» (1960) отмечают, что кроме словообразовательных способов, отрицание в русском языке выражается лексически – с помощью частиц *не*, *ни*, *нет*: «употребление отрицательных частиц является одним из основных средств выражения отрицания» [Грамматика русского языка. Т. I 1960:

643]. Обращает на себя внимание то, что отрицательные частицы рассматриваются авторами в качестве одного из типов модальных частиц.

1.4.1.3 Выражение отрицания с помощью предлогов

Во 2 томе «Грамматики русского языка» (1960) указывается, что отдельные предлоги способны участвовать в выражении значений, семантически соотносимых с отрицанием. Прежде всего это относится к предлогу *без*, который в сочетании с родительным падежом употребляется для обозначения отсутствия предмета, лица или признака, входящего в состав обозначаемой ситуации (например, «*без друзей жить*», «*расстаться без сожаления*», «*чайник без крышки*» [Грамматика русского языка. Т. II 1960: 150, 151, 257]).

Также исследователи упоминают предлоги *вопреки*, *наперекор*, *вместо* и *взамен*, оценивая их как средства выражения значений противопоставления и замещения (например, «*вопреки природе*», «*все делалось ему наперекор*», «*удивление вместо радости*», «*варенье взамен сахара*» [Грамматика русского языка. Т. II 1960: 162, 258]). В качестве предлогов, выражающих значение отрицания, упомянутые слова исследователями не рассматриваются.

1.4.2 Описание способов выражения отрицания в «Грамматике русского языка» (1980)

1.4.2.1 Словообразовательные способы выражения отрицания

Согласно классификации В.В. Лопатина в 1 томе «Русской

грамматики» (1980), словообразовательные способы выражения отрицания в русском языке подразделяются на четыре группы: словообразование имен существительных, словообразование имен прилагательных, словообразование глаголов и словообразование наречий. Исследователь определяет три типа словообразовательных значений, связанных с выражением отрицания: (1) негация значения производящей базы; (2) выражение значения недостаточности как компонента значения деривата; (3) явления, смежные с отрицанием, но не тождественные ему¹.

Словообразование имен существительных

Префиксальные существительные

(1) Негация значения производящей базы

Слова, образованные с помощью префиксов² *без-/бес-*, *дис-*, *не-* и *а-*, выражают значение отсутствия или противоположности признака, называемого мотивирующим словом. Например, существительные с префиксами *без-/бес-*, *дис-* и *не-* «называют отсутствие того или противоположность тому, что названо мотивирующим словом: *бездействие*, *дисгармония*, *непорядок*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 228]. Подобную отрицательную семантику несет и префикс *а-* в словах типа «*асимметрия*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 231].

(3) Явления, смежные с отрицанием, но не тождественные ему

¹ Ниже при описании словообразования разных частей речи обозначения (1), (2) и (3) будут указывать на тип выражаемых значений. Отсутствие каких-либо из этих указателей в некоторых разделах означает, что соответствующие типы в словообразовании данной части речи не представлены.

² В «Русской грамматике» (1980) используется термин «префикс».

Некоторые префиксальные образования, хотя и выражают значение противопоставления или противоположности, не являются прямыми носителями значения отрицания. К таким случаям относятся существительные с префиксами *анти-*, *ре-*, *де-/дез-*, *дис-*, *контр-* и *противо-*.

Существенное отличие дериватов данной группы от слов, принадлежащих первой группе, заключается в том, что они часто обозначают не отсутствие признака, а активное противодействие или обратное действие. Например, существительные с префиксами *анти-* и *ре-* «имеют значение "нечто противоположное или противодействующее тому, что названо мотивирующим существительным": *антиракета* (нов.) "ракета, предназначенная для уничтожения ракет противника", *реэвакуация*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 227, 230]. Аналогично, префиксы *де-/дез-* «называют действие, противоположное, обратное тому, которое названо мотивирующим словом: *демонтаж*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 228]. Префикс *дис-* «называют отсутствие того или противоположность тому, что названо мотивирующим словом: *дисквалификация*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 228]. Префиксы *контр-* и *противо-* выражают значение «ответный, встречный, противоположенный характер (*контратака, противодействие*)» [Русская грамматика. Т. I 1980: 228, 230].

Префиксально-суффиксальные существительные

(1) Негация значения производящей базы

Выделяются существительные с префиксом *без-* и различными суффиксами (*-ие, -ье, -иц(а), -к(а), -ок, -еник, -ниц(а), -ушк(а)* и *-овщин(а)*), «обозначающие отсутствие определенного свойства или явления, названного мотивирующим словом: *безвкусие, безводье, безвкусица, бескозырка, бесценок, бессребреник, бесприданница, безделушка, безотцовщина* (прост.)» [Русская грамматика. Т. I 1980: 232]. Данная модель образования слов является продуктивной.

Еще одной продуктивной моделью является использование префикса *не-*, который в сочетании с различными суффиксами образует существительные с отрицательной семантикой. Так, существительные с префиксом *не-* и суффиксом *-к(а)* используются для обозначения либо субъекта, неспособного совершить действие: «*незнайка, непонимайка*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 236], либо для обозначения отсутствия процесса или состояния: «*нехватка, неувязка*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 236]. Существительные общего рода на *не-* типа *непоседа, недотрога* описывают существо, «не способное совершить действие или подвергнуться действию, названному мотивирующим словом» [Русская грамматика. Т. I 1980: 238]. Некоторые образования, такие как *небылица*, «имеют значение противоположности тому, что названо мотивирующим словом (быль)» [Русская грамматика. Т. I 1980: 235].

Помимо продуктивных моделей словообразования с префиксами

без- и *не-*, в русском языке встречаются также менее распространенные префиксально-суффиксальные образования. Например, к ним относятся «префикс *а-* и суффикс *-и|ј-* – в медицинских терминах *аритмия* и *атония*, называющих явление, характеризующееся отсутствием того, что названо мотивирующим словом (ритм, тон)» [Русская грамматика. Т. I 1980: 235].

(2) Выражение значения недостаточности как компонента значения деривата

Указанное значение выражают существительные с префиксом *недо-* и суффиксом *-ок*, называющие «предмет, не в полной мере наделенный тем или не в полной мере являющийся тем, что названо мотивирующим словом: *ум* – *недоумок*, *пес* – *недопесок* (спец.)» [Русская грамматика. Т. I 1980: 233].

(3) Явления, смежные с отрицанием, но не тождественные ему

Речь идет о существительных с префиксом *анти-* и суффиксом *-ин*, которые «называют средство, противодействующее тому, что названо мотивирующим словом: *антигриппин*, *антисклерозин*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 231]. К этому же типу относятся «существительные с префиксом *противо-* и суффиксами *-и|ј-* и *-итель* называют нечто, противоположное тому или направленное против того, что названо мотивирующим словом: *яд* – *противоядие*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 235].

Сложные существительные

(1) Негация значения производящей базы

Одним из продуктивных способов выражения отрицания является использование форманта *лже-*, который передает значение ложности или поддельности по отношению к мотивирующему слову, например «*лженаука, лжеучитель, лжепроблема*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 242]. Отнесение подобных дериватов к сложным словам связано с тем, что в качестве словообразовательного форманта используется корневая морфема *лж*.

(2) Выражение значения недостаточности как компонента значения деривата

Формант *горе-* используется в словах, образованных сложением, для передачи отрицательной оценки, подчеркивая несоответствие субъекта тем требованиям, которые предъявляются объектам, называемым словами, являющимися производящими базами, например «*горе-охотник, горе-руководитель, горе-ученик*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 243].

Словообразование имен прилагательных

Префиксальные прилагательные

(1) Негация значения производящей базы

Прилагательные с префиксом *а-* обозначают отсутствие признака, называемого мотивирующим словом. Они могут образовываться как от

прилагательных («*ритмичный* → *аритмичный*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 305]), так и от существительных («*ритм* → *аритмичный*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 305]). Данный тип особенно продуктивен в научной и технической терминологии: «*атренированный* (организм), *атравматический* (о хирургических инструментах), *абиогенный* (в биологии)» [Русская грамматика. Т. I 1980: 305].

Префикс *анти-* указывает на противоположность или противопоставленность признака тому, что называет производящая база. К словам данной структуры относятся такие прилагательные, как «*антигуманный, антисанитарный, антихудожественный*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 305]. В специализированных сферах встречаются термины типа «*антипозиционный ход* (в шахматной игре), а в публицистике – *антисоциальное искусство, молодежь с антилинейным мышлением*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 305].

Префикс *без-* (*бес-*) передает значение отсутствия или противоположности признака. Он сочетается с прилагательными, содержащими различные суффиксы: «*-н-* (*безбилетный, безлюдный*), *-ов-* (*бесплановый, безрельсовый*), *-ист-, -чат-, -чив-* (*безазотистый, безулыбчивый*)» [Русская грамматика. Т. I 1980: 305]. В научных и технических текстах встречаются образования типа «*безатомный, безналичный*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 305, 306].

Прилагательные с префиксами *им-/ир-* также выражают отсутствие

или противоположность признака: «*имматериальный, immoralный, иррациональный, иррегулярный*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 307].

Наиболее часто используемым является префикс *не-*, который образует прилагательные с широким спектром значений: от простого отрицания («*небольшой, непрочный*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 307]) до выражения частичной противоположности («*неглупый, неплохой*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 308]). В ряде случаев такое словообразование может придавать «дополнительный оттенок умеренности или неполной отрицательности признака» [Русская грамматика. Т. I 1980: 308].

Также в русском языке встречается префикс *противо-*, обозначающий противоположность признака, например «*противоестественный, противонаучный*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 310].

(3) Явления, смежные с отрицанием, но не тождественные ему

Прилагательные с префиксами *анти-*, *противо-* обозначают противодействие явлениям («*антибактериальный, противошумный*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 305, 310]) или защиту от них («*противовоздушный, противохимический*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 310]).

Как мы видим, прилагательные с префиксом *противо-* относятся как к группе (1), так и к группе (3): их отнесение к одной из групп зависит

от того, какие значения они выражают.

Префиксально-суффиксальные прилагательные

(1) Негация значения производящей базы

Префиксально-суффиксальные прилагательные с префиксом *без-* (*бес-*) и суффиксом *-н-* и *-енн-* выражают отсутствие предмета («*безногий, безголовый*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 329]), признака («*бездарный, безрезультатный, беспилотный, бессмысленный*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 313, 314]) или действия («*бездумный, непрерывный*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 316]). Прилагательные с префиксом *без-* и суффиксами *-н-* и *-тельн-* передают значение невозможности действия («*безутешный, беспробудный*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 316]) или его запрета («*бездоказательный, безотлагательный*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 317]).

Словообразование глаголов

Префиксальные глаголы

(1) Негация значения производящей базы

Префикс *дис-* называет действие, противоположное по отношению к действию, называемому мотивирующим глаголом, например глагол *дисгармонизировать* – «совершать действие, противоположное действию по глаголу *гармонизировать*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 359].

(2) Выражение значения недостаточности как компонента значения деривата

Префикс *недо-* используется для образования глаголов, которые обозначают неполное выполнение действия; например, глаголы «*недовыполнить, недоест* или *недооценить* указывают на то, что действие не было доведено до необходимой нормы» [Русская грамматика. Т. I 1980: 362].

(3) Явления, смежные с отрицанием, но не тождественные ему

Префиксы *де-* и *дис-* также используются для выражения значения действий, которые не сводятся к простому отрицанию, а подразумевают противопоставление или противодействие. Например, глаголы «*дисквалифицировать, демаскировать*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 359]) обозначают не просто отсутствие маскировки или квалификации, а действие по их устранению.

Словообразование наречий

Префиксальные наречия

(1) Негация значения производящей базы

Наречия с префиксом *не-*, образованные от других наречий или деепричастий, часто выражают отрицание, например «*невдалеке, невдали, недаром, недалече; не видя, не глядя, немедля, нехотя*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 402].

Местоименные наречия с префиксом *ни-* «указывают на отсутствие предмета, признака или действия, названного мотивирующим словом: <...> *никак*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 412].

Префиксально-суффиксальные наречия

(1) Негация значения производящей базы

Наречия с префиксом *без-* и суффиксом *-у* выражают признак через отсутствие действия, названного мотивирующим глаголом, например «*без просыпу* (от просыпаться), *без умолку* (от умолкать)» [Русская грамматика. Т. I 1980: 407].

Наречия с префиксом *не-* и суффиксальными формантами (например, «*невпроворот, невтерпеж, невмоготу*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 410]) выражают модификационное значение отрицания или отсутствия признака.

В.В. Лопатин особо отмечает, что существует группа производных слов, которые выражают негативное отношение говорящего к объекту, связанное с его аксиологической оценкой. Отнести данные слова к дериватам, выражающим значение негации того, что называет производящая база, не представляется возможным. Для разграничения данных явлений приведем примеры таких словообразовательных моделей.

Суффиксальные существительные

Существительные с суффиксом *-атин(а)* (или *-ятин(а)*), образованные от качественных прилагательных, часто выражают неодобрительную оценку. Например, слова «*кислятина, тухлятина,*

пошлятина» ([Русская грамматика. Т. I 1980: 173]) подчеркивают отрицательное отношение говорящего к объекту. Однако в некоторых случаях, таких как «*вкуснятина, свежати́на*» ([Русская грамматика. Т. I 1980: 173]), такая оценка отсутствует.

Существительные с суффиксом *-щин(а)*, такие как «*безалаберщина* или *любительщина*, выражают признак как отрицательно оцениваемое явление» [Русская грамматика. Т. I 1980: 269].

Префиксальные существительные

Существительные с префиксом *анти-* выражают значение «нечто противоположное или противодействующее тому, что названо мотивирующим существительным: *антигерой*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 227] – очевидно, что отношение к *антигерою* является отрицательным. Таким образом, как мы видим, префикс *анти-* в русском языке способен выражать как значение отрицания, так и значение отрицательного отношения к объекту.

Префиксально-суффиксальные существительные

Примером может служить слово *перестарок*, образованное с помощью префикса *пере-* и суффикса *-ок*. Оно «выражает чрезмерность и доведенность до отрицательного результата» [Русская грамматика. Т. I 1980: 238].

Суффиксальные прилагательные

Прилагательные с суффиксами *-ническ(ий)* и *-тельск(ий)*,

образованные от глаголов, часто обозначают «отрицательно оцениваемые действия: *распекательский*» [Русская грамматика. Т. I 1980: 294].

Префиксальные прилагательные

Прилагательные с префиксом *около-*, такие как *окололитературный* или *околонаучный*, часто имеют «отрицательно-оценочную экспрессию с оттенком "примыкающий к... "» [Русская грамматика. Т. I 1980: 308].

Глаголы

Глаголы с суффиксами *-и-*, *-нича-*, *-ствова-* часто называют отрицательно оцениваемые действия. Например, «*мудрить* (разг.) (мудрый), *ловчить* (прост.) (ловкий)» [Русская грамматика. Т. I 1980: 335], «школьник – *школьничать* (разг.), акробат – *акробатничать* (разг.)» [Русская грамматика. Т. I 1980: 341], «герой – *геройствовать* (разг.), *новаторствовать*, *генеральствовать* (прост.)» [Русская грамматика. Т. I 1980: 343].

1.4.2.2 Выражение отрицания с помощью частиц

Описывая в 1 томе «Русской грамматики» (1980) способы выражения отрицания при помощи частиц, Н.Ю. Шведова указывает, что в этой функции используется два слова – *не* и *ни*.

Частица *не* выражает общее или частное отрицание (например, «*Он не приехал*»; «*Он приехал не сегодня*»), а также может выражать дополнительные оттенки значений: неопределенность (например, «*едет –*

не едет»), длительность действия (например, «*черпать не исчерпать*»), эмоциональную окраску (например, «*не налюбуется*») или категоричность (в конструкциях с инфинитивом, например «*знать не знаю*») и др. (см. [Русская грамматика. Т. I 1980: 726]).

Частица *ни* выражает значение отрицания в нераспространенном предложении в целом (например, «*Ни души*»; «*Ни звука*») или при его распространении, выражая дополнительно значение усиления (например, «*Мы не слышали ни звука*»), а также используется со значением союзного перечисления (например, «*Для тебя нет ни письма, ни посылки, ни телеграммы*») (см. [Русская грамматика. Т. I 1980: 726]).

1.4.2.3 Выражение отрицания в предложении

К.В. Габучан, рассматривая во 2 томе «Русской грамматики» (1980) «грамматические средства выражения отрицания в предложении», относит к ним частицу *не* (например, «*Он не читает*»), частицу *ни* (например, «*Ни копейки*»), отрицательные местоимения и наречия с префиксом *не-* (например, *некого, нечего, негде, некогда*), местоимения и местоименные слова с префиксом *ни-* (например, *никто, ничто, никакой*), предикативы «нет», «нельзя», «невозможно», «немыслимо» (например, «*Нет времени*», «*Ехать нельзя*») (см. [Русская грамматика. Т. II 1980: 402]). Особо выделяется слово «нет» как «эквивалент отрицательного предложения или его главного члена, употребляющийся в ответных репликах или при противопоставлении» [Русская грамматика. Т. II 1980:

402].

Также исследователем указывается, что по функциональному отношению к предложению отрицание бывает обязательным (например, «*Никаких проблем*»), факультативным (например, «*Книга не интересная*») или невозможным: «отрицание предложением не принимается» (например, «*Цветов!*», «*Народу!*») (см. [Русская грамматика. Т. II 1980: 402]).

Следует заметить, что предлоги как средство выражения отрицания в «Русской грамматике» (1980) не описываются.

1.4.3 Описание способов выражения отрицания в исследовании

А.И. Бахарева

Системное описание средств отрицания обнаруживается в диссертационном исследовании А.И. Бахарева «Отрицание в русском языке (сущность, способы выражения, история развития и современное состояние)» (1996).

Согласно наблюдениям исследователя, наиболее распространенными средствами выражения отрицания являются частица *не* и приставка *не-¹*, используемые во всех функциональных стилях современного русского языка. Частица *не* употребляется как самостоятельно, так и в составе устойчивых сочетаний типа «далеко не,

¹ В диссертационном исследовании А.И. Бахарева используется термин «приставка».

вовсе не, отнюдь не» [Бахарев 1996: 223, 224], а также входит в структуру отрицательно-противительных и отрицательно-разделительных союзов «не только, но и; не столько сколько; не то; не то что, а; не то чтобы, а и др.» [Бахарев 1996: 225].

Приставка *не-* активно используется в словообразовании, особенно в научной, юридической и технической сферах, где она обозначает отсутствие действия или состояния (например, «недопущение, неучастие, неявка» [Бахарев 1996: 222]), а также служит для образования дериватов, называющих новые понятия (например, «неуничтожаемость, неулучшаемость» [Бахарев 1996: 223]). Близкой по значению к ней является приставка *без-*(*бес-*), которая, в отличие от *не-*, обычно указывает на полное отсутствие признака (например, «бездомный, безветрие, бессильный» [Бахарев 1996: 226]), тогда как *не-* выражает более слабую степень отрицания или отказ от качества (например, «несильный» [Бахарев 1996: 226]).

Помимо *не-* и *без-*(*бес-*), в современном русском языке функционируют и другие негативные приставки: «*противо-*, *анти-*, *а-*(*ан-*), *де-*, *дез-*, *дис-*, *контр-*, *ин-* (*ир-*, *им-*), *ре-*» [Бахарев 1996: 226], которые реализуют различные типы отрицательных значений: противопоставление (*контрреволюция*), устранение или отмену (*демонтаж*, *дезинфекция*), противоположность (*дисгармония*), отсутствие свойства (*асимметричный*, *аморальный*), а также обратность

действия (*резэкспорт*) (см. [Бахарев 1996: 226–228]).

Обращает на себя внимание то, что А.И. Бахарев рассматривает в одном разделе средства двух уровней – предлог *без* и приставку *без-*, оценивая их как средства этимологически связанные и во многом схожие по своему функционированию (см. [Бахарев 1996: 173, 174]). Определяя семантические особенности предлога *без*, исследователь отмечает, что он «всегда указывает на отсутствие предмета» [Бахарев 1996: 226]¹. Помимо этого, к предлогам, выражающим значение отрицания, А.И. Бахарев относит слова *несмотря на*, *невзирая на* (см. [Бахарев 1996: 180, 224]). Помимо этого, исследователь называет предлоги *вопреки*, *против*, которые связаны с выражением значения противопоставления, имеющего «прямое отношение к отрицанию» [Бахарев 1996: 299].

К лексическим средствам выражения отрицания исследователь относит наречие *нельзя*, указывающее на запрет или невозможность действия, а также слово *нет*, способное функционировать как слово-предложение или главный член безличного предложения (см. [Бахарев 1996: 228]). В разговорной речи используются и синонимичные формы отрицания («никак нет, нету» [Бахарев 1996: 229]), а также фразеологизированные и разговорные сочетания типа «ни в какую» [Бахарев 1996: 230].

¹ Более развернуто семантика свободной именной синтаксемы «без + форма родительного падежа» описывается в «Синтаксическом словаре» Г.А. Золотовой. Выделяя различные значения, выражаемые данной синтаксемой, Г.А. Золотова во всех случаях указывает в качестве компонента ее значения сему 'отсутствие' (см. [Золотова 2006: 37–40]).

Активно используемым средством выражения отрицания является приставка-частица *ни*, функционирующая в составе отрицательных местоимений и местоименных наречий (например, «никто, ничто, некого, никакой, ничей» [Бахарев 1996: 230]), а также устойчивых сочетаний (например, «ни к чему, ни при чем, ни за что» [Бахарев 1996: 230, 231]). В современном русском языке отрицание выражается многими фразеологизмами и устойчивыми сочетаниями, особенно с частицей *не* (например, «наильно мил не будешь» [Бахарев 1996: 233]).

Средства выражения отрицания активно участвуют в формировании синтаксических структур, включая односоставные предложения, в которых отрицательный компонент является обязательным (например, «Ни души; Ничего лишнего; Никого знакомого; Никакого порядку» [Бахарев 1996: 244]), а также в составе союзов, где, помимо отрицания, реализуются соединительные, противительные и разделительные значения (например, «не...не...; не столько..., сколько; не то..., а...») [Бахарев 1996: 253–257].

Отрицание в сложных предложениях выражается с помощью целого ряда средств, прежде всего производных союзов, включающих в свой состав частицы *не* и *ни*: «ни... ни...» (двойное отрицание), конструкции «не только... но...», «не то... а...» (противопоставление), «чтобы не...», «пока не...» (запрет или временная невозможность), местоимения «никто», «ничего», «никакой» и сверхфразовые

конструкции, связывая части предложения и выражая отрицание, противопоставление или невозможность действия (например, «Не прошло дня, чтобы...») (см. [Бахарев 1996: 259–268]).

Также А.И. Бахарев описывает средства выражения отрицания при помощи интонации (см. [Бахарев 1996: 268–271]).

Наконец, А.И. Бахарев указывает, что средства выражения значения отрицания используются при образовании дериватов, обозначающих абстрактные понятия (например, «небытие, не-Я» [Бахарев 1996: 170, 281]), а также слов, выражающих значения, не сводимые к простому отсутствию признака («несчастье – это не просто "отсутствие счастья", а "горе, беда"; Безнравственность – это не "отсутствие нравственности"; Невоспитание – это не "отсутствие воспитания"») [Бахарев 1996: 283]).

1.4.4 Описание способов выражения отрицания в исследовании

Т.В. Степановой

В диссертационном исследовании Т.В. Степановой «Категория отрицания в морфемной структуре слова (на материале диалектной речи)» (2008) рассматриваются слова с приставками *не-* и *без-*¹ в диалектной лексике с точки зрения их структурной и семантической организации. Работа Т.В. Степановой содержит важную для оценки негативной информации, поскольку в ней рассматриваются

¹ В диссертационном исследовании Т.В. Степановой используется термин «приставка».

приставочные дериваты, выражающие значение отрицания при именовании человека.

В своей работе исследователь опирается на трактовку отрицания, предложенную Н.И. Толстым, который рассматривает отрицание как указание на отсутствие определенного свойства, качества или действия, а также как выражение противопоставления и полярности (см. [Толстой 1971: 282]).

Негативно-приставочная лексика интерпретируется исследователем как средство выражения нормы и оценки отклонения от нее (см. [Степанова 2008: 16]). При анализе аксиологического аспекта употребления таких слов Т.В. Степанова учитывает позицию Н.Д. Арутюновой, которая считает, что в области аксиологических понятий норма скорее соответствует позитивному концу шкалы, а не ее среднему значению (см. [Арутюнова 1999: 66, 199]).

Следует заметить, что, исследуя особенности использования приставок *не-* и *без-*, Т.В. Степанова особое внимание обращает на их связь, в том числе и этимологическую, с частицей *не* и предлогом *без*, также выражающими значение отрицания (см. [Степанова 2008: 48, 81, 146]), и отмечает существующие сложности в разграничении частицы *не* и приставки *не-* (см. [Степанова 2008: 155]).

С опорой на работы Ю.С. Степанова [Степанов 1981], Е.А. Магазеевой [Магазеева 2000] и М.Н. Янценецкой [Янценецкая 1985]

исследователем выделяются два обобщенных тематических класса приставочных существительных, выражающих значение отрицания – «Человек» и «Природа».

Тематическая группа «Человек» в диалектной лексике с негативными приставками *не-* и *без-* отражает физические, психические, социальные и культурные характеристики человека. По мнению Т.В. Степановой, необходимо «отделить наименования человека от названий его свойств, качеств, состояний и представить соответствующие подгруппы внутри тематической группы "Человек"» [Степанова 2008: 21], что позволяет исследователю выделить семь подгрупп (сфер). Физическая сфера включает слова, обозначающие внешность, здоровье и возраст, например «*нескладёха* ‘о нескладном, плохо сложенном человеке’» и «*безгодок* ‘ребенок в возрасте до одного года’» (см. [Степанова 2008: 21–24]). Психическая сфера охватывает интеллект, характер и эмоциональное состояние, например «*неуч* ‘необразованный человек’» и «*недоволь* ‘всегда и всем недовольный человек’» (см. [Степанова 2008: 24–27]). Психофизическая и психосоциальная сферы отражают отношение к труду и социальным нормам, например «*неделуха* ‘человек, не умеющий ничего делать’» и «*неверник* ‘не верующий в Бога’» (см. [Степанова 2008: 28–31]). Социальная сфера охватывает родственные связи, семейное положение и имущественное состояние, например «*беззамужница* ‘старая дева’» и «*неженим* ‘старый холостяк’» (см.

[Степанова 2008: 32, 33]). К двум оставшимся сферам исследователь относит слова, не называющие человека, но именующие предметы, имеющие к нему отношение. Сфера материальной культуры включает обозначения одежды, обуви, домашней утвари и пищи, например «*безрукавница* ‘мужская жилетка без рукавов’» и «*невейница* ‘хлеб, испеченный из муки, смолотой из невеяного зерна’» (см. [Степанова 2008: 33, 34]). Выделяемая последней сфера «Транспортные пути и пути сообщения» включает слова типа «*бездорожина, бездорожица* ‘плохая, непроезжая дорога; бездорожье, распутица’» (см. [Степанова 2008: 33, 34]).

Тематическая группа «Природа» в классификации Т.В. Степановой включает лексику, отражающую различные сферы природного мира, значимые для носителей диалектной речи. В ее составе выделяются следующие подгруппы: «растительный мир», «животный мир», «земля и земельные угодья» и «метеорологические явления». Так, к названиям растений относятся лексемы, обозначающие отсутствие семян или плодов, например, «*бессемянка* ‘мужская особь конопли; конопля, предназначенная только для волокна, не дающая семян’» (см. [Степанова 2008: 34]), а в подгруппе животного мира представлены наименования домашних и диких животных, характеризующихся через какой-либо отрицательный признак, например «*нетель* ‘ни разу не телившаяся корова; телка двух лет от роду’», «*неприятель* ‘о змеях’» (см. [Степанова

2008: 34]). Земельные угодья описываются преимущественно с точки зрения их хозяйственной непригодности или труднодоступности, например «*неудобие* ‘неудобная, непригодная для обработки и посева земля’» и «*непроходняк* ‘непроходимый, густой лес’» (см. [Степанова 2008: 35]). В подгруппу «Метеорологические явления» включаются обозначения неблагоприятных природных условий, например «*беспогодые* ‘плохая погода’» (см. [Степанова 2008: 35]).

Наряду с существительными Т.В. Степанова анализирует тематические группы негативно-приставочных прилагательных, опираясь на классификацию А.Н. Шрамма [Шрамм 1974; 1976; 1979]. В основе классификации данных слов лежит оценка типа сочетаемости прилагательных с именами существительными, что позволяет выявить, какие признаки приписываются различным объектам внеязыковой действительности. В зависимости от этого выделяются прилагательные, характеризующие человека и другие живые существа, неодушевленные предметы, природные явления и др.

Прилагательные, относящиеся к сфере «Человек», описывают индивида по физическим, психическим, социальным и моральным параметрам, отражая оценку внешности, интеллектуального уровня, поведения и социального статуса, например «*невидкой* ‘невзрачный, непривлекательный с виду’», «*беспонятный* ‘бестолковый, непонятливый’», «*бездушевный* ‘нечуткий, бессердечный’» и

«*безземельный* ‘не имеющий земли’» (см. [Степанова 2008: 40–42]). Отдельно представлены прилагательные, сочетающиеся с названиями животных и фиксирующие их внешние или поведенческие особенности, например «*беспрокий* ‘неуклюжий, неловкий’ (гусенок, утята)» (см. [Степанова 2008: 42]).

В группе прилагательных, сочетающихся с неодушевленными существительными, негативная приставка служит для обозначения функциональной непригодности, дефектности или несоответствия норме. Это проявляется в характеристиках предметов труда, растений, жилища и пищи, например «*безделичный* ‘непригодный’ (крючок)», «*невзахожий* ‘не способный давать всходы’ (кукуруза)», «*недельный* ‘плохой, старый’ (дом)», «*несъедобный* ‘такой, который не употребляется в пищу, который нельзя есть’ (гриб)» (см. [Степанова 2008: 43, 44]). Аналогичным образом описываются и природные явления, оцениваемые с позиции несоответствия ожидаемым условиям, например «*беспутный* ‘о несоответствующей времени года погоде’ (погода)» (см. [Степанова 2008: 44]).

В целом анализ Т.В. Степановой показывает, что негативно-приставочная лексика с приставками *не-* и *без-* формирует значимый фрагмент языковой картины мира, отражая оценочную и классификационную деятельность носителя языка. Тематическая организация таких лексем охватывает две ключевые сферы – «Человек» и

«Природа», причем центральное место занимает первая из них. Приставка *не-* преимущественно используется в словах, выражающих абстрактную оценку и называющих личностные характеристики, тогда как *без-* чаще констатирует отсутствие конкретного предмета, признака или связи между объектами.

Таким образом, обзор работ, в которых рассматриваются способы выражения отрицания, показал, с одной стороны, наличие средств выражения отрицания на разных языковых уровнях, а с другой – бóльшую вариативность в использовании словообразовательных средств при меньшей вариативности (и, как следствие, бóльшей стандартизованности) лексических средств, используемых в сочетаниях слов разного типа (предложно-падежные формы, словосочетания, предложения). При этом некоторые средства определяются исследователями как однозначно выражающие значение отрицания, а другие – как выражающие смежные значения.

1.5 Прецедентные феномены

Во Введении нашего исследования нами было отмечено, что образование негатонимов в большинстве случаев связано с обращением к прецедентным именам, событиям и текстам: негативные псевдонимы отрицают то, что должно быть известно носителям русского языка. Вполне естественно, что очень часто производящие базы негатонимов

представляют собой такие языковые единицы, которые вызывают – в силу своей прецедентности – различные ассоциации у представителей данной культуры. Например, использование негатонима *Александр Сергеевич Не Пушкин* [Масанов 1957: 262] свидетельствует не только о том, что фамилия автора псевдонима Александра Сергеевича Соболева не Пушкин (что и так очевидно), но прежде всего порождает вполне определенные ассоциации, связанные с употреблением сочетания *Александр Сергеевич Пушкин*, в связи с чем использование частицы *не*, вызывает комический эффект: оказывается, в русской словесности есть еще один *Александр Сергеевич* (но не *Пушкин*).

В связи с этим представляется необходимым в теоретической части исследования дать определение прецедентным феноменам русского языка.

Согласно определению Р.З. Назаровой и М.В. Золотарева, «под прецедентными феноменами понимаются целостные единицы коммуникации, являющиеся апелляцией к прошлому явлению действительности и обладающие ценностной значимостью для отдельно взятой языковой личности или вплоть до лингвокультурного сообщества в целом» [Назарова, Золотарев 2015: 22]. Прецедентные феномены являются одной из главных составляющих когнитивной базы носителя языка, обращение к ним в процессе вербального общения представляет собой необходимую компетенцию коммуникантов.

В современном лингвистическом дискурсе широко используется классификация прецедентных феноменов, разработанная И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудковым и Д.В. Багаевой. В частности, в научный обиход вошли такие термины, как «прецедентный текст», «прецедентная ситуация», «прецедентное высказывание», «прецедентное имя» (см. [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997: 83]).

Под прецедентным текстом понимается завершённый и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, к которому относятся, в частности, произведения художественной литературы (например, *«Бородино»*, *«Война и мир»*), тексты песен, рекламы и политической публицистики.

Прецедентная ситуация трактуется как эталонная, культурно значимая ситуация, обладающая устойчивым набором коннотаций, признаки которой входят в когнитивную базу носителей языка. Так, в качестве прецедентной ситуации часто рассматривается евангельский сюжет о предательстве Иисуса Христа Иудой – сюжет, который в культуре закрепился как универсальный образ предательства.

Прецедентное высказывание определяется как воспроизводимая единица речемыслительной деятельности, обладающая завершённостью и относительной автономностью. Типичным прецедентным высказыванием является цитата.

Прецедентное имя представляет собой индивидуальное имя, связанное либо с широко известным текстом (например, «*Тарас Бульба*», «*Обломов*»), либо с прецедентной ситуацией, с именами литературных персонажей или исторических фигур (например, *Колумб*, *Иван Сусанин*).

Прецедентные феномены играют роль «культурной скрепы» [Лобан 2016: 121] и отражают междисциплинарное измерение культуры [Гришаева 2004: 30]. Их значимость обусловлена тем, что язык, будучи универсальным средством общения, сохраняет единство народа в исторической перспективе и объединяет его во времени, географическом и социальном пространстве (см. [Мечковская 1996: 29]). В связи с этим язык не только отражает феномены культуры, но и сам органически включен в нее, выражая и формируя культурные смыслы определенного сообщества (см. [Сепир 1993: 223]).

Таким образом, негатонимы, образованные на базе прецедентных феноменов, как социальный и культурный феномен отражают традиционные представления, верования и мировоззрение русского народа, а прецедентные феномены, в свою очередь, образуют важную когнитивно-культурную основу для понимания функций негатонимов в языке.

1.6 Языковая игра

Согласно нашему предположению, высказанному во Введении, образование негатонимов зачастую требует от их авторов использования

средств, которые описываются в лингвистике через понятие «языковая игра». В связи с этим необходимо привести сведения о том, что представляет собой этот языковой феномен.

Понятие «языковая игра» в современной лингвистике отличается размытостью и отсутствием строгих границ, что во многом связано с неопределенностью самого понятия «игра». Как отмечает Л. Витгенштейн, игра не поддается универсальной дефиниции и объединяет различные практики на основе частичных сходств (см. [Витгенштейн 1994: 90]). Такое понимание позволяет рассматривать игру как открытую категорию, применимую и к языковым явлениям.

В гуманитарных исследованиях игра трактуется как форма деятельности, не ориентированная на утилитарный результат и основанная на условности и знаковом преобразовании материала (см. [БСЭ. Т. X 1972: 79, 80]). В этом плане языковая игра понимается как особый способ функционирования языка, предполагающий осознанное использование его выразительных и структурных возможностей, включая отклонение от стандартных способов употребления языковых единиц. Подобные отклонения опираются на знание языковой нормы и не нарушают систему языка.

Интерес к языковой игре проявляется исследователями в разных гуманитарных науках – прежде всего в философии, литературоведении и лингвистике. Во второй половине XX века языковая игра становится

объектом систематического изучения в работах, посвященных разговорной речи, художественному тексту и экспрессивным средствам языка, где она рассматривается как механизм языкового творчества, реализующийся в речи с учетом коммуникативной ситуации и прагматических установок говорящего (см. [Русская разговорная речь 1983: 172, 173]).

Языковая игра представляет собой сложное лингвистическое явление, сочетающее эстетические, комические и системные свойства языка. В первую очередь она ориентирована на эстетическое восприятие высказывания, поскольку ее функционирование связано с ощущением языковой выразительности и изящества формы, что, по мнению Б.Ю. Нормана, «оправдывает само существование языковой игры» [Норман 2006: 7]. Кроме того, языковая игра часто нацелена на создание комического эффекта, который достигается за счет каламбуров, словесных шуток, пародирования, искажения и сопоставления несоединимых элементов (см. [Норман 2006: 8]). Наконец, несмотря на намеренное нарушение языковых норм, языковая игра опирается на внутренние закономерности языковой системы, что делает возможным ее научное описание и классификацию (см. [Норман 2006: 10]).

На материале русского языка языковая игра наиболее последовательно исследована в научном труде В.З. Санникова [Санников 2002]. В своей фундаментальной монографии ученый анализирует

комические эффекты на различных языковых уровнях – от фонетики и графики до прагматики и структуры текста. Для нашего исследования особый интерес представляют наблюдения автора, связанные с использованием словообразовательных средств, поскольку именно словообразовательные средства позволяют реализовать авторскую языковую игру при создании негатонима.

В.З. Санников предлагает двучленную классификацию средств словообразовательной языковой игры, выделяя, с одной стороны, случаи переосмысления уже существующих слов, а с другой – случаи создания новых лексических единиц [Санников 2002: 146–178].

Переосмысление существующих слов охватывает различные части речи и реализуется за счет нестандартного использования привычных языковых средств. При образовании существительных комический эффект возникает, в частности, в случае необычного употребления уменьшительно-ласкательных суффиксов, приводящего к нарушению ожидаемых семантических соотношений (например, «*мои детки – наши деточки*»), при использовании аффиксов, приводящем к созданию логического парадокса (например, «*полубоги*»), при использовании заимствованных структурных элементов (например, «*сантехник-сан*» с использованием японского суффикса-показателя вежливости *-сан*) (см. [Санников 2002: 147, 148]). При образовании прилагательных комический эффект чаще всего достигается либо за счет переосмысления значения

уже закрепленных в языке форм (например, «гомерический смех»), либо посредством «окачества» относительных прилагательных, которое проявляется в образовании кратких форм и степеней сравнения (например, «железен, железнее») (см. [Санников 2002: 148]). Глагольные образования в рамках данного типа языковой игры встречаются значительно реже, однако способны создавать яркий выразительный эффект, как, например, в параллельных формах типа «мужчины, женитесь – женщины, мужайтесь!» (см. [Санников 2002: 150]).

Создание новых слов представляет собой второй тип словообразовательной языковой игры и является наиболее продуктивным способом реализации ее выразительного потенциала. Как отмечает исследователь, наиболее сильный комический эффект возникает при сочетании русских и иноязычных компонентов. В рамках этого типа В.З. Санников описывает широкий спектр словообразовательных приемов, включая префиксацию, суффиксацию, префиксально-суффиксальный способ, обратное словообразование, контаминацию, аббревиацию, словосложение, а также специфические игровые приемы типа «фокус-покус» и «отпредложенческое» словообразование (см. [Санников 2002: 150–177]). При этом отдельные способы различаются по степени продуктивности и выразительности: префиксация используется сравнительно редко и преимущественно в окказиональных образованиях (например, «переперелить»), тогда как суффиксация отличается высокой

продуктивностью и ориентирована на создание шуточного эффекта (например, «*проектцы*», «*поэтцы*», «*поэтики*») (см. [Санников 2002: 152–157]). Особую выразительность демонстрируют префиксально-суффиксальные образования, в том числе притяжательные прилагательные (например, «*кесарю – кесарево, а слесарю – слесарево*») (см. [Санников 2002: 161]). К другим проявлениям данного типа относятся менее продуктивные, но выразительно значимые словообразовательные приемы, позволяющие достичь комического эффекта за счет нарушения словообразовательной нормы и игровых трансформаций. Так, при обратном словообразовании эффект возникает вследствие «незаконного» усечения префикса, суффикса или основы (например, «*Чаянно*») (см. [Санников 2002: 162]). Выделяемый исследователем способ словообразования «контаминация» основан на встраивании элементов одного слова в другое и образовании гибридных единиц (например, «*книжное оборзение*») (см. [Санников 2002: 164–167]). Аббревиация используется эпизодически и преимущественно в сатирических целях (например, «*замком по морде*»: "заместитель командующего по морским делам") (см. [Санников 2002: 168]). К специфическим игровым приемам относится прием «фокус-покус», при котором повтор слова с изменением начального звука образует рифмованное «эхо» (например, «*рюши – трюши*») (см. [Санников 2002: 168]). Словосложение служит средством усиления экспрессии, нередко с

повтором основы (например, «буль-буль, дым-дым, бай-бай») (см. [Санников 2002: 172, 173]). «Отпредложенческое» словообразование представляет собой редкий, ситуативный способ свертывания целого высказывания в единое слово (например, «молодой дьякон Владыкесвоемушуйцулобызященский») (см. [Санников 2002: 174]). Дополнительным источником комического эффекта выступает переход нарицательных имен в собственные, и наоборот (например, «*Малые трудодни, глаза у него бонапартьи*») (см. [Санников 2002: 175–178]).

Таким образом, языковая игра представляет собой осознанное отклонение от нормативных моделей при сохранении системных закономерностей языка. Особую значимость для настоящего исследования имеет то, что, как установил В.З. Санников, русский язык обладает богатым репертуаром способов реализации языковой игры, связанных со словообразованием: именно словообразовательные средства позволяют наиболее продуктивно реализовать игровые установки и выразить дополнительные прагматические и оценочные смыслы, в том числе, как это можно предположить, и при образовании негатонимов.

1.7 Выводы

В главе 1 рассматриваются теоретические основы исследования негатонимов.

Негатонимы представляют собой разновидность псевдонимов, которые в свою очередь относятся к антропонимам – именам

собственным, называющим человека. Антропонимы, будучи именами собственными, входят в класс онимов – лексических единиц, являющихся индивидуализированными обозначениями любых актуальных референтов. В связи с этим в главе рассмотрены основные положения ономастики, антропонимики и псевдонимики – разделов лингвистики, в рамках которых изучаются онимы, антропонимы и псевдонимы. В частности, отмечается, что псевдонимы как намеренно вымышленные антропонимы могут, с одной стороны, быть похожими на «настоящие» имена и фамилии людей, а с другой – принципиально отличаться от них, выглядеть необычно, что отражает те или иные задачи авторов, скрывающихся за псевдонимами. В связи с этим псевдонимы рассматриваются как такие языковые знаки, образование которых является произвольным и позволяет их авторам проявить свои творческие способности.

В главе рассмотрены исследования, в которых в той или иной мере описываются негатонимы. Установлено, что в исследованиях негатонимы упоминаются как один из типов псевдонимов, приводятся их примеры, намечаются принципы классификации, которые сводятся к установлению типовых значений, выражаемых их производящими базами. Обнаруживается, что общее представление о негатонимах состоит в том, что они должны изучаться на стыке разных научных направлений – словообразования, семантики, прагматики.

Альтернативным названием негатонимов является термин **негативные псевдонимы**, что является свидетельством того, что конституирующей особенностью данной группы слов признается то, что все они выражают значение отрицания. В связи с этим в главе в разных аспектах рассмотрена категория «отрицания»: а) на основе определений толковых словарей русского языка описано представление об отрицании в «наивной картине мира» человека, б) изложены различные точки зрения на отрицание в разных гуманитарных науках, в) перечислены достижения лингвистики, связанные с изучением категории «отрицание».

В связи с тем что выражение значения отрицания связано с использованием средств разных языковых уровней, категория «отрицание» рассматривается современными лингвистами в рамках понятия «функционально-семантическое поле». В то же время, поскольку негатонимы представляют собой лексические реализации данной категории, представляется целесообразным их рассмотрение с опорой на понятие «лексико-семантическое поле». При этом следует учитывать, что вне зависимости от своей структуры негатонимы представляют собой однотипные в прагматическом отношении номинативные единицы, используемые в качестве антропонимов, в связи с чем все они могут быть отнесены к одной лексико-семантической группе. Описание негатонимов с применением понятия «лексико-семантическая группа» позволит установить системные отношения между ними, определив, какие именно

лексемы образуют ядро и периферию ЛСГ «негатонимы».

Особенностью негатонимов как разновидности псевдонимов является также то, что они являются производными словами, словообразовательное значение которых сводится к отрицанию того, что называет их производящая база. В связи с этим в главе рассмотрены различные способы выражения отрицания в современном русском языке, причем особый акцент нами был сделан на описании словообразовательных способов. В качестве источников использовались фундаментальные исследования, посвященные общему описанию грамматического строя русского языка, и специализированные исследования, в которых рассмотрены способы выражения отрицания, в том числе словообразовательные. Подробное перечисление способов словообразования дериватов, выражающих отрицательное словообразовательное значение, мотивировано необходимостью установления тех псевдонимов, которые могут быть отнесены к негатонимам – наряду с другими причинами – еще и на основании того, что они являются частью словообразовательной пары, образованной по словообразовательной модели, зафиксированной авторитетными исследованиями в области словообразования русского языка. В частности, это касается дериватов с префиксом *недо-*, являющихся с этой точки зрения дискуссионными.

Осознание творческого характера создания негатонимов привело к

необходимости обратиться к теоретическим наработкам в области изучения двух важных языковых явлений – прецедентным феноменам и языковой игре.

Значительная часть слов, от которых образуются негатонимы, может быть оценена как прецедентные имена. В связи с этим в главе было дано общее представление о прецедентных феноменах и их разновидностях, в том числе прецедентных именах, о соотношении прецедентных феноменов и когнитивной базы носителя языка, о роли прецедентных феноменов как явления культуры, воплощенной в фактах русского языка.

В главе рассмотрено явление, именуемое языковой игрой: дано определение языковой игры, приведены сведения об изучении языковой игры в фундаментальном исследовании В.З. Санникова, перечислены типы языковой игры, связанной со словообразовательной деятельностью.

В целом в главе приведены сведения, которые, во-первых, создают теоретическую базу практического исследования негатонимов, во-вторых, позволяют уточнить направление исследования и выбрать необходимые методики и, в-третьих, подтверждают предположение о необходимости многоаспектного изучения негатонимов с опорой на научные достижения одного из разделов языкознания – словообразования.

Глава 2. Негатонимы в русском языке XVIII – первой половины XX вв.

2.1 «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова

Одним из важнейших источников сведений о русских псевдонимах XVIII – первой половины XX вв. является фундаментальный труд Ивана Филипповича Масанова – «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» (далее – словарь И.Ф. Масанова). Настоящее библиографическое издание представляет собой систематизированный свод сведений о псевдонимах, использовавшихся представителями различных сфер научной, литературной и общественной жизни, и направлено на исследование феномена «замаскированной литературы» [Грачева 1998: 401].

Иван Филиппович Масанов (1874–1945) являлся «выдающимся русским библиографом» [Боднарский 1946: 3]. Основным трудом ученого стал четырехтомный «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей», раскрывающий более 80 000 вымышленных имен (см. [Никитин 1983: 48]). Методологическую основу исследования И.Ф. Масанова заложил его учитель А.В. Смирнов, требовавший «выдержки, аккуратности и точности» [Никитин 1983: 49] в библиографической работе. Работа над словарем, начатая в 1900 году, потребовала всей жизни исследователя: даже в военные годы, будучи

тяжело больным, И.Ф. Масанов продолжал систематизировать материалы об анонимных публикациях (см. [Никитин 1983: 50, 51]). Современники высоко оценивали научную ценность его работ: А.В. Дерман называл его труд «граничащим с подвигом» (цит. по [Никитин 1983: 50]); также показательно, что «60 писателей и ученых обратились к А.В. Луначарскому с ходатайством об издании труда И.Ф. Масанова» [Никитин 1983: 51].

В основу словаря были положены разнообразные источники: архивные документы, каталоги, газетные и журнальные публикации, а также свидетельства самих авторов. Как отмечает Е.Н. Никитин, «в первую очередь просматривались всевозможные энциклопедии, библиографические справочники, мемуарная литература <...> Иван Филиппович использовал все возможности для пополнения составляемого справочника. Он просматривал книги из государственных библиотек, из частных собраний знакомых библиографов и bibliофилов, архивные собрания. Вел обширную переписку с писателями» [Никитин 1992: 94, 95]. И.Ф. Масанов оказывал глубокое и продолжительное влияние на развитие исследований русской ономастики и литературной псевдонимии. В числе трудов, созданных на основе его многолетней работы, книга Ю.И. Масанова «В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок» (1963), написанная сыном И.Ф. Масанова и опубликованная спустя несколько лет после смерти отца. Эта работа

представляет собой логическое продолжение фундаментального «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей», составленного И.Ф. Масановым. Вклад И.Ф. Масанова в изучение псевдонимов подробно исследован в ряде работ (см. [Стручева, Шапошников 2005], [Сухоруков 2014], [Никитин 2019]).

«Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» состоит из двух отделов. Первый из них, помещенный в 1–3 томах издания, содержит приведенные в алфавитном порядке «псевдонимы русского алфавита», «псевдонимы латинского и греческого алфавитов», а также «псевдонимы с небуквенными обозначениями»¹ (астрономы, арабские цифры, римские цифры и «разные знаки» [Масанов 1958: 354]). Второй отдел опубликован в четвертом томе словаря и включает «алфавитный список авторов, псевдонимы которых раскрыты в настоящем издании» [Масанов 1956: 6].

Словарные статьи первого отдела имеют определенную стандартную структуру: в качестве заголовка приводится псевдоним, далее размещается биографическая справка, которая включает указание настоящего имени автора; указание периодических изданий и сборников и/или отдельных произведений, в которых псевдоним использовался; ссылку на источники (см. [Масанов 1956: 6]).

В той части словаря, которую составляют «псевдонимы русского

¹ Термины И.Ф. Масанова; см. [Масанов 1956: 23], [Масанов 1958: 301, 347].

алфавита» (первые три тома издания за исключением последних 114 страниц тома 3), в каждом из разделов, посвященных отдельной букве, вначале приводятся псевдонимы, состоящие исключительно из инициалов, затем псевдонимы, представляющие собой «сокращения фамилий и псевдонимов», и в заключительной части – «полные формы псевдонимов» (см. [Масанов 1956: 6]). При этом, как указывает составитель, в двух последних группах в инициальную позицию во всех случаях выносятся «фамильные части псевдонимов», за которыми помещаются инициалы или имена (см. [Масанов 1956: 7]). Необходимо заметить, что выбранный автором способ организации словника мотивирован необходимостью создания пригодного к использованию читателями алфавитного списка, но в то же время лишает исследователей возможности получить информацию, связанную с порядком следования составных частей неоднословных псевдонимов. Так, в словаре обнаруживается негатоним *Ненадо, Густав* [Масанов 1957: 261], при этом в действительности, согласно другим источникам (см. [Энциклопедический словарь. Т. XV 1895: 59]), в произведениях Н.П. Кильберга, использовавшего этот псевдоним, встречается сочетание *Густав Ненадо*.

Словарные статьи второго отдела включают настоящее имя автора, годы его жизни, краткую биографическую справку и полный список псевдонимов, им использованных.

Как уже отмечалось выше, источниковая база словаря является очень разнообразной: согласно сведениям автора, при составлении словаря учитывались «все ранее опубликованные работы по русскому литературному псевдониму и различные биобиблиографические словари» [Масанов 1956: 7], а также персональные библиографии, указатели к периодическим изданиям, журналы, сборники, мемуарная литература, картотеки псевдонимов Института русской литературы АН СССР, составленные С.А. Бороздняком и С.А. Островским, материалы из архивов Гослитмузея, редакций газет и журналов, библиографов С.А. Венгерова и С.П. Шестерикова (см. [Масанов 1956: 7]). Таким образом, составитель словаря опирался на целый комплекс источников различного типа.

И.Ф. Масанов отмечает, что включенные в словарь онимы могут обладать различиями как в способах образования, так и в особенностях функционирования. Исследователь выделяет пять групп онимов, включенных в словарь: 1) «псевдонимы в подлинном смысле этого слова, а также инициалы и другие сокращения подлинных и ложных имен», 2) «действительные фамилии, если они указаны под произведениями, фактически принадлежащими другим лицам», 3) «разные знаки (звездочки, цифры и др.), поставленные под произведениями в качестве подписей авторов», 4) «действительные фамилии авторов с искаженными инициалами или искажения действительных фамилий», 5) «девичьи

фамилии писательниц, измененные при замужестве» [Масанов 1956: 6]. Таким образом, как мы видим, не все из обнаруживаемых в словаре онимов являются псевдонимами (см., например, группу 5). При этом автор отмечает, что для словаря им были отобраны только те псевдонимы, которые использовались авторами в «печатных произведениях», а онимы, употреблявшиеся в качестве партийных кличек, прозвища, бытовавшие в литературных кружках, в словарь не вошли (см. [Масанов 1956: 6]).

«Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» является главным источником для анализа негатонимов как особого вида антропонимических единиц. Несмотря на отсутствие отдельного выделения данной группы псевдонимов самим И.Ф. Масановым, в словаре зафиксировано значительное количество номинаций, содержащих в своей структуре отрицательные морфемы или выражающих семантику отрицания. Эти псевдонимы различаются как по времени создания, так и по структуре – среди них встречаются как однословные, так и неоднословные образования. Примерами включенных в словарь негатонимов могут служить следующие псевдонимы: *Не артист* [Масанов 1957: 252], *Не врач* [Масанов 1957: 253], *Не-Буква* [Масанов 1957: 252], *Не-ваш* [Масанов 1957: 252], *Не Пушкин, Александр Сергеевич* [Масанов 1957: 262], *Не-Крылов* [Масанов 1957: 259], *Негорький* [Масанов 1957: 254], *Немаксим Горький* [Масанов 1957: 260], *Не Демьян, но бедный* [Масанов 1957: 255], *Невагнер и Негуно* [Масанов

1957: 252].

Таким образом, «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова служит не только библиографическим источником, но и ценным лингвистическим корпусом, позволяющим исследовать мотивационные, семантические и структурные особенности негатовимов в русском языке XVIII – первой половины XX вв.

2.2 Объем понятия «негатоним»

Понятие «негатоним», как уже было отмечено во Введении, в отечественной ономастике впервые было сформулировано В.Г. Дмитриевым, который дал ему определение, остающееся единственным в научной литературе¹. В.Г. Дмитриев относит к негатовимам антропонимы двух типов: 1) псевдонимы, которые отрицают принадлежность автора определенной «профессии, партии и так далее», 2) псевдонимы, противопологающие автора «тому или иному писателю» [Дмитриев 1980: 278].

Как показывает анализ негатовимов в «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова, данное определение требует уточнения. Во-первых, в научной литературе не описан круг явлений, которые скрываются за указанной В.Г. Дмитриевым характеристикой «и так далее», в связи с чем объем

¹ См. стр. 7 данного исследования.

понятия «негатоним» остается в значительной степени неопределенным. Во-вторых, на наш взгляд, к негатонимам могут быть отнесены псевдонимы, отрицающие тождественность автора не только писателям, но и лицам других профессий, например журналистам (*Не-Каразин* [Масанов 1957: 258]), композиторам (*Невагнер и Негуно* [Масанов 1957: 252]), политическим деятелям (*Не Ленин* [Масанов 1957: 260]) и под. В-третьих, установленные определением В.Г. Дмитриева параметры отнесения псевдонимов к негатонимам не позволяют оценить в качестве таковых значительное количество слов, которые формально, семантически и прагматически вполне соотносимы с негатонимами типа *Не-Жуковский* [Масанов 1957: 256], *Не-Некрасов* [Масанов 1957: 261] и под. Речь идет о таких словах, как, например, *Не-Аз* [Масанов 1957: 252], *не-В.* [Масанов 1957: 240], *Не-Буква* [Масанов 1957: 252]: указанные псевдонимы отрицают тождественность авторов другим авторам, которые сами скрываются за псевдонимами *Аз, В.* и *Буква*¹.

В связи с этим, на наш взгляд, понятие «негатоним» нуждается в уточнении. В частности, должны быть разработаны критерии отнесения псевдонимов к негатонимам.

2.2.1 Критерии отнесения псевдонимов к негатонимам

На наш взгляд, определение псевдонима как негатонима возможно при наличии трех признаков, при этом два из них (формальная

¹ См. подробнее раздел 2.4.2.

отрицательная маркировка и значение отрицания как семантическая характеристика псевдонима) являются обязательными.

1. Формальная характеристика: наличие отрицательной маркировки.

Наличие формантов, выражающих значение отрицания, является одним из двух основных критериев отнесения псевдонима к негатонимам. Формальные средства отрицательной маркировки можно разделить на четыре типа в зависимости от того, в состав каких сочетаний они входят.

(1) Используются морфемы, входящие в состав основы однословного негатонима или одного из слов, образующих неоднословный негатоним, и выражающие значение отрицания. Наиболее продуктивным средством является префикс *не-*, например *Не-Архангельский* [Масанов 1960: 16], *Нелюбитель* [Масанов 1957: 260], *Не-лишний* [Масанов 1957: 260]. Помимо этого, при реализации префиксального способа словообразования используются префиксы *ни-* и *недо-*, например *Никто, Я.* [Масанов 1957: 270], *Недоумевающий Искровец* [Масанов 1957: 255]. Префиксы *без-/бес-* и *за-* и суффикс *-н-* используются при реализации префиксально-суффиксального способа словообразования, например *Бездомный* [Масанов 1956: 150], *Беспощадный* [Масанов 1956: 158], *Защитный* [Масанов 1956: 391]). Форманты *горе-* и *лже-* используются при образовании негатонимов *Горе-Богатырь* [Масанов 1956: 297] и *Лжедмитрий* [Масанов 1957: 121]

способом сложения¹ (полный список морфем, выражающих значение отрицания, см. в разделе 2.5.1).

Представляется необходимым отметить, что негативизмы данного типа могут представлять собой как авторские неологизмы (например, *Не-Архангельский*), так и зафиксированные словообразовательными и толковыми словарями лексемы, которые с точки зрения словообразовательной системы современного русского языка могут быть оценены как производные (например, *Бездомный*).

(2) Используется частица *не*, в сочетании с отдельным словом образующая единую номинативную единицу, но при этом воспринимаемая не как префикс *не-*, а как служебное слово, например *Не поэт* [Масанов 1957: 262], *Не я* [Масанов 1957: 264].

(3) В ряде случаев отрицание выражается в однословных конструкциях, где частица *не* выступает как компонент, относящийся или к одному из слов, или к однословной части синтаксической конструкции, или к синтаксической конструкции в целом. Подобные образования могут иметь форму словосочетания или предложения: *Не истинно русский* [Масанов 1957: 258], *Не Вальтер Скотт, а Ланской* [Масанов 1957: 252], *Не спрашивай, кто я* [Масанов 1957: 263]. К этому

¹ Необходимо заметить, что вопрос о статусе формантов типа *горе-* и *лже-* является дискуссионным. Так, Н.Д. Арутюнова пишет, что морфема *лже-* является префиксом (см. [Арутюнова 2009: 7]), в то время как в «Русской грамматике» (1980) указывается, что подобные морфемы следует считать корневыми (см. [Русская грамматика. Т. I 1980: 242, 243]). Помимо того, морфемы *горе-* и *лже-* оцениваются как префиксоиды, которые представляют собой «корневые морфемы, употребляющиеся в функции префиксов и занимающие в слове их позицию» [Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык. Т. I. 2014: 507]. Проблеме оценки формантов данного типа посвящены работы [Русакова 2013], [Петрухина 2024].

же типу относятся негатонимы, которые являются именными сочетаниями, при этом одна из составляющих их частей подвергается негации, например *Александр Сергеевич Не Пушкин* [Масанов 1957: 262].

(4) Особую группу негатонимов составляют неоднословные псевдонимы, включающие в свой состав синтаксемы с предлогом *без*, например *Абеляр без Элоизы* [Масанов 1956: 84], *Товарищ без претензий* [Масанов 1958: 170], *Человек без селезенки* [Масанов 1958: 232].

Таким образом, можно сказать, что формальная отрицательная маркировка в негатонимах реализуется на разных уровнях – от словообразовательного до синтаксического.

2. Семантическая характеристика: значение отрицания.

Согласно рассмотренным в разделе 1.2 концепциям, категория «отрицание» охватывает широкий круг семантических явлений, которые не всегда могут быть оценены однозначно. В связи с тем, что одной из основных целей создания негатонима является конструирование такого языкового знака, который может быть использован в качестве антропонима, т.е. имени собственного, называющего конкретного человека, в определении своеобразия семантики данного типа псевдонимов представляется целесообразным исходить из того, что негатоним является таким языковым знаком, который: а) называет человека А, б) характеризует его по отношению к объекту В, называемому производящей базой данного негатонима, в) устанавливает,

что А полностью или частично не тождествен В или что А полностью или частично не свойственно то, что называет производящая база, обозначающая В.

Семантика отрицания в негатонимах при этом может реализовываться по-разному: лицо, называемое негатонимом, может определяться через его нетождественность конкретному лицу, называемому именем собственным (например, *Не-Жуковский* [Масанов 1957: 256]); через нетождественность лицу, характеризующему по принадлежности определенной социальной группе (например, *Не-критик* [Масанов 1957: 259]); через невозможность отождествления с каким-либо лицом (например, *Никто* [Масанов 1957: 269, 270]); через нетождественность самому себе (например, *Не-я* [Масанов 1957: 264]) и др.

Таким образом, негатонимы образуют семантически единую группу псевдонимов, объединенных общим значением отрицания, которое конкретизируется в зависимости от того, обозначение какого объекта и в каком аспекте подвергается отрицанию.

3. Функционально-прагматическая характеристика.

Выбирая негатоним в качестве псевдонима, автор реализует себя как языковая личность, учитывая при этом фактор адресата и преследуя определенные цели, которые могут быть связаны с выражением различных субъективных модусных смыслов. Прагматический аспект

изучения негатонимов представляется наиболее сложным, поскольку зачастую выбор негатонима обусловлен личностными причинами и требует от исследователя знаний не только чисто лингвистических, но и источниковедческих. Например, установление прагматики негатонима *Не-Буква* (= Илья Маркович Василевский) [Масанов 1957: 252] возможно только в том случае, если адресату известно, что автор псевдонима И.М. Василевский был однофамильцем другого известного в конце XIX – начале XX вв. журналиста и писателя И.Ф. Василевского, который часто публиковал свои тексты под псевдонимом *Буква* [Масанов 1960: 94].

Тем не менее, некоторые прагматические значения могут быть установлены исходя из оценки уместности использования того или иного слова в качестве негативного псевдонима как такового. К ним относятся тесно связанные с типовыми семантическими значениями такие прагматически обусловленные явления, как ирония, комический эффект и протест.

(1) Ирония

Ирония представляет собой «троп, состоящий в употреблении слова или выражения в смысле, обратном буквальному с целью насмешки» [Розенталь, Теленкова 1985: 91]. Многие негатонимы подчеркнута ироничны, например таковы псевдонимы *Безумный* [Масанов 1956: 151] или *Неграмотный, Антон* [Масанов 1957: 254] – вряд ли можно всерьез предположить, что один автор действительно

считает себя безумным, а второй признает свою неграмотность.

(2) Комический эффект

Комический эффект представляет собой «результат когнитивной деятельности автора и реципиента, ответ на порожденное автором высказывание – "комический эффект всегда обусловлен неожиданностью и являет собой свежее сочетание идей" (цит. по [Блинова 2007: 81]), приводящее к созданию новых языковых единиц или актуализации альтернативных значений существующей языковой единицы» [Ильенкова 2023: 118].

В частности, автор псевдонима может сконструировать парадоксальный негатоним, значением которого является утверждение о нетождественности автора самому себе. Образование таких негатонимов требует от авторов использования средств языковой игры и направлено на создание комического эффекта. При этом авторами используются различные способы образования таких псевдонимов, как *Не-я* [Масанов 1957: 264] (словообразовательный способ), *Это не я* [Масанов 1958: 273] (синтаксический способ – моделирование предложения), *Никто, Я.* [Масанов 1957: 270] (создание комбинации инициала *Я.* и «фамилии» *Никто*, совокупность которых образует предложение *Я никто*¹).

(3) Протест

¹ То, что элемент *Я.* представляет собой инициал, используемый с точкой, подтверждается данными энциклопедии «Русские писатели», в которой псевдоним писателя Е.П. Карпова приводится с другой последовательностью элементов: «В 1885, освобожденный от гласного надзора, К. поселился в Орле, где сотрудничал в газ. "Орлов. вест." (псевд. Я. Никто, Я. Н)» [Русские писатели Т. II 1992: 496].

Протест представляет собой «коммуникативный акт отрицания и отклонения с целью изменить существующую ситуацию или воспрепятствовать какому-то намерению» [Куссе 2021: 1]. Некоторые негатонимы выражают несогласие автора с общественными нормами или политическими взглядами, например *Не-депутат* [Масанов 1957: 255] – отрицание принадлежности к политической элите, *Не-либеральный скептик* [Масанов 1957: 260] – выражение несогласия с либеральной идеологией и критическое отношение к ее ценностям.

Таким образом, к негатонимам относятся псевдонимы, обладающие определенным формальным, семантическим и прагматическим сходством. Реализация трех описанных характеристик может различаться, проявляясь в разных случаях в том или ином виде. В связи с этим представляется важным определить то, какое место занимают эти псевдонимы в образуемой ими ЛСГ «негатонимы».

2.2.2 Структура лексико-семантической группы «негатонимы»

Согласно высказанному нами в разделах 1.3 и 1.6 предположению, негатонимы образуют лексико-семантическую группу, в структуре которой можно выделить ядро (центр) и периферию.

На наш взгляд, ядро ЛСГ «негатонимы» составляют слова, имеющие формальные признаки отрицания и однозначно выражающие значение отрицания того, что называет мотиватор негатонима. К ним следует отнести:

- существительные с префиксом *не-* (например, *Не-Белинский* [Масанов 1957: 252], *Крылов и Не-Крылов* [Масанов 1957: 81], *Не-критик* [Масанов 1957: 259], *Нетехник* [Масанов 1957: 264]);

- прилагательные с префиксом *не-* (например, *Не-лишний* [Масанов 1957: 260], *Незаметный* [Масанов 1957: 256], *Ненужный человек* [Масанов 1957: 261])¹;

- глагольные формы с префиксом *не-* (например, *Нескажусь* [Масанов 1957: 263], *Нескажуся* [Масанов 1957: 263], *Незамай, Григорий* [Масанов 1957: 256]);

- местоимения с префиксом *не-* (например, *Не-я* [Масанов 1957: 264], *Не-я, К.* [Масанов 1957: 240], *Не-ваши* [Масанов 1957: 252]);

- местоимения с префиксом *ни-* (например, *Никто* [Масанов 1957: 269, 270], *Никто-не* [Масанов 1957: 270], *Никто, Я.* [Масанов 1957: 270]);

- существительные с частицей *не* (например, *Не Ленин* [Масанов 1957: 260], *Не Пушкин, Александр Сергеевич* [Масанов 1957: 262], *Не поэт* [Масанов 1957: 262], *Не юбиляр* [Масанов 1957: 264]);

- глагольные формы с частицей *не* (например, *Не стыжусь* [Масанов 1957: 264]);

- местоимения с частицей *не* (например, *Не я* [Масанов 1957: 264, 265], *Совсем не я* [Масанов 1958: 123]);

¹ Здесь и далее, определяя псевдонимы типа *Незаметный*, *Не-лишний* как «прилагательные с приставкой *не-*», мы имеем в виду частеречную принадлежность их производящей базы; безусловно, как и все другие негатонимы, рассматриваемые дериваты используются их авторами как собственные имена существительные. То же касается упоминания и других частей речи или их форм (глаголов, местоимений и др.).

- предлоги с частицей *не* (например, *Не на* [Масанов 1957: 261]);
- синтаксические конструкции различной структуры с частицей *не* (например, *Не истинно русский* [Масанов 1957: 258], *Ни под каким видом не Вор-отцов?* [Масанов 1957: 265], *Не знаю кто* [Масанов 1957: 257], *Не спрашивай, кто я* [Масанов 1957: 263], *Не Демьян, но бедный* [Масанов 1957: 255]);
- прилагательные с префиксом *без-/бес-* и суффиксом *-н-* (например, *Бездомный* [Масанов 1956: 150], *Беспощадный* [Масанов 1956: 158], *Безпечальный, Иван* [Масанов 1956: 150]);
- неоднословные негатонимы, включающие субстантивные синтаксемы с предлогом *без* (например, *Абеляр без Элоизы* [Масанов 1956: 84], *Педагог без учеников* [Масанов 1957: 355], *Человек без селезенки* [Масанов 1958: 232]).

Периферию составляют псевдонимы с имплицитной или контекстуально обусловленной отрицательной семантикой. К ним следует отнести:

- существительное с формантом *лже-* (*Лжедмитрий* [Масанов 1957: 121]);
- существительное с формантом *горе-* (*Горе-Богатырь* [Масанов 1956: 297]);
- прилагательные с префиксом *за-* и суффиксом *-н-* (например, *Защитный* [Масанов 1956: 391], *Защитный поэт* [Масанов 1956: 391]).

391])).

Особо следует выделить три группы псевдонимов, относимых нами к периферии.

(1) Первая группа включает два псевдонима с формантом *недо-*. Первый из них – *Недобобов, Иеремия* [Масанов 1957: 255] – может быть интерпретирован как негатоним исключительно с учетом функционально-прагматического аспекта его использования (см. подробнее в разделе 2.6.1). Вторым из них является псевдоним *Недоумевающий Искровец* [Масанов 1957: 255], в составе которого обнаруживается причастие, оценка которого в морфемных и словообразовательных словарях не является однозначной. Так, в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова в данном слове префикс не выделяется (см. [Тихонов 2003: 666]), в то время как в «Школьном словаре строения слов русского языка» З.А. Потихи оценивается как префикс (см. [Потиха 1999: 28]). В то же время лексическое значение данного слова, на наш взгляд, дает основание отнести его к негатонимам¹.

(2) Ко второй группе относятся псевдонимы, которые образованы путем сокращения компонентов, образующих негатонимы с предлогом *без* (*К. без С.* [Масанов 1957: 23], *Ч. без с.* [Масанов 1958: 226] и

¹ В ряде толковых словарей русского языка обнаруживаются толкования значения слова «недоумевать», свидетельствующие о том, что оно включает сему «отрицание»: «не постигать умом, не понимать; не знать, что делать, как быть, сомневаться, быть озадачену, в раздумье, не решаться, колебаться; стать в тупик» [Даль 1881: 531], «находиться в недоумении, не понимать, становиться в тупик» [Толковый словарь русского языка. Т. II. 1938: 503].

Человек без ... [Масанов 1958: 232]). Два из них – *Ч. без с.* и *Человек без ...* – представляют переработку псевдонима А.П. Чехова *Человек без селезенки* [Масанов 1958: 232] и без этой дополнительной информации правильно интерпретированы быть не могут.

(3) Третью группу составляют псевдонимы, которые формально напоминают негатонимы, относимые нами к ядру ЛСГ. Речь идет о псевдонимах с формантом *не*, чья отрицательная семантика ослаблена из-за того, что они совпадают с реально существующими фамилиями (например, *Неверов* [Масанов 1957: 253], *Неволин* [Масанов 1957: 253], *Незванов* [Масанов 1957: 256]). Авторы, выбравшие в качестве псевдонимов подобные существительные, возможно, ориентировались на внутреннюю форму этих слов, однако, как нам кажется, распространенность их употребления в качестве настоящих фамилий если и позволяет назвать их негатонимами, то такими, которые следует отнести к периферии данной группы слов. Эти единицы оказываются на границе лексико-семантического поля отрицания, обладая формальной, но не семантически актуализированной отрицательностью. Причисление подобных имен к периферии обусловлено ослаблением или утратой их оппозиционной функции в коммуникативной практике в силу их восприятия в качестве фамилии, не коррелирующей с какими-либо характеристиками ее носителя.

По этой причине особо важным для корректной интерпретации

подобных псевдонимов становится учет функционально-прагматического аспекта их использования. Например, относительно псевдонима писателя А.С. Скобелева, автора повести «Ташкент – город хлебный» (1923), *Неверов, А.* [Масанов 1957: 253] в научной среде высказывается предположение, согласно которому возникновение этого псевдонима связано с отношением автора к религии: «Настоящая фамилия Александра Неверова – Скобелев. Как возник псевдоним? Это не Горький даже. Не Голодный. И не Бедный. Этот псевдоним гораздо смелее и отчаяннее. Одно дело – сказать, что жизнь у тебя горькая, что ты бедный или голодный. И совсем другое дело – заявить, что ты Неверов, когда все в мире под богом. <...> Но когда я читаю его книжки, не чувствую в них вызова, антирелигиозности» [Перепелкин 2015: 11]. Таким образом, вопрос о возникновении этого псевдонима остается открытым: в автобиографических материалах писателя свидетельств того, что данный псевдоним был выбран по указанной выше причине, не обнаруживается. Однако примечательно, что, даже если автор псевдонима не планировал использовать его как негатоним, интерпретация псевдонима со стороны читателей и/или исследователей творчества писателя допускает его трактовку именно как негатонима.

В связи с этим мы сочли целесообразным выделить особую группу негатонимов, совпадающих с распространенными русскими фамилиями (см. Приложение 2). В большинстве случаев эти онимы включены в

исследования, посвященные русским фамилиям. Так, С.Б. Веселовский в своем фундаментальном исследовании, созданном в 1930–1940-ые гг., указывает многочисленные русские фамилии, начинающиеся с форманта *не-*, в том числе фамилии *Неверов, Невзоров, Нежданов, Нелюбов, Немиров, Ненашев* (см. [Веселовский 1974: 35, 173, 214–218, 220]), которые, согласно словарю И.Ф. Масанова, использовались и как псевдонимы. В труде Б.О. Унбегауна, впервые изданном в 1972 г. на английском языке, обнаруживается еще большее количество фамилий, которые, по свидетельству И.Ф. Масанова, используются также и как псевдонимы: *Неверов, Нежданов, Незлобин, Незнамов, Нелюбов, Немиров, Ненашев, Несмелов* [Унбегаун 1989: 145, 164, 165, 187]. Примечательно также, что многие из этих онимов упоминаются И.Ф. Масановым в томе 4 его словаря в качестве настоящих фамилий авторов, использовавших какие-либо псевдонимы: к ним относятся *Н.В. Неведомский, С.П. Неверин, А.С. Неверов, Н.К. Невзоров, Б.С. Неволин, К.Н. Незлобии, А.П. Нелюбин, Г.А. Немиров, Н.Н. Несмелов, И.А. Нестроев* [Масанов 1960: 332–336].

Отмеченные выше трудности в трактовке псевдонимов типа *Неверов* позволяют предположить, что в качестве дополнительного критерия отнесения негатонима к ядру ЛСГ может выступать окказиональный характер его образования: слова типа *Нетехник* не

фиксируются словарями, они явно сконструированы авторами, скрывающимися за псевдонимами, а потому негация, наличествующая в их семантике, имеет намеренный характер, отражая цель автора, придумывающего себе псевдоним. То же касается и негатонимов, которые формально имеют вид традиционных русских фамилий, но при этом включают такой мотиватор, который указывает на стремление автора достичь комического эффекта, например *Немакаров* [Масанов 1957: 260], *Не-Некрасов* [Масанов 1957: 261], *Непанов, М.* [Масанов 1957: 262].

Однако отнесение негатонима к ядру ЛСГ не обязательно подразумевает то, что негатоним является окказиональным дериватом. Так, псевдонимы, образованные на базе прилагательных и причастий с формантом *не*, с одной стороны, используются в повседневной речи, не будучи негатонимами, с другой стороны, частотность их употребления в качестве псевдонимов, явная их оценочность и, на наш взгляд, нарочитость использования говорят об осознанности их выбора именно как слов, образованных с помощью отрицательного форманта. Об этом, в частности, говорит то, что в словаре И.Ф. Масанова 2 раза встречается псевдоним *Неведомый*, но ни разу *Ведомый*; 6 раз употребляется псевдоним *Незаметный*, но ни разу *Заметный*; 18 авторов используют псевдоним *Неизвестный*, но ни один автор не называет себя *Известный* и под. (см. [Масанов 1957: 252, 256–258]).

Также следует отметить, что прилагательные и причастия с формантом *не* регулярно образуют неоднословные негатонимы, такие как *Незлобный автор, Неизменный театрал, Неисправимый резонер, Неистовый балетоман, Неответственный редактор Индеец, Непопулярный литератор, Непризнанный поэт, Неувенчанный поэт, Неудачный редактор Wlas* (см. [Масанов 1957: 257, 258, 262, 264]) и т. д., при этом атрибутивные сочетания, в которых формант *не* находился бы перед существительным (**Злобный не автор, *Исправимый не резонер* и под.), в словаре И.Ф. Масанова не обнаруживаются.

Помимо этого, следует обратить внимание и на то, что в ряде случаев авторы графически выделяют в псевдониме формант *не*, выбирая или отдельное его написание (например, *Не дикий* [Масанов 1957: 255]), или написание через дефис (например, *Не-лишний* [Масанов 1957: 260]), в то время как для псевдонимов типа *Неверов* подобная вариативность не характерна. Таким образом, особенности графического оформления негатонима также являются дополнительным критерием его отнесения к ядру или периферии ЛСГ.

Таким образом, можно констатировать, что внутри ЛСГ «негатонимы» наблюдается распределение псевдонимов между ядром, образуемым формально и семантически маркированными номинациями, и периферией, включающей псевдонимы, а) реализующие

непродуктивные словообразовательные модели, б) оцениваемые как непрямые слова, в) допускающие возможность различного толкования их лексического значения.

В результате анализа псевдонимов, включенных в словарь И.Ф. Масанова, на основании установленных нами критериев (см. раздел 2.2.1) и с учетом факторов, влияющих на отнесение псевдонимов к ядру или периферии ЛСГ «негатонимы» (см. раздел 2.2.2), нами был составлен список онимов, насчитывающий 416 единиц.

Следует заметить, что в результате анализа удалось установить, что некоторые из способов выражения значения отрицания в русском языке, указываемые в научной литературе, не используются при образовании негатонимов. Речь идет о таких языковых средствах, как префиксы *a-*, *анти-*, *дез-*, *дис-*, *им-/ир-*, *контр-*, *обез-*, *ре-*, используемых в русском языке при образовании дериватов со значением отрицания (см. обзор в разделе 1.4). Помимо этого, не обнаружены негатонимы, образованные при помощи префиксов *вне-*, *нон-*, *противо-*, которые, согласно «Словарю словообразовательных аффиксов современного русского языка», выражают значение отрицания (см. [Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка 2016: 63, 126, 203]). Наконец, не обнаружено употребление локативной субстантивной синтаксемы «за + Творительный падеж существительного» (см. [Золотова 2006: 248–251]), в переносном

значении выражающей значение отрицания (например, *за штатом* – ‘не в штате’, *за бортом* – ‘не на борту’).

Установленные негатонимы были разделены на две группы: в основной список внесены все негатонимы, относящиеся как к ядру ЛСГ, так и к ее периферии (общее количество 340; см. Приложение 1), за исключением псевдонимов, относящихся к периферии ЛСГ и совпадающих с распространенными русскими фамилиями (общее количество 76; см. Приложение 2). Деление на две группы обусловлено тем, что псевдонимы, отнесенные ко второй группе, входят в зону пересечения ЛСГ «негатонимы» и ЛСГ «фамилии» и их оценка в качестве негатонимов в обязательном порядке требует учета функционально-прагматического аспекта их использования.

2.3 Структурные особенности негатонимов

Главное структурное различие между негатонимами состоит в том, что они представляют собой однословные или неоднословные единицы.

2.3.1 Структурные особенности однословных негатонимов

К однословным негатонимам относятся лексемы с цельной морфологической структурой, в которую компонент отрицания включен на уровне словообразования. Наиболее продуктивными способами являются префиксальное и префиксально-суффиксальное словообразование с использованием аффиксов *не-*, *ни-*, *без-/бес-*, *за-* и др., например *Недекабрист* [Масанов 1957: 255], *Никто* [Масанов 1957: 269,

270], *Безумный* [Масанов 1956: 151], *Защитный* [Масанов 1956: 391].

Отрицание в таких номинациях выражено непосредственно в словообразовательной структуре, что делает их семантически прозрачными.

К однословным негтонимам, на наш взгляд, следует отнести и такие псевдонимы, которые, несмотря на свою формальную двухсловность, функционируют как единые номинативные единицы. Речь идет о негтонимах с отрицательной частицей *не*, таких как *Не врач* [Масанов 1957: 253], *Не я* [Масанов 1957: 264, 265] и т.д. В подобных сочетаниях частица *не* выполняет словообразовательную функцию, аналогичную той, которая свойственна отрицательным префиксам, что подтверждается, в частности, вариативностью написания форманта *не* с одними и теми же мотиваторами: *Не-врач* [Масанов 1957: 253] / *Не врач* [Масанов 1957: 253], *Не-я* [Масанов 1957: 264] / *Не я* [Масанов 1957: 264, 265]. Интересно, что данное положение дел касается не только именных основ, но и глагольной основы: ср. *Нескажусь* [Масанов 1957: 263] и *Не стыжусь* [Масанов 1957: 264]. Вследствие этого подобные номинации могут рассматриваться как однословные в лексико-семантическом аспекте: они выражают неделимое значение и не сводятся к комбинации частицы и существительного.

В структуре однословных негтонимов отрицание реализуется на словообразовательном уровне. В зависимости от того, как

негатоним-дериват соотносится с производящей базой, можно выделить следующие основные типы:

(1) Негатонимы, грамматически тождественные изменяемым словам. В данном случае негатоним воспроизводит все грамматические формы производящего слова. Например, псевдоним *Не-врач* [Масанов 1957: 253] образует те же падежные формы, что и слово «врач», и, таким образом, функционирует как полноценная словоформа в парадигматике существительного.

(2) Негатонимы, грамматически тождественные группе словоформ. Подобные псевдонимы соотносятся не с полной парадигмой производящего слова, а представляют собой совокупность нескольких словоформ. Например, псевдоним *Незаметный* [Масанов 1957: 256] как негатоним используется исключительно в форме мужского рода, в то время как производящая база – прилагательное *заметный* – имеет полную парадигму (изменяется по родам). Аналогично, негатоним *Непомнящий* [Масанов 1957: 262] происходит от глагола «помнить», но представлен только в форме действительного причастия настоящего времени мужского рода, тогда как производящее слово обладает более широкой системой форм.

(3) Негатонимы, грамматически тождественные одной словоформе. Такие единицы представляют собой дериваты, совпадающие с конкретной формой глагола. Например, псевдонимы

Нескажусь [Масанов 1957: 263], *Не стыжусь* [Масанов 1957: 264] – это формы первого лица единственного числа, и они не обладают признаками полной лексемы, а функционируют как отдельные, изолированные формы с четкой прагматической нагрузкой.

(4) Негатонимы, включающие основу производящей базы. К ним относятся псевдонимы, образованные префиксально-суффиксальным способом, например *Безгласный* [Масанов 1956: 150], *Защитный* [Масанов 1956: 391].

(5) Негатонимы, грамматически тождественные неизменяемым словам. К данному типу относятся негатонимы, образованные от неизменяемых онимов, например *Негуно* [Масанов 1957: 255], *Не-Данте* [Масанов 1957: 255].

(6) Негатонимы, грамматически тождественные инициалу. Следует сказать, что, с точки зрения грамматической, инициалы аналогичны неизменяемым словам, однако мы считаем необходимым выделить их в особую группу, учитывая, что производящие базы этого типа обладают уникальной структурой. Примерами негатонимов данного типа могут служить псевдонимы *Не-Б.* [Масанов 1957: 240], *не-В.* [Масанов 1957: 240].

Таким образом, структурные особенности негатонимов указывают на неоднородность их структуры и способности к формоизменению, во многом обусловленную как грамматической оформленностью

производящей базы, так и типом ее соотношения с дериватом.

2.3.2 Структурные особенности неоднословных негатонимов

Неоднословные негатонимы представляют собой сочетания из двух и более знаменательных слов, образующих определенную синтагму, в которой один или несколько компонентов выражают значение отрицания, например *Не-Македонский, Александр* [Масанов 1957: 260], *Непомнящий, Иван* [Масанов 1957: 262], *Не поминай лихом* [Масанов 1957: 262]. Неоднословные негатонимы, в отличие от однословных, представляют собой синтагматические единицы различной степени сложности и синтаксической организации. В зависимости от структуры и типа связи между компонентами данные синтагмы можно классифицировать следующим образом:

(1) Именные сочетания – это устойчивые конструкции, включающие имена, фамилии, сокращения имен, инициалы в различных комбинациях: имя + фамилия (например, *Не-Македонский, Александр* [Масанов 1957: 260]), имя + отчество + фамилия (например, *Не Пушкин, Александр Сергеевич* [Масанов 1957: 262]), сокращенное имя + фамилия (например, *Бездольный, Ив.* [Масанов 1956: 150]), инициал + фамилия (например, *Безгласный, В.* [Масанов 1956: 150]), инициалы + фамилия (например, *Бездольный, И. С.* [Масанов 1956: 150]). Данные синтагмы выступают в роли единой номинативной единицы.

(2) Словосочетания с подчинительной связью образованы

на основе разных типов связи – согласования (например, *Безшабашный корреспондент* [Масанов 1956: 151]), управления (например, *Врач без пациентов* [Масанов 1956: 254]) и примыкания (например, *Не истинно русский* [Масанов 1957: 258]). Среди негатонимов, относящихся к данному типу, можно выделить две разновидности: а) двухсловные словосочетания, чаще всего включающие в свой состав в качестве зависимого компонента согласованные (например, *Неизвестный сочинитель* [Масанов 1957: 258]) или несогласованные (например, *Человек без селезенки* [Масанов 1958: 232]) определения, б) словосочетания, включающее более чем два компонента, которые связаны разными типами подчинительных отношений (например, *Неизвестное общество неученых людей* [Масанов 1957: 257], *Аз, не имеющий ничего общего с «Азом», не помнящим родства из «Мирского Мелева»* [Масанов 1956: 89]). Негатонимы, имеющие подобную структуру, часто используются для описания различных характеристик обозначаемого объекта (т.е. автора).

(3) В структуре неоднословных негатонимов встречаются синтагмы с сочинительной связью, оформляемой с помощью союзов *и*, *а* и *но*. В зависимости от типа союза они выражают значение соединения или противопоставления знаменательных компонентов.

Конструкции с союзом *и* представляют собой соединение двух равноправных элементов (например, *Невагнер и Негуно* [Масанов 1957:

252], *Аз и Не-Аз* [Масанов 1956: 89]).

Конструкции с союзами *а* и *но* могут иметь различную структуру в зависимости от того, какой элемент подвергается негации: *не X, а Y*; *не X, но Y* или *X, но не Y* (например, *Не-Гейне, а Трэмбач* [Масанов 1957: 254], *Не Вальтер Скотт, а Ланской* [Масанов 1957: 252], *Не Шекспир, а Ланской* [Масанов 1957: 264], *Не Демьян, но бедный* [Масанов 1957: 255], *Микель, но не Анджели* [Масанов 1957: 187]).

(4) В качестве негатонимов используются предложения. Такие конструкции могут иметь различную структуру, будучи простыми (например, *Не поминай лихом* [Масанов 1957: 262]) или сложными (например, *Не спрашивай, кто я* [Масанов 1957: 263]) предложениями.

Таким образом, разнообразие синтаксических структур неоднословных негатонимов обусловлено различными типами связи между компонентами, что определяет специфику их употребления и семантические особенности.

Приведенная выше классификация демонстрирует, что неоднословные негатонимы различаются не только по своим синтаксическим характеристикам, но и по способам реализации отрицания и уровням его семантического охвата. Как мы уже отметили, негация может охватывать как отдельные элементы ономастической единицы, так и совокупность всех элементов, при этом, как показывает анализ псевдонимов, реализация того или иного типа тесно связана с

особенностями структуры негатонимов:

(1) В именных сочетаниях отрицание может быть направлено как на всю ономастическую единицу (например, *Не Козьма Прутков* [Масанов 1957: 258]), так и на один из ее компонентов (например, *Не-Македонский, Александр* [Масанов 1957: 260], *Не Пушкин, Александр Сергеевич* [Масанов 1957: 262]).

(2) В словосочетаниях с подчинительной связью в подавляющем большинстве случаев негации подвергаются один или несколько зависимых компонентов словосочетания (например, *Неизвестный сочинитель* [Масанов 1957: 258], *Неизвестное общество неученых людей* [Масанов 1957: 257]). Исключением служат четыре негатонима, в которых отрицание относится к главному компоненту: *Ни одной звезды во лбу не имеющий* [Масанов 1957: 271], *Ни под каким видом не Вор-отцов?* [Масанов 1957: 265], *Совсем не я* [Масанов 1958: 123], *Не истинно русский* [Масанов 1957: 258]. В последнем случае, оценивая формальную структуру негатонима, можно предположить, что отрицание имеет отношение к зависимому компоненту *истинно*, однако в действительности, учитывая функционально-прагматический аспект образования негатонима, следует признать, что негации подвергается сочетание *истинно русский*, которое представляет собой прецедентное высказывание (см. подробнее в разделе 2.6.1).

(3) В составе неоднословных негатонимов конструкции с

сочинительной связью представлены несколькими основными моделями.

В синтагмах с союзом *и* отрицание может распространяться на один (например, *Крылов и Не-Крылов* [Масанов 1957: 81]) или на каждый (например, *Невагнер и Негуно* [Масанов 1957: 252]) компонент.

Особо следует выделить негатоним *Не князь и не Ухтомский* [Масанов 1957: 258]: в нем связанные сочинительными отношениями и подвергаемые негации компоненты восходят к сочетанию *князь Ухтомский*, компоненты которого – титул и фамилия – не связаны сочинительными отношениями (сочетание **князь и Ухтомский* может использоваться только при именовании двух разных персон). Трансформация исходного сочетания в данном случае связана с авторской языковой игрой.

В синтагмах с союзом *а* отрицание во всех случаях распространяется на первый компонент (например, *Не Вальтер Скотт, а Ланской* [Масанов 1957: 252], *Не Шекспир, а Ланской* [Масанов 1957: 264]).

В синтагмах с союзом *но* отрицание может распространяться на первый (*Не Демьян, но бедный* [Масанов 1957: 255]) или второй (*Микель, но не Анджело* [Масанов 1957: 187]) компонент сочетания. Следует обратить внимание на то, что, как и в случае с негатонимом *Не князь и не Ухтомский*, производящей базой указанных псевдонимов являются сочетания, элементы которых не связаны сочинительными отношениями:

речь идет об именных сочетаниях *Демьян Бедный* и *Микель Анджело* – их трансформация также представляет собой авторскую языковую игру (см. подробнее в разделе 2.6.2).

(4) В структурах уровня предложения отрицание распространяется на конструкцию в целом (например, *Не поминай лихом* [Масанов 1957: 262]) или на ее компонент (например, *Это не я* [Масанов 1958: 273]).

Таким образом, в структуре негатонимов можно выделить два принципиально различных уровня реализации отрицания – словообразовательный, характерный для однословных негатонимов и неоднословных негатонимов, в составе которых негации подвергается один из компонентов, и лексико-синтаксический, связанный с использованием отрицательных частиц и синтаксисом с предлогом *без* в негатонимах любой структуры (однословных и неоднословных, с негацией одного компонента или негатонима в целом). Кроме того, отдельные примеры свидетельствуют о том, что в пределах одной синтагмы может происходить реализация разных способов отрицания (например, *Аз из «Стрекозы», не имеющий ничего общего с «Азом», непомнящим родства из «Мирского Толка»* [Масанов 1956: 89]).

2.4 Графические особенности оформления негатонимов

Графическое оформление негатонимов проявляется в особенностях слитного, раздельного и дефисного написания, выборе регистра букв и использовании нестандартных параграфемических

приемов. Рассмотрение этих аспектов позволяет выявить закономерности и функции различных способов образования и графической реализации негатонимов в письменной речи.

2.4.1 Слитное, раздельное и дефисное написание

Графическое оформление негатонимов представляет собой важный аспект их образования и функционирования в письменной речи. Оно отражает как степень грамматической и семантической интеграции отрицательного элемента с производящей основой, так и прагматические установки автора. В зависимости от способа соединения компонентов можно выделить следующие основные типы написания негатонимов:

(1) Слитное написание

Данный способ характерен для тех случаев, когда отрицательный формант (*не-*, *без-*, *за-*, *лже-* и др.) входит в состав слова, образуя в сочетании с мотиватором единую лексическую единицу. В большинстве случаев слитное написание соответствует орфографическим нормам современного русского языка: оно характерно для существительных (например, *Незнакомец* [Масанов 1957: 257], *Нетехник* [Масанов 1957: 264]), прилагательных (например, *Бездольный* [Масанов 1956: 150], *Защитный* [Масанов 1956: 391]), местоимений (например, *Никто* [Масанов 1957: 269, 270]). В других случаях слитное написание негатонимов противоречит орфографическим нормам: речь идет о предикативном наречии (*Ненадо, Г.* [Масанов 1957: 261], *Ненадо, Густав*

[Масанов 1957: 261]) и финитных формах глагола (*Нескажусь* [Масанов 1957: 263], *Незамай, В.* [Масанов 1957: 256]).

(2) Раздельное написание

Данный способ применяется в номинациях, в которых отрицание выражается при помощи частиц *не* и *ни* и предлога *без*, отделенных от знаменательного слова пробелом. Оно отражает меньшую степень лексикализации по сравнению со слитным написанием и часто маркирует негатонимы с элементами противопоставления тому, что называет производящая база псевдонима.

Отрицательная частица *не* обнаруживает устойчивую связь с отдельным словом или словоформой, сохраняя при этом относительную структурную автономность. Обнаруживаются сочетания, в которых частица *не* предшествует различным частям речи: существительное (например, *Не Ленин* [Масанов 1957: 260], *Не полтавец* [Масанов 1960: 16], *Не фельетонист* [Масанов 1957: 264]), прилагательное (например, *Не дикий* [Масанов 1957: 255]), местоимение (например, *Не я* [Масанов 1957: 264, 265], *Совсем не я* [Масанов 1958: 123]), наречие (например, *Не истинно русский* [Масанов 1957: 258]), финитные формы глагола (например, *Не стыжусь* [Масанов 1957: 264], *Не спрашивай, кто я* [Масанов 1957: 263]), предлог (*Не на* [Масанов 1957: 261]).

Особо следует упомянуть негатоним *Не Нея* ([Масанов 1957: 261]), в котором формант *не* используется два раза, при этом один раз он

пишется слитно, а другой – отдельно, что является примером авторской языковой игры.

Частица *ни* используется в конструкциях, в которых также обнаруживается и частица *не* (например, *Ни одной звезды во лбу не имеющий* [Масанов 1957: 271]).

Предлог *без* в большинстве случаев используется в сочетании с существительными (например, *Абеляр без Элоизы* [Масанов 1956: 84]), однако в двух негатонимах та же модель реализуется с использованием сокращений: *К. без С.* [Масанов 1957: 23] – использование заглавной буквы *С.* свидетельствует о том, что оба сокращения следует воспринимать как инициалы; *Ч. без с.* [Масанов 1958: 226] – негатоним А.П. Чехова представляет собой сокращение другого его известного негативного псевдонима *Человек без селезенки* [Масанов 1958: 232]¹.

Как мы видим, в случае отдельного написания соблюдаются орфографические правила русского языка.

(3) Дефисное написание

В отличие от слитных форм, дефисные негатонимы сохраняют относительную семантическую автономию компонентов, что позволяет автору варьировать их интерпретацию, например *Не-Гоголь* [Масанов 1957: 254], *Не-Крылов* [Масанов 1957: 259]. Дефисное написание представляется наиболее интересным аспектом параграфематики

¹ Негатоним *Человек без селезенки* использовался А.П. Чеховым начиная с 1882 г., негатоним *Ч. без с.* – начиная с 1883 г. (см. [Масанов 1958: 226, 232]).

негатонимов. Именно в этом случае часто происходит осознанное нарушение орфографических норм, что позволяет автору негатонима подчеркнуть свое отношение к объекту, называемому мотиватором, и создать эффект языковой игры.

В соответствии с точкой зрения В.В. Лопатина, формант *не-*, оформляемый через дефис, следует рассматривать как приставку, а не как частицу. Исследователь отмечает следующее: «Недопустимы слитные написания с одной прописной буквой в середине слова. Поэтому после начальной части слова, по основным правилам пишущейся слитно, – после приставки, первой части сложного или сложносокращенного слова – следует писать дефис, если вторая часть представляет собой собственное имя и потому пишется с прописной буквы. Примеры: *не-Россия* (...*не-России* трудно понять *Россию*. – Из газ.)» [Лопатин 2009: 97]. Кроме того, В.В. Лопатин выделяет ряд типичных случаев дефисного оформления форманта *не-*, отмечая его использование в особых контекстах: «Дефис находит применение также в специальных случаях. Для подчеркивания необычности образования, например *Предельно явив свой край и век – беспредельно являет все, что не-край и не-век: навек* (Цвет.). <...> Названия, имеющие форму словосочетаний со служебным словом (поскольку они состоят из трех частей, то пишутся с двумя дефисами): *не-тронь-меня* (растения), *любишь-не-любишь* (игра)» [Лопатин 2009: 69, 76].

Как указывает В.В. Лопатин, «написание отрицания *не* зависит от того, является ли *не* частью слова (приставкой) или отдельным словом – отрицательной частицей. Приставка *не-* пишется слитно со следующей за ней частью слова, частица *не* пишется раздельно со следующим за ней словом. Ср., например, *Не казнь страшна – страшна твоя немилость* (П.); *Нелегкий жребий, не отрадный / Был вынут для тебя судьбой, / И рано с жизнью беспощадной / Вступила ты в неравный бой* (Тютч.)» [Лопатин 2009: 92]. Таким образом, орфографическое правило отражает авторскую оценку форманта *не* в качестве префикса или частицы.

С нашей точки зрения, авторы негатонимов, использующие дефисное оформление *не-*, стремятся избежать слитного написания с заглавной буквой и подчеркнуть необычность производного образования: дефисное написание форманта *не-* в составе негатонимов выполняет функцию графического отделения отрицания от мотиватора негатонима, акцентируя на нем внимание как на семантически значимой единице, но при этом сохраняя единство лексемы.

В словаре И.Ф. Масанова обнаруживается 52 негатонима с дефисным написанием префикса *не-*. Их анализ позволил выделить восемь основных типов мотивации, отражающих разнообразные стратегии отрицания:

(1) Отрицание настоящего имени человека. Наиболее распространенный тип, при котором префикс *не-* отрицает реальное имя

автора или другого известного лица (например, *Не-Гоголь* [Масанов 1957: 254], *Не-Крылов* [Масанов 1957: 259], *Не-Каразин* [Масанов 1957: 258]). В отдельных случаях, таких как *Не-Надо, Густав* [Масанов 1957: 261], создается комический эффект, основанный на языковой игре (см. подробнее раздел 2.4.2).

(2) Отрицание имени литературного персонажа. Этот редкий тип представлен негатонимом *Не-Гарольд* [Масанов 1957: 254], актуализирующим противопоставление персонажу поэмы Дж. Г. Байрона. Имя героя используется как культурная отсылка, подлежащая иронической деконструкции.

(3) Отрицание псевдонима. В ряде случаев (например, *Аз и Не-Аз* [Масанов 1956: 89], *не-В.* [Масанов 1957: 240], *Не-Буква* [Масанов 1957: 252]) мотивацией служат уже существующие псевдонимы, в том числе принадлежащие самому автору.

(4) Отрицание принадлежности к определенной сфере деятельности (в том числе профессиональной). Данные негатонимы (например, *Не-врач* [Масанов 1957: 253], *Не-депутат* [Масанов 1957: 255], *Не-профессор* [Масанов 1957: 262]) демонстрируют отказ от ассоциации с определенной деятельностью или статусом.

(5) Отрицание принадлежности к группе лиц с определенными политическими взглядами. Данные негатонимы (например, *Не-коммунист* [Масанов 1957: 259], *Не-Народник* [Масанов 1957: 261],

Не-либеральный скептик [Масанов 1957: 260]) указывают на дистанцирование от конкретных политических групп или идеологий.

(6) Отрицание какой-либо характеристики человека (национальность, место проживания, профессиональный уровень, социальная адаптированность). В эту группу входят такие негатонимы, как *Не-еврей* [Масанов 1957: 255], *Не-сибиряк* [Масанов 1957: 263], *Не-дилетант* [Масанов 1957: 255].

(7) Отрицание того, что называет дейктическое местоимение. К данному типу относятся негатонимы, демонстрирующие отказ автора от отождествления или с самим собой (*Не-я* [Масанов 1957: 264], *Не-я, К.* [Масанов 1957: 240]), или с группой лиц, определяемых по общности с собеседником (собеседниками) (*Не-ваш* [Масанов 1957: 252]). Подобные псевдонимы, особенно с компонентом *Не-я*, представляют интерес как пример намеренного нарушения смысловой нормы, используемого для реализации языковой игры. При этом, если иметь в виду значение негатонима *Не-ваш*, в зависимости от контекста его употребления данный псевдоним можно также отнести к группам (5) и (6).

(8) В некоторых случаях мотивация негатонима не может быть установлена однозначно. Например, негатоним *Не-гласный* [Масанов 1957: 254] может быть мотивирован как прилагательным, так и существительным, называющим социально-политическую характеристику человека; негатоним *Не-бессарабец* [Масанов 1957: 252]

может указывать как на географическое происхождение, так и быть отсылкой к чужому псевдониму (*Бессарабец, Л.* [Масанов 1956: 158]). Подобные структуры отличаются семантической неоднозначностью и требуют поиска дополнительной информации для их оценки.

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы: негатонимы с дефисным написанием префикса *не-* связаны с различными типами мотивации, среди которых наиболее частотными являются отрицание настоящего имени, псевдонима, принадлежности к профессиональной или политической группе, а также индивидуальных характеристик. Некоторые псевдонимы связаны с переосмыслением дейктической функции местоимений, а в отдельных случаях мотивация остается неочевидной и требует дополнительных интерпретаций. Создание подобных негатонимов реализует авторскую языковую игру, что позволяет выразить ироничное или полемическое отношение к объекту отрицания. Значение таких негатонимов раскрывается в диалоге с читателем, предполагающем наличие фоновых знаний.

Особого внимания заслуживают случаи, когда сочетания префикса и одного и того же мотиватора реализуются в разных графических формах: пишутся слитно, отдельно или через дефис. Эти вариативные случаи наглядно демонстрируют отсутствие стабильной орфографической нормы и акцентируют внимание читателя на авторской стратегии оформления, например: *Густав Не-Надо* (= Николай Петрович

Кильберг) [Масанов 1957: 261] и *Густав Ненадо* (= Николай Петрович Кильберг) [Масанов 1957: 261], *Не Бессарабец* (= Василий Яковлевич Лучинский) [Масанов 1957: 252] и *Не-бессарабец* (= Василий Яковлевич Лучинский) [Масанов 1957: 252], *Не-врач* (= Корнелий Адрианович Дворжицкий) [Масанов 1957: 253] и *Не врач* (= Сергей Порфирьевич Швецов) [Масанов 1957: 253], *Не-гласный* (= Николай Петрович Ашешов) [Масанов 1957: 254], *Не гласный* (= Владимир Алексеевич Гиляровский) [Масанов 1957: 254] и *Негласный* (= Николай Степанович Курочкин) [Масанов 1957: 254]. Такие случаи демонстрируют, что написание *не-/не* не является строго регламентированным: выбор того или иного варианта написания в значительной мере определяется языковой традицией, нормами орфографии и прагматическими факторами, а потому требует комплексного анализа.

2.4.2 Использование строчных и заглавных букв

Прежде всего необходимо сказать, что в словаре И.Ф. Масанова псевдонимы представлены в качестве заголовков словарных статей и пишутся с заглавной буквы. В связи с этим представленный ниже анализ авторского выбора строчного или заглавного написания букв касается исключительно мотиваторов – частей производящих баз, вошедших в состав негатонимов.

В системе графического оформления негатонимов выбор регистра первой буквы мотиватора – строчной или заглавной – служит средством

смыслового выделения. Анализ языкового материала показывает, что данный параметр не является свободной вариацией, а чаще всего указывает на происхождение лексемы (нарицательное или собственное имя).

Выбор строчной инициальной буквы мотиватора характерен для негатонимов, производных от нарицательных существительных, а также других частей речи, например прилагательных. Такие слова обычно обладают категориальной принадлежностью к именным частям речи и служат для выражения отрицательных признаков или отсутствия определенных свойств, таких как определенный социальный статус, качество, поведение или состояние, например *Не-врач* [Масанов 1957: 253], *Безпокойный* [Масанов 1956: 150], *Неунывающий поэт* [Масанов 1957: 264].

Если производящая база представляет собой собственное имя (например, имя человека, псевдоним), то префикс или частица присоединяется к этому имени таким образом, что при этом сохраняется написание мотиватора с заглавной буквы, например *Не-Белинский* [Масанов 1957: 252], *Не-Буква* [Масанов 1957: 252].

Некоторые негатонимы требуют более подробного рассмотрения в связи с их нестандартной структурой и особенностями их семантики и прагматики.

Не-Аз [Масанов 1957: 252]. Журналист Ипполит Федорович

Василевский создал три негатонима, производящими базами которых послужили собственные псевдонимы: *Аз* и *Не-Аз* [Масанов 1956: 89], *Не-Аз* [Масанов 1957: 252] и *не-В.* [Масанов 1957: 240]. Примечательно, что оба элемента – *Аз* и *В.*, фигурирующие в составе негатонимов *Не-Аз* и *не-В.*, были авторскими псевдонимами самого И.Ф. Василевского (см. [Масанов 1960: 94, 95]). Как отмечает В.С. Савельев, «сочетание *Аз* и *Не-Аз* включает два псевдонима И.Ф. Василевского, использовавшего их также и по отдельности» [Савельев 2023: 31]. Подобная игра с именами демонстрирует характерную для автора стратегию языковой игры при создании псевдонимов.

Не-Буква [Масанов 1957: 252]. К началу XX века к аналогичному приему прибегает другой известный журналист – Илья Маркович Василевский, использовавший негатонимы *Не-Б.* [Масанов 1957: 240] и *Не-Буква* [Масанов 1957: 252]. Выбор таких форм обусловлен совпадением фамилий И.М. Василевского и И.Ф. Василевского: «свой псевдоним *Не-Буква* И.М. Василевский выбрал в честь Ипполита Василевского, который подписывался как Буква» [Богданова 2024]. Один из псевдонимов И.Ф. Василевского – *Б.* [Масанов 1960: 94] – стал производящей базой для негатонима *Не-Б.* И.М. Василевского. Таким образом, через отрицательную форму негатонима И.М. Василевский подчеркивает, что он не является И.Ф. Василевским.

Немаксим Горький [Масанов 1957: 260]. Максим Горький –

псевдоним великого русского писателя Алексея Максимовича Пешкова. Автор Н.Д. Котельников выбрал негатоним *Немаксим Горький*, используя общеизвестность этого имени и образуя слово *Немаксим*, содержащее намеренную орфографическую ошибку.

Ненадо, Густав [Масанов 1957: 261]. Особый интерес представляет негатоним *Ненадо, Густав*, придуманный и использованный поэтом-сатириком Н.П. Кильбергом (1847–1878). В данном псевдониме обыгрывается имя французского поэта и композитора Густава Надо (Gustave Nadaud, 1820–1893). Замена *Густав Надо* на *Ненадо, Густав* создает комический эффект: сочетание имени и фамилии французского автора на русском языке воспринимается как предложение, содержащее призыв («Густав Надо» – *Густав, сделай это!*), тогда как форма *Ненадо, Густав* выражает противоположное значение (*Густав, не делай этого!*).

Следует особо подчеркнуть, что у Н.П. Кильберга встречаются два варианта написания: *Ненадо, Густав* [Масанов 1957: 261] и *Не-Надо, Густав* [Масанов 1957: 261]. В первом случае строчная буква подчеркивает то, что слово «надо» в этом сочетании необходимо воспринимать как предикативное наречие (а не как имя собственное); во втором случае заглавная буква в том же слове указывает на имя собственное. Такая вариативность написания свидетельствует о сознательной языковой игре с использованием средств параграфемии и,

шире, о потенциале использования средств графического оформления для выражения различных значений.

Помимо псевдонимов *Немаксим Горький* [Масанов 1957: 260] и *Ненадо, Густав* [Масанов 1957: 261], можно привести и другие примеры, обнаруживающие черты графического сходства: *Микель Неанджело* [Масанов 1957: 187], *Невагнер и Негуно* [Масанов 1957: 252], *Негейне, Иван* [Масанов 1957: 254], *Негорький* [Масанов 1957: 254], *Немакаров* [Масанов 1957: 260], *Негуно* [Масанов 1957: 255], *Непанов, М.* [Масанов 1957: 262], *Непольдекок, Е.* [Масанов 1957: 262], *Нетвен, Марк* [Масанов 1957: 264] – данные негатонимы реализуют одну и ту же авторскую стратегию языковой игры, связанную с двойным нарушением орфографических правил (слитное написание *не-* и выбор строчной инициальной буквы мотиватора).

Таким образом, рассмотренные примеры показывают, что выбор регистра зависит от авторской задачи создать негатоним определенной структуры для выражения того или иного значения.

2.4.3 Языковая игра в параграфемике негатонимов

Параграфемика как совокупность графических приемов оформления письменной речи (включая, в частности, использование заглавных / строчных букв, дефисного, отдельного и слитного написания, пунктуации и нестандартной морфографики) предоставляет авторам негатонимов широкий спектр выразительных средств для языковой игры.

Как было указано выше, одним из наиболее распространенных приемов языковой игры является дефисное оформление негатонима, наглядно маркирующее отрицательную модификацию. Этот прием активно используется при образовании ономастических трансформаций с ироническим или пародийным эффектом, например *Не-Гоголь* [Масанов 1957: 254], *Не-Крылов* [Масанов 1957: 259], *Не-Белинский* [Масанов 1957: 252]. Дефис здесь не только визуально акцентирует внимание читателя на противопоставлении чьему-либо ониму, но и сигнализирует о вторичной, игровой природе деривата.

Средством языковой игры служит намеренное двойное нарушение орфографических правил (см. раздел 2.4.2) при слитном написании *не* с мотиваторами, восходящими к именам собственным, например, *Немаксим Горький* [Масанов 1957: 260], *Невагнер и Негуно* [Масанов 1957: 252], *Нетвен, Марк* [Масанов 1957: 264] и под. – подобные написания вызывают комический эффект.

Также к случаям языковой игры следует отнести слитно-раздельное написание двух формантов *не* в псевдониме *Не Нея* ([Масанов 1957: 261]), который и формально, и семантически (*Не Нея = Я*) является очень необычным словом.

Особо следует отметить дефисное написание форманта *не* в негатониме *Никто-не* [Масанов 1957: 270], в котором средством языковой игры становится использование форманта *-не* в качестве

постфикса.

Ярким примером языковой игры является псевдоним *Не-бесный* [Масанов 1957: 252]. Здесь обыгрывается возможность двойкой трактовки негатонима: *небесный* как ‘небесного происхождения’ и *не бесный*, т.е. ‘не бесноватый’¹. Игровой эффект создается посредством нарушения орфографических норм, что позволяет интерпретировать негатоним в двух значениях одновременно.

В одном случае графическое оформление негатонима позволило его автору преобразовать математический символ в инициал и фамилию: *Не И. Грэк* [Масанов 1957: 252] – сочетание *И. Грэк* отсылает к слову «игрек», по названию латинской буквы, часто употребляемой в математических формулах для обозначения переменной или неизвестной величины.

Таким образом, использование средств параграфематики при образовании негатонимов имеет не только техническую, но и семантическую и прагматическую функции, превращая оформление деривата средствами письменной речи в средство авторской языковой игры.

2.5 Образование негатонимов

Специфической особенностью изучения способов образования негатонимов является то, что различия в их структуре (то, что среди них

¹ Слово «бесный» в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля определяется как ‘одержимый бесом’ (см. [Даль 1880: 160]).

обнаруживаются как однословные, так и неоднословные номинативные единицы) требуют от исследователя учета того, что речь идет не только об использовании традиционных способов словообразования, но и о применении таких способов, которые не могут быть квалифицированы как словообразовательные и в то же время, на наш взгляд, должны быть упомянуты наряду с традиционными способами словообразования. Речь идет об использовании: а) отрицательных частиц *не* и *ни*, образующих в сочетании со знаменательными словами единый номинативный комплекс, воспринимаемый носителями русского языка как сочетание слов, одно из которых (*не* или *ни*) является служебным, б) предлога *без* в сочетании с формами родительного падежа, образующими синтаксемы со значением отрицания, которые входят в состав неоднословных негатонимов.

Образование негатонимов в русском языке отличается многообразием словообразовательных моделей и своеобразием выбора производящих баз. Большинство моделей образования негатонимов основано на использовании отрицательных префиксов, а производящие базы охватывают различные части речи. Сочетание различных словообразовательных моделей с авторской переработкой производящих баз формирует специфику негатонимов как лексических единиц: они являются не только результатом системных языковых процессов, но и выражением индивидуального речевого замысла автора.

При установлении способов образования негатонимов нами были

использованы материалы «Русской грамматики» (1980), ряда морфемных и словообразовательных словарей русского языка ([Ефремова 1996], [Потиха 1999], [Тихонов 1985], [Тихонов 1997], [Тихонов 2003], [Тихонов 2010], [Тихонов 2014], [Цыганенко 1982], [Ширшов 2004]), а также исследования И.С. Улуханова ([Улуханов 2008]) и Н.Д. Голева ([Голев 2012], [Голев 2024]). При анализе мы также старались учитывать, что в эпоху создания того или иного негатонима его словообразовательная связь с производящей базой могла иметь свои особенности сравнительно со словообразовательной системой современного русского языка. В связи с этим при анализе негатонимов мы при необходимости обращались к «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля и «Толковому словарю русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, хронологически близким ко времени создания анализируемых псевдонимов.

2.5.1 Способы образования негатонимов

Наибольшее количество негатонимов образуется с помощью аффиксов двух типов – префиксов и суффиксов, а также частицы *не*.

2.5.1.1 Префиксальные способы образования негатонимов

Одним из главных способов образования негатонимов является префиксальный способ, при котором префиксы *не-*, *ни-* присоединяются к основе слова.

(1) Префикс *не-* в сочетании с мотиваторами, которые восходят¹

- к существительным (именам собственным и нарицательным)²:

Макаров > *Немакаров* [Масанов 1957: 260], *Жуковский* > *Не-Жуковский* [Масанов 1957: 256], *декабрист* > *Недекабрист* [Масанов 1957: 255], *профессор* > *Не-профессор* [Масанов 1957: 262];

- к прилагательным: *богатый* > *Небогатый*, *И.* [Масанов 1957: 252], *либеральный* > *Не-либеральный скептик* [Масанов 1957: 260]³;

- к финитным глагольным формам: *скажусь* > *Нескажусь* [Масанов 1957: 263];

- к причастиям: *помнящий* > *Непомнящий*, *Иван* [Масанов 1957: 262];

- к предикативным наречиям: *надо* > *Ненадо*, *Густав* [Масанов 1957: 261], *надо* > *Не-Надо*, *Густав* [Масанов 1957: 261] (см. подробнее раздел 2.4.1);

- к местоимениям (личным и притяжательным): «*Нея*» > *Не Нея* [Масанов 1957: 261], *я* > *Не-я*, *К.* [Масанов 1957: 240], *свой* > *Несвой* [Масанов 1957: 263], *ваши* > *Не-ваши* [Масанов 1957: 252];

- к инициалу: *В.* > *не-В.* [Масанов 1957: 240];

¹ Здесь и далее: в случае возможного слитного и дефисного написания форманта приводятся примеры на оба случая графического оформления. Во всех остальных случаях приводится по одному примеру. Полный список негатонимов, распределенных по способу их образования, см. в Приложении 3.

² Типы производящих баз будут более подробно рассмотрены в разделе 2.5.2.

³ В случаях, когда в качестве примера приводится неоднословный негатоним, указывается производящая база, соотносимая с той его частью, которая подвергается негации.

- к словам, частеречная принадлежность которых не определяется однозначно: *гласный* (прил.) / *гласный* (сущ.) > *Негласный* [Масанов 1957: 254], *гласный* (прил.) / *гласный* (сущ.) *Не-гласный* [Масанов 1957: 254] (см. подробнее раздел 2.5.2).

(2) Префикс *ни-* в сочетании с мотиваторами, которые восходят

- к местоимениям: *кто* > *Никто* [Масанов 1957: 269, 270].

2.5.1.2 Образования с частицей *не*

Частица *не* в сочетании с мотиваторами, которые восходят

- к существительным (именам собственным и нарицательным):

Ленин > *Не Ленин* [Масанов 1957: 260], *музыкант* > *Не музыкант* [Масанов 1957: 261, 374];

- к прилагательным: *дикий* > *Не дикий* [Масанов 1957: 255];

- к финитным глагольным формам: *стыжусь* > *Не стыжусь* [Масанов 1957: 264];

- к причастиям: *имеющий* > *Аз из «Стрекозы», не имеющий ничего общего с «Азом», непомнящим родства из «Мирского Толка»* [Масанов 1956: 89];

- к местоимениям: *я* > *Не я* [Масанов 1957: 264, 265];

- к предлогу: *на* > *Не на* [Масанов 1957: 261];

- к именным группам: *Вальтер Скотт* > *Не Вальтер Скотт, а Ланской* [Масанов 1957: 252];

- к словосочетаниям с подчинительной связью: *истинно русский* >

Не истинно русский [Масанов 1957: 258] (см. подробнее раздел 2.6.1);

- к предложениям: *Поминай лихом* > *Не поминай лихом* [Масанов 1957: 262];

- к словам, частеречная принадлежность которых не определяется однозначно: *гласный* (прил.) / *гласный* (сущ.) > *Не гласный* [Масанов 1957: 254] (см. подробнее раздел 2.5.2).

2.5.1.3 Постфиксальный способ образования негатонима

Постфикс *-не* в сочетании с мотиватором, который восходит к местоимению: *никто* > *Никто-не* [Масанов 1957: 270].

Псевдоним *Никто-не* является единственным примером образования негатонима, в котором формант *не* используется в качестве постфикса.

2.5.1.4 Префиксально-суффиксальные способы образования негатонимов

Префиксально-суффиксальным способом образованы негатонимы с префиксом *без-/бес-* и суффиксом *-н-*, префиксом *без-* и нулевым суффиксом, префиксом *за-* и суффиксом *-н-*, префиксом *не-* и суффиксами *-им-*, *-н-/нн-*, *-ов-*, *-ев-*, *-ин-*, *-кин-*, *-ск-*, *-ович-*, префиксом *недо-* и суффиксом *-ов-*.

(1) Префикс *без-/бес-* и суффикс *-н-* в сочетании с мотиваторами, которые восходят

- к существительным: *талант* > *Безталанный, М.* [Масанов 1956:

151], *покой* > *Беспокойный, Степан* [Масанов 1960: 8].

В этом случае производящей базой негатонимов являются предложно-падежные формы существительных «без + Родительный падеж существительного» (*без таланта, без покоя* и под.).

(2) Префикс *без-* и нулевой суффикс в сочетании с мотиваторами, которые восходят

- к существительным: *пята* > *Безпятый* [Масанов 1956: 151].

В этом случае производящей базой негатонимов являются предложно-падежные формы существительных «без + Родительный падеж существительного» (*без пяты*).

(3) Префикс *за-* и суффикс *-н-* в сочетании с мотиваторами, которые восходят

- к существительным: *штат* > *Заштатный* [Масанов 1956: 391].

Негатонимы данного типа образованы на базе предложно-падежных форм существительных «за + Творительный падеж существительного» (*за штатом*).

(4) Префикс *не-* и суффикс *-иц-* в сочетании с мотиваторами, которые восходят

- к глаголам: *мудрить* > *Немудрящий, Натан* [Масанов 1957: 261]¹.

(5) Префикс *не-* и суффикс *-им-* в сочетании с мотиваторами,

¹ «Мудр(и-ть)→не-мудр-ящ-ий» [Ширшов 2004: 521].

которые восходят

- к глаголам: *выносить* (кого-л.) > *Невыносимый* [Масанов 1957: 254]¹.

(6) Префикс *не-* и суффикс *-н/-нн-* в сочетании с мотиваторами, которые восходят

- к существительным: *воля* > *Невольный тифлисец* [Масанов 1957: 253]²;

- к глаголам: *изменить* > *Неизменный театрал* [Масанов 1957: 258]³, *ждать* > *Нежданный, Лука* [Масанов 1957: 256].

Словообразовательные модели (7)–(13) используются при образовании негатонимов, соотносимых с русскими фамилиями.

(7) Префикс *не-* и суффикс *-ов-*, в сочетании с мотиватором, который восходит

- к существительным: *мир* > *Немиров* [Масанов 1957: 261];

- к глаголам: *ждать* > *Нежданов, А.* [Масанов 1957: 255].

(8) Префикс *не-* и суффикс *-ев-*, в сочетании с мотиватором, который восходит

- к существительным: *горе* > *Негорев* [Масанов 1957: 254];

- к глаголам: *знать* > *Незнаев, Иван* [Масанов 1957: 257];

- к местоимению: *наш* > *Ненашев* [Масанов 1957: 261].

(9) Префикс *не-* и суффикс *-ин-*, в сочетании с мотиватором,

¹ «Вынос(и-ть)→не-вынос-им-ый» [Ширшов 2004: 554]

² «Вол(я)→не-воль-н-ый» [Ширшов 2004: 182].

³ «Измен(и-ть)→не-измен-н-ый» [Ширшов 2004: 467].

который восходит

- к существительным: *злоба* > *Незлобин* [Масанов 1957: 257];

- к глаголам: *верить* > *Неверин* [Масанов 1957: 252].

(10) Префикс *не-* и суффикс *-кин-*, в сочетании с мотиватором, который восходит

- к форме повелительного наклонения глагола: *зевай* > *Незевайкин, Иван* [Масанов 1957: 256]¹.

(11) Префикс *не-* и суффикс *-ск-*, в сочетании с мотиватором, который восходит

- к причастию: *ведомый* > *Неведомский, А.* [Масанов 1957: 252].

(12) Префикс *не-* и суффикс *-ович-*, в сочетании с мотиватором, который восходит

- к предикативному наречию: *надо* > *Ненадович* [Масанов 1957: 261] (см. подробнее раздел 2.6.2).

(13) Префикс *недо-* и суффикс *-ов-* в сочетании с мотиватором, который восходит

- к существительному: *боб* > *Недобобов, Иеремия* [Масанов 1957: 255] (см. подробнее раздел 2.6.1).

2.5.1.5 Образование негатонимов с предлогом *без*

Предлог *без* входит в состав сочетаний трех типов:

- синтагмы с субстантивными синтаксемами «*без* + Родительный

¹ Б.О. Унбегаун указывает, что фамилии на *-кин* происходят от имен и прозвищ, основа которых оканчивается на суффикс *-к-* (например, *Агейкин* < *Агейка* < *Аггей*) ([Унбегаун 1989: 60, 61, 120]), однако в данном случае речь идет о производящей базе другого типа.

падеж существительного»: *Врач без пациентов* [Масанов 1956: 254];

- синтагма, включающая в свой состав инициалы: *К. без С.* [Масанов 1957: 23] (см. подробнее разделы 2.2.2 и 2.4.1);

- синтагма, включающая в свой состав сокращения: *Ч. без с.* [Масанов 1958: 226] (см. подробнее разделы 2.2.2 и 2.4.1).

2.5.1.6 Безаффиксный способ образования негатонимов. Сложение

К данному типу относятся случаи сложения с формантами *горе-* и *лже-*, которые оцениваются исследователями как корневые морфемы, префиксы или префиксоиды (см. подробнее раздел 2.2.1).

(1) Формант *горе-* в сочетании с мотиватором, который восходит

- к существительному: *богатырь* > *Горе-Богатырь* [Масанов 1956: 297].

(2) Формант *лже-* в сочетании с мотиватором, который восходит

- к существительному: *Дмитрий* > *Лжедмитрий* [Масанов 1957: 121].

2.5.1.7 Смешанный способ образования негатонима. Сложение и префиксация

Негатоним *Непольдекок, Е.* [Масанов 1957: 262] образуется на базе именной группы *Поль де Кок*, при этом происходит сложение компонентов производящей базы и префиксация с помощью префикса *не-*.

2.5.1.8 Морфемизация субморфов

Термин «морфемизация субморфов», обнаруживаемый в исследованиях Н.Д. Голева (см. [Голев 2012], [Голев 2024]), означает «превращение их (*субморфов* – Д.П.) в регулярные аффиксы» [Голев 2024: 99].

Используя термин «морфемизация субморфов» в несколько ином смысле, мы имеем в виду единственный случай образования негатонима, при котором в однословную производящую базу вносится графическое изменение: между частями основы, которые могут быть восприняты как субморфы, автор псевдонима помещает дефис, в результате чего они начинают восприниматься как морфемы. Речь идет о негатониме *Не-бесный* [Масанов 1957: 252], который, как мы считаем, образован от прилагательного *небесный*. При этом, как нами было отмечено в разделе 2.4.3, данный псевдоним вступает в отношения множественной мотивации со словами «небесный» и «бесный», образуя тем самым единицу, выражающую одновременно два значения, которые, будучи тесно связанными, дополняют друг друга (*небесный* как ‘небесного происхождения’ и *не бесный* как ‘не бесноватый’)¹.

¹ Следует признать, что образование негатонима *Не-бесный* может быть рассмотрено иначе: его можно определить, согласно И.С. Улуханову, как смешанный способ словообразования, сочетающий узуальный и окказиональный чистый способы и состоящий в извлечении из морфемной структуры слова префикса и его замены на другой префикс (см. [Улуханов 2008: 71, 72]. Особенностью трансформации исходной структуры в случае с псевдонимом *Не-бесный* является то, что происходит парадоксальная замена форманта *не-* на тождественный ему формант. Однако, как указывает И.С. Улуханов, описываемый им способ имеет отношение к трансформациям слов, в морфемном составе которых обнаруживаются префиксы и связанные корни (например, *застегнуть* – *расстегнуть* (**стегнуть*), *достигнуть* – *перестигнуть* (**стигнуть*), *уподобиться* – *расподобиться* (**подобиться*) и под.; см. [Улуханов 2008: 72]). В нашем же случае речь идет о субморфах, причем корневой субморф не является связанным.

Особо следует сказать о негатонимах, образованных от производящих баз, которые сами по себе являются словами, выражающими значение отрицания. Речь идет об онимах типа *Невольник, В.* [Масанов 1957: 253]. Согласно данным «Толкового словообразовательного словаря» И.А. Ширшова, существительное «невольник» образуется от существительного «неволя», включающего в свой состав префикс *не-* («невол(я)→неволь-ник» [Ширшов 2004: 182]). При этом само слово «неволя» также является производным, будучи образованным от существительного «воля». Таким образом, негатоним *Невольник, В.* мотивирован производящей базой, в которой не выражается значение отрицания («воля»), но не напрямую, а опосредованно через слово «неволя», при этом значение слова «невольник» может быть истолковано с помощью понятия, выражаемого словом «воля»: «**Невольник** <...> зависящий не от своей воли, поработанный какою-либо стороннею силою» [Даль 1881: 521].

В связи с этим в дополнение к указанным выше необходимо выделить следующие способы образования негатонимов:

2.5.1.9 Суффиксальные способы образования негатонимов

(1) Суффикс *-ник-* в сочетании с мотиватором (в состав которого входит префикс *не-*), восходящим

- к существительным: *неволя* > *Невольник, В.* [Масанов 1957: 253], *неудача* > *Неудачник* [Масанов 1957: 264].

(2) Суффикс *-ец-* в сочетании с мотиватором (в состав которого входит префикс *не-*), восходящим

- к прилагательным: *незнакомый* > *Незнакомец* [Масанов 1957: 257]¹.

(3) Нулевой суффикс в сочетании с мотиватором (в состав которого входит префикс *не-*), восходящим

- к прилагательным: *нелюдимый* > *Нелюдим* [Масанов 1957: 260]².

(4) Суффикс *-ов-* в сочетании с мотиватором (в состав которого входит префикс *не-*), восходящим

- к прилагательным: *нелюдимый* > *Нелюдимов* [Масанов 1957: 260].

(5) Суффикс *-ев-* в сочетании с мотиватором (в состав которого входит префикс *не-*), восходящим

- к существительным:

Слитное написание: *несчастливец* > *Несчастливцев* [Масанов 1957: 264]³.

(6) Суффикс *-н-* в сочетании с мотиватором (в состав которого входит префикс *не-*), восходящим

- к существительным: *несчастье* > *Несчастный* [Масанов 1957: 264]⁴.

¹ «Незнаком(ый)→незнаком-ец» [Ширшов 2004: 339].

² «Нелюдим(ый)→нелюдим-Ø» [Ширшов 2004: 451].

³ Слово «несчастливец» включено в «Толковый словарь великорусского языка» В.И. Даля (см. [Даль 1881: 555]).

⁴ «Не-счастье → • несчаст-н(ый)» [Тихонов 2014: 472].

Таким образом, при образовании негатонимов используются как продуктивные регулярные словообразовательные модели, так и словообразовательные модели, которые следует оценить как окказиональные (постфиксация с помощью форманта *-не*, морфемизация субморфов). В последнем случае примеры образования негатонимов являются единичными, поскольку все они представляют собой реализации авторской словообразовательной языковой игры.

Необходимо также заметить, что даже в тех случаях, когда автор негатонима прибегает к использованию стандартной словообразовательной модели, это не препятствует реализации авторской языковой игры, чему, в частности, способствует использование нестандартной производящей базы (см., например, негатоним *Непольдекок, Е.*).

Отметим также, что, устанавливая способы образования негатонимов, мы рассматривали дериваты, которые, будучи однословными негатонимами или компонентами неоднословных негатонимов, выражают значение отрицания. Однако значительная часть неоднословных негатонимов включает компоненты, некоторые из которых не подвергаются негации. Так, негатоним *ь. ъ. й. Безгласный* [Масанов 1958: 261] включает в свой состав буквы *ь, ъ* и *й*, отделенные друг от друга точками, и постпозитивное по отношению к ним слово

Безгласный, которое образовано префиксально-суффиксальным способом и выражает значение отрицания.

Следует также заметить, что разработанная классификация, включающая словообразовательные и лексико-синтаксические способы образования негатонимов, позволяет увидеть тесную связь, существующую между ними: так, можно провести очевидные параллели между способами образования негатонимов при помощи частицы *не* и префикса *не-* (особенно показательное существование «дублетных» негатонимов с раздельным и слитным / дефисным написанием форманта *не*, например *Не врач* и *Не-врач* [Масанов 1957: 253], *Не гласный*, *Негласный* и *Не-гласный* [Масанов 1957: 254]), а также негатонимами, включающими в свой состав синтаксему «без + Родительный падеж существительного», и дериватами, образованными префиксально-суффиксальным способом на базе синтаксем этого типа (например, *без дома* > *Бездомный* [Масанов 1956: 150]). В связи с этим можно предположить, что нереализованным, но потенциально возможным является способ образования негатонимов с использованием синтаксемы «за + Творительный падеж существительного», например **Поэт за итатом*, **Юморист за итатом* (ср. с *Заштатный поэт* [Масанов 1956: 391], *Заштатный юморист* [Масанов 1956: 391])¹.

Таким образом, следует учитывать, что по отношению к ряду

¹ «**Заштатный**, неположенный росписью, кто, что сверх положенья» [Даль 1880: 689].

негатонимов установление особенностей их образования подразумевает, с одной стороны, определение способа образования компонента, выражающего значение отрицания (см. раздел 2.5), а с другой стороны, описание структуры негатонима в целом (см. раздел 2.3.2).

2.5.2 Типы производящих баз

Для исследования негатонимов особую значимость имеет установление типа производящей базы (далее – ПБ). ПБ может классифицироваться как по принадлежности к частям речи, так и по выражаемым ею значениям. На основе материалов словаря И.Ф. Масанова ПБ можно разделить на следующие основные группы: имена собственные (личные имена, фамилии, псевдонимы, имена персонажей и т.д.), нарицательные существительные (обозначающие профессию, социальную принадлежность, политические взгляды, территориальное или этническое происхождение, индивидуальные характеристики и др.), прилагательные, местоимения, а также глагольные формы. Каждая из этих категорий реализует собственный семантический потенциал при образовании негатонимов.

1. Имена собственные как ПБ

К данной категории относятся фамилии, личные имена и псевдонимы, отрицательное преобразование которых акцентирует смысл «не этот человек», например *Жуковский* > *Не-Жуковский* [Масанов 1957: 256], *Гоголь* > *Не-Гоголь* [Масанов 1957: 254]. Аналогичный механизм

функционирует при трансформации псевдонимов: *Буква* > *Не-Буква* [Масанов 1957: 252], а также имен литературных персонажей: *Гарольд* > *Не-Гарольд* [Масанов 1957: 254].

2. Нарисательные существительные как ПБ

Данный тип отличается широтой тематических сфер, среди которых выделяются:

- профессии: *врач* > *Не-врач* [Масанов 1957: 253];
- профессиональный уровень: *дилетант* > *Не-дилетант* [Масанов 1957: 255];
- интересы и увлечения: *любитель* > *Нелюбитель* [Масанов 1957: 260];
- политические взгляды и партийная принадлежность: *коммунист* > *Не-коммунист* [Масанов 1957: 259];
- территориальная и этническая идентичность: *сибиряк* > *Не-сибиряк* [Масанов 1957: 263], *еврей* > *Не-еврей* [Масанов 1957: 255];
- отношение к миру животных: *змей* > *Незмей* [Масанов 1957: 257];
- значение математического символа: *игрек* > *Не И. Грэк* [Масанов 1957: 252];
- отношению к жилью: *дом (без дома)* > *Бездомный* [Масанов 1956: 150];

– принадлежность к определенной социальной группе: *миллионер* > *Не миллионер* [Масанов 1957: 261];

– социальный статус человека: *штат* (за *штатом*) > *Заштатный* [Масанов 1956: 391];

– удачливость: *козырь* > *Безкозырный, Евстафий* [Масанов 1956: 150];

– волеизъявление: *воля* > *Неволя* [Масанов 1957: 253];

– судьба: *доля* > *Бездольный* [Масанов 1956: 150].

3. Прилагательные как ПБ

Прилагательные, служащие ПБ, обозначают качества личности, социальные признаки или степень известности, например:

– характер или черты личности: *веселый* > *Невеселый, А.* [Масанов 1957: 253];

– материальное положение: *богатый* > *Небогатый, И.* [Масанов 1957: 252];

– принадлежность к определенной социальной группе: *светский* > *Несветский* [Масанов 1957: 263];

– социальная адаптированность человека: *лишний* > *Не-лишний* [Масанов 1957: 260];

– известность человека: *известный* > *Неизвестный* [Масанов 1957: 257, 258].

4. Глаголы как ПБ

Глаголы в качестве ПБ называют

- различные свойства характера: *мудрить* > *Немудрящий, Натан* [Масанов 1957: 261], *изменить* > *Неизменный театрал* [Масанов 1957: 258];

- отношения с социумом: *выносить* (кого-л.) > *Невыносимый* [Масанов 1957: 254], *исправить* (кого-л.) > *Неисправимый резонер* [Масанов 1957: 258].

Особенностью последующих двух типов является то, что негатонимы-дериваты мотивируются определенными разновидностями глагольных форм.

5. Финитные формы глагола как ПБ

Для образования негатонимов в качестве ПБ используются формы изъявительного и повелительного наклонений. Отрицательная частица *не* или префикс *не-* при этом изменяют исходное значение действия или свойства, создавая эффект отказа, протеста или ироничного дистанцирования, например:

- стыд: *стыжусь* > *Не стыжусь* [Масанов 1957: 264]

- сообщение своего имени: *скажусь* > *Нескажусь* [Масанов 1957: 263],

- действие, направленное на то, чтобы утомить кого-л.¹: *замай* >

Незамай, Григорий [Масанов 1957: 256].

¹ «ЗАМАЯТЬ <...> кого-что (простореч.). Замучить, изнурить, довести до крайней усталости. Самодур-купец замаял своих приказчиков. Больной ребенок меня совсем замаял» [Толковый словарь русского языка. Т. I 1935: 976].

6. Причастия как ПБ

Использование причастий в качестве ПБ в значительной степени аналогично использованию прилагательных:

- отношение к социуму: *зависимый* > *Независимый* [Масанов 1957: 256];

- отношение к житейским проблемам: *унывающий* > *Неунывающий гражданин* [Масанов 1957: 264];

- известность: *знаемый* > *Незнаемый сочинитель* [Масанов 1957: 257]¹;

- память: *помнящий* > *Непомнящий* [Масанов 1957: 262];

- слава, признание: *признанный* > *Непризнанный* [Масанов 1957: 262];

- почести: *увенчанный* > *Неувенчанный поэт* [Масанов 1957: 264].

7. Предикативное наречие как ПБ

Негатонимы Н.П. Кильберга *Ненадович*, *Ненадо*, *Г.*, *Ненадо*, *Густав* и *Не-Надо*, *Густав* [Масанов 1957: 261] представляют собой уникальный случай языковой игры, основой которой являются отношения множественной мотивации, выстраиваемые между негатонимами-дериватами и двумя их производящими базами – предикативным наречием *надо* и именем собственным *Густав Надо*.

¹ При образовании этого негатонима конца XVIII века («Незнаемый сочинитель = Ник. Ив. Страхов Изд. "Сатир. В." 1790-92. Ист.: Неустроев, 686, 690» [Масанов 1957: 257]) используется устаревшая с точки зрения современного русского языка форма причастия страдательного залога настоящего времени глагола *знать*.

8. Местоимения как ПБ

Местоимения, используемые как ПБ, позволяют выразить различные значения, связанные с тем, принадлежит ли местоимение к личным (отрицание тождественности самому себе) или притяжательным (отрицание принадлежности к определенному социуму):

- обозначение себя при помощи дейктического слова: *я* > *Не-я*
[Масанов 1957: 264],

- принадлежность к определенному социуму: *ваш* > *Не-ваш*
[Масанов 1957: 252], *свой* > *Несвой* [Масанов 1957: 263].

9. Предлог как ПБ

Данный тип иллюстрирует единственный случай деривации, связанный с использованием в качестве ПБ предлога: *На* > *Не на*
[Масанов 1957: 261].

Как показывает изучение истории образования этого негатонима, его оценка именно в таком аспекте является проблематичной (см. раздел 2.6.1).

10. Инициал как ПБ

Речь идет о негатонимах, производящей базой которых выступают инициалы, например *Б.* > *Не-Б.* [Масанов 1957: 240], *В.* > *не-В.* [Масанов 1957: 240].

11. Синтаксические конструкции различной структуры как ПБ

Особую группу составляют негатонимы, образованные на базе

синтаксических конструкций, в составе которых встречаются словосочетания и предложения. Псевдонимы данного типа, на наш взгляд, наиболее сложно оценить в плане определения их ПБ. С одной стороны, отрицание, распространяющееся на синтагму целиком, подразумевает возможность ее соотнесения с синтагмой, в которой отрицание отсутствует, и в некоторых случаях установление ПБ оказывается возможным, например: *истинно русский* > *Не истинно русский* [Масанов 1957: 258], *Знаю кто* > *Не знаю кто* [Масанов 1957: 257]. В большинстве же случаев «реконструкция» ПБ приводит к выявлению такой синтагмы, употребление которой в речи носителей русского языка не выглядит возможным, например: **Поминай лихом* > *Не поминай лихом* [Масанов 1957: 262], **Спрашивай, кто я* > *Не спрашивай, кто я* [Масанов 1957: 263]. То же следует сказать и в отношении рассмотренных выше негатонимов *Нескажусь* и *Незамай, Григорий*, которые формально соотносятся с финитными формами глаголов, но при этом, на наш взгляд, в качестве негатонимов могут быть осмыслены носителями русского языка только при соотнесении их с предложениями «Не скажусь» и «Не замай!».

12. Трудноопределимые ПБ

Некоторые ПБ трудно однозначно классифицировать по их частеречной принадлежности, как это происходит с негатонимом

Негласный [Масанов 1957: 254], образованным от слова «гласный»¹, которое называет характеристику звука или звучания (прилагательное) или административную должность человека (существительное).

Таким образом, разнообразие производящих баз, их частеречная принадлежность и семантические особенности напрямую определяют стратегии выражения отрицания и прагматические функции негатонимов. Использование различных типов ПБ позволяет авторам создавать негатонимы, отражающие их личностную индивидуальность, особенности мировосприятия и самооценки и оригинальность авторского стиля.

Следует при этом заметить, что значительная часть негатонимов (таких как *Безпристрастный* [Масанов 1956: 150], *Защитный* [Масанов 1956: 391] и под.) представляет собой такие номинации, которые не образуются непосредственно авторами, скрывающимися за псевдонимами, но существуют в языке как единицы, которые известны носителям языка, используются ими и при этом осмысляются как связанные с другими языковыми единицами, от которых они образованы. Иначе говоря, производность таких негатонимов следует рассматривать с точки зрения исключительно реляционного аспекта словообразовательной системы русского языка. То же касается и некоторых синтаксических конструкций,

¹ Слово «гласный» в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля определяется как ‘громкий, звучный, шумный, слышимый’ [Даль 1880: 361] и ‘член думы или магистрата, избираемый от купечества и обладающий правом голоса’ [Даль 1880: 364].

используемых в качестве негатонимов: такие единицы, как *Не поминай лихом*, представляют собой фразеологизированные структуры и в качестве негатонимов осмысляются в соотнесении с этими уже существующими в языке единицами.

2.6 Лингвокультурные аспекты образования негатонимов

Создание негатонимов в русской ономастике обусловлено не только лексическими, словообразовательными, морфологическими и синтаксическими возможностями языковой системы, но и более широким культурно-языковым контекстом, в рамках которого негатоним выступает носителем авторской позиции, результатом языковой игры и языковым средством, реализующим когнитивную базу носителей языка.

2.6.1 Частные случаи образования негатонимов

Как показывает наш анализ, корректная интерпретация некоторых негатонимов возможна лишь при учете информации о биографии и творческом пути их авторов. Рассмотрим несколько примеров.

Безответный редактор Майор Бомба, *Безответный редактор Отставной майор Тарах Бомба*. Негатонимы, придуманные поэтом и фельетонистом И.А. Вашковым (см. [Масанов 1960: 97]), формируют сатирический образ редактора *безответного*, т.е. не желающего или не способного общаться с читателями¹. Еще один элемент псевдонима – оним *Майор Бомба* – создает образ гротескной персоны, чье имя

¹ Согласно В.И. Далю, слово «безответный» означает ‘не дающий ответа, отзыва, вести. Молчаливый, немой исполнитель, ничему не противоречащий, не возражающий, безотказный, безотговорочный. Не могущий дать ответа, возражать, оправдываться, кругом виноватый, уличенный’ [Даль 1880: 69].

вызывает улыбку. Указание *отставной майор* усиливает образ фигуры, утратившей реальную власть, но сохранившей определенный символический статус. Компонент *Тарах Бомба*, содержащий звукоподражание и слово «бомба», создает экспрессивный и в то же время иронически обесцененный образ – «громкий, но пустой». В целом же контраст между звучностью имени и упоминанием отсутствия реальной власти и стремления исполнять свои обязанности создает комический эффект.

Безпристрастный. Использование известным писателем и журналистом В.М. Дорошевичем негатонима *Безпристрастный* [Масанов 1956: 150], на наш взгляд, связано с редакционной политикой газеты «Русское Слово», принципы которой автор подробно излагал в собственных статьях. В.М. Дорошевич неоднократно подчеркивал независимость издания от интересов политических партий, его приверженность объективности и справедливости: «"Русское Слово" никогда не хотело быть ничьим слугой. Оно не разделяет целиком программы ни одной партии <...> Это – газета здравого русского смысла. Справедливого и практичного <...> Газета должна сообщать факты и давать обсуждение фактов. Но на первом плане стоят: Факты» [Дорошевич 1916]. Таким образом, данный негатоним акцентирует стремление автора обозначить беспристрастность и независимость редакционной позиции.

Безродная, Юлия, Безродная, Ю. Негатонимы *Безродная, Юлия* и *Безродная, Ю.* [Масанов 1956: 151] соотносятся с личной историей писательницы Ю.И. Яковлевой, которая рано лишилась родителей и воспитывалась в пансионе графини Е.В. Левашовой для девочек из небогатых дворянских семей (см. [Яковлева 1910: 584]).

Безродный. Использование философом и публицистом В.В. Розановым негатонима *Безродный* [Масанов 1956: 151] можно объяснить личной трагедией автора: «В возрасте четырех лет он потерял отца, а к четырнадцати – мать. Детские годы прошли в нужде, в Костроме, куда переехала многодетная семья. После смерти родителей воспитанием Василия занимался старший брат Николай» [Малышев 2019]. Данный негатоним символизирует ощущение сиротства и утраты родовых корней.

Безрукий инвалид. И.Н. Скобелев, «автор работ по военным вопросам» [Масанов 1960: 435], использовал псевдоним *Безрукий инвалид* [Масанов 1956: 151], связанный с темой военной службы и инвалидности. Он также публиковал статьи под именем *Русский инвалид* и *Русский безрукий инвалид* (см. [Белинский 1839]), что указывает на биографическую мотивацию выбора («И.Н. Скобелев – генерал от инфантерии и военный писатель, сын однодворца; в службу вступил 14-ти лет от роду солдатом в Первый полевой Оренбургский полк и лишь через 11 лет добился чина прапорщика» [Энциклопедический словарь. Т. XXX 1900: 215]) и тематическую направленность его текстов.

Безрукий, Безрукий, Ф. Поэт и прозаик Ф.С. Шкулев использовал псевдонимы *Безрукий* [Масанов 1956: 151] и *Безрукий, Ф.* [Масанов 1956: 151], отсылающие к его биографии: из-за бедности он был вынужден с юного возраста работать на текстильной фабрике, где потерял правую руку и стал инвалидом (см. [Русская литература XX века. Т. III 2005: 736]).

Безумный. Негатоним *Безумный* [Масанов 1956: 151] восходит к названию одного из произведений автора негатонима писателя и журналиста И.В. Селиванова – «Повести безумного» (1834).

Безшабашный корреспондент, Безшабашный корреспондент «Будильника», Безшабашный корреспондент «Будильника» Wlas, Безшабашный корреспондент Wlas и Безшабашный скоропадент Wlas. Профессиональная деятельность В.М. Дорошевича, активно сотрудничавшего с журналом «Будильник», обусловила выбор данных негатонимов, хорошо соотносящихся с редакционной политикой этого знаменитого сатирического издания (см. [Масанов 1956: 151]). Эпитет *безшабашный* трактуется как ‘не знающий шабаша, праздника, отдыха; беспокойный, вздорный, сварливый, буйный, всем надоедающий, не дающий отдыха и покоя’ [Даль 1880: 80]. Приведенные негатонимы иронично подчеркивают образ чрезмерно деятельного и неудержимого журналиста.

Беспартийный пассажир Савелий Октябрьев, Беспартийный

Савелий Октябрьев. Негатонимы *Беспартийный пассажир Савелий Октябрьев* и *Беспартийный Савелий Октябрьев* [Масанов 1956: 158], использовавшиеся в 1930-х гг. писателем Б.Г. Самсоновым, содержат аллюзию на Октябрьскую революцию (через фамилию *Октябрьев*). Прилагательное *беспартийный* создает эффект оксюморона, противопоставляя идее революционной борьбы отказ от партийной принадлежности.

Жюль Неверный. Писатель конца XIX – начала XX вв. К.К. Голохвастов, создавший более пятидесяти произведений различных жанров, использовал пятнадцать псевдонимов (см. [Масанов 1960: 135]). Среди них встречается негатоним *Жюль Неверный*, которым автор подписал свои пародийные сочинения «Путешествие на Луну купца Труболетова» (1890) и «Превращение Ивана Ивановича Пузанчикова в пуделя» (1890) (ср. с названиями произведений Жюль Верна).

Лжедмитрий. Слово *Лжедмитрий* традиционно употребляется для обозначения двух известных в истории России самозванцев: «Лжедмитрий I (ум. 1606) – самозванец, выдававший себя за сына Ивана Грозного. В 1604 году с польско-литовским отрядом вторгся в Россию, получил поддержку части населения и стал царем. Погиб в результате боярского заговора. Лжедмитрий II (ум. 1610), прозванный "Тушинским вором", – самозванец неизвестного происхождения. С 1607 года выдавал себя за чудом спасшегося царя Дмитрия. В 1608–1609 создал лагерь под

Тушином и пытался захватить Москву. После начала польской интервенции бежал в Калугу, где был убит» [см. БСЭ. Т. XIV 1973: 393, 394]. В современном употреблении данное имя собственное может приобретать комический оттенок: писатель Д.Н. Семеновский использует негатоним *Лжедмитрий* [Масанов 1957: 121] как средство самоиронии и исторической игры слов, связывая образ «лжегосударя» с фиктивной природой авторского «я», что позволяет автору создать сатирический и гротескный художественный эффект, связанный с тем, что настоящее имя писателя – Дмитрий.

Не-Ашинов. Уже упоминавшийся нами В.М. Дорошевич в 1889 году опубликовал фельетон «Записки Ашинова. Переделаны из "Записок сумасшедшего"» под негатонимом *Не-Ашинов* [Масанов 1957: 252].

Не-Буква, Не-Б. Как показывает анализ этих негатонимов, выбор псевдонима может представлять собой своеобразную форму литературно-языковой игры с другим автором. Известный журналист и редактор журнала «Стрекоза» Ипполит Федорович Василевский использовал множество псевдонимов (по данным И.Ф. Масанова, их насчитывается 32; см. [Масанов 1960: 94, 95]), из которых наиболее узнаваемым был оним *Буква*, применявшийся им с 1876 года вплоть до 1910-х гг. В начале XX века на страницах печати появляются фельетоны его однофамильца Ильи Марковича Василевского. И.М. Василевский также активно использовал псевдонимы (в [Масанов 1960: 94]

зафиксировано 24 варианта), а наиболее известным из них стал негатоним *Не-Буква* [Масанов 1957: 252]. Кроме того, среди псевдонимов И.Ф. Василевского встречается инициал *Б.*, в соответствии с чем у И.М. Василевского обнаруживается созвучный ему негатоним *Не-Б.* [Масанов 1957: 240].

Невагнер и Негуно, Негуно. Рихард Вагнер – выдающийся немецкий композитор, Шарль Гуно – «композитор, один из создателей и виднейший представитель французской лирической оперы» [Прохорова 1993: 350]. Профессия этих композиторов тематически связана с деятельностью автора С.Ф. Сабурова, который являлся драматургом и антрепренером [Масанов 1960: 418]. В этом плане выбор негатонимов *Невагнер и Негуно* [Масанов 1957: 252] и *Негуно* [Масанов 1957: 255] отражает игровое отрицание имен известных композиторов и служит созданию комического эффекта.

Негорький. Драматург А.В. Шабельский подписал свою пьесу «По дороге на дно» негатонимом *Негорький* [Масанов 1957: 254], явно имевшим пародийный характер¹.

Недекабрист. Филолог, писатель и журналист Н.И. Греч, поддерживавший дружеские отношения с декабристами, не разделял их политических взглядов (см. [Жеребило 2010: 82]). Выбор им негатонима *Недекабрист* [Масанов 1957: 255] для работы в альманахе «Полярная

¹ Упоминание о том, что выбор негатонима в этом случае был мотивирован названием пародийного произведения, обнаруживается в [Дмитриев 1980: 138, 139].

звезда», издававшимся А.А. Бестужевым и К.Ф. Рылеевым, рассматривается исследователями его творчества как ироническое отрицание принадлежности к декабристскому движению и средство полемики с альманахом А.И. Герцена, который также назывался «Полярная звезда» (см. [Герцен 2011]).

Не-депутат. Негатоним *Не-депутат* [Масанов 1957: 255], использованный В.И. Ульяновым (Лениным), подчеркивает отстраненность автора от социального статуса депутата и связанных с ним взглядов и интересов.

Не дипломат. С.С. Татищев, будучи «русским дипломатом и историком» [БСЭ. Т. XXV 1976: 297], по всей вероятности, выбрал негатоним *Не дипломат* [Масанов 1957: 255] как иронический способ показать, что, будучи публицистом журнала «Благовест», он в данной ситуации не выступает в качестве дипломата.

Незаметный, Макар. Слово «незаметный» означает ‘такой, который трудно, невозможно заметить, увидеть. Ничем не выдающийся, не выделяющийся среди других’ [Словарь русского языка. Т. II 1986: 444]. По наблюдению В. Бязыровой, выбор автором Г.М. Цаголовым негатонима *Незаметный, Макар* [Масанов 1957: 256] обусловлен его личными качествами: «Скромный, очень сдержанный, стеснительный Георгий Цаголов, не один год проработавший в газетах "Терские ведомости" и "Терек", автор "Абреков", "Двух пастухов", "В Болотинске",

подписывал отдельные свои публикации так – *Макар Незаметный*. И это тоже вполне объяснимо: суть характера Г. Цаголова определена здесь совершенно точно» [Бязырова 2014].

Неизменный театрал. Слово «неизменный» определяется как ‘не подвергающийся изменениям, постоянный. Всегдашний, обычный, всегда одинаковый. Преданный, верный’ [Толковый словарь русского языка. Т. II 1938: 510]. Выбор писателем и журналистом В.А. Долгоруковым негатонима *Неизменный театрал* [Масанов 1957: 258] связан с его постоянным интересом к театру. Ю.И. Родченко отмечает, что «в Томске В.А. Долгоруков принимал деятельное участие в литературном отделе "Сибирского вестника", всегда проявляя глубокий интерес к театральному мастерству, а с конца 80-х гг. XIX в. возобновил сотрудничество в столичной периодике, в том числе в таких газетах, как "Суфлер", "Театральный мирок", а также в журнале "Артист» [Родченко 2012: 20]. Данный негатоним подчеркивает неизменную преданность автора театру и литературной критике.

Не истинно русский. Негатоним *Не истинно русский* [Масанов 1957: 258] представляет собой псевдоним библиографа Б.С. Боднарского, использованный им в публикациях в 1906 г. Годом ранее, т.е. в 1905 г., были созданы националистические политические организации «Союз русских людей» и «Союз русского народа». В речах лидеров этих организаций активно использовалось словосочетание «истинно русский

человек» (см. [Иванов 2021]), которое получило широкое распространение в текстах многих общественных деятелей, а также деятелей науки и культуры, критически относившихся к шовинистической идеологии упомянутых организаций (см., например, обличительный рассказ К.С. Станюкевича «Истинно русский человек»). Таким образом, выбор негатонима *Не истинно русский* был мотивирован тем, что словосочетание «истинно русский человек» представляло собой маркер политического дискурса первого десятилетия XX века и его трансформация позволяла Б.С. Боднарскому выразить свои политические взгляды.

Не-Крестовский. Выбор данного псевдонима писателем В.В. Курицыным был связан с тем, что его роман «Томские трущобы» (1908) [Масанов 1957: 259] своим названием и жанровой принадлежностью напоминал о другом знаменитом романе «Петербургские трущобы» (1867), написанном В.В. Крестовским¹.

Не-либеральный скептик. В.И. Ульянов (Ленин) использовал негатоним *Не-либеральный скептик* [Масанов 1957: 260], согласно свидетельству И.Н. Вольпера, по следующей причине: «Иронизируя по поводу заметки, опубликованной под псевдонимом *Скептик*, в либеральной газете "Речь", Владимир Ильич Ленин под своей статьей ставит подпись: Не-либеральный скептик» [Вольпер 1965: 79].

¹ Упоминание о том, что выбор данного негатонима был связан со сходством названий двух произведений, обнаруживается в [Дмитриев 1980: 138, 139].

Не на. Негатоним *Не на* [Масанов 1957: 261], принадлежащий Е.С. Федорову-Чмыхову, русскому писателю и журналисту, публиковавшемуся в различных юмористических журналах в 80-ые гг. XIX века (см. [Масанов 1957: 261]), структурно ассоциируется с отрицанием предлога *на*, однако, если учесть тот факт, что еще одним псевдонимом автора был негатоним *Немудрящий, Натан* [Масанов 1957: 261], представляется более вероятным оценить происхождение псевдонима *Не на* как сокращение производящей базы *Немудрящий, Натан*. Тем не менее, с точки зрения носителя русского языка, не знающего историю происхождения этого псевдонима, он может быть истолкован как сочетание отрицательной частицы *не* и предлога *на*.

Непомнящий, Сергей. Выбор писателем С.П. Победоносцевым негатонима *Непомнящий, Сергей* [Масанов 1957: 262], на наш взгляд, мог быть обусловлен тем, что, будучи уроженцем Москвы, выпускником Первого кадетского корпуса, свою литературную деятельность он в числе прочего связал с переводами польских художественных текстов и написанием полемических статей на «польскую тему». Слово «непомнящий» означает «прозвание бродяг, выдающих себя за непомнящих родства, т.е. родины, родителей, имени, звания» [Даль 1881: 544]. Согласно «Русскому биографическому словарю», «покинув Царство Польское, С.П. Победоносцев стал сотрудничать только в русских журналах... Здесь он напечатал много мелких критических и

литературных статей, иногда совсем их не подписывая, преимущественно же выступая под псевдонимом *Сергей Непомнящий*» [Русский биографический словарь. Т. XIV 1905: 143].

Непрактический человек. Писатель П.М. Ковалевский выбрал негатоним *Непрактический человек* [Масанов 1957: 262] в связи с названием своей повести «Непрактические люди» (1864).

Не-сибиряк, Жорж не Сибиряк. Писатель Г.Н. Кгаевский являлся автором ряда драм, написанных на «сибирскую тему» (см. [Колмаков, Романов 2016]). С учетом этого выбор негатонимов *Не-сибиряк* [Масанов 1957: 263] и *Жорж не Сибиряк* [Масанов 1956: 379] можно рассматривать как языковую игру, направленную на создание комического эффекта.

Несчастный муж. Выбор негатонима *Несчастный муж* писательницей и журналисткой Н.А. Лухмановой [Масанов 1957: 264] связан с личными обстоятельствами, в частности с разводом: «после развода с Колмогоровым вернулась в Петербург и занялась литературой: "Петербургская жизнь"» [Русские писатели Т. III 1994: 417].

Несчастный. Негатоним *Несчастный* [Масанов 1957: 264] выбран писателем В.П. Колесниковым как отсылка к названию его произведения «Записки несчастного» (около 1827 г., впервые изданы в 1869 г.).

Не-я. Использование поэтом и публицистом С.П. Колошиным негатонима *Не-я* [Масанов 1957: 264] может объясняться жанровыми особенностями его публицистических текстов: «В 1859 г. Сергей

Павлович Колошин стал печатать в "Развлечении", под псевдонимом *Не-я*, язвительные, полные сарказма фельетоны, часто затрагивавшие частную жизнь, которые сразу подняли успех журнала» [Энциклопедический словарь. Т. XVА 1895: 761]. Негатоним *Не-я* отражает игровое отрицание самождественности автора и подчеркивает ироничный характер текстов.

Не-я, К. Псевдоним *Не-я, К.* [Масанов 1957: 240] использовался историком литературы и журналистом К.И. Арабажиным. С. Исаков отмечает, что «еще до университета К.И. Арабажин стал пробовать свои силы в художественном творчестве, причем на украинском языке. В 1885 г. он выпустил под псевдонимом *К. Не-я* отдельным изданием свою одноактную комедию-шутку "Сначала спроси, а потом ругайся". С этого же года в известном украинском журнале "Зоря", выходившем во Львове, под тем же псевдонимом *К. Не-я* начинают появляться стихи К.И. Арабажина. Позже он там же публикует рассказ "Жизнь – сон" (1889) и ряд переводов из Л.Н. Толстого, Ги де Мопассана и Г. Мачтета. <...> К.И. Арабажин сотрудничает и в других украинских изданиях, выступая под псевдонимами *К.А., К. Не-я, Кость Не-я, К. Недоля, Non-ego*» [Исаков 1987]. В основе псевдонима лежит языковая игра: слово «я» обозначает пишущего, но позволяет автору оставаться анонимным для читателя. Негатоним *Не-я* выступает как своеобразный двойной псевдоним – отрицающий и имя, и авторство. Кроме того, «Кость» –

первая часть сокращенного от *Константин* имени *Костя*, последняя буква которого совпадает со словом *я*, перед которым в негатониме ставится отрицательный префикс (*не + Костя > не + Кост + я > не + Кость + я > Кость Не-я*), что также объясняет использование негатонима *Кость Не-я*¹.

Никто. Слово *никто* – «местоим. отриц. для существа, для предметов одушевленных, личных: ни один человек» [Даль 1881: 563]. Использование этого слова в качестве имени восходит к гомеровскому эпосу, где оно обозначает «исключенного субъекта», «безымянного человека в обществе», «человека из небытия». Так, в «Одиссее» Гомера Одиссей, спасаясь от циклопа Полифема, называет себя *Никто* (см. [Жуковский 1960]). Можно предположить, что в публицистике XIX – начала XX вв. этот негатоним использовался авторами аналогичным образом для того, чтобы скрыть свое имя и избежать преследования за острые политические фельетоны и сатиру. Например, журналист М.А. Ашкинази использовал негатоним *Никто* [Масанов 1957: 269] в связи со своей публицистической деятельностью: «Он издавал газеты и журнал "Кимвал", полностью подготовленный им как орган политической сатиры, сотрудничал с изданиями, публикуя иронические рецензии и сатирические миниатюры на общественно-политические темы» [Войналович, Кармазинская 1989: 133].

¹ Псевдоним *Кость Не-я* И.Ф. Масановым не упоминается.

Человек без селезенки. Согласно исследованиям филологов, негатоним *Человек без селезенки* [Масанов 1958: 232] является самым известным «медицинским псевдонимом» А.П. Чехова (см. [Кошелев 2005], [Мифтахов 2017]). Использование данного псевдонима не было случайным: будучи терминологическим обозначением диагноза «аспления», в сознании современников автора он был связан с медицинскими представлениями той эпохи о том, что размер селезенки связан с эмоциональным состоянием человека. Таким образом, как указывает И.Ф. Мифтахов, «выбирая псевдоним, автор как бы показывает читателю, что человек без селезенки – это человек без душевных волнений, беспристрастный, но со своей загадкой» [Мифтахов 2017: 121].

Негатоним *Человек без селезенки* послужил основой для образования еще одного псевдонима А.П. Чехова – *Ч. без с.* [Масанов 1958: 226], – который сконструирован путем сокращения компонентов исходной структуры до сочетания первых букв слов «человек» и «селезенка»; при этом понять, что именно имеет в виду автор, используя такое сочетание, оказывается затруднительным, если не знать производящую базу этого негатонима.

Популярность псевдонима *Человек без селезенки*, по всей вероятности, была настолько высока, что в последующие годы в сатирическом журнале «Будильник» появились похожие по структуре негатонимы, принадлежащие авторству поэта, прозаика и драматурга

Ф.Ф. Благова, – *Человек без ...* и *Человек без слепой кишки* [Масанов 1958: 232, 233].

Таким образом, использование негатонимов в качестве псевдонимов может быть связано с самыми различными причинами, имеющими отношение как к личной и общественной жизни авторов, так и к их самореализации в качестве языковых личностей.

2.6.2 Типы языковой игры при образовании негатонимов

Приведенные в предшествующих разделах факты наглядно демонстрируют, что использование негатонимов предоставляет авторам широкие возможности для творческих экспериментов в сфере словотворчества. В связи с этим особый интерес представляет анализ негатонимов как материала для исследования механизмов языковой игры в ономастике.

В разделе 2.4.3 мы рассмотрели несколько случаев, связанных с языковой игрой, основой которой служит использование средств графики. Обратимся к анализу других случаев.

Оксюмороны *Не я* [Масанов 1957: 264, 265] и *Не-я* [Масанов 1957: 264], могут усложняться добавлением новых компонентов, усиливающих парадоксальный эффект: *Совсем не я* (= Петр Семенович Цейхенштейн) [Масанов 1958: 123], *Это не я* (= Петр Алексеев Опочинин) [Масанов 1958: 273]. Особый интерес представляет оригинальная структура негатонима поэта Ф.Б. Миллера *Не нея* (1863) [Масанов 1957: 261],

рассмотренного в разделе 2.4.3. Это не единственный подобный случай. Двойное отрицание в составе мотиватора также встречается, например, в псевдониме XVIII века А.В. Храповицкого – *Ненезнакомый* (1773) [Масанов 1957: 261].

Наиболее частым случаем языковой игры является создание негатонимов на базе имен собственных. Помимо «обычных» случаев негации имен известных персон встречаются в этой области способы образования, демонстрирующие особые достижения авторов псевдонимов.

Негатоним *Непольдекок, Е.* [Масанов 1957: 262] использовался Евсеем Марковичем Ещиным, чьи статьи публиковались в различных российских газетах начиная с 80-ых гг. XIX века [Масанов 1960: 182]. Псевдоним представляет собой остроумную авторскую трансформацию имени французского литератора Поля де Кока (1793–1871), имеющую целью комический эффект.

Следует отметить случаи языковой игры, связанные с использованием отношений множественной мотивации: негатоним *Жюль Неверный* [Масанов 1960: 135] К.К. Голохвастова восходит одновременно к имени знаменитого французского писателя *Жюль Верна* и русскому прилагательному *верный*. Совмещение двух значений в негатониме за счет омонимии корневых морфем в словах *Верн* и *верный* приводит к комическому эффекту.

К этому же типу языковой игры следует отнести и рассмотренные выше псевдонимы *Ненадо, Густав* [Масанов 1957: 261] и *Не-Надо, Густав* [Масанов 1957: 261] (см. раздел 2.4.1). К сказанному ранее необходимо добавить, что Н.П. Кильберг использовал еще один негатоним – *Ненадович* [Масанов 1957: 261]. Этот псевдоним развивает прием, разработанный при конструировании негатонимов *Ненадо, Густав* и *Не-Надо, Густав*, и состоит в образовании на основе иноязычной «фамилии» *Ненадо* славянской «фамилии» *Ненадович*.

К числу подобных примеров можно отнести и негатоним *Лжедмитрий* [Масанов 1957: 121]. Писатель Д.Н. Семеновский использует негатоним *Лжедмитрий* как средство самоиронии и стилистической игры с историческим контекстом. Через образ «лжегосударя» автор обыгрывает фиктивность собственного «я», добиваясь сатирического и гротескного эффекта, тем более что его подлинное имя – Дмитрий.

Схожим образом следует оценить и псевдоним *Неспартанский, Леонид* [Масанов 1957: 263]: с одной стороны, автор псевдонима поэт Леонид Фейгин апеллирует к знаниям читателей о том, что самым известным царем Спарты был Леонид I, а с другой – намекает на то, что его самого зовут Леонид (см. аналогичный способ языковой игры в негатониме *Не Пушкин, Александр Сергеевич* (= Ал-др Серг. Соболев) [Масанов 1957: 262]).

Трансформация именной группы с помощью негации одного из компонентов в ряде случаев усиливается за счет дополнительного средства – противительного союза *но*: *Микель, но не Анджело* [Масанов 1957: 187], *Не Демьян, но бедный* [Масанов 1957: 255]. Примечательно, что в обоих случаях анализ негатонимов позволяет установить импликатуры, связанные с учетом функционально-прагматического аспекта использования этих псевдонимов. Первый пример связан, с одной стороны, с трансформацией имени гениального художника, а с другой – должен истолковываться с учетом того, что автор псевдонима – журналист М.В. Машков (см. [Масанов 1960: 308]) – носит имя Михаил, которое соотносится с именем Микель. Во втором примере, как и в случае с негатонимами типа *Жюль Неверный*, автор псевдонима поэт Б. Калюжный, публиковавшийся в 1920-ые гг. (см. [Масанов 1960: 216]), при конструировании негатонима использовал отношения множественной мотивации – написанное со строчной буквы слово *бедный* воспринимается как прилагательное, но в сочетании с именем *Демьян* вызывает ассоциации с псевдонимом поэта Е.А. Придворова *Демьян Бедный* [Масанов 1956: 149].

Отдельного внимания заслуживают случаи языковой игры с настоящими именами известных персон, содержащими формант *не*, как это видно в трансформациях фамилии великого русского поэта Н.А. Некрасова. Так, исследователь его творчества П.А. Картавов выбрал

негатоним *Не-Некрасов* (1906) [Масанов 1957: 261], в то время как однофамилец поэта, актер и режиссер Н.Д. Некрасов (1867–1940), использовал имя *Красов* [Тарасова 2000: 315]. Таким образом, модификация прецедентного имени с формантом *не* может реализовываться как путем префиксации, так и посредством депрефиксации (см. подробнее в [Савельев 2022]).

Отмеченное выше использование в качестве производящей базы прецедентных имен, названий и высказываний является одним из наиболее часто применяемых приемов языковой игры, чаще всего направленных на создание комического эффекта. Следует обратить внимание на то, что все подобные случаи можно разделить на два типа.

Прецедентная производящая база может сохранять свой изначальный вид, но ее использование в качестве негатонима становится причиной переосмысления существующего знака. Так происходит, например, с негатонимом *Всадник без головы* [Масанов 1956: 255] поэта и писателя, сотрудника юмористических журналов 1890-ых гг. С.П. Киснемского (см. [Масанов 1960: 230]): псевдоним отсылает читателя к названию популярного в то время приключенческого романа Томаса Майна Рида.

Еще одним примером служит псевдоним *Несчастливцев* [Масанов 1957: 264], использовавшийся известным писателем А.Т. Аверченко. Этот негатоним отсылает читателя к фамилии (точнее – к псевдониму)

персонажа пьесы А.Н. Островского «Лес». Можно предположить, что, выбирая данный псевдоним, А.Т. Аверченко принимал во внимание три обстоятельства: а) писатель использовал прецедентное имя, б) в качестве псевдонима он взял псевдоним персонажа пьесы (настоящая фамилия Несчастливцева – Гурмыжский), в) имя А.Т. Аверченко – Аркадий – совпадает с именем еще одного персонажа пьесы, фамилия которого – Счастливец (отношения Несчастливцева и Счастливец являются одним из мотивов данного произведения). Таким образом, использование в качестве псевдонима прецедентного имени *Несчастливцев* не потребовало от автора каких-либо формальных изменений, но при этом может считаться примером тонкой языковой игры.

В большинстве случаев прецедентная производящая база подвергается трансформации. В частности, это касается негации всех прецедентных имен (*Не-Белинский* [Масанов 1957: 252], *Не-Вересаев* [Масанов 1957: 252], *Негейне, Иван* [Масанов 1957: 254] и под.). Однако в ряде случаев их трансформации могут быть более сложными, как это происходит в рассмотренных выше примерах неоднословных негатонимов с союзом *но* (*Микель, но не Анджели; Не Демьян, но бедный*). Еще одним примером может служить негатоним *Абеляр без Элоизы* [Масанов 1956: 84] писателя-юмориста К.А. Михайлова (см. [Масанов 1960: 317]), который представляет собой трансформацию сочетания прецедентных имен *Абеляр и Элоиза*, регулярно упоминаемых в

произведениях культуры с помощью синтагмы с сочинительным союзом *и* (например, «Собрание писем Абелярда и Элоизы <...>» (1783), картина Э. Лейтона «Абеляр и Элоиза» (1882) и под.).

Таким образом, среди негатонимов обнаруживается значительное количество псевдонимов, образование которых связано с авторской языковой игрой, при этом, как показывает анализ примеров, авторами могут использоваться средства разных языковых уровней, которые в ряде случаев ими комбинируются.

2.6.3 Негатонимы как источник установления прецедентных имен русской культуры

Активное обращение к именам известных личностей при создании негатонимов требует их рассмотрения еще с одной точки зрения: они представляют собой ценный материал для реконструкции истории прецедентных имен, а также для изучения этапов их формирования и трансформации в употреблении. Очевидно, что при выборе псевдонима автор XIX века ориентировался на культурно-когнитивный фон своего читателя. Сам факт использования того или иного имени в качестве основы для негатонима подтверждает его широкую узнаваемость среди современников.

Имена и псевдонимы известных личностей, послужившие основой создания негатонимов во второй половине XIX – начале XX вв., можно разделить на несколько типов, учитывая то, к каким социальным группам

относились лица, которым они принадлежали.

1. Критики

В данной группе представлен единственный пример негатонима, образованного от фамилии известного русского литературного критика, чье имя имело статус прецедентного и было хорошо известно в культурном пространстве: *Не-Белинский* (= Леонтий Леонтьевич Мищенко) [Масанов 1957: 252].

2. Русские писатели

Эта группа включает негатонимы, мотивированные фамилиями русских писателей и поэтов XIX – начала XX вв.: *Не-Вересаев* (= Константин Арсеньевич Михайлов) [Масанов 1957: 252], *Не-Гоголь* (= Богдан Степанович Боднарский) [Масанов 1957: 254], *Негорький* (= Александр Васильевич Шабельский) [Масанов 1957: 254], *Не Демьян, но бедный* (= Б. Калюжный) [Масанов 1957: 255], *Не-Жуковский* (= Владимир Васильевич Трофимов) [Масанов 1957: 256], *Не-Крестовский* (= Валентин Курицын) [Масанов 1957: 259], *Не-Крылов* (= Александр Алексеевич Соколов; Петр Семенович Цейхенштейн) [Масанов 1957: 259], *Крылов и Не-Крылов* (= Александр Алексеевич Соколов) [Масанов 1957: 81], *Не-Некрасов* (= Петр Алексеевич Картавов) [Масанов 1957: 261], *Немаксим Горький* (= Н.Д. Котельников) [Масанов 1957: 260], *Не Пушкин, Александр Сергеевич* (= Александр Сергеевич Соколов) [Масанов 1957: 262].

3. Зарубежные писатели

В данную группу входят негатонимы, образованные от имен зарубежных классиков разных эпох: *Жюль Неверный* (= К.К. Голохвастов) [Масанов 1956: 380], *Не Вальтер Скотт, а Ланской* (= Александр Иванович Виноградов) [Масанов 1957: 252], *Не-Гомер* (= Николай Ермилович Воронцов) [Масанов 1957: 254], *Не-Данте* (= Константин Арсеньевич Михайлов) [Масанов 1957: 255], *Непольдекок, Е.* (= Евсей Марк. Ещин) [Масанов 1957: 262], *Не Шекспир, а Ланской* (= Александр Иванович Виноградов) [Масанов 1957: 264].

4. Композиторы

В группе представлены негатонимы, мотивированные фамилиями известных композиторов, чьи имена также были прецедентными: *Ненадо, Г.*; *Не-Надо, Густав*; *Ненадо, Густав*; *Ненадович* (= Николай Петрович Кильберг) [Масанов 1957: 261], *Не-Гуно* (= Сергей Яковлевич Уколов) [Масанов 1957: 255], *Невагнер и Негуно* (= Симон Федорович Сабуров) [Масанов 1957: 252].

5. Журналисты

В этой группе представлен единственный пример негатонима, образованного от фамилии известного журналиста: *Не-Каразин* (= Александр Максимович Герсон) [Масанов 1957: 258].

6. Философы

В данной группе зафиксирован один пример негатонима,

мотивированного именем великого мыслителя: *Не-Конфуций* (= Сергей Александрович Патараки) [Масанов 1957: 259].

7. Цари и монархи

Эта группа представлена примерами, образованными от имен правителей и монархов: *Не-Македонский, Александр* (= Семен Яковлевич Уманский) [Масанов 1957: 260], *Не-Романов* (= Аполлон Аполлонович Коринфский) [Масанов 1957: 263]¹, *Неспартанский, Леонид* (= Л.А. Фейгин) [Масанов 1957: 263].

8. Князя

Здесь встречаются негатонимы, созданные на основе фамилии одного русского князя: *Князь Не-Мещерский; Не-Мещерский* (= Владимир Николаевич Майнов) [Масанов 1957: 65, 261].

9. Политические деятели

В данной группе встречается единичный пример, связанный с фамилией революционного лидера: *Не Ленин* (= Дмитрий Николаевич Семеновский) [Масанов 1957: 260].

Как видно из приведенных примеров, имена и псевдонимы многих известных личностей служили мотивирующей основой для создания негатонимов конца XIX – начала XX вв. На наш взгляд, возможность их использования объясняется тем, что эти имена уже обладали статусом прецедентных, были хорошо известны читательской аудитории и

¹ Следует признать, что отнесение данного негатонима к указанной группе является дискуссионным.

вызывали устойчивые культурные ассоциации, что делало их удобной базой для словообразовательных экспериментов.

Интересно, что, как показывает анализ негатонимов, данный тип псевдонимов регулярно использовался авторами, имена которых с течением времени стали прецедентными¹: *Безгласный* (= В.Ф. Одоевский) [Масанов 1956: 150], *Безпристрастный* (= В.М. Дорошевич) [Масанов 1956: 151], *Безродный* (= В.В. Розанов) [Масанов 1956: 151], *Невыносимый* (= С.И. Танеев) [Масанов 1957: 254], *Не гласный* (= В.А. Гиляровский) [Масанов 1957: 254], *Недекабрист* (= Н.И. Греч) [Масанов 1957: 255], *Не-депутат* (= В.И. Ленин) [Масанов 1957: 255], *Недобобов*, *Иеремия* (= И.С. Тургенев) [Масанов 1957: 255], *Незванный*, *Андрей* (= В.Г. Короленко) [Масанов 1957: 256], *Незнакомый* (= М.М. Херасков) [Масанов 1957: 257], *Неизвестное общество неученых людей* (= В.А. Жуковский) [Масанов 1957: 257], *Неизвестный каноник Ignorante bambinelli* (= Екатерина II) [Масанов 1957: 258], *Неизвестный сочинитель* (= П.А. Вяземский) [Масанов 1957: 258], *Непанов, М.* (= М.Е. Салтыков-Щедрин) [Масанов 1957: 262], *Нескажусь* (= П.Д. Боборыкин) [Масанов 1957: 263], *Несчастливцев* (= А.Т. Аверченко) [Масанов 1957: 264], *Человек без селезенки* (= А.П. Чехов) [Масанов 1958: 232].

¹ В качестве примера приводится по одному негатониму. В действительности многие из упоминаемых авторов использовали несколько различных негатонимов.

Таким образом, исследование негатонимов, проведенное в разделе 2.6, показало, что многие особенности образования негативных псевдонимов связаны с тем, что они представляют собой результат авторской языковой игры, в которой их авторы задействуют средства разных языковых уровней и ориентируются при этом на фоновые знания своих читателей, что проявляется, в частности, в использовании в качестве производящих баз прецедентных имен, названий и высказываний. В связи с этим изучение негатонимов предполагает комплексный анализ с привлечением как собственно лингвистических, так и лингвокультурологических методов исследования.

2.7 Выводы

Глава 2 посвящена исследованию негатонимов русского языка XVIII – первой половины XX вв. на материале «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова. В ходе анализа были рассмотрены ключевые аспекты их образования и функционирования, включая критерии отнесения псевдонимов к ЛСГ «негатонимы», структурные особенности, графическое оформление, способы образования и лингвокультурные характеристики.

Несмотря на то что сам автор словаря не выделял негатонимы в отдельную категорию, представленный им материал, тем не менее, позволяет провести системный и многоаспектный анализ негативных псевдонимов.

В ходе исследования было уточнен объем предложенного В.Г. Дмитриевым понятия «негатоним». Изучение зафиксированных словарем И.Ф. Масанова негатонимов позволило выделить три основных критерия отнесения псевдонимов к этой категории: 1) формальная характеристика: наличие отрицательной маркировки (например, морфемы *не-*, *ни-*, *без-*, *за-* и др.), 2) семантическая характеристика: негатонимы выражают значение отрицания, которое может быть реализовано по-разному в зависимости от того, что называет их производящая база, 3) функционально-прагматическая характеристика: образование и функционирование негатонима связаны с различными субъективными факторами, к которым, в частности, относятся авторская языковая игра, использование в качестве производящих баз прецедентных имен, названий и высказываний, ориентация на когнитивную базу читателей. Отмечено, что обязательным для отнесения псевдонимов к негатонимам, является наличие первых двух характеристик.

Установлено, что рассматриваемые псевдонимы образуют ЛСГ «негатонимы» с ядром, представленным четко маркированными единицами, такими как *Не-Белинский* [Масанов 1957: 252], *Не-критик* [Масанов 1957: 259], *Неизвестный* [Масанов 1957: 257, 258] и под., в которых отрицательная семантика выражена формально и однозначно. Периферию ЛСГ составляют номинации, чья отрицательная семантика выражена неявно и ее установление требует анализа контекста

употребления, например *Лжедмитрий* [Масанов 1957: 121], *Горе-Богатырь* [Масанов 1956: 297], *Защитный поэт* [Масанов 1956: 391]. В качестве особой группы негатонимов, относящихся к периферии ЛСГ, были выделены псевдонимы, формально тождественные единицам, относимым к ядру ЛСГ, и при этом совпадающие с распространенными русскими фамилиями, такие как *Неверов* [Масанов 1957: 253], *Неволин* [Масанов 1957: 253], *Незванов* [Масанов 1957: 256]. Их особенностью является то, что актуализация ими значения отрицания может быть установлена исключительно с учетом функционально-прагматического аспекта их использования.

В результате анализа псевдонимов, включенных в словарь И.Ф. Масанова, был составлен список негатонимов, причем в их составе была отдельно выделена группа псевдонимов, формально совпадающих с распространенными русскими фамилиями.

На основе анализа негативных псевдонимов установлено, что основными их структурными разновидностями являются однословные и неоднословные негатонимы.

Однословные негатонимы представляют собой лексемы с цельной морфологической структурой, в которых отрицание выражено на словообразовательном уровне (например, *Негуно* [Масанов 1957: 255], *Не-Гуно* [Масанов 1957: 255], *Не-врач* [Масанов 1957: 253]). Кроме того, к данной группе отнесены и формально двухсловные конструкции с

отрицательной частицей *не* (например, *Не врач* [Масанов 1957: 253], *Не я* [Масанов 1957: 264]), которые функционируют как единые номинативные единицы и в семантическом плане тождественны однословным образованиям. Были установлены типы однословных негатонимов по их соотношению с производящими базами (см. раздел 2.3.1).

Неоднословные негатонимы представляют собой сочетания из двух и более знаменательных слов, в которых отрицание реализуется не только на словообразовательном, но и на лексико-синтаксическом уровне. Были установлены структурные типы неоднословных негатонимов: именные сочетания (например, *Не-Македонский, Александр* [Масанов 1957: 260]), словосочетания с подчинительной связью (например, *Неизвестный сочинитель* [Масанов 1957: 258]), синтагмы с сочинительной связью (например, *Не Шекспир, а Ланской* [Масанов 1957: 264]), предложения (например, *Не поминай лихом* [Масанов 1957: 262]). Отмечено, что в таких конструкциях отрицание может распространяться как на отдельный элемент, так и на сочетание в целом, в связи с чем были установлены различные типы неоднословных негатонимов на основании анализа того, какой компонент подвергается отрицанию (см. раздел 2.3.1).

Анализ графического оформления негатонимов показал значительную вариативность, свойственную слитному, разделённому и дефисному написанию негатонимов, включающих в свой состав формант *не*, вплоть до различного оформления псевдонимов, образованных от

одних и тех же производящих баз (например, *Не-Надо*, *Густав* [Масанов 1957: 261] и *Ненадо*, *Густав* [Масанов 1957: 261], *Не Бессарабец* [Масанов 1957: 252] и *Не-бессарабец* [Масанов 1957: 252], *Не гласный* [Масанов 1957: 254] и *Негласный* [Масанов 1957: 254]). Установлено, что выбор написания напрямую связан с авторской интенцией: дефисное оформление зачастую служит приемом языковой игры, тогда как слитное или раздельное написание отражает стремление автора следовать орфографическим нормам. Помимо этого, проанализировано использование строчных и заглавных инициальных букв при написании мотиваторов; установлено, что выбор регистра обусловлен, с одной стороны, частеречной принадлежностью производящей базы, а с другой – прагматикой использования образуемого знака. Помимо этого, были установлены средства параграфемии, позволяющие реализовать авторскую языковую игру.

Были установлены и описаны способы образования негатонимов. Особенностью классификации стало включение в нее не только словообразовательных способов, но и способов, которые можно определить как лексико-синтаксические (сочетания с частицей *не*, предлогом *без*). Установлено, что наибольшей продуктивностью обладают способы, связанные с использованием префиксов *не* и *без*, а также частицы *не*. Выделены префиксальные, постфиксальный, префиксально-суффиксальные способы образования, сложение,

смешанный способ словообразования, способ, связанный с морфемизацией субморфов, образования с частицей *не* и предлогом *без*. Кроме того, описан суффиксальный способ образования, особенностью которого является то, что при его реализации негатонимы-дериваты формально образуются от производящих баз, выражающих значение отрицания, но семантически мотивируются словами, входящими в предшествующее звено словообразовательной цепочки (например, *воля* > *неволя* > *Невольник*, *В.* [Масанов 1957: 253]). Установлены типы производящих баз, характерных для разных словообразовательных моделей. Помимо этого, установлены типовые значения производящих баз, принадлежащих разным частям речи, и, таким образом, определен семантический потенциал негатонимов, обусловленный типами их семантической мотивации.

Обращение к лингвокультурному аспекту изучения негативных псевдонимов позволило установить особенности образования и функционирования ряда негатонимов (рассмотрено 47 единиц), корректная интерпретация которых потребовала дополнительных сведений, имеющих отношение к личной и общественной жизни авторов. Были установлены различные типы языковой игры, связанные с созданием оксюморонов, графической трансформации имен собственных, выстраиванием отношений множественной мотивации, использованием средств различных языковых уровней, апелляцией к прецедентным

именам и названиям. Помимо этого, был установлен и классифицирован список прецедентных имен известных личностей, послуживших производящими базами для создания негатонимов. Кроме того, был установлен список известных личностей, которые в своей практике использовали псевдонимы, представляющие собой негатонимы.

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, описать и классифицировать негатонимы как особый класс псевдонимов с уникальными структурными, семантическими и прагматическими характеристиками.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Дин Пэй

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ НЕГАТОНИМОВ

В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Том 2

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук,

доцент Виктор Сергеевич Савельев

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 3. Негатонимы русского зарубежья первой половины XX века ..	5
3.1 «Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)» М. Шрубы.....	5
3.2 Структурные особенности негатонимов.....	10
3.2.1 Структурные особенности однословных негатонимов.....	11
3.2.2 Структурные особенности неоднословных негатонимов	14
3.3 Графические особенности оформления негатонимов.....	16
3.3.1 Слитное, раздельное и дефисное написание	16
3.3.2 Использование строчных и заглавных букв.....	20
3.3.3 Языковая игра в параграфемике негатонимов	24
3.4 Образование негатонимов	26
3.4.1 Способы образования негатонимов.....	26
3.4.2 Типы производящих баз	32
3.5 Лингвокультурные аспекты образования негатонимов	43
3.5.1 Частные случаи образования негатонимов.....	44
3.5.2 Типы языковой игры при образовании негатонимов	45
3.5.3 Негатонимы как источник установления прецедентных имен русской культуры	48
3.6 Сравнение негатонимов в словарях псевдонимов И.Ф. Масанова и М. Шрубы.....	51
3.6.1 Пространственные и хронологические рамки.....	51

3.6.2	Негатонимы как одна из разновидностей псевдонимов.....	52
3.6.3	Структурные особенности негатонимов.....	53
3.6.4	Словообразовательные модели.....	54
3.6.5	Типы производящих баз	58
3.6.6	Семантическая мотивация и функции негатонимов.....	60
3.6.7	Графическое оформление негатонимов	63
3.7	Выводы	70
	Заключение	75
	Библиография	94
	Приложение 1. Основной список негатонимов из «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова с указанием источников	128
	Приложение 2. Негатонимы из «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова, совпадающие с распространенными русскими фамилиями, с указанием источников.....	185
	Приложение 3. Способы образования негатонимов из «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова	201
	Приложение 4. Основной список негатонимов из «Словаря псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)» М. Шрубы с указанием источников	222
	Приложение 5. Негатонимы из «Словаря псевдонимов русского	

зарубежья в Европе (1917–1945)» М. Шрубы, совпадающие с
распространенными русскими фамилиями, с указанием источников..... 235

Приложение 6. Способы образования негатонимов из «Словаря
псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)» М. Шрубы 239

Глава 3. Негатонимы русского зарубежья первой половины XX века

3.1 «Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)» М. Шрубы

Одним из наиболее значимых современных трудов в области изучения русской псевдонимики является «Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)» Манфреда Шрубы (далее – словарь М. Шрубы). Данное издание представляет собой «результат международного научного проекта, реализованного в Институте славистики Рурского университета в Бохуме (Германия) <...> в 2013–2015 годах» [Шруба 2018: 5].

Приступая к рассмотрению содержания и структуры словаря, следует отметить, что он охватывает широкий круг деятелей русского зарубежья (журналистов, художников, политических, общественных и церковных деятелей) и опирается на обширный эмпирический материал. Как указывает автор словаря, «учтены, в основном, псевдонимы периода первой волны русской эмиграции, включая годы Второй мировой войны» [Шруба 2018: 4].

Словарь включает несколько разделов. Существенно, что составитель помещает в разные разделы «раскрытые псевдонимы» (т.е. псевдонимы тех авторов, имена которых удалось установить) и «нераскрытые псевдонимы». К первой группе относится около 9800 онимов, ко второй группе – около 8500 именовании (см. [Шруба 2018: 4]).

Как отмечает М. Шруба, долгое время словарь И.Ф. Масанова являлся по сути единственным источником изучения псевдонимов, при этом данное издание, включавшее псевдонимы в том числе и первой половины XX в., не могло отразить с необходимой полнотой общую картину «по русской словесности XX в.» в силу невозможности поиска материала, имевшего отношение к деятелям русского зарубежья указанного периода (см. [Шруба 2018: 8]).

В связи с этим особенно актуальным стало появление нового справочника, описывающего псевдонимы русского зарубежья первой половины XX в. Существенную ценность словарю придает объемная источниковая база. Как указывает автор, «в список периодических изданий, просмотренных при работе над книгой, составляющий одно из приложений к словарю, включено 385 названий» [Шруба 2018: 17].

Сопоставление словаря М. Шрубы с фундаментальным трудом И.Ф. Масанова позволяет выявить как общие принципы их составления, так и некоторые различия.

Оба издания опираются на принцип научной достоверности и стремятся к максимальной полноте охвата материала. Как отмечает М. Шруба, в задачи составителя входило изучение «библиографических справочников и прочей литературы», анализ периодических изданий и выявление в них ранее не учтенных псевдонимов, изучение архивных данных (см. [Шруба 2018: 12]). Кроме

того, «определяя структуру настоящей книги, составитель отчасти сознательно ориентировался на словарь И.Ф. Масанова. Подразумевается не столько деление на списки псевдонимов и автоименов (стандартное для любого словаря псевдонимов), сколько оформление отдельных записей в двух основных отделах, привычное для филологов и историков культуры, имевших дело с русскими псевдонимами» [Шруба 2018: 21].

Авторы используют одни и те же основные принципы в организации разделов словарей. Как указывает М. Шруба, «записи расположены в алфавитном порядке: сначала псевдонимы, написанные кириллицей, затем псевдонимы латинского алфавита, наконец графониимы (астерониимы и нумерониимы). В пределах каждой буквы кириллического и латинского алфавитов сначала указаны усеченные формы (инициалы и всевозможные сокращения имен, отчеств, фамилий и прочих наименований), затем полные формы псевдонимов» [Шруба 2018: 21]. Как мы видим, такое расположение материала аналогично тому, что обнаруживается в словаре И.Ф. Масанова.

Основным различием между словарями является то, что материалы, включенные в словарь М. Шрубы, имеют ограничения хронологические и локальные (речь идет исключительно о русском зарубежье в Европе в период 1917–1945 гг.), в то время как в словаре И.Ф. Масанова зафиксированы псевдонимы российских и советских авторов от XVIII века до середины XX века безотносительно к тому, где

именно протекала их деятельность.

Также заметны различия в структуре словарных статей и порядке расположения материала. В частности, если в словаре И.Ф. Масанова «в пределах каждой буквы псевдонимы расположены по трем группам (инициалы, сокращения фамилий и псевдонимов и полные формы псевдонимов)», то в словаре М. Шрубы количество выделяемых групп сокращается до двух. Причину такого изменения М. Шруба объясняет следующим образом: по мнению исследователя, поиск подходящей записи в словаре И.Ф. Масанова осложняется «тем, что псевдонимы второй группы (сокращения фамилий) воспроизводятся с перестановкой (например, псевдоним "А. В-ский" следует у И.Ф. Масанова искать во втором из трех списков на букву В под: "В-ский, А.") <...> Этот не самый интуитивно понятный, мало прозрачный порядок заменен в настоящем издании четким делением на две категории – усеченных и полных форм. Усеченные формы воспроизводятся в том порядке, в каком они встречаются в печати, без перестановки» [Шруба 2018: 21]. Следует заметить, что при этом, как и в словаре И.Ф. Масанова, в словаре М. Шрубы инициалы, входящие в состав неоднословных псевдонимов, размещаются после «фамильной части», в связи с чем оригинальный порядок следования частей остается для читателей словаря неизвестным.

Анализ словников двух словарей показывает их частичное пересечение: в них фиксируются совпадающие негтонимы одних и тех

же авторов. К ним относятся псевдонимы *Не-Буква* (= И.М. Василевский) [Масанов 1957: 252], [Шруба 2018: 302], *Неверов, Александр* (= А.С. Скобелов) [Масанов 1957: 253], [Шруба 2018: 302], *Неволин, Гр.* (= Г.Н. Брейтман) [Масанов 1957: 253], [Шруба 2018: 302], *Негорев, Н.* (= Н.И. Иорданский) [Масанов 1957: 254], [Шруба 2018: 303], *Недолин, С.А.* (= С.А. Поперек) [Масанов 1957: 255], [Шруба 2018: 303], *Нежданов, Л.* (= Я.Б. Лившиц) [Масанов 1957: 256], [Шруба 2018: 303], *Не-коммунист* (= А.В. Бобрищев-Пушкин) [Масанов 1957: 259], [Шруба 2018: 304], *Нелюбин, С.* (Г.К. Гегер) [Масанов 1957: 260], [Шруба 2018: 304].

Намного более частым является такое пересечение словников, при котором в словаре И.Ф. Масанова негатоним является атрибутированным, а в словаре М. Шрубы указывается, что автор, скрывавшийся за псевдонимом, не установлен. Показательны случаи употребления таких негатонимов, как *Неизвестный*: в то время как в словаре М. Шрубы он не связан с именем какого-либо автора, в словаре И.Ф. Масанова сообщается о том, что он использовался 18 авторами¹.

Таким образом, «Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)» М. Шрубы представляет собой современное, академически выверенное продолжение традиции, заложенной И.Ф. Масановым. Он не только восполняет существенные пробелы в

¹ *Неизвестный* (= А.И. Белозеров, Д.М. Борисов, В.И. Вагин, Ю.А. Волков, И.И. Горбачевский, А.А. Емельянов, К.Ф. Калайдович, П.М. Карабанов, П.П. Каратыгин, А.А. Коган, К. Коган, М.Н. Макаров, Е.А. Мансфельд, А.Ф. Мерзляков, А.П. Нордштейн, И.Н. Потапенко, Д.П. Сильчевский, К.И. Смаковский) [Масанов 1957: 257, 258].

изучении псевдонимной практики русской эмиграции, но и задает новое направление в развитии лексикографических и ономастических исследований, предоставляя возможность научного анализа материала, ранее не известного научной общественности.

3.2 Структурные особенности негатонимов

Следуя разработанным в разделе 2.2.1 критериям отнесения псевдонимов к негатонимам, мы определили состав негатонимов, включенных в словарь М. Шрубы. Их общее количество составило 112 наименований.

В результате анализа псевдонимов было установлено, что, как и в случае с негатонимами из словаря И.Ф. Масанова, некоторые из способов выражения отрицания, известные русскому языку, при образовании негатонимов не используются. Речь идет о префиксах *а-*, *анти-*, *вне-*, *дез-*, *дис-*, *им-/ир-*, *контр-*, *нон-*, *обез-*, *противо-*, *ре-*, а также формантах *горе-* и *лже-*, примеры использования которых обнаруживают негатонимы из словаря И.Ф. Масанова.

Сообразно высказанным в разделе 2.2.2 замечаниям относительно характера соотношения псевдонимов, образующим ядро и периферию ЛСГ «негатонимы», негатонимы, включенные в словарь М. Шрубы, были разделены на две группы – основной список (общее количество 93; см. Приложение 4) и список негатонимов, совпадающих с распространенными русскими фамилиями (общее количество 19; см.

Приложение 5).

Последовавший за определением списка негатонимов, включенных в словарь М. Шрубы, анализ их структуры показал, что, как и в случае с онимами из словаря И.Ф. Масанова, основное структурное различие псевдонимов данного типа заключается в их количественном составе: они могут быть как однословными, так и неоднословными.

3.2.1 Структурные особенности однословных негатонимов

Однословные негатонимы, включенные в словарь М. Шрубы, характеризуются разнообразием словообразовательных моделей и отражают как продуктивные словообразовательные процессы, так и специфику образования псевдонимов русского зарубежья. В отличие от неоднословных наименований, данные единицы отличаются морфологической цельностью и семантической сжатостью.

Наиболее продуктивным способом словообразования является префиксальный, в первую очередь с использованием префикса *не-*, реже – *без-/бес-*, *за-*, а также префиксально-суффиксальные модели с суффиксом *-н-*. В словаре представлены лексемы, в которых компонент отрицания включен непосредственно в словообразовательную структуру: *Не-академик* [Шруба 2018: 863], *Не-Красов* [Шруба 2018: 304], *Независимый* [Шруба 2018: 847, 863], *Беспартийный* [Шруба 2018: 112], *Зарубежный* [Шруба 2018: 815] и др. Такие наименования представляют собой лексически целостные единицы с высокой степенью семантической

прозрачности.

Кроме того, в словаре зафиксированы номинации, построенные по модели сочетания знаменательного слова и частицы *не*, например *Не рецензент* [Шруба 2018: 963, 1024, 1039], *Не доктор* [Шруба 2018: 979], которые, несмотря на формальную двухсловность, функционируют как устойчивые единицы, выражающие отрицательное значение. Как и при оценке негатонимов из словаря И.Ф. Масанова, мы рассматриваем подобные сочетания как однословные.

По характеру соотношения производящей базы и ее включенности в дериват, однословные негатонимы из словаря М. Шрубы можно классифицировать по аналогии с типологией, предложенной нами при анализе словаря И.Ф. Масанова (нумерация типов соответствует принятой в разделе 2.3.1):

(1) Негатонимы, грамматически тождественные изменяемым словам. Подобные негатонимы сохраняют грамматическую парадигму производящего слова, например псевдоним *Не-академик* [Шруба 2018: 863] функционирует как имя существительное с типичной парадигмой склонения, аналогичной слову *академик*.

(2) Негатонимы, грамматически тождественные группе словоформ. Примером может служить негатоним *Неунывающий* [Шруба 2018: 306], который образован от действительного причастия настоящего времени глагола *унывать*, но функционирует

исключительно как форма мужского рода в качестве субстантивата, не обладая не только финитными формами, но и возможностью склонения по родам и числам.

(4) Негатонимы, включающие основу производящей базы. К данному типу относятся псевдонимы, образованные префиксально-суффиксальным способом, например *Беспартийный* [Шруба 2018: 112], *Зарубежный* [Шруба 2018: 815].

(5) Негатонимы, грамматически тождественные неизменяемым словам. К данному типу относятся негатонимы, образованные от неизменяемых имен и фамилий, например *Не-Пьеро* [Шруба 2018: 847], *не-Брешко* [Шруба 2018: 988].

Примечательно, что в словаре М. Шрубы не были обнаружены негатонимы, грамматически тождественные одной словоформе (тип 3) и негатонимы, грамматически тождественные инициалу (тип 6), наличествующие в словаре И.Ф. Масанова (тип 3: *Нескажусь* [Масанов 1957: 263]; тип 6: *Не-Б.* [Масанов 1957: 240]). Сходство между негатонимами этих двух типов состоит в том, что они не способны к формообразованию и, следовательно, ограничены в своем синтаксическом употреблении.

Таким образом, структурные особенности однословных негатонимов, представленных в словаре М. Шрубы, обнаруживают тенденцию к лексикализации отрицания на уровне словообразования. Эти

наименования демонстрируют традиционные модели отрицательной номинации, в большинстве случаев аналогичные тем, что представлены в словаре И.Ф. Масанова.

3.2.2 Структурные особенности неоднословных негатонимов

Неоднословные негатонимы, зафиксированные в словаре М. Шрубы, представляют собой синтагматические единицы, состоящие из двух и более слов, в которых отрицательная семантика реализуется посредством словообразовательных (преимущественно префиксов и суффиксов) и лексико-синтаксических (сочетания с предлогом *без*) средств. В отличие от однословных, неоднословные негатонимы представляют собой синтагматические конструкции, варьирующиеся по степени структурной сложности и типу грамматической организации. С учетом синтаксической организации и типов связи между компонентами неоднословные негатонимы из словаря М. Шрубы можно классифицировать следующим образом:

(1) Именные сочетания. К данной группе относятся конструкции, в которые включаются в разных комбинациях имена, фамилии, сокращения имен, инициалы, образующие единую номинативную единицу: имя + фамилия (например, *Бездомный, Лев* [Шруба 2018: 109]), сокращенное имя + фамилия (например, *Некрылов, Влад.* [Шруба 2018: 304]), инициал + фамилия (например, *Зарубежная, М.* [Шруба 2018: 1024]), инициалы + фамилия (например, *Недолин, С.А.*

[Шруба 2018: 303]).

(2) Словосочетания с подчинительной связью. Данные сочетания образованы на основе разных типов связи – согласования (например, *Непонятная женщина* [Шруба 2018: 305]), управления (например, *Мичман без дырки* [Шруба 2018: 1003]) и примыкания (например, *Недавно бежавший* [Шруба 2018: 815]). В отличие от негатонимов из словаря И.Ф. Масанова, среди псевдонимов из словаря М. Шрубы не обнаруживаются словосочетания, включающее более чем два компонента: все негатонимы являются двухсловными и включают в свой состав преимущественно согласованные или несогласованные определения.

(3) Синтагмы с сочинительной связью. Единственный примером такого сочетания является негатоним с союзом *и*: *Не Гу и не Фо* [Шруба 2018: 914]. Обращает на себя внимание то, что обе части псевдонима подвергаются негации.

Как мы видим, в отличие от псевдонимов из словаря И.Ф. Масанова (см. раздел 2.3.2), неоднословные негатонимы из словаря М. Шрубы не демонстрируют разнообразия структурных моделей и способов выражения отрицания: отрицание выражается на словообразовательном уровне при помощи префиксов и суффиксов, намного реже с помощью лексико-синтаксических средств, при этом слова с отрицательными формантами входят в состав синтагм,

образованных преимущественно подчинительной связью. Обращает на себя внимание, что во всех случаях негация направлена на один из компонентов сочетания.

3.3 Графические особенности оформления негатонимов

Оформление негатонимов в письменной речи характеризуется различиями в слитном, раздельном и дефисном написании, выборе регистра букв, а также применении нестандартных параграфемических средств. Анализ данных особенностей способствует выявлению закономерностей и функционального значения различных вариантов графической реализации негатонимов.

3.3.1 Слитное, раздельное и дефисное написание

Графическое оформление негатонимов представляет собой важный аспект их функционирования в письменной речи, отражающий степень словообразовательной и семантической интеграции отрицательного компонента с производящей базой, а также прагматические установки автора. Анализ материалов словаря М. Шрубы позволяет выделить три основных способа написания негатонимов: слитное, раздельное и дефисное.

(1) Слитное написание

Слитное написание характерно для тех негатонимов, в которых отрицательный префикс (*не-*, *без-* или *за-*) входит в состав слова и образует с производящей основой единое словообразовательное целое. В

словаре М. Шрубы представлено множество примеров слитных негатонимов: данное явление встречается у существительных (например, *Некарамзин* [Шруба 2018: 875], *Неполитик* [Шруба 2018: 973], *Бездомный* [Шруба 2018: 109], *Зарубежный* [Шруба 2018: 815]), прилагательных (*Невидный* [Шруба 2018: 1004], *Неисправимый* [Шруба 2018: 304]), местоимений (*Несвой* [Шруба 2018: 1002]), глаголов (*Невозвращенец* [Шруба 2018: 815]) и наречий (*Недавно бежавший* [Шруба 2018: 815]). Слитное написание свидетельствует о высокой степени словообразовательной интеграции отрицательного префикса с корнем, что способствует семантической сжатости негатонима.

Обращает на себя внимание негатоним *Некарамзин* [Шруба 2018: 875], написание которого явно противоречит правилам русской орфографии, а потому может быть оценено как случай языковой игры.

(2) Раздельное написание

Раздельное написание встречается в тех случаях, когда отрицательная частица *не* выступает в составе единого комплекса со знаменательным словом, что отражает более низкий уровень лексикализации и чаще связано с конструкциями, приближенными к синтагматическим сочетаниям. В словаре М. Шрубы выделяется один подтип раздельного написания – в сочетании с отдельными словами и словоформами. Такие конструкции обычно соответствуют нормативным правилам русского языка, согласно которым частица *не* пишется

раздельно с существительными в определенных типах контекстов. Примерами могут служить негатонимы *Не врач* [Шруба 2018: 869], *Не учитель* [Шруба 2018: 818].

Вполне естественно, что негатонимы, образуемые при помощи предлога *без*, также пишутся раздельно (например, *Человек без портфеля* [Шруба 2018: 865]).

(3) Дефисное написание

Дефисное написание, характерное для многих негатонимов с отрицательным префиксом *не-*, позволяет сохранить относительную семантическую автономию компонентов, при этом подчеркивая отрицание как важный семантический элемент. Как замечает В.В. Лопатин, в ряде случаев дефисное написание является сознательным нарушением орфографических норм, позволяющим подчеркнуть необычность и оригинальность формы (см. подробнее раздел 2.4.1).

В словаре М. Шрубы данная форма широко представлена и характеризуется следующими основными типами семантической мотивации:

(1) Отрицание настоящего имени человека (например, *Не-Верещагин* [Шруба 2018: 992], *Не-Владимир* [Шруба 2018: 973], *Не-Каринский* [Шруба 2018: 304]).

(2) Отрицание псевдонимов (например, *Не-Буква* [Шруба 2018: 302], *Не-Кобзарь* [Шруба 2018: 939]).

(3) Отрицание принадлежности к сфере деятельности или профессии (например, *Не-педагог* [Шруба 2018: 863], *Не-рецензент* [Шруба 2018: 305]).

(4) Отрицание принадлежности к людям, имеющим определенные увлечения (например, *Не-спортсмен* [Шруба 2018: 988], *Не-театрал* [Шруба 2018: 306]).

(5) Отрицание принадлежности к группе лиц с определенными политическими взглядами или партийной принадлежностью (например, *Не-коммунист* [Шруба 2018: 304, 931, 978], *Не-младоросс* [Шруба 2018: 990], *Не-монархист* [Шруба 2018: 952]).

(6) Отрицание какой-либо характеристики человека (национальность, место проживания, социальная адаптированность) (например, *Не-возвращенец* [Шруба 2018: 863], *Не-зарубежник* [Шруба 2018: 863], *Не-эмигрант* [Шруба 2018: 815], *Не-китаец* [Шруба 2018: 863], *Не-здешний* [Шруба 2018: 828]).

(7) Отрицание характеристики человека по уровню развития или культурному статусу (например, *Не-дикарь* [Шруба 2018: 877]).

(8) Отрицание личностных качеств или особенностей мировоззрения (например, *Не-примыкающий* [Шруба 2018: 305], *Не-Новый* [Шруба 2018: 863]).

(9) Отрицание принадлежности к растительному виду (например, *Не-Шиповник* [Шруба 2018: 939]).

Дефисное написание в этих случаях выступает как средство выделения отрицательной частицы, одновременно сохраняющее единство слова. Этот способ отражает авторскую стратегию оформления негатонима, позволяя выразить оттенки иронии, игры со смыслом слова или графической необычности.

Заслуживает внимания графическая вариативность в оформлении таких номинаций, как *Не дипломат* [Шруба 2018: 845, 878], *Не-дипломат* [Шруба 2018: 883, 935], *Не-Дипломат* [Шруба 2018: 936], а также *Не рецензент* [Шруба 2018: 963, 1024, 1039] и *Не-рецензент* [Шруба 2018: 305].

Таким образом, анализ графических особенностей написания негатонимов из словаря М. Шрубы показывает, что выбор между слитным, раздельным и дефисным написанием зависит от степени словообразовательной интеграции отрицательного форманта и основы, синтаксического статуса единицы, а также прагматических задач автора. Слитное написание указывает на морфологическую цельность и семантическую сжатость, раздельное – на большую синтаксическую и семантическую автономность отрицания, дефисное – на промежуточный вариант с выраженным акцентом на отрицании как значимом компоненте. Эти особенности важны для понимания функционирования негатонимов в письменной речи и раскрытия их коммуникативных функций.

3.3.2 Использование строчных и заглавных букв

Прежде всего необходимо отметить, что в словаре М. Шрубы обнаруживаются негатонимы с различным написанием инициальной буквы мотиватора – строчной или заглавной. Анализ выбора регистра букв в негатонимах, согласно материалам словаря, тесно связан с природой производящих баз и отражает как семантические, так и прагматические особенности лексем.

В системе графического оформления негатонимов регистр инициальной буквы мотиватора выполняет функцию смыслового и идентификационного маркера. В большинстве случаев, если мотиватор – нарицательное существительное или прилагательное, выражающее обобщенное понятие или категорию, первая буква является строчной. Такие негатонимы чаще всего служат для упоминания отрицательных признаков или отсутствия определенных качеств, например *Не-дипломат* [Шруба 2018: 883, 935], *Не-политик* [Шруба 2018: 952], *Ненарком* [Шруба 2018: 305], *Немосквич* [Шруба 2018: 815].

Напротив, когда производящая база – собственное имя, фамилия или псевдоним, инициальная буква мотиватора, включенного в негатоним, является заглавной. Это позволяет сохранить номинативный статус и подчеркивает индивидуализацию и уникальность обозначаемого объекта, например *Не-Верецагин* [Шруба 2018: 992], *Не-Каринский* [Шруба 2018: 304], *Не-Буква* [Шруба 2018: 302]. Данная графическая традиция служит средством акцентирования внимания на личности или конкретном

именовании и одновременно выступает как средство отрицания или дистанцирования.

Рассмотрим в этом аспекте несколько примеров.

Не-Красов. Негатоним *Не-Красов* (= Леонард Юлианович Пирагис) [Шруба 2018: 304] построен на основе фамилии выдающегося русского поэта Н.А. Некрасова, при этом префикс *не-* выделен дефисом, что подчеркивает его значение. В данном случае Л.Ю. Пирагис прибегает к языковой игре: создавая псевдоним, он одновременно отсылает к имени признанного классика и демонстрирует дистанцирование от него.

Не-Кобзарь. Псевдоним неустановленного автора *Не-Кобзарь* (= ?) [Шруба 2018: 939], как представляется, восходит к производящей базе *Кобзарь* – прозвищу Т.Г. Шевченко, получившему широкое распространение после выхода одноименного поэтического сборника. Указание на то, что в основе негатонима лежит не нарицательное существительное, а именно псевдоним, подтверждается, на наш взгляд, тем фактом, что мотиватор в составе деривата пишется с заглавной буквы.

Не Бессарабец. Производящая база данного негатонима отражает географическую принадлежность: «Бессарабия всегда являлась многоэтническим регионом, населенным молдаванами (румынами), украинцами, русскими и другими народами. На сегодняшний день этот регион сохраняет свое историко-культурное значение и продолжает

занимать важное место на историко-географической карте Восточной Европы» [Жуков 1962: 381]. В то же время в словаре И.Ф. Масанова фиксируется, что псевдоним *Бессарабец, Л* в 1910-е годы использовал композитор и издатель Л. Идзиковский [Масанов 1960: 206]. Таким образом, следует допустить вариативность интерпретации негатонима *Не Бессарабец* (= ?) [Шруба 2018: 850], оценивая как более вероятную вторую трактовку, в связи с тем что она косвенно подтверждается написанием мотиватора данного псевдонима с заглавной буквы.

Особый интерес представляют случаи, когда негатонимы, образованные от одной и той же производящей базы, допускают использование как строчных, так и заглавных букв, что отражает сложную структуру семантической организации псевдонима. Так, в формах типа *Не-дипломат* (= ?) [Шруба 2018: 883, 935] и *Не-Дипломат* (= ?) [Шруба 2018: 936] наблюдается варьирование регистра, которое, вероятно, связано с функционально-прагматическим аспектом употребления онима. Варианты с заглавной буквой усиливают индивидуализирующий и номинативный аспект, тогда как строчные чаще употребляются в оценочных или описательных функциях.

Таким образом, использование строчных и заглавных букв в негатонимах из словаря М. Шрубы не является случайным, а представляет собой осознанный авторский выбор, который служит для дифференциации семантики, поддержания номинативной функции и

выражения различных оттенков отрицания и оценки. Этот параметр тесно связан с лексико-семантическими и социокультурными характеристиками производящих баз и выполняет важную роль в формировании структуры и функционировании негатонимов.

3.3.3 Языковая игра в параграфемике негатонимов

Параграфемика, понимаемая как совокупность графических средств оформления письменного текста (включая выбор регистра, дефисное, слитное и раздельное написание, пунктуацию и нестандартную орфографию), в словаре М. Шрубы выполняет не только техническую, но и семантическую и прагматическую функции. Негатонимы, зафиксированные в данном источнике, демонстрируют широкий спектр приемов, направленных на создание комического эффекта, а также на выражение авторской оценки по отношению к объекту номинации.

Одним из наиболее устойчивых приемов графической игры является дефисное оформление негатонима, наглядно маркирующее отрицательную модификацию. Этот прием активно используется при образовании ономастических трансформаций с ироническим оттенком, например *Не-Каринский* (= Владимир Федорович Каринский) [Шруба 2018: 304], *Не-Красов* (= Леонард Юлианович Пирагис) [Шруба 2018: 304]. Дефис здесь не только визуально акцентирует оппозицию, но и сигнализирует о вторичной, игровой природе имени.

Рассмотрим примеры из словаря М. Шрубы, которые

иллюстрируют нарушение орфографических норм.

Некарамзин. Данный негатоним образован на основе собственного имени *Карамзин* (Н.М. Карамзин – «знаменитый русский литератор, журналист и историк» [Энциклопедический словарь. Т. XIV 1895: 440]). Нарушение нормы заключается в слитном написании с префиксом *не-* и использовании строчной буквы мотиватора, тогда как, согласно нормам, частица *не* с именами собственными пишется отдельно. Слитное написание придает слову целостность, реализуя языковую игру через переосмысление антропонима.

Ненарком. Данный негатоним произведен от существительного *нарком*, обозначающего должность. Согласно орфографической норме, частица *не* с существительными пишется отдельно, если сохраняется прямое значение. Слитное написание отражает экспрессивно-ироническое отношение к объекту, подчеркивая отрицание возможности отождествления автора с человеком, занимающим должность наркома.

Немосквич. Данный негатоним образован от нарицательного существительного *москвич*. Согласно орфографической норме, частица *не* с существительными пишется слитно только при образовании новых слов с противоположным значением. В рассматриваемом примере слитное написание фиксирует отрицание как признак идентичности «не свой», а нарушение орфографической нормы представляет собой случай

авторской языковой игры.

Таким образом, параграфемика в системе негатонимов словаря М. Шрубы выполняет многофункциональную роль: она не только структурирует графическую форму, но и выступает самостоятельным средством авторской иронии и ономастической игры.

3.4 Образование негатонимов

Как было установлено нами в разделе 2.5, образование негатонимов характеризуется разнообразием словообразовательных моделей и специфическим выбором производящих баз. Большая часть моделей образования негатонимов базируется на применении отрицательных префиксов, при этом производящие базы охватывают разные части речи и лексико-семантические группы. Комбинация различных словообразовательных способов и авторской переработки производящих баз обуславливает особенность негатонимов как лексических единиц, которые представляют собой не только результат системных языковых механизмов, но и отражение индивидуального замысла автора. В связи с этим, в частности, в число способов образования негатонимов нами, как и в разделе 2.5, включаются способы образования негатонимов при помощи отрицательной частицы *не* и предлога *без*.

3.4.1 Способы образования негатонимов

Негатонимы, включенные в словарь М. Шрубы, образуются преимущественно с использованием двух основных

словообразовательных моделей: префиксального и префиксально-суффиксального способов.

3.4.1.1 Префиксальные способы образования негатонимов

Префикс *не-* в сочетании с мотиваторами, которые восходят¹

- к существительным (именам собственным и нарицательным)²:

Карамзин > *Некарамзин* [Шруба 2018: 875], *Верецагин* > *Не-Верецагин* [Шруба 2018: 992], *политик* > *Неполитик* [Шруба 2018: 973], *академик* > *Не-академик* [Шруба 2018: 863];

- к прилагательным: *надежный* > *Ненадежный* [Шруба 2018: 973], *здешний* > *Не-здешний* [Шруба 2018: 828];

- к причастиям: *помнящий* > *Непомнящий*, *Иван* [Шруба 2018: 828]³;

- к местоимениям (притяжательным): *свой* > *Несвой* [Шруба 2018: 1002];

- к наречиям: *давно* > *Недавно бежавший* [Шруба 2018: 815].

3.4.1.2 Образования с частицей *не*

Частица *не* в сочетании с мотиваторами, которые восходят

- к существительным (именам собственным и нарицательным):

Бессарабец / *бессарабец* (см. раздел 3.3.2) > *Не Бессарабец* [Шруба 2018:

¹ Здесь и далее: в случае возможного слитного и дефисного написания форманта приводятся примеры на оба случая графического оформления. Во всех остальных случаях приводится по одному примеру. Полный список негатонимов, распределенных по способу их образования, см. в Приложении 6.

² Типы производящих баз будут более подробно рассмотрены в разделе «3.4.2 Типы производящих баз».

³ В случаях, когда в качестве примера приводится неоднословный негатоним, указывается производящая база, соотносимая с той его частью, которая подвергается негации.

850], *врач* > *Не врач* [Шруба 2018: 869];

- к словам, частеречная принадлежность которых не определяется: ? > *Не Гу и не Фо* [Шруба 2018: 914].

3.4.1.3 Префиксально-суффиксальные способы образования негатонимов

Префиксально-суффиксальным способом образованы негатонимы с префиксом *без-/бес-* и суффиксом *-н-*, префиксом *за-* и суффиксом *-н-*, префиксом *не-* и суффиксами *-енец-*, *-им-*, *-н-*, *-ов-*, *-ев-*, *-ин-*.

(1) Префикс *без-/бес-* и суффикс *-н-* в сочетании с мотиваторами, которые восходят

- к существительным: *дом* > *Бездомный* [Шруба 2018: 109], *партия* > *Беспартийный* [Шруба 2018: 112]¹.

Следует обратить внимание на то, что в этом случае производящей базой негатонимов являются предложно-падежные формы существительных «*без* + Родительный падеж существительного» (*без дома, без партии* и под.).

(2) Префикс *за-* и суффикс *-н-* в сочетании с мотиваторами, которые восходят

- к существительным: *рубеж* > *Зарубежный* [Шруба 2018: 815].

Негатонимы данного типа образованы на базе предложно-падежных форм существительных «*за* + Творительный падеж

¹ «Партиј(а)→бес-партий-н-ый» [Ширшов 2004: 617].

существительного» (*за рубежом*).

(3) Префикс *не-* и суффикс *-енец-* в сочетании с мотиваторами, которые восходят

- к глаголам: *возвращаться* > *Невозвращенец* [Шруба 2018: 815],
возвращаться > *Не-возвращенец* [Шруба 2018: 863].

(4) Префикс *не-* и суффикс *-им-* в сочетании с мотиваторами, которые восходят

- к глаголам: *исправить* > *Неисправимый* [Шруба 2018: 304].

(5) Префикс *не-* и суффикс *-н-* в сочетании с мотиваторами, которые восходят

- к существительным: *воля* > *Невольный рижанин* [Шруба 2018: 989]¹;

Словообразовательные модели (6)–(8) используются при образовании негатонимов, соотносимых с русскими фамилиями.

(6) Префикс *не-* и суффикс *-ов-*, в сочетании с мотиватором, который восходит

- к существительным: *мир* > *Немиров, А.* [Шруба 2018: 304];

- к прилагательным: *смелый* > *Несмелов, А.* [Шруба 2018: 305];

- к глаголам: *ждать* > *Нежданов, Вл.* [Шруба 2018: 303].

(7) Префикс *не-* и суффикс *-ев-*, в сочетании с мотиватором, который восходит

¹ «Вол(я)→не-воль-н-ый» [Ширшов 2004: 182].

- к существительным: *горе* > *Негорев, Н.* [Шруба 2018: 303];

(8) Префикс *не-* и суффикс *-ин-*, в сочетании с мотиватором, который восходит

- к существительным: *злоба* > *Незлобин, Б.* [Шруба 2018: 303];

- к глаголам: *любить* > *Нелюбин* [Шруба 2018: 304].

3.4.1.4 Образование негатонимов с предлогом *без*

Предлог *без* входит в состав синтагм, включающих субстантивные синтаксемы «*без* + Родительный падеж существительного»: *Человек без портфеля* [Шруба 2018: 865].

3.4.1.5 Суффиксальные способы образования негатонимов

Включение в число способов образования негатонимов данной группы словообразовательных моделей обосновано нами в разделе 2.5.1.

(1) Суффикс *-ник-* в сочетании с мотиватором (в состав которого входит префикс *не-*), восходящим

- к существительным: *неволя* > *Невольник, Валериан* [Шруба 2018: 302].

(2) Суффикс *-ец-* в сочетании с мотиватором (в состав которого входит префикс *не-*), восходящим

- к прилагательным: *незнакомый* > *Незнакомец* [Шруба 2018: 883]¹.

(3) Суффикс *-ов-* в сочетании с мотиватором (в состав которого входит префикс *не-*), восходящим

¹ «Незнаком(ый)→незнаком-ец» [Ширшов 2004: 339].

- к существительным: *невзгоды* > *Невзгодов, В.* [Шруба 2018: 302].

(4) Суффикс *-цев-* в сочетании с мотиватором (в состав которого входит префикс *не-*), восходящим

- к прилагательным: *невидимый* > *Невидимцев, Б.* [Шруба 2018: 302].

3.4.1.6 Морфемизация субморфов

К данному типу относится единственный случай образования негатонима, который, на наш взгляд, аналогичен образованию псевдонима *Не-бесный* [Масанов 1957: 252], рассмотренному в разделе 2.5.1. Речь идет о негатониме *Не-Красов* [Шруба 2018: 304], производящей базой которого является фамилия *Некрасов*. Автор псевдонима, внося изменение в графический облик слова (добавление дефиса), обращает внимание читателя на морфемную структуру фамилии *Некрасов*, в которой формант *не-* в обычной ситуации воспринимается или как часть корня, или как субморф, а в негатониме *Не-Красов* должен восприниматься как префикс. Морфемизации субморфов способствует, в частности, и то, что автор использует при написании «мотиватора» *Красов* заглавную инициальную букву.

Таким образом, при образовании негатонимов из словаря М. Шрубы используются как продуктивные регулярные словообразовательные модели, так и словообразовательные модели,

которые следует оценить как окказиональные (см. раздел 3.4.1.6) и представляющие собой реализации авторской словообразовательной языковой игры.

В тех случаях, когда автор негатонима использует стандартную словообразовательную модель, он также может реализовать авторскую языковую игру, графически оформляя слово нестандартным образом или используя нестандартную производящую базу.

Отметим, что в состав неоднословных негатонимов помимо компонентов, выражающих значение отрицания, входят и другие компоненты, и, таким образом, установление особенностей их структуры подразумевает определение способа образования компонента, выражающего значение отрицания (см. раздел 3.4.1.1), и описание структуры негатонима в целом (см. раздел 3.2.2).

3.4.2 Типы производящих баз

Одной из задач исследования негатонимов из словаря М. Шрубы является определение типов производящих баз (ПБ), поскольку именно на основе их частеречной принадлежности и семантических характеристик формируются различные модели словообразования отрицательных номинаций. Как и в классификации, представленной на основе анализа материалов словаря И.Ф. Масанова, словарь М. Шрубы отражает широкий спектр производящих баз, включающий как имена собственные, так и нарицательные существительные, прилагательные, глаголы и другие

части речи. Ниже представлены основные типы ПБ с примерами из словаря М. Шрубы.

1. Имена собственные как ПБ

К категории имен собственных относятся фамилии (1), имена (2) и псевдонимы (3). Образование негатонимов с этими ПБ связано с авторским желанием подчеркнуть отсутствие тождества с каким-либо лицом, например (1) *Верецагин* > *Не-Верецагин* [Шруба 2018: 992], *Карамзин* > *Некарамзин* [Шруба 2018: 875], *Каринский* > *Не-Каринский* [Шруба 2018: 304], *Крылов* > *Некрылов, Вл.* [Шруба 2018: 999], (2) *Владимир* > *Не-Владимир* [Шруба 2018: 973], (3) *Буква* > *Не-Буква* [Шруба 2018: 302], *Кобзарь* > *Не-Кобзарь* [Шруба 2018: 939].

2. Нарисательные существительные как ПБ¹

ПБ, представляющие собой нарицательные существительные, широко варьируются по типу значений:

– сфера деятельности и профессия: *академик* > *Не-академик* [Шруба 2018: 863], *депутат* > *Недепутат* [Шруба 2018: 303], *нарком* > *Ненарком* [Шруба 2018: 305].

Примечательно, что в большинстве случаев негатонимы акцентируют «непринадлежность» автора к представителям определенных профессиональных сфер. В качестве мотивирующих основ

¹ К образованным от нарицательных существительных мы относим, в частности, негатонимы *Зарубежный, Зарубежная М., Невольный рижанин, Невольный туркестанец, Бездомный, Беспечальный, Беспартийный*, которые могли бы быть оценены как субстантивированные прилагательные, но, на наш взгляд, их использование как негатонимов мотивировано соотношением с предложно-падежными формами существительных (*за рубежом, не по своей воле, без дома, без печали, без партии*).

для таких образований часто выступают наименования творческих профессий (например, *поэт* > *Не-поэт* [Шруба 2018: 305, 900]), а также специальности, связанные с наукой и образованием (например, *академик* > *Не-академик* [Шруба 2018: 863], *педагог* > *Не-педагог* [Шруба 2018: 863], *рецензент* > *Не-рецензент* [Шруба 2018: 305]). Кроме того, нередко используются обозначения, относящиеся к административной, юридической и политической деятельности – такие, как *депутат* > *Недепутат* [Шруба 2018: 303], *нарком* > *Ненарком* [Шруба 2018: 305], *политик* > *Не-политик* [Шруба 2018: 952], *Неполитик* [Шруба 2018: 973], *юрист* > *Не-юрист* [Шруба 2018: 1004].

Рассмотрим два примечательных случая.

Ненарком. Употребление этого негатонима, по нашему мнению, направлено на актуализацию в сознании читателя определенных коннотативных смыслов. Слово *Ненарком* (= Виктор Михайлович Чернов) [Шруба 2018: 305] не только указывает на отсутствие у автора соответствующего должностного статуса, но и служит маркером его политической позиции, подчеркивая дистанцирование от советской власти и выражая оппозиционное отношение к ее социальным институтам.

Не-политик, Неполитик, Не-дипломат, Не-Дипломат. Привлекает внимание вариативность написания негатонимов, сводимая к выбору между дефисным и слитным написанием (*Не-политик* (= Яков

Дмитриевич Земский) [Шруба 2018: 952] и *Неполитик* (= ?) [Шруба 2018: 973]) и написанием мотиватора со строчной или заглавной буквы (*Не-дипломат* (= ?) [Шруба 2018: 883, 935] и *Не-Дипломат* (= ?) [Шруба 2018: 936]);

– увлечения и интересы: *спортсмен* > *Не-спортсмен* [Шруба 2018: 988], *театрал* > *Не-театрал* [Шруба 2018: 306].

Употребление данных негатонимов свидетельствует о демонстративном отстранении авторов от интереса к театральной и спортивной сферам. Негатоним *Не-спортсмен* может быть интерпретирован как принадлежащий к числу псевдонимов, обозначающих отсутствие вовлеченности в ту или иную область деятельности. Это подтверждается определением слова *спортсмен* в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, где оно трактуется следующим образом: ‘человек, систематически занимающийся спортом, или человек, у которого спорт является профессиональным занятием’ [Толковый словарь русского языка. Т. IV 1940: 448].

Также представляет интерес вариативность графического оформления негатонимов *Не-театрал* (= Глеб Петрович Струве) [Шруба 2018: 306] и *Не-Театрал* (= ?) [Шруба 2018: 875];

– политические взгляды и принадлежность: *коммунист* > *Не-коммунист* [Шруба 2018: 304, 931, 978], *младоросс* > *Не-младоросс* [Шруба 2018: 990], *монархист* > *Не-монархист* [Шруба 2018: 952];

Негатонимы *Не-коммунист*, *Не-младоросс* и *Не-монархист* выражают авторское отношение к государственному строю царского и советского времени, выражая дистанцирование и критическое восприятие указанных политических систем. При этом, как показывает характер создаваемых номинаций, оценочные установки авторов могут существенно различаться, вплоть до противоположных.

– местоположение и этническая принадлежность: *за рубежом* > *Зарубежный* [Шруба 2018: 815], *Зарубежная, М.* [Шруба 2018: 1024], *москвич* > *Немосквич* [Шруба 2018: 815], *эмигрант* > *Не-эмигрант* [Шруба 2018: 815], *китаец* > *Не-китаец* [Шруба 2018: 863], *зарубежник* > *Не-зарубежник* [Шруба 2018: 863];

Зарубежный. Негатоним *Зарубежный* выражает авторское представление о себе как о личности, находящейся вне пределов родины, в среде, воспринимаемой им как чужая.

Зарубежная, М. Негатоним *Зарубежная, М.* отражает факт пребывания автора за пределами родины. В отличие от семантически близкого негатонима *Зарубежный*, данная номинация оформлена в форме женского рода, что представляет собой относительно редкий грамматический признак в системе негатонимов.

Не-зарубежник, Не-эмигрант. Выбор слова *зарубежник* в качестве производящей базы для негатонима *Не-зарубежник* мотивирован тем, что данная лексема зафиксирована в лексикографических источниках XIX

века. Так, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля она определяется как ‘зарубежный сосед или житель’ [Даль 1880: 649]. Представляет интерес тот факт, что такие негатонимы, как *Не-зарубежник* и *Не-эмигрант*, отрицают признаки, объективно присущие представителям русской эмиграции, демонстрируя тем самым особую форму авторской языковой игры.

– характеристика по уровню развития: *дикарь* > *Не-дикарь* [Шруба 2018: 877];

– характеристика по волеизъявлению: *воля (рижанин не по своей воле)* > *Невольный рижанин* [Шруба 2018: 989], *воля (туркестанец не по своей воле)* > *Невольный туркестанец* [Шруба 2018: 1004]¹;

– отношению к жилью: *без дома* > *Бездомный* [Шруба 2018: 109], *Поспехов-Бездомный, Сергей* (= Сер. Поспехов) [Шруба 2018: 109].

Бездомный. Негатоним *Бездомный* обозначает отсутствие постоянного места жительства, что, по всей вероятности, отражает социальную неустроенность автора или, как минимум, конструируемый им образ, связанный с подобной характеристикой.

Поспехов-Бездомный, Сергей. Негатоним представляет собой редкий случай включения в состав псевдонима настоящей фамилии автора. Интересно, что наряду с этим псевдонимом автор использовал и негатоним *Бездомный* [Шруба 2018: 109].

¹ «Вол(я)→не-воль-н-ый» [Ширшов 2004: 182].

– значение черт характера человека: *без печали* > *Беспечальный*, *Андрей* [Шруба 2018: 112].

Представляется примечательным, что негатонимы *Бездомный* и *Беспечальный* выражают, по сути, противоположные социальные характеристики личности. Негатоним *Бездомный*, по нашему мнению, указывает не только на отсутствие постоянного жилья, но также имплицитно состояние социальной изоляции автора. Псевдоним *Беспечальный* создает образ человека, обладающего способностью к преодолению жизненных трудностей;

– принадлежность политической организации: *без партии* > *Беспартийный* [Шруба 2018: 112]¹.

Негатоним *Беспартийный* обозначает отсутствие партийной принадлежности, что может интерпретироваться как сознательный отказ от вовлеченности в политическую деятельность общества (ср. с негатонимом *Не-примыкающий* [Шруба 2018: 305]);

– отношение к растительному миру: *шиповник* > *Не-Шиповник* [Шруба 2018: 939].

Не-Шиповник. Мотивация негатонима *Не-Шиповник* может быть обусловлена ассоциативным потенциалом слова *шиповник*, которое, будучи наименованием колючего растения, вызывает соответствующие коннотативные представления.

¹ «Партиј(а)→бес-партий-н-ый» [Ширшов 2004: 617].

3. Прилагательные как ПБ

Прилагательные используются для образования негатонимов, выражающих отрицание качеств, состояний или принадлежности:

– личные качества и особенности мировоззрения: *видный* > *Невидный* [Шруба 2018: 1004], *известный* > *Неизвестный* [Шруба 2018: 836], *надежный* > *Ненадежный* [Шруба 2018: 973];

– характеристика по месту жительства: *здешний* > *Нездешний* [Шруба 2018: 828], *Не-здешний* [Шруба 2018: 828].

Нездешний, Не-здешний. Так же, как и негатонимы *Зарубежный* и под., псевдонимы *Нездешний* и *Не-здешний* выражают авторскую оценку самого себя как человека, который находится вдали от родины в чужой среде. Обращает на себя внимание вариативность слитного и дефисного написания.

4. Глаголы как ПБ

– личные качества и особенности мировоззрения: *исправить* > *Неисправимый* [Шруба 2018: 304].

- значение перемещения: *возвращаться* > *Невозвращенец* [Шруба 2018: 815], *Не-возвращенец* [Шруба 2018: 863].

Невозвращенец, Не-возвращенец. Следует отметить, что слово *невозвращенец* не зафиксировано в «Толковом словаре великорусского языка» В.И. Даля, однако оно представлено в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, где определяется как ‘лицо, не

вернувшееся на родину из-за границы и изменнически перешедшее в лагерь врагов СССР' [Толковый словарь русского языка. Т. II 1938: 486]. Появление этой лексемы связано с социально-политическими процессами начала XX века, обусловившими формирование новой социальной группы и необходимость ее языкового обозначения. В связи с этим вполне закономерно ее присутствие в словаре М. Шрубы, где она отражает осознание авторами псевдонима своей принадлежности к русскому зарубежью. Представляется также показательной наличие лексикографической лакуны: слово *возвращенец* отсутствует как в словаре В.И. Даля, так и в словаре под ред. Д.Н. Ушакова. Кроме того, обращает на себя внимание вариативность слитного и дефисного написания негатонима.

5. Причастия как ПБ

Так же, как и прилагательные, причастия используются для образования негатонимов, выражающих отрицание качеств, состояний или принадлежности:

– личные качества и особенности мировоззрения: *зависимый* > *Независимый* [Шруба 2018: 847, 863], *примыкающий* > *Не-примыкающий* [Шруба 2018: 305], *унывающий* > *Неунывающий* [Шруба 2018: 306], *помнящий* > *Непомнящий*, *Иван* [Шруба 2018: 828].

Не-примыкающий. Данный псевдоним, как и негатонимы типа *Беспартийный*, отражает стремление автора отстраниться от

политической жизни и необходимости делать идеологический выбор.

6. Местоимения как ПБ

В словаре М. Шрубы местоимения выступают в роли ПБ значительно реже, чем в словаре И.Ф. Масанова; обнаруживается единственный пример негатонима такого типа: *свой* > *Несвой* [Шруба 2018: 1002].

Негатоним *Несвой* представляет собой форму авторской саморефлексии, осмысляющую индивидуальную позицию в рамках оппозиции «свой // чужой». Подобная номинация акцентирует переживание отстраненности и демонстрирует ощущение непричастности к окружающему социокультурному пространству.

7. Наречие как ПБ

Единственным случаем использования наречия в качестве подвергаемого негации компонента является словообразовательная пара *давно* > *Недавно бежавший* [Шруба 2018: 815].

Употребление наречия *недавно* в сочетании с субстантивированным причастием *бежавший* акцентирует внимание на недавнем и, вероятно, вынужденном характере эмиграции автора, скрывающегося за псевдонимом.

8. Трудноопределимые ПБ

Представляется затруднительным определить частеречную принадлежность производящей базы негатонима *Не Гу и не Фо* [Шруба

2018: 914].

Типы производящих баз, выявленные в словаре М. Шрубы, охватывают широкий спектр частеречных категорий и лексических значений. Негатонимы, образованные на базе имен собственных, нарицательных существительных, прилагательных, местоимений, наречий и глаголов, отражают разнообразные стратегии отрицания и своеобразие мировосприятия носителей русской культуры, находящихся за рубежом. Анализ примеров показывает, что производящие базы в словаре М. Шрубы не только определяют формальные способы образования негатонимов, но и несут значительную прагматическую нагрузку, выступая инструментом авторской оценки и стилистической индивидуализации.

Во-первых, мотивация негатонимов авторов «русского зарубежья в Европе» преимущественно связана с отрицанием типичных значений, заключенных в производящей базе. В центре внимания оказывается концептуальная оппозиция «свой // чужой»: авторы посредством псевдонимов выражают чувство оторванности от привычной среды (*Несвой*), отчужденности и внутренней неприкаянности (*Бездомный*, *Кузьма Бездомный*). В большинстве случаев подобная установка сопряжена с пространственным аспектом – перемещением из «своего» мира в «чужой» (*Не-здеиный*, *Нездеиный*), причем отправной точкой,

воспринимаемой как «своя», нередко выступает прежнее место проживания (*Зарубежный, М. Зарубежная* – автор находится за рубежом пространства, которое осознается как «свое»; *Невозвращенец, Не-возвращенец* – автор не возвращается в пространство, которое мыслится как «свое»). Указывается также, что переход в «чужую» среду зачастую имел вынужденный характер (*Невольный рижанин, Невольный туркестанец, Недавно бежавший*). В ряде случаев зафиксировано отрицание действительного положения дел (*Не-зарубежник, Не-эмигрант*).

Во-вторых, значительная часть негатонимов отражает политические позиции авторов. При этом выявляются две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, автор может прямо обозначать свои политические взгляды (*Не-коммунист, Не-младоросс, Не-монархист*), с другой – демонстрировать дистанцирование от политики как таковой (*Не-политик, Неполитик, Не-примыкающий, Беспартийный*). В ряде случаев политическая позиция проявляется имплицитно – в форме коннотаций, связанных с отказом от принадлежности к институтам советской власти (*Ненарком, Несоветский экономист*).

3.5 Лингвокультурные аспекты образования негатонимов

Как уже было отмечено в разделе 2.6, образование негатонимов в русской ономастике определяется не только лексическими,

словообразовательными и синтаксическими ресурсами языковой системы, но и более широким культурно-языковым контекстом, в котором негатоним функционирует как средство выражения авторской позиции и результат авторской языковой игры, обусловленной в числе прочего фоновыми знаниями носителей языка.

3.5.1 Частные случаи образования негатонимов

В ряде случаев правильное понимание негатонимов становится возможным только при анализе биографии и творческого пути их авторов. Приведем несколько примеров¹.

Не-Каринский [Шруба 2018: 304]. Псевдоним *Не-Каринский* напоминает многие другие негатонимы, образованные от фамилий, однако ему свойственна одна необычная особенность: этот псевдоним принадлежит священнику, религиозному публицисту Владимиру Федоровичу Каринскому (см. [Шруба 2018: 599]). Таким образом, этот негатоним образован на основе подлинной фамилии автора и представляет собой результат авторской языковой игры.

Непомнящий, Иван [Шруба 2018: 828]. Данный негатоним восходит к фразеологическому выражению *Иван, родства не помнящий*, происхождение которого связано с практикой сокрытия личности беглыми каторжниками в царской России: «В царской России пойманные

¹ Анализ негатонима *Не-Буква* (= Илья Маркович Василевский) [Шруба 2018: 302] см. в разделе 2.4.2, анализ негатонимов *Не-Кобзарь* (= ?) [Шруба 2018: 939] и *Не Бессарабец* (= ?) [Шруба 2018: 850] см. в разделе 3.3.2.

беглые каторжники, скрывая свое прошлое, утаивали настоящее имя и фамилию, называли себя Иванами и говорили, что родства они не помнят; в полиции их записывали "не помнящими родства", отсюда и пошло их прозвище "Иван Непомнящий"» [Серов 2005: 235].

Непонятная женщина [Шруба 2018: 305]. Особое внимание привлекает псевдоним писателя и журналиста Михаила Андреевича Осоргина *Непонятная женщина*, чье соотнесение с гендерной принадлежностью автора подчеркивает абсурдность данной номинации и служит примером выразительной авторской языковой игры. Примечательно также, что фамилия *Осоргин* на самом деле является псевдонимом Михаила Андреевича Ильина (см. [Русская литература XX века. Т. II 2005: 707]).

3.5.2 Типы языковой игры при образовании негатонимов

Приведенные в предыдущих разделах примеры из словаря М. Шрубы наглядно демонстрируют, что использование негатонимов предоставляет авторам широкие возможности для творческих экспериментов в сфере словообразования. В данном аспекте особый интерес представляет анализ негатонимов как материала для исследования механизмов языковой игры в ономастике.

Наиболее частым случаем языковой игры является использование префикса *не-*, сопровождающееся преднамеренным нарушением орфографических норм при трансформации как прецедентных имен, так и

нарицательных существительных. Интересно, что нарушение нормативного слитного/раздельного написания реализуется в двух противоположных стратегиях:

1. Слитное написание антропонима и нарицательного существительного с префиксом *не-* (например, *Некарамзин* [Шруба 2018: 875], *Немосквич* [Шруба 2018: 815], *Неполитик* [Шруба 2018: 973], *Недепутат* [Шруба 2018: 303]) создает эффект семантического сближения морфем и создания цельного номинативного комплекса. В данном случае креативность заключается в том, что оформленное как цельное слово образование разрушает привычное восприятие антропонима или наименования социально значимого объекта (*Некарамзин* – отрицание ассоциации с Н.М. Карамзиным как культурным символом; *Немосквич* – отстранение от столичной идентичности).

2. Дефисное написание префикса и основы в составе прецедентного имени (например, *Не-Красов* [Шруба 2018: 304]) визуально акцентирует внимание на оппозиции между прототипическим образом и авторской самоидентификацией. При дефисном написании префикса и основы на первый план выходит графическая сегментация, способствующая интерпретации имени в культурно-когнитивном контексте (*Не-Красов* как демонстративная нетождественность *Некрасову*).

Еще одним приемом авторской языковой игры является трансформация прецедентного имени, требующая от читателей знания художественных произведений. Так, негатоним *Не-Пьеро* [Шруба 2018: 847] адресует читателей к одному из персонажей комедии дель арте. Псевдоним *не-Шмага* [Шруба 2018: 988] отсылает к имени персонажа пьесы А.Н. Островского «Без вины виноватые» артиста провинциального театра Шмаги (обращает на себя внимание написание префикса *не-* со строчной буквы).

Более сложным для расшифровки является еще один псевдоним. Негатоним *Мичман без дырки* [Шруба 2018: 1003] выглядит не более чем просто смешное словосочетание, если не иметь в виду аллюзию к имени одного из внесценических персонажей пьесы Н.В. Гоголя «Женитьба»: в явлении XVI действия I Балтазар Балтазарович Жевакин вспоминает мичмана 3-й эскадры по фамилии Дырка (см. [Гоголь 1952: 124]). Примечательно, что при изменении прецедентной базы негатонима его автор не только изменил синтаксическую модель исходного сочетания, но и использовал строчную букву *д* вместо заглавной *Д*, добиваясь тем самым комического эффекта при восприятии данного негатонима читателями.

Схожий механизм образования негатонима используется автором псевдонима *Человек без портфеля* [Шруба 2018: 865]: для его правильного понимания необходимо знать, что один из рассказов Марка

Твена, популярного в России американского юмористического писателя, имеет название «Человек с портфелем».

Таким образом, приведенные примеры из словаря М. Шрубы показывают, что авторы негатонимов, включенных в этот словарь, использовали различные приемы языковой игры, чаще всего связанные с трансформацией прецедентных имен и названий.

3.5.3 Негатонимы как источник установления прецедентных имен русской культуры

Значительная часть негатонимов, реализующих авторские стратегии языковой игры, образуется от имен, хорошо известных носителям русской культуры. Эти слова можно сказать о псевдонимах *Не-Верецагин* [Шруба 2018: 992], *Некарамзин* [Шруба 2018: 875], *Некрылов, Вл.* [Шруба 2018: 999] и других негатонимах, включенных в словарь М. Шрубы. «Возможность использования этих имен в качестве базы для образования негатонимов, на наш взгляд, свидетельствует об особом месте, которое они занимают в сознании представителей русской культуры: это общеизвестные прецедентные имена, вызывающие вполне определенные ассоциации у читателей, а потому возможные для использования в качестве источников негатонимов» [Савельев 2022: 171].

Авторское обращение к именам известных личностей при создании негатонимов требует их рассмотрения как источника для реконструкции истории прецедентных имен и этапов их языкового

оформления.

1. Художники

В словаре обнаруживается один негатоним, образованный от фамилии «знаменитого живописца» ([Энциклопедический словарь. Доп. Том I (1) 1905: 406]) Василия Васильевича Верещагина – *Не-Верещагин* (= ?) [Шруба 2018: 992].

2. Писатели

В данную группу входят негатонимы, образованные на основе фамилий русских писателей XIX – начала XX вв.: *Не-Красов* (= Леонард Юлианович Пирагис) [Шруба 2018: 304], *Некрылов, Вл* (= ?) [Шруба 2018: 999], *Некрылов, Влад.* [*Некрылов, В.*] (= Илья Борисович Хавкин) [Шруба 2018: 304], *Некарамзин* (= ?) [Шруба 2018: 875].

3. Политические деятели

По всей вероятности, негатоним *не-Брешко* (= ?) [Шруба 2018: 988] содержит аллюзию к фамилии знаменитой революционерки, одного из лидеров партии эсеров Екатерины Константиновны Брешко-Брешковской ([Шруба 2018: 512]) (обращает на себя внимание написание префикса *не-* со строчной буквы).

Как мы видим, в качестве прецедентных имен при образовании негатонимов из словаря М. Шрубы используются онимы, принадлежащие лицам разных профессий, однако следует заметить, что тематически и количественно они значительно уступают в этом отношении

псевдонимам, включенным в словарь И.Ф. Масанова.

В той же мере намного более редким является использование негатонимов, включенных в словарь М. Шрубы, авторами, имена которых сегодня являются прецедентными. Примечательно, что все они известны в большей степени под своими псевдонимами, чем под настоящими своими именами:

Неверов, Александр [Шруба 2018: 302] – псевдоним писателя Александра Сергеевича Скобелова [Шруба 2018: 730];

Непонятная женщина [Шруба 2018: 305] – псевдоним писателя и журналиста Михаила Андреевича Ильина, более известного под псевдонимом *Михаил Осоргин* [Шруба 2018: 591];

Неунывающий [Шруба 2018: 306] – псевдоним революционера, политического и государственного деятеля Льва Давидовича Бронштейна, более известного под псевдонимом *Лев Троцкий* [Шруба 2018: 513].

Таким образом, приведенные в разделе 3.5 примеры свидетельствуют о том, что в качестве мотивирующей основы для создания негатонимов деятелей русского зарубежья в Европе первой половины XX в. регулярно используются прецедентные имена собственные, а также нарицательные существительные, обозначающие значимые социальные и культурные роли, в связи с чем их интерпретация требует от читателей наличия тех же фоновых знаний, что и у авторов

негатонимов.

3.6 Сравнение негатонимов в словарях псевдонимов

И.Ф. Масанова и М. Шрубы

В данном разделе проводится сравнительный анализ негатонимов, обнаруживаемых в двух фундаментальных словарных источниках – словарях псевдонимов И.Ф. Масанова и М. Шрубы. Оба словаря представляют собой значимые ресурсы для изучения происхождения, словообразовательных моделей и семантической и прагматической мотивации негатонимов, однако включенные в них номинации отличаются как по хронологическим рамкам, так и по территориальному охвату.

3.6.1 Пространственные и хронологические рамки

Словарь И.Ф. Масанова стал первым системным сводом материалов по истории русских псевдонимов, включая их особый подтип – негатонимы. Этот труд, создававшийся почти полвека, можно рассматривать как своеобразную микромодель культурно-исторического процесса развития России. База его источников – от архивов позднеимператорского периода до архивных фондов первых десятилетий советской власти – наглядно отражает динамику политико-культурных изменений, происходивших в стране в эти эпохи¹.

В отличие от данной панорамной работы, охватывающей

¹ Подробнее см. раздел 2.1.

несколько исторических периодов, словарь М. Шрубы сосредоточен на относительно узком, но глубоко разработанном сегменте – псевдонимной практике русской эмиграции в Европе в 1917–1945 гг. Такой пространственно-хронологический фокус позволил составителю не только максимально полно учесть фактический материал, но и предложить более детализированную систему атрибуции, ориентированную на строгую проверку источников и документальную фиксацию контекстов употребления каждого псевдонима¹.

3.6.2 Негатонимы как одна из разновидностей псевдонимов

Анализ количественных показателей позволяет установить место, которое занимают негатонимы в двух словарях среди других псевдонимов. Словарь И.Ф. Масанова включает более 80 000 псевдонимов (см. [Никитин 1983: 48]), среди которых нами выявлено 416 негатонимов, что составляет примерно 0,52 % от общего числа псевдонимов. В словаре М. Шрубы представлено около 9 800 псевдонимов (см. [Шруба 2018: 4]), среди которых негатонимы составляют 112 единиц, то есть около 1,14 % всех записей. Сравнение этих показателей демонстрирует, что доля отрицательных псевдонимов в словаре М. Шрубы почти в два раза выше, чем в словаре И.Ф. Масанова, что может указывать на более целенаправленный отбор негативно-оценочных имен авторами, вынужденными эмигрировать в

¹ Подробнее см. раздел 3.1.

Европу в результате социальных потрясений начала XX века. В то же время данные обоих словарей позволяют утверждать, что негатонимы не представляют собой основную разновидность русских псевдонимов.

3.6.3 Структурные особенности негатонимов

При анализе структуры негатонимов обращает на себя внимание различие в соотношении однословных и неословных негатонимов в двух словарях. В словаре И.Ф. Масанова 185 единиц представляют собой однословные негатонимы, а 231 – неословные. В словаре М. Шрубы однословные негатонимы составляют 71 единицу, тогда как неословные ограничены 41 примером. Таким образом, в то время как словарь И.Ф. Масанова демонстрирует более частое использование неословных негатонимов (55,53%), материалы словаря М. Шрубы свидетельствуют о том, что в эмигрантской среде неословные негатонимы употреблялись намного реже, чем однословные (36,6%).

На наш взгляд, различия в этих количественных показателях связаны с теми функциональными возможностями, которые свойственны однословным и неословным негатонимам. Первые из них представляют собой однозначные наглядные маркеры отрицательной оценки какого-либо объекта или дистанцирования от него. Неословные негатонимы, напротив, чаще отражают сложные концептуальные или культурно-значимые стратегии отрицания, соединяя семантику нескольких компонентов для создания более точного или

выразительного оттенка смысла. Как было установлено нами выше, негатонимы, зафиксированные в словаре М. Шрубы, часто использовались для реализации концептуальной оппозиции «свой // чужой». По всей вероятности, для этих целей вполне подходили именно однословные негатонимы, с помощью которых их авторы могли оформлять четкое противопоставление «своего» и «чужого».

3.6.4 Словообразовательные модели

Полный набор словообразовательных моделей образования негатонимов в двух словарях не совпадает. Ниже будут указаны характеристики, свойственные негатонимам определенного типа, включенным только в один из двух словарей.

(1) Словообразовательные способы

Словарь И.Ф. Масанова: постфиксальный способ (*никто* > *Никто-не* [Масанов 1957: 270]), сложение (*богатырь* > *Горе-Богатырь* [Масанов 1956: 297], *Дмитрий* > *Лжедмитрий* [Масанов 1957: 121]), сложение и префиксация (*Поль де Кок* > *Непольдекок, Е.* [Масанов 1957: 262])

(2) Словообразовательные модели

Словарь И.Ф. Масанова: префиксальный способ (префикс *ни-*: *кто* > *Никто* [Масанов 1957: 269, 270]), суффиксальные способы (нулевая суффиксация: *нелюдимый* > *Нелюдим* [Масанов 1957: 260]; суффикс *-ев-*: *несчастливец* > *Несчастливцев* [Масанов 1957: 264];

суффикс *-н-*: *несчастье* > *Несчастный* [Масанов 1957: 264]), префиксально-суффиксальные способы (префикс *без-* и нулевой суффикс: *пята* > *Безпятый* [Масанов 1956: 151]; префикс *не-* и суффикс *-кин-*: *зевай* > *Незевайкин, Иван* [Масанов 1957: 256]; префикс *не-* и суффикс *-ск-*: *ведомый* > *Неведомский, А.* [Масанов 1957: 252]; префикс *не-* и суффикс *-ович-*: *надо* > *Ненадович* [Масанов 1957: 261]; префиксом *недо-* и суффиксом *-ов-*: *боб* > *Недобобов, Иеремия* [Масанов 1957: 255]), образование негатонимов с предлогом *без* (синтагмы, включающая в свой состав инициалы и сокращения: *К. без С.* [Масанов 1957: 23], *Ч. без с.* [Масанов 1958: 226])

Словарь М. Шрубы: суффиксальный способ (суффикс *-цев-*: *невидимый* > *Невидимцев, Б.* [Шруба 2018: 302]), префиксально-суффиксальный способ (префикс + *не-* и суффикс *-енец-*: *возвращаться* > *Невозвращенец* [Шруба 2018: 815])

Таким образом, анализ показывает, что все способы и почти все модели, обнаруженные в словаре М. Шрубы, представлены также и в словаре И.Ф. Масанова, при этом значительное количество способов и моделей, зафиксированных в словаре И.Ф. Масанова, отсутствует в словаре М. Шрубы. Данная особенность указывает на более широкий спектр словообразовательных стратегий, зафиксированных в словаре И.Ф. Масанова, и на более стандартизированный подход авторов-эмигрантов к образованию негатонимов, помещенных в словаре

М. Шрубы. Установленное расхождение, на наш взгляд, связано с тем, что в словарь М. Шрубы включены псевдонимы, время создания которых ограничено несколькими десятилетиями, в то время как в словаре И.Ф. Масанова собран материал, демонстрирующий словотворчество авторов на протяжении столетий. Следствием этого могло быть и то, что востребованность уникальных словообразовательных моделей, отражаемых словарем И.Ф. Масанова, могла приходиться на более ранние периоды развития русского языка – XVIII и XIX вв.

Прежде чем перейти к дальнейшему сопоставлению негатонимов, необходимо отметить следующее. Составляя списки негатонимов из словарей И.Ф. Масанова и М. Шрубы, мы выделили в их составе особым образом группы псевдонимов, формально соотносимых с распространенными русскими фамилиями. Сопоставляя словообразовательные модели, в качестве объекта сравнения мы использовали в том числе и подобные негатонимы. Однако в последующих разделах данной главы негатонимы, формально соотносимые с распространенными русскими фамилиями, при анализе учитываться не будут. Причина состоит в том, что их восприятие в качестве негатонимов возможно только с учетом функционально-прагматического аспекта: будучи формально тождественными настоящим фамилиям, они могут и не актуализировать

отрицательное значение. Между тем важным представляется такое сопоставление негатонимов, которое позволяет выявить авторские стратегии их образования как специально создаваемых единиц и определить закономерности и тенденции развития данной области псевдонимики.

Особого внимания заслуживает вопрос о морфемной структуре негатонимов. В словаре И.Ф. Масанова лидирующую позицию занимает модель с отрицательным префиксом *не-*, присоединяющимся к прилагательному или причастию¹ в однословных и неословных негатонимах (в том числе образованных не от прилагательных и причастий, например *изменить* > *Неизменный театр* [Масанов 1957: 258]): насчитывается 122 единицы подобного типа, что составляет 29,33 % от общего числа зафиксированных в словаре И.Ф. Масанова негатонимов. В словаре М. Шрубы наибольшее распространение получила модель с отрицательным префиксом *не-*, присоединяющимся к существительному: насчитывается 55 единиц (49,11 % от общего числа). Таким образом, в обоих словарях наибольшая частотность свойственна префиксальной модели с *не-*, однако обращает на себя внимание то, что процент использования префикса *не-* среди негатонимов,

¹ Представляется релевантным при определении количественных характеристик объединить эти две группы слов в связи с тем, что слова, их образующие, выражают признаковое значение и противопоставлены в этом отношении существительным (неслучайно, что зачастую отнесение слова к одной из групп – прилагательным или причастиям – является затруднительным).

зафиксированных в словаре М. Шрубы, существенно выше. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что префикс *не-* является не только основным, но и наиболее эффективным средством выражения отрицания в силу однозначности выражаемого им значения. Авторы русского зарубежья, реализовывавшие концептуальную оппозицию «свой // чужой», при выборе негатонима с префиксом *не-* могли руководствоваться именно этим.

Также обращается на себя внимание то, что при образовании негатонимов с префиксом *не-* различается частотность использования производящих баз, относящихся к разным частям речи: в словаре И.Ф. Масанова это преимущественно прилагательные и причастия, в словаре М. Шрубы – существительные. Это различие так же, как и преобладание в словаре М. Шрубы однословных негатонимов над неоднословными, можно объяснить тем, что авторы русского зарубежья стремились к однозначной самооценке в системе координат «свой // чужой», в связи с чем для них было важно указать, к какой социальной группе они не принадлежат, в то время как самохарактеристика авторов XVIII – первой половины XX вв. (словарь И.Ф. Масанова) касалась указания различных качеств, чаще всего называемых адъективами.

3.6.5 Типы производящих баз

В словаре И.Ф. Масанова наибольшую долю среди производящих баз негатонимов составляют нарицательные существительные – 129

единиц (31,01 %), за ними следуют прилагательные и причастия – 107 единиц (25,72 %) и имена собственные (фамилии, имена и псевдонимы) – 46 единиц (11,06 %). Далее по убыванию частотности идут местоимения – 19 единиц (4,57 %), синтаксические конструкции различной структуры – 12 единиц (2,88 %), трудноопределимые производящие базы – 9 единиц (2,16 %), финитные формы глагола – 6 единиц (1,44 %), инициалы – 4 единицы (0,96 %), предикативные наречия – 3 единицы (0,72 %), предлог – 1 единица (0,24 %).

В словаре М. Шрубы обнаруживаются как сходства, так и различия сравнительно с тем, что было установлено нами в словаре И.Ф. Масанова: среди всех производящих баз на первом месте также находятся нарицательные существительные – 52 единицы (46,43 %), затем следуют прилагательные и причастия – 22 единицы (19,64 %) и имена собственные – 13 единиц (11,61 %). Следующими идут трудноопределимые производящие базы – 2 единицы (1,79 %), а также единичные примеры с местоимением – 1 единица (0,89 %) и наречием – 1 единица (0,89 %).

Таким образом, только в словаре И.Ф. Масанова представлены негатонимы, образованные от предлога, предикативного наречия, инициалов и синтаксических конструкций различной структуры, а в словаре М. Шрубы – негатонимы, образованные от наречий.

Сопоставление количественных показателей демонстрирует, что

наиболее распространенным типом производящей базы негатонимов в обоих словарях являются нарицательные существительные: в словаре И.Ф. Масанова – 129 единиц (31,01 %), в словаре М. Шрубы – 52 единицы (46,43 %). Кроме того, в словаре И.Ф. Масанова корпус ПБ не только более обширен в абсолютных цифрах, но и отличается большим структурным разнообразием, включая уникальные случаи с ПБ-предлогом и под. Среди негатонимов, зафиксированных словарем М. Шрубы, напротив, наблюдается сужение спектра формально-структурных разновидностей. При этом наблюдается увеличение случаев использования в качестве ПБ нарицательных существительных, в то время как имена собственные как ПБ употребляются реже. Эти различия позволяют говорить об эволюции данного словообразовательного явления от антропоцентрической модели (негатонимы из словаря И.Ф. Масанова) к социально-идентификационной (негатонимы из словаря М. Шрубы).

3.6.6 Семантическая мотивация и функции негатонимов

Негатонимы, включенные в словарь И.Ф. Масанова, демонстрируют значительное разнообразие в том, что именно может подвергаться отрицанию автором псевдонима.

Отрицательные имена часто обозначают отсутствие различных качеств человека, включая материальное благополучие (*Небогатый, И.* [Масанов 1957: 252]), образование и грамотность (*Неграмотный, Антон*

[Масанов 1957: 254]), семейное положение (*Неженатый, Серафим* [Масанов 1957: 256]), смелость и решительность (*Несмелый, К.* [Масанов 1957: 263]), талант (*Безталанный, М.* [Масанов 1956: 151]), упрямство (*Неисправимый резонер* ([Масанов 1957: 258]), предсказуемость (*Непредвиденный, А.* [Масанов 1957: 262]), разумность (*Безшабашный корреспондент* [Масанов 1956: 151]), практичность (*Непрактический человек* [Масанов 1957: 262]), нерасположение к другим (*Незлобный автор* [Масанов 1957: 257]), чувство ответственности (*Неответственный редактор Индеец* [Масанов 1957: 262]), то или иное эмоциональное состояние (*Невеселый, А.* [Масанов 1957: 253], *Нетерпеливая невеста* [Масанов 1957: 264]), физические особенности (*Безрукий, Ф.* [Масанов 1956: 151]). Кроме того, встречаются негатонимы, обозначающие отсутствие свободы (*Невольник, В.* [Масанов 1957: 253]) [Масанов 1957: 262]), социального признания или известности (*Неизвестный автор* [Масанов 1957: 258], *Непопулярный литератор* [Масанов 1957: 262]). Негатонимы могут указывать на отношение к судьбе (*Бездольный, Андрей* [Масанов 1956: 150]) и отношение других людей к автору (*Невозможный юморист* [Масанов 1957: 253]). Отдельную подгруппу составляют имена, образованные посредством языковой игры и создающие парадоксальные сочетания, например *Ненадо, Густав* [Масанов 1957: 261], *Аз и Не-Аз* [Масанов 1956: 89]. Эти псевдонимы демонстрируют стремление авторов реализовать творческий потенциал через ироничные и неожиданные

комбинации (в словаре М. Шрубы подобных случаев значительно меньше).

Негатонимы, включенные в словарь И.Ф. Масанова, также подчеркивают принадлежность к определенным социальным группам (= дистанцированность от социальных групп, к которым автор себя не причисляет). Это могут быть территориальная принадлежность (*Не-сибиряк* [Масанов 1957: 263], *Несмоленец, Я.* [Масанов 1957: 263]), профессиональные или культурные круги (*Не-врач* [Масанов 1957: 253], *Не артист* [Масанов 1957: 252], *Не музыкант* [Масанов 1957: 261, 374]), политические и идеологические сообщества (*Не-коммунист* [Масанов 1957: 259], *Не-либеральный скептик* [Масанов 1957: 260], *Беспартийный пассажир Савелий Октябрев* [Масанов 1956: 158]) и другие социальные категории, которые автор противопоставляет «своей» группе.

Негатонимы, включенные в словарь М. Шрубы, чаще всего акцентируют внимание на отрицательной коннотации негатонимов в эмигрантской среде, где они служат маркерами идентичности и границ «своего» и «чужого». Их выбор обусловлен историко-политическими обстоятельствами и процессами интеграции / изоляции. В связи с этим кажется вполне закономерным то, что негативные псевдонимы эмигрантов чаще всего образуются на базе нарицательных существительных, называющих социальную принадлежность, например *Ненарком* [Шруба 2018: 305], *Недепутат* [Шруба 2018: 303], *Не-политик*

[Шруба 2018: 952], и служат маркерами политической принадлежности к «своим». Неоднословные негатонимы, такие как *Невольный рижанин* [Шруба 2018: 989] и *Непомнящий, Иван* [Шруба 2018: 828], демонстрируют более сложные концептуальные стратегии отрицания, сочетая семантику нескольких компонентов для передачи точной оценки личности или поведения, однако и в них чаще всего реализуется концептуальная оппозиция «свой // чужой». То же можно сказать и о префиксально-суффиксальных конструкциях типа *Бездомный* [Шруба 2018: 109], *Зарубежная, М.* [Шруба 2018: 1024], которые отражают социальный статус эмигранта как человека, лишившегося родного дома. Таким образом, негатонимы, включенные в словарь М. Шрубы, можно оценить как своеобразный инструмент идентификации в эмигрантской среде, разграничивающий «своих» и «чужих».

3.6.7 Графическое оформление негатонимов

Как показал анализ негатонимов в словарях И.Ф. Масанова и М. Шрубы, особенности их графического оформления имеют отношение прежде всего к двум областям – написанию форманта *не* и выбору строчной или заглавной буквы при написании мотиватора. И в том и в другом случае между отрицательными псевдонимами, включенными в два словаря, наблюдаются как сходства, так и различия.

Графическое оформление форманта *не* в составе негатонимов

является важным аспектом их функционирования в письменной речи, отражающим степень формальной и семантической интеграции отрицательного компонента с производящей базой, а также прагматические установки автора. Согласно данным словарей И.Ф. Масанова и М. Шрубь, формант *не* в негатонимах пишется тремя способами: авторы псевдонимов выбирают слитное, отдельное или дефисное написание.

Оценивать написание форманта *не*, на наш взгляд, представляется целесообразным в тех случаях, когда оно демонстрирует вариативность, то есть может быть слитным, отдельным или дефисным. Подобная вариативность стабильно наблюдается в тех случаях, когда производящими базами являются нарицательные существительные, имена собственные и прилагательные.

Анализ словаря И.Ф. Масанова показывает следующую картину: среди нарицательных существительных (всего 50 единиц) отмечается 18 случаев слитного (36,00%), 17 отдельного (34,00%) и 15 дефисного (30,00%) написания. В группе имен собственных (всего 43 единицы) зафиксировано 10 случаев слитного (23,26%), 8 отдельного (18,60%) и 25 дефисного (58,14%) написания. Среди прилагательных (всего 83 единицы) наблюдается 78 случаев слитного (93,98%), 1 отдельного (1,20%) и 4 дефисного (4,82%) написания. Таким образом, в словаре И.Ф. Масанова слитное написание форманта *не* свойственно в первую очередь

прилагательным, что, вероятно, связано с тем, что образуемый дериват, по мысли автора, выражает некое новое понятие. Имена собственные чаще всего пишутся через дефис, что позволяет, с одной стороны, обратить внимание читателя на то, что образуется новая лексема, а с другой – на то, что она не выражает нового понятия, а сводится к выражению значения «отсутствие отождествления» с лицом, названным мотиватором. При этом, как мы уже отмечали в разделе 2.4.1, дефисное написание форманта *не* с именем собственным позволяет «сохранить» его написание с заглавной буквы. В написании нарицательных существительных преобладание одного из возможных вариантов не обнаруживается: по всей вероятности, выбор графического оформления связан, с одной стороны, с традициями русской орфографии, а с другой – с авторскими предпочтениями.

В словаре М. Шрубы распределение иное: среди нарицательных существительных (всего 38 единиц) фиксируется 6 случаев слитного (15,79%), 9 раздельного (23,68%) и 23 дефисного (60,53%) написания. В группе имен собственных (всего 13 единиц) отмечено 3 случая слитного (23,08%) и 10 дефисного (76,92%) написания. Среди прилагательных (всего 13 единиц) встречается 11 случаев слитного (84,62%) и 2 дефисного (15,38%) написания. Таким образом, особенностью графического оформления негатонимов авторов русского зарубежья является дефисное написание негативных псевдонимов, образованных от

нарицательных существительных. На наш взгляд, эту особенность можно объяснить тем, что написание через дефис позволяет акцентировать внимание читателя на том, что автор дистанцируется от социальной роли, называемой мотиватором. Иначе говоря, автор использует это графическое средство, для того чтобы подчеркнуть свою невключенность в число лиц, которые могут быть названы мотиватором, т.е. реализует концептуальную оппозицию «свой // чужой».

Таким образом, сравнительный анализ негатонимов свидетельствует о том, что в обоих словарях прилагательные тяготеют к слитному написанию форманта *не*, тогда как нарицательные существительные и имена собственные демонстрируют большую графическую вариативность. При этом среди негатонимов авторов русского зарубежья значительно выше доля дефисных форм среди нарицательных существительных, что можно интерпретировать как проявление более жесткой авторской установки на графическое разграничение компонентов.

Следующий важный параметр графического оформления негатонимов – это использование строчных и заглавных букв в мотиваторах, которые соотносятся с производящими базами, являющимися существительными. Анализ показывает, что выбор регистра мотиватора тесно связан с принадлежностью существительного

к именам собственным или нарицательным и выполняет функцию смыслового и идентификационного маркера.

В словаре И.Ф. Масанова (нарицательные существительные – 129 единиц; имена собственные – 46 единиц) фиксируется следующее. Наричательные существительные: заглавное написание первой буквы мотиватора – 4 единицы (3,10%), строчное написание – 125 единиц (96,90%). Имена собственные: заглавное написание – 35 единиц (76,09%), строчное написание – 11 единиц (23,91%). В словаре М. Шрубы (нарицательные существительные – 52 единицы; имена собственные – 13 единиц) наблюдается аналогичная зависимость при иной пропорции. Наричательные существительные: заглавное написание первой буквы мотиватора – 3 единицы (5,77%), строчное написание – 49 единиц (94,23%). Имена собственные: заглавное написание – 10 единиц (76,92%), строчное написание – 3 единицы (23,08%).

Таким образом, заглавное написание преобладает у негатонимов, образованных от имен собственных (76,09% в словаре И.Ф. Масанова; 76,92% в словаре М. Шрубы), тогда как для негатонимов, образованных от нарицательных существительных, характерно строчное написание (96,90% в словаре И.Ф. Масанова; 94,23% в словаре М. Шрубы). Различия количественных показателей между негатонимами, включенными в словари, объясняется составом корпусов, однако в обеих выборках сохраняется единая тенденция: тип производящей базы является

определяющим фактором выбора регистра мотиватора.

На наш взгляд, можно говорить о существовании определенной закономерности в графическом оформлении негатонимов, образованных от имен собственных:

1) если используется дефисное или раздельное написание, мотиватор пишется с заглавной буквы (например, *Не-Гоголь* [Масанов 1957: 254], *Не Ламанцкий* [Масанов 1957: 261], *Не-Верещагин* [Шруба 2018: 992]);

2) если используется слитное написание, мотиватор пишется со строчной буквы (например, *Микель Неанджело* [Масанов 1957: 256], *Некарамзин* [Шруба 2018: 875]).

Наиболее примечательным в этом отношении выглядит графическое оформление негатонимов, мотиваторы которых совпадают: *Крылов и Не-Крылов* [Масанов 1957: 81] и *Некрылов, Влад.* [Шруба 2018: 304], *Не-Гейне, а Трэмбач* [Масанов 1957: 254] и *Негейне, Иван* [Масанов 1957: 254], *Не-Гуно* [Масанов 1957: 255] и *Негуно* [Масанов 1957: 256], *Не-Надо, Густав* [Масанов 1957: 261] и *Ненадо, Густав* [Масанов 1957: 261].

Установленная закономерность свойственна всем негатонимам данного типа как в словаре И.Ф. Масанова, так и в словаре М. Шрубы, за исключением единственного случая: журналист Н.И. Еремченко

использует негатоним *Не полтавец* [Масанов 1960: 16], мотиватор которого является не нарицательным существительным, а псевдонимом того же автора *Полтавец, М.* [Масанов 1957: 370].

Несмотря на отмеченное исключение, на наш взгляд, установленная закономерность может быть использована как параметр, позволяющий установить значение производящей базы в тех случаях, когда она может быть оценена по-разному. Так, негатоним *Не-Буква* ([Масанов 1957: 252], [Шруба 2018: 302]) во всех случаях пишется с использованием дефиса и заглавной буквы мотиватора: связано это с тем, что в этом случае имеется в виду не нарицательное существительное *буква*, называющее знак азбуки, а псевдоним И.Ф. Василевского *Буква* (см. подробнее раздел 2.4.2). Помимо этого, опираясь на установленную закономерность, можно предположить, что негатоним *Не Гу и не Фо* [Шруба 2018: 914], производящая база которого не была определена, может восходить к имени **Гу Фо*.

Таким образом, сравнительный анализ негатонимов, включенных в словари И.Ф. Масанова и М. Шрубы, показывает, что, несмотря на общую предметную область, они отражают разные сферы псевдонимики в русском языке. В словарь И.Ф. Масанова включены негатонимы разных эпох, авторы которых конструировали свои псевдонимы, руководствуясь самыми разнообразными причинами. Словарь М. Шрубы фиксирует

негатонимы вполне определенного периода русской истории, выбранные авторами, судьба которых во многом была схожей (все они в первую очередь эмигранты), что и обусловило сходство как семантической мотивации дериватов, так и словообразовательных моделей, использованных при их образовании.

3.7 Выводы

«Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)»

М. Шрубы является фундаментальным трудом, восполняющим лакуны в изучении псевдонимики первой волны русской эмиграции (1917–1945). В отличие от более широкого по охвату словаря И.Ф. Масанова (XVIII–XX вв.), он ограничен строгими хронологическими и географическими рамками, при этом автором словаря привлекаются архивные материалы и материалы эмигрантской периодики. Таким образом, словарь М. Шрубы не только продолжает традиции масштабной лексикографии, заложенные И.Ф. Масановым, но и формирует новые стандарты научной атрибуции.

Сопоставительный анализ показал, что в словаре М. Шрубы преобладают однословные негатонимы (63,39%), тогда как в словаре И.Ф. Масанова чаще встречаются не однословные конструкции (55,53%). Это свидетельствует о тенденции к лаконичности и семантической сжатости в псевдонимике авторов русской эмиграции первой волны. В обоих словарях доминирует префиксальный способ с использованием префикса *не-*, однако в словаре М. Шрубы преимущественно фиксируется

негация существительных (35,71%), тогда как в словаре И.Ф. Масанова – негация прилагательных (19,71%). Характерные для словаря И.Ф. Масанова непродуктивные словообразовательные модели с морфемами *лже-*, *горе-* в словаре М. Шрубы отсутствуют.

Основные производящие базы в словаре М. Шрубы – нарицательные существительные (46,43%), прилагательные (12,50%) и имена собственные (11,61%). Это отражает ориентацию на отрицание социальных, профессиональных и территориальных идентичностей (например, *Не-политик* [Шруба 2018: 952], *Немосквич* [Шруба 2018: 815]; *Не-эмигрант* [Шруба 2018: 815]). Варианты графического оформления – слитное (например, *Некарамзин* [Шруба 2018: 875]), дефисное (например, *Не-Верецагин* [Шруба 2018: 992]) и раздельное (например, *Не врач* [Шруба 2018: 869]) – отражают степень семантической интеграции отрицательного компонента с производящей базой. Анализ показывает, что в словаре М. Шрубы чаще встречается дефисное написание, тогда как в словаре И.Ф. Масанова преобладает слитное написание. Выбор регистра также функционален: заглавные буквы в мотиваторах (например, *Не-Каринский* [Шруба 2018: 304]) акцентируют внимание на отсылке к прецедентным именам, строчные – к общим понятиям (*Не-рецензент* [Шруба 2018: 305]). Эта тенденция совпадает с наблюдаемой в словаре И.Ф. Масанова: в обоих словарях мотиваторы, восходящие к именам собственным, чаще пишутся с заглавной буквы, к нарицательным – со

строчной буквы. Намеренные орфографические отклонения (например, *Некарамзин* [Шруба 2018: 875] вместо нормативного **не Карамзин*) и графические трансформации служат средствами языковой игры. Отличие негатонимов из словаря М. Шрубы от негатонимов из словаря И.Ф. Масанова заключается в более частом использовании дефисного написания и сложных вариантов с сочетанием заглавных и строчных букв, что позволяет авторам выражать более тонкие прагматические оттенки.

Удалось установить, что в эмигрантской среде негатонимы выполняют две ключевые функции:

(1) Мотивированность негатонимов писателей «русского зарубежья в Европе» во многом определяется отрицанием типовых значений, выражаемых производящими базами, при этом наиболее последовательно проявляется ориентация на реализацию оппозиции «свой // чужой». Псевдоним часто становится средством выражения отчужденности от привычного мира и ощущения собственной инородности в новой среде (например, *Несвой* [Шруба 2018: 1002], *Бездомный* [Шруба 2018: 109]). В значительной части случаев отрицательная номинация указывает на пространственную дезориентацию автора (*Нездеиный* [Шруба 2018: 828], *Не-здеиный* [Шруба 2018: 828]), где исходной точкой координат выступает прежнее, осмысляемое как «свое» пространство (например, *Немосквич* [Шруба 2018: 815], *Зарубежный* [Шруба 2018: 815], *Зарубежная, М.* [Шруба 2018:

1024], *Невозвращенец* [Шруба 2018: 815], *Не-возвращенец* [Шруба 2018: 863]). В подобных случаях подчеркивается вынужденный характер переселения в чужую культурную и политическую реальность (например, *Невольный рижанин* [Шруба 2018: 989], *Невольный туркестанец* [Шруба 2018: 1004], *Недавно бежавший* [Шруба 2018: 815]). Иногда авторы используют негативные термины для отрицания действительного положения вещей, фиксируя стремление дистанцироваться от определенных социально-политических категорий (например, *Не-зарубежник* [Шруба 2018: 863], *Не-эмигрант* [Шруба 2018: 815]).

(2) Особое место среди негативных терминов первой волны эмиграции занимают образования, отражающие политические установки их носителей. В этой сфере прослеживаются две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, авторы демонстрируют свои идеологические предпочтения (например, *Не-коммунист* [Шруба 2018: 304], *Не-младоросс* [Шруба 2018: 990], *Не-монархист* [Шруба 2018: 952]), с другой – подчеркивают дистанцированность от политической сферы как таковой (например, *Не-политик* [Шруба 2018: 952], *Неполитик* [Шруба 2018: 973], *Не-примыкающий* [Шруба 2018: 305], *Беспартийный* [Шруба 2018: 112]). В ряде случаев отрицательная номинация имеет коннотативный характер, указывая на отстранение от советских государственных институтов (например, *Ненарком* [Шруба 2018: 305], *Несоветский экономист* [Шруба 2018: 878]).

Таким образом, негатонимы русского зарубежья первой половины XX века, включенные в словарь М. Шрубы, представляют собой уникальный лингвокультурный феномен, в котором отражаются кризис идентичности, языковое творчество и политико-идеологический дискурс эпохи.

В целом анализ материала, проведенный в главе 3, позволил выявить специфику негатонимов как маркеров культурно-исторического контекста русской эмиграции; роль графических и словообразовательных стратегий в формировании авторской идентичности; преемственность и различия между образованием негатонимов, включенных в словари И.Ф. Масанова и М. Шрубы.

Заключение

Настоящее исследование посвящено комплексному анализу русских негатонимов XVIII – первой половины XX вв. на материале двух фундаментальных источников: «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова и «Словаря псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)» М. Шрубы. Сочетание структурного, семантического и лингвокультурологического подходов позволило выявить основные закономерности образования и функционирования данного класса псевдонимов.

1. Объем понятия «негатоним» и список негатонимов

В работе уточнено понятие «негатоним» через введение критериев отнесения псевдонимов к негатонимам, в качестве которых определены следующие признаки:

(1) Формальная характеристика: наличие отрицательной маркировки. Были выделены 4 группы средств, выражающих значение отрицания в негатонимах: а) морфемы, входящие в состав слова (префиксы *не-*, *ни-*, *недо-*, префиксы *без-/бес-*, *за-* в сочетании с суффиксом *-н-*, форманты *лже-*, *горе-*, например *Негорький* [Масанов 1957: 254], *Не-академик* [Шруба 2018: 863], *Никто, Я.* [Масанов 1957: 270], *Недобобов, Иеремия* [Масанов 1957: 255], *Бездомный* [Масанов 1956: 150], *Беспартийный* [Шруба 2018: 112], *Защитный* [Масанов 1956: 391], *Горе-Богатырь* [Масанов 1956: 297], *Лжедмитрий* [Масанов 1957: 121]),

б) частица *не* в сочетании со словом (например, *Не Ленин* [Масанов 1957: 260]), в) частица *не*, относящаяся к однословной или неословной части в составе неословного негатонима или к неословному негатониму в целом (например, *Не Демьян, но бедный* [Масанов 1957: 255], *Не Вальтер Скотт, а Ланской* [Масанов 1957: 252], *Не Козьма Прутков* [Масанов 1957: 258]), г) предлог *без* в составе синтаксемы «без + Родительный падеж существительного» (например, *Человек без портфеля* [Шруба 2018: 865]).

(2) Семантическая характеристика: значение отрицания. Было установлено, что специфика значения отрицания, выражаемого негатонимами, обусловлена их принадлежностью к классу антропонимов, а само значение в обобщенном виде может быть сформулировано следующим образом: негатоним а) называет человека А, б) характеризует его по отношению к объекту В, называемому производящей базой данного негатонима, в) устанавливает, что А полностью или частично не тождествен В или что А полностью или частично не свойственно то, что называет производящая база, обозначающая В. При этом отмечено, что значение отрицания может конкретизироваться в разных негатонимах по-разному в зависимости от особенностей их семантической мотивации.

(3) Функционально-прагматическая характеристика. Данный критерий отнесения псевдонимов к негатонимам связан с установлением прагматических особенностей их образования и функционирования,

обусловленных прежде всего авторской речевой деятельностью: образование негатонимов часто объясняется авторской языковой игрой, установление которой в одних случаях возможно при наличии дополнительных источниковедческих знаний (например, оценка негатонима *Не-Буква* [Масанов 1957: 252], [Шруба 2018: 302]), а в других случаях подобных сведений не требует, поскольку «расшифровка» языковой игры может базироваться на владении общими компетенциями носителей русского языка, способных оценить, до какой степени негатоним нарушает / сохраняет языковые нормы (например, *Невагнер и Негуно* [Масанов 1957: 252], *Некарамзин* [Шруба 2018: 875]).

Установлено, что формальный и семантический критерии отнесения псевдонимов к негатонимам являются обязательными, в то время как функционально-прагматическая характеристика может быть актуализирована в тех случаях, когда формальная и/или семантическая характеристики не позволяют однозначно оценить данный псевдоним в качестве негатонима (например, псевдоним А.П. Чехова *Ч. без с.* [Масанов 1958: 226], обладающая формальными признаками негатонима, выглядит семантически неясным; его истолкование возможно только с учетом фоновых знаний: данный оним представляет собой трансформацию другого чеховского псевдонима *Человек без селезенки* [Масанов 1958: 232], однозначно определяемого как негатоним).

На основании установленных критериев в результате анализа «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова и «Словаря псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)» М. Шрубы были выявлены негатонимы, включенные в эти словари (словарь И.Ф. Масанова: 416 единиц; словарь М. Шрубы: 112 единиц). Дальнейшее их изучение производилось как по отдельности, так и в сопоставительном аспекте.

С учетом теоретических положений, изложенных в разделах 1.3 и 1.6, было установлено, что негативные псевдонимы каждого из словарей образуют лексико-семантическую группу «негатонимы», в структуре которой можно выделить ядро (центр) и периферию. К ядру были отнесены онимы, имеющие формальные признаки отрицания и однозначно выражающие значение отрицания того, что называет мотиватор негатонима (например, псевдонимы с префиксом *не-* и частицей *не*: *Нетехник* [Масанов 1957: 264], *Не-критик* [Масанов 1957: 259], *Не врач* [Масанов 1957: 253]). К периферии были отнесены онимы, значения которых связаны с контекстуально актуализируемой отрицательностью (например, псевдонимы с формантами *лже-* и *горе-*: *Лжедмитрий* [Масанов 1957: 121], *Горе-Богатырь* [Масанов 1956: 297]).

В качестве особой группы слов, относящихся к периферии ЛСГ, были выделены псевдонимы типа *Неверов* [Масанов 1957: 253], *Неволин* [Масанов 1957: 253], *Незванов* [Масанов 1957: 256], совпадающие с

распространенными русскими фамилиями. Было установлено, что, обладая формальной отрицательной маркировкой, данные псевдонимы актуализируют значение отрицания исключительно с учетом функционально-прагматического аспекта их использования. В связи с этим все негативные псевдонимы были разделены на образующие основной список негатонимов (словарь И.Ф. Масанова – Приложение 1, словарь М. Шрубы – Приложение 4) и вошедшие в список негатонимов, которые совпадают с распространенными русскими фамилиями (словарь И.Ф. Масанова – Приложение 2, словарь М. Шрубы – Приложение 5).

2. Структурные особенности негатонимов

Установлены структурные особенности негатонимов: выделены однословные и неоднословные образования.

Однословные негатонимы характеризуются цельноформленностью и аффиксальным способом выражением отрицания (например, *Незмей* [Масанов 1957: 257], *Не-дипломат* [Шруба 2018: 883]); к неоднословным негатонимам отнесены также сочетания слов с частицей *не* (например, *Не зверь* [Масанов 1957: 256], *Не дипломат* [Масанов 1957: 845]).

Установлены 6 типов однословных негатонимов, различающихся особенностями их соотношения с производящими базами: (1) грамматически тождественные изменяемым словам, например *Не-Буренин* [Масанов 1957: 252], *Не доктор* [Шруба 2018: 979]; (2)

грамматически тождественные группе словоформ, например *Неведомый* [Масанов 1957: 252], *Недоумевающий* [Шруба 2018: 900]; (3) грамматически тождественные одной словоформе, например *Нескажуся* [Масанов 1957: 263]; (4) включающие основу производящей базы, например *Безработный* [Масанов 1956: 151], *Беспартийный* [Шруба 2018: 112]; (5) грамматически тождественные неизменяемым словам, например *Негуно* [Масанов 1957: 255], *Не-Пьеро* [Шруба 2018: 847]; (6) грамматически тождественные инициалу, например *Не-Б.* [Масанов 1957: 240]. Было установлено, что негатонимы 3 и 6 типов обнаруживаются только в словаре И.Ф. Масанова.

Неоднословные негатонимы представляют собой синтагмы, включающие как минимум два знаменательных слова. Установлены 4 типа неоднословных негатонимов, различающихся по своей структуре и типам связи между компонентами: (1) именные сочетания, например *Не-Македонский, Александр* [Масанов 1957: 260], *Некрылов, Влад.* [Шруба 2018: 304]; (2) словосочетания с подчинительной связью, например *Защитный поэт* [Масанов 1956: 391], *Непонятная женщина* [Шруба 2018: 305], (3) синтагмы с сочинительной связью, например *Не Вальтер Скотт, а Ланской* [Масанов 1957: 252], *Не Гу и не Фо* [Шруба 2018: 914], (4) предложения, например *Не поминай лихом* [Масанов 1957: 262]) *Не спрашивай, кто я* [Масанов 1957: 263]. Как показал анализ, негатонимам из словаря И.Ф. Масанова свойственно значительно

большее структурное разнообразие (например, негатонимы-предложения в словаре М. Шрубы не представлены).

Были определены разновидности однословных негатонимов различной структуры по тому, подвергается ли негации один компонент синтагмы (например, (1) *Не-Македонский, Александр* [Масанов 1957: 260], (2) *Неизменный театрал* [Масанов 1957: 258], (3) *Крылов и Не-Крылов* [Масанов 1957: 81], (4) *Это не я* [Масанов 1958: 273]), несколько ее компонентов (например, (2) *Неизвестное общество неученых людей* [Масанов 1957: 257], (3) *Невагнер и Негуно* [Масанов 1957: 252]) или вся синтагма в целом (например, (1) *Не Козьма Прутков* [Масанов 1957: 258], (2) *Не истинно русский* [Масанов 1957: 258], (4) *Не поминай лихом* [Масанов 1957: 262]). Было отмечено, что важным различием между негатонимами из двух словарей является то, что в однословных негатонимах из словаря М. Шрубы негации подвергаются исключительно их компоненты.

В итоге изучение структуры негатонимов позволило прийти к выводу о том, что им свойственно два различных уровня выражения отрицания – словообразовательный, реализуемый в однословных негатонимах и при негации компонентов однословных негатонимов, и лексико-синтаксический, связанный с использованием отрицательных частиц и синтаксем с предлогом *без* в негатонимах любой структуры.

3. Способы образования негатонимов

Поскольку было установлено, что структурной особенностью негатонимов является их организация с использованием словообразовательных и лексико-синтаксических средств, была разработана классификация способов образования негатонимов, объединяющая использование средств этих двух типов, что, в частности, позволило выявить тесную связь между ними (использование частицы *не* и префикса *не-*, синтаксемы «*без* + Родительный падеж существительного» и префикса *без-/бес-*).

Были установлены и описаны префиксальные (например, *Вересаев* > *Не-Вересаев* [Масанов 1957: 252], *Верещагин* > *Не-Верещагин* [Шруба 2018: 992]), суффиксальные (например, *неволя* > *Невольник*, *В.* [Масанов 1957: 253], *незнакомый* > *Незнакомец* [Шруба 2018: 883]), префиксально-суффиксальные (например, *покой* > *Безпокойный* [Масанов 1956: 150], *дом* > *Бездомный* [Шруба 2018: 109]) способы образования, образования с частицей *не* (например, *врач* > *Не врач* [Масанов 1957: 253], *доктор* > *Не доктор* [Шруба 2018: 979]) и предлогом *без* (например, *Человек без селезенки* [Масанов 1958: 232], *Человек без портфеля* [Шруба 2018: 865]), регулярно используемые при образовании негатонимов, о чем, в частности, свидетельствует разнообразие выявленных словообразовательных моделей. В качестве способов, реализующих индивидуальную словообразовательную авторскую игру, были отмечены

постфиксация (только в словаре И.Ф. Масанова: *никто* > *Никто-не* [Масанов 1957: 270]), сложение (только в словаре И.Ф. Масанова: *богатырь* > *Горе-Богатырь* [Масанов 1956: 297]) и сложение и префиксация (только в словаре И.Ф. Масанова: *Поль де Кок* > *Непольдекок*, *Е.* [Масанов 1957: 262]), а также способ, связанный с морфемизацией субморфов (*небесный* > *Не-бесный* [Масанов 1957: 252], *Некрасов* > *Не-Красов* [Шруба 2018: 304]). Для каждой модели образования негатонимов были определены типы производящих баз, различающиеся их частеречной принадлежностью и синтаксической организацией и, как следствие, семантическим потенциалом. Сопоставление способов образования негатонимов в двух словарях показало, что негатонимы, представленные в словаре И.Ф. Масанова, характеризуются значительно большим разнообразием как по способам и моделям их образования, так и по типам производящих баз, что объясняется особенностями семантики и функционально-прагматического аспекта использования негатонимов каждого из словарей (см. ниже).

Было отмечено, что многие неоднословные негатонимы представляют собой синтагмы, включающие в свой состав компоненты, подвергающиеся негации. Для таких случаев была констатирована необходимость многоаспектного описания их образования (установление способа негации компонента и описание структуры онима в целом).

Помимо этого, в качестве важной особенности негатонимов было отмечено то, что многие из них (такие как *Безпристрастный* [Масанов 1956: 150], *Зарубежный* [Шруба 2018: 815] и под.) представляют собой номинации, являющиеся частью лексикона русского языка: они не образуются авторами как новые единицы, но используются ими в новой функции. Таким образом, в отношении подобных единиц их производность необходимо рассматривать с точки зрения реляционного аспекта словообразовательной системы русского языка.

4. Производящие базы

Были определены типы производящих баз, структурные и семантические особенности которых оказывают влияние на особенности структуры, семантики и прагматики негатонимов: (1) имена собственные (например, *Гоголь* > *Не-Гоголь* [Масанов 1957: 254], *Карамзин* > *Некарамзин* [Шруба 2018: 875]), (2) нарицательные существительные (например, *любитель* > *Нелюбитель* [Масанов 1957: 260], *рецензент* > *Не-рецензент* [Шруба 2018: 305]), (3) прилагательные (*веселый* > *Невеселый*, *А.* [Масанов 1957: 253], *здесь* > *Нездесь* [Шруба 2018: 828]), (4) глаголы (например, *изменить* > *Неизменный театр* [Масанов 1957: 258], *возвращаться* > *Невозвращенец* [Шруба 2018: 815]), (5) финитные формы глагола (например, *скажусь* > *Нескажусь* [Масанов 1957: 263], *забывай* > *Незабывайкин* [Масанов 1957: 256]), (6) причастия (например, *зависимый* > *Независимый* [Масанов 1957: 256], *унывающий* >

Неунывающий [Шруба 2018: 306]), (7) предикативное наречие (например, *надо* > *Ненадович* [Масанов 1957: 261]), (8) местоимения (например, *я* > *Не-я* [Масанов 1957: 264], *свой* > *Несвой* [Шруба 2018: 1002]), (9) предлог (*на* > *Не на* [Масанов 1957: 261]), (10) инициал (например, *Б.* > *Не-Б.* [Масанов 1957: 240]), (11) синтаксические конструкции различной структуры (например, *истинно русский* > *Не истинно русский* [Масанов 1957: 258]). Обращает на себя внимание то, что типы 5, 7, 9, 10 и 11 имеют отношение исключительно к негатонимам из словаря И.Ф. Масанова, однако и в словаре М. Шрубы обнаруживается негатоним, производящая база которого не свойственна негатонимам из словаря И.Ф. Масанова: (12) наречие (*давно* > *Недавно бежавший* [Шруба 2018: 815]).

В отдельную группу были выделены случаи, когда определение частеречной принадлежности производящей базы является затруднительным, например *гласный* (прил.) / *гласный* (сущ.) > *Негласный* [Масанов 1957: 254], *бессарабец* (сущ. нариц.) / *Бессарабец* (сущ. собств.) > *Не Бессарабец* [Шруба 2018: 850].

Описание типов производящих баз с учетом значений относимых к ним лексем позволило выявить семантический потенциал негатонимов, отрицательное значение которых связано с различными типами объектов, называемых производящими базами.

5. Графическое оформление

Установлены особенности и закономерности графического оформления негатонимов. Оказалось, что оно касается написания форманта *не* и является вариативным в двух случаях.

(1) Написание форманта *не* может быть слитным (например, *Незмей* [Масанов 1957: 257], *Неполитик* [Шруба 2018: 973]), отдельным (например, *Не полтавец* [Масанов 1960: 16], *Не Бессарабец* [Шруба 2018: 850]) и дефисным (например, *Не-Гоголь* [Масанов 1957: 254], *Не-Каринский* [Шруба 2018: 304]). Наиболее показательными являются случаи вариативного написания форманта *не* с одними и теми же мотиваторами (например, *Негласный*, *Не гласный* и *Не-гласный* [Масанов 1957: 254], *Не дипломат* [Шруба 2018: 845, 878] и *Не-дипломат* [Шруба 2018: 883, 935]). Было установлено, что выбор написания чаще всего обусловлен авторской интенцией: слитное или отдельное оформление отражает стремление автора следовать орфографическим нормам (хотя может свидетельствовать и об обратном, например *Немаксим Горький* [Масанов 1957: 260], *Некарамзин* [Шруба 2018: 875]), тогда как дефисное написание, с одной стороны, служит приемом языковой игры, а с другой стороны, позволяет создать номинативную единицу, которая должна восприниматься как знак, выражающий единое значение, но при этом с возможностью фокусирования внимания читателя как на отрицательном форманте, так и на мотиваторе.

(2) Написание негатонима с формантом *не* может допускать использование строчной и заглавной инициальной буквы мотиватора (например, *Не-врач* [Масанов 1957: 253], *Не-Каразин* [Масанов 1957: 258], *Не-политик* [Шруба 2018: 952], *Не-Каринский* [Шруба 2018: 304]), причем и в этом случае наблюдается вариативность (например, *Ненадо*, *Густав* и *Не-Надо*, *Густав* [Масанов 1957: 261], *Не-дипломат* [Шруба 2018: 883, 935] и *Не-Дипломат* [Шруба 2018: 936]). Анализ материала показал, что выбор строчной инициальной буквы мотиватора осуществляется, когда псевдоним образуется не от имен собственных (например, *Не-профессор* [Масанов 1957: 262], *Не-педагог* [Шруба 2018: 863]), а выбор заглавной инициальной буквы мотиватора чаще всего связан с использованием в качестве производящей базы имени собственного (например, *Не-Жуковский* [Масанов 1957: 256], *Не-Владимир* [Шруба 2018: 973]). Нарушение этой закономерности связано с авторской языковой игрой (*Немакаров* [Масанов 1957: 260], *Не-Новый* [Шруба 2018: 863]).

Еще одной установленной закономерностью графического оформления негатонимов, образованных от имен собственных, является следующее: при дефисном или отдельном написании форманта *не* мотиватор пишется с заглавной буквы (*Не-Гоголь* [Масанов 1957: 254], *не-Шмага* [Шруба 2018: 988]), при слитном написании форманта *не* мотиватор пишется со строчной буквы (*Нетвен*, *Марк* [Масанов 1957:

264], *Некрылов, Вл* [Шруба 2018: 999]). Выбор второй стратегии написания свидетельствует об авторской языковой игре, направленной на достижение комического эффекта.

Помимо этого, были установлены и другие средства параграфемки (например, слитно-раздельное написание двух формантов *не* в псевдониме *Не Нея* [Масанов 1957: 261], дефисное написание использованного в качестве постфикса форманта *не* в негатониме *Никто-не* [Масанов 1957: 270], разделение дефисом производящей базы на морфемы в псевдонимах *Не-бесный* [Масанов 1957: 252] и *Не-Красов* [Шруба 2018: 304]), позволяющие реализовать авторскую языковую игру.

6. Лингвокультурные аспекты образования негатонимов

Отмеченная в качестве третьего критерия отнесения псевдонимов в негатонимам их функционально-прагматическая характеристика связана с лингвокультурным аспектом изучения их образования и функционирования. Как показал анализ, во многих случаях особенности создания и использования негатонимов объясняются речевой деятельностью их авторов, реализующих свою языковую личность (частные случаи образования негатонимов рассмотрены в разделах 2.6.1 и 3.5.1). В то же время в этом плане обнаруживаются и определенные закономерности. В частности, нами выявлены приемы языковой игры с использованием средств разных языковых уровней, применявшиеся разными авторами: речь идет об образовании оксюморонов (*Совсем не я*

[Масанов 1958: 123], *Это не я* [Масанов 1958: 273], псевдоним В.Ф. Каринского *Не-Каринский* [Шруба 2018: 304]), двойном отрицании (*Не нея* [Масанов 1957: 261], *Ненезнакомый* [Масанов 1957: 261]), трансформациях precedentных имен (*Не-Некрасов* [Масанов 1957: 261], *Мичман без дырки* [Шруба 2018: 1003]) и названий (*Всадник без головы* [Масанов 1956: 255], *Человек без портфеля* [Шруба 2018: 865]), в том числе с моделированием отношений множественной мотивации (*Жюль Верн* (имя собств.) / *верный* (прил.) > *Жюль Неверный* [Масанов 1960: 135], *Демьян Бедный* (имя собств.) / *бедный* (прил.) > *Не Демьян, но бедный* [Масанов 1957: 255]), использовании средств параграфемии (*Не-бесный* [Масанов 1957: 252], *Не И. Грэк* [Масанов 1957: 252], *Не-Красов* [Шруба 2018: 304]).

Не менее важным для изучения негатонимов в лингвокультурном аспекте является то, что при их образовании от имен собственных авторы ориентируются на необходимость использования онимов, которые являются precedentными: они должны быть известны адресатам, иначе «расшифровка» скрытого за негатонимом прагматического значения может оказаться неудачной. В связи с этим нами был сделан вывод о том, что негатонимы являются ценным материалом для установления языковой картины мира носителей языка определенных эпох, поскольку сам их состав позволяет установить список precedentных имен известных личностей того или иного времени, относящихся к разным

социальным группам (в словаре И.Ф. Масанова: критики, писатели, композиторы, журналисты, философы, цари, монархи, князья, политические деятели; в словаре М. Шрубы: художники, писатели, политические деятели) (например, в список негатонимов, образованных от имен русских писателей и использовавшихся в конце XIX – начале XX вв., входят *Не-Вересаев* [Масанов 1957: 252], *Не-Гоголь* [Масанов 1957: 254], *Негорький* [Масанов 1957: 254], *Не Демьян, но бедный* [Масанов 1957: 255], *Не-Жуковский* [Масанов 1957: 256], *Не-Крестовский* [Масанов 1957: 259] и др.). В то же время было установлено, что многие известные личности в качестве своих псевдонимов использовали негатонимы (например, *Недобобов*, *Иеремия* (= И.С. Тургенев) [Масанов 1957: 255], *Неизвестное общество неученых людей* (= В.А. Жуковский) [Масанов 1957: 257], *Непанов, М.* (= М.Е. Салтыков-Щедрин) [Масанов 1957: 262], *Человек без селезенки* (= А.П. Чехов) [Масанов 1958: 232] и др.).

7. Сравнительный анализ негатонимов в словарях И.Ф. Масанова и М. Шрубы

Сопоставление словарей позволило выявить как общие черты, так и различия в образовании и функционировании негатонимов.

Различаются территориальные, хронологические и социо-культурные характеристики материала: словарь И.Ф. Масанова охватывает несколько эпох и государственных формаций – от XVIII века до первых десятилетий советской власти и включает псевдонимы авторов,

деятельность которых осуществлялась не только на территории России; словарь М. Шрубы включает псевдонимы, функционировавшие в 1917–1945 гг. среди эмигрантов первой волны в Европе.

Количественные показатели негатонимов в словарях неодинаковы: в словаре И.Ф. Масанова – 416 единиц (0,52% корпуса), в словаре М. Шрубы – 112 единиц (1,14% корпуса). Таким образом, в словаре М. Шрубы их относительная представленность почти вдвое выше. В то же время оба показателя составляют менее 1,15% от общего числа псевдонимов, в связи с чем необходимо констатировать, что негатонимы не входят в число основных типов русских псевдонимов.

Наблюдаются также количественные расхождения, имеющие отношение к единицам разной структуры: в словаре И.Ф. Масанова преобладают неоднословные формы (55,53%), в словаре М. Шрубы – однословные (63,39%). Данное различие объясняется тем, что использование однословных негатонимов вполне удовлетворяет задаче реализовать в псевдониме концептуальную оппозицию «свой // чужой», что и является одной из главных целей авторов-эмигрантов. По той же причине обнаруживаются различия в частотности использования производящих баз определенной частеречной принадлежности: негатонимы из словаря И.Ф. Масанова чаще всего образуются от прилагательных, негация которых позволяет назвать различные качества автора, а негатонимы из словаря М. Шрубы чаще всего восходят к

личным существительным, негация которых позволяет сообщить о непринадлежности автора к определенной социальной группе.

Оба словаря демонстрируют преобладание нарицательных существительных, использованных в качестве производящих баз, однако в целом в словаре И.Ф. Масанова спектр производящих баз шире.

Что касается семантических характеристик негатонимов, то и в этом случае наблюдаются различия: в словаре И.Ф. Масанова преобладают социальные и личностные характеристики; в словаре М. Шрубы – политико-социальные номинации, служащие маркерами оппозиции «свой // чужой».

Анализ графического оформления негатонимов в двух словарях показал, что, в то время как негатонимам из словаря И.Ф. Масанова свойственна значительная вариативность в слитном / раздельном / дефисном написании, при оформлении негатонимов из словаря М. Шрубы предпочтительным оказывается использование дефиса, позволяющего подчеркнуть дистанцирование от социальной роли, которую называет мотиватор.

Таким образом, словарь И.Ф. Масанова отражает структурное и семантическое многообразие отечественной традиции образования негатонимов, выражающих самые различные характеристики их авторов (антропоцентрическая модель), тогда как негатонимы из словаря М. Шрубы называют в первую очередь социо-идентификационные

характеристики: в среде эмигрантов негатонимы становятся не только языковым, но и социокультурным инструментом адаптации, позволяющим обозначить границы «своего» и «чужого» (социально-идентификационная модель).

Таким образом, наше исследование показало, что негатонимы представляют собой тип псевдонимов, изучение которого позволяет установить важные для истории русской псевдонимики характеристики, имеющие отношение как к собственно образованию данных единиц, так и к их семантике и прагматике.

Библиография

I. Источники

1. Масанов 1956 – Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. I. М.: Издательство всесоюзной книжной палаты, 1956. 440 с.
2. Масанов 1957 – Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. II. М.: Издательство всесоюзной книжной палаты, 1957. 386 с.
3. Масанов 1958 – Масанов И.Ф. Словарь негатонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. III. М.: Издательство всесоюзной книжной палаты, 1958. 415 с.
4. Масанов 1960 – Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. IV. М.: Издательство всесоюзной книжной палаты, 1960. 557 с.
5. Шруба 2018 – Шруба М. Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945). М.: Новое литературное обозрение, 2018. 1064 с.

II. Словари и энциклопедии

1. Ахманова 1969 – Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 605 с.
2. Большой академический словарь русского языка. Т. XIV 2010 – Большой академический словарь русского языка. Т. XIV. М.: Российская академия наук, Институт лингвистических исследований

- РАН, Издательство «Наука», 2010. 655 с.
3. Большой энциклопедический словарь. Языкознание 1998 – Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1998. 685 с.
 4. БСЭ. Т. XII 1952 – Большая Советская Энциклопедия. Т. XII. М.: Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия», 1952. 636 с.
 5. БСЭ. Т. VI 1971 – Большая Советская Энциклопедия. Т. VI. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1971. 624 с.
 6. БСЭ. Т. X 1972 – Большая Советская Энциклопедия. Т. X. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1972. 592 с.
 7. БСЭ. Т. XIV 1973 – Большая Советская Энциклопедия. Т. XIV. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1973. 624 с.
 8. БСЭ. Т. XXV 1976 – Большая Советская Энциклопедия. Т. XXV. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1976. 600 с.
 9. Веселовский 1974 – Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 384 с.
 10. Горский, Ивин, Никифоров 1991 – Горский Д.П., Ивин А.А., Никифоров А.Л. Краткий словарь по логике. М.: Просвещение, 1991. 208 с.
 11. Грамматика русского языка. Т. I 1960 – Грамматика русского языка. Т.

- I. М.: Издательство академии наук СССР, 1960. 719 с.
12. Грамматика русского языка. Т. II 1960 – Грамматика русского языка. Т. II. М.: Издательство академии наук СССР, 1960. 702 с.
13. Даль 1880 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. СПб., М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. 723 с.
14. Даль 1881 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. СПб., М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1881. 807 с.
15. Ефремова 1996 – Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: Русский язык, 1996. 638 с.
16. Жеребило 2010 – Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Издательство ООО Пилигрим, 2010. 486 с.
17. Золотова 2006 – Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Изд. 3-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2006. 440 с.
18. Ильичев, Федосеев, Ковалев, Панов 1983 – Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н., Ковалев С.М., Панов В.Г. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
19. Книга. Энциклопедия 1999 – Книга. Энциклопедия. Гл. ред. В.М. Жарков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. 799 с.

20. Кузнецов 1998 – Кузнецов А.М. Поле. Языкознание: Большой энциклопедический словарь / А.М. Кузнецов; глав. ред. Н.В. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 380–381.
21. Литераторы Санкт-Петербурга. XX век 2024 – Литераторы Санкт-Петербурга. XX век. Энциклопедический словарь. Гл. ред. О.В. Богданова. Книжная лавка писателей. 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/> (дата обращения: 07.07.2024).
22. Ожегов, Шведова 2006 – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
23. Подольская 1988 – Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.
24. Потиха 1999 – Потиха З.А. Школьный словарь строения слов русского языка. М.: Просвещение, 1999. 318 с.
25. Розенталь, Теленкова 1985 – Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
26. Русская грамматика. Т. I 1980 – Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1980. 783 с.
27. Русская грамматика. Т. II 1980 – Русская грамматика. Т. II. М.: Наука, 1980. 709 с.

28. Русская литература XX века. Т. II 2005 – Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь в 3 томах. Т. II. 3 – О. М.: «ОЛМА-ПРЕСС Инвест», 2005. 719 с.
29. Русская литература XX века. Т. III 2005 – Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь в 3 томах. Т. III. П – Я. М.: «ОЛМА-ПРЕСС Инвест», 2005. 830 с.
30. Русские писатели Т. I 1989 – Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. I. М.: Советская энциклопедия, 1989. 672 с.
31. Русские писатели Т. II 1992 – Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. II. М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 1992. 640 с.
32. Русские писатели Т. III 1994 – Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. III. М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 1994. 610 с.
33. Русский биографический словарь. Т. XIV 1905 – Русский биографический словарь. Т. XIV. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. 802 с.
34. Русский язык. Энциклопедия 1997 – Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Ю.Н. Караулов. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, Издательский дом «Дрофа», 1997. 722 с.
35. Селиванова 2006 – Селиванова О.О. Современная лингвистика:

- терминологическая энциклопедия. Полтава: Довкілля-К, 2006. 716 с.
36. Серов 2005 – Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: ООО Издательство «Локид-Пресс», 2005. 880 с.
37. Словарь русского языка. Т. II 1986 – Словарь русского языка. Гл. ред. А.П. Евгеньева. Т. II. М.: Русский язык, 1986. 736 с.
38. Советская историческая энциклопедия. Т. II 1962 – Советская историческая энциклопедия. Гл. ред. Е.М. Жуков. Т. II. М.: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1962. 1022 с.
39. Тихонов 1985 – Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. I. М.: Русский язык, 1985. 856 с.
40. Тихонов 1997 – Тихонов А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. 3-е изд. М.: Культура и традиции, 1997. 576 с.
41. Тихонов 2003 – Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. I. М.: Астрель; АСТ, 2003. 860 с.
42. Тихонов 2010 – Тихонов А.Н. Морфемно-орфографический словарь русского языка. М.: Астрель; АСТ, 2010. 700 с.
43. Тихонов 2014 – Тихонов А.Н. Новый словообразовательный словарь русского языка. М.: АСТ, 2014. 639 с.
44. Толковый словарь русского языка. Т. I 1935 – Толковый словарь русского языка. Под. ред. проф. Д.Н. Ушакова. Т. I. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей,

1935. 1562 с.
45. Толковый словарь русского языка. Т. II 1938 – Толковый словарь русского языка. Под. ред. проф. Д.Н. Ушакова. Т. II. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1938. 1040 с.
46. Толковый словарь русского языка. Т. IV 1940 – Толковый словарь русского языка. Под. ред. проф. Д.Н. Ушакова. Т. IV. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. 1500 с.
47. Хисамутдинов 2018 – Хисамутдинов А.А. Литературные псевдонимы русских эмигрантов в Китае, Японии и Корее (первая половина 20-го века). Справочник. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2018. 112 с.
48. Цыганенко 1982 – Цыганенко Г.П. Словарь служебных морфем русского языка. Киев: Радянська школа, 1982. 240 с.
49. Шанский, Иванов, Шанская 1971 – Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1971. 542 с.
50. Ширшов 2004 – Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. М.: Астрель; АСТ; Русские словари; Ермак, 2004. 1022 с.
51. Энциклопедический словарь. Т. VIIA 1893 – Энциклопедический

- словарь. Т. VIIA. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1893. 497 с.
52. Энциклопедический словарь. Т. XIV 1895 – Энциклопедический словарь. Т. XIV. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1895. 488 с.
53. Энциклопедический словарь. Т. XV 1895 – Энциклопедический словарь. Т. XV. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1895. 489 с.
54. Энциклопедический словарь. Т. XVА 1895 – Энциклопедический словарь. Т. XVА. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1895. 501 с.
55. Энциклопедический словарь. Т. XIX 1896 – Энциклопедический словарь. Т. XIX. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1896. 491 с.
56. Энциклопедический словарь. Т. XXX 1900 – Энциклопедический словарь. Т. XXX. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1900. 493 с.
57. Энциклопедический словарь. Доп. Том I (1) 1905 – Энциклопедический словарь. Доп. Том I (1). Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1905. 488 с.
58. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык. Т. I. 2014 – Энциклопедический

словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык. 2-е изд., стереотипное. Под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. Т. I. М.: ФЛИНТА, 2014. 840 с.

III. Статьи и монографии

1. Абрамов 1992 – Абрамов В.П. Синтагматика семантического поля. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1992. 107с.
2. Алефиренко 2005 – Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
3. Амурский 2019 – Амурский В. Манфред Шруба. Словарь псевдонимов Русского Зарубежья в Европе // Новый Журнал. 2019. № 296. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2019/296/manfred-shruba-slovar-psevdonimov-russkogo-zarubezhya-v-evrope.html?ysclid=mdyz1t3tyi748365249> (дата обращения: 06.08.2025).
4. Андреева 1984 – Андреева И.В. Грамматическая категория отрицания и ее стилистические потенции в современном английском языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза, 1984. 33 с.
5. Арутюнова 1999 – Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

6. Арутюнова 2009 – Арутюнова Н.Д. Коммуникативная реакция на истинностное значение высказывания другого // Логический анализ языка. Ассерция и негация. Сборник статей. М.: Издательство «Индрик», 2009. С. 5–10.
7. Балкунова, Рянская 2010 – Балкунова А.С., Рянская Э.М. Место никнеймов в ономастике // Вестник нижевартовского государственного гуманитарного университета. 2010. № 3. С. 17–22.
8. Балли 1955 – Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
9. Бахарев 1996 – Бахарев А.И. Отрицание в русском языке (сущность, способы выражения, история развития и современное состояние). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Ташкент: Ташкентский государственный университет им. Мирзо Улугбека, 1996. 385 с.
10. Безродная (Яковлева) 1910 – Безродная (Яковлева) Ю.И. // Нива: журнал. 1910. № 33. С. 584–585.
11. Белинский 1839 – Белинский В.Г. Бородинская годовщина. В. Жуковского... Письмо из Бородина от безрукого к безногому инвалиду. М.: Художественная литература, 1839. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_2230.shtml?ysclid=lvzggkzuxf233678
107 (дата обращения: 07.07.2024).

12. Беркетова 1984 – Беркетова З.В. Иерархические и параллельные связи мотивационных полей современного немецкого языка // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 131–139.
13. Блинова 2007 – Блинова О.И. Внутренняя форма слова как средство создания комического эффекта // Сибирский филологический журнал. 2007. №3. С. 77–82.
14. Блошенко 1999 – Блошенко Ю.В. Функционально-семантическое поле отрицания в современном русском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Таганрог: Таганрогский государственный педагогический институт, 1999. 130 с.
15. Богуславский 1985 – Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике. М.: Наука, 1985. 175 с.
16. Боднарский 1946 – Боднарский Б.С. И.Ф. Масанов // Иван Филиппович Масанов. 1874–1945. Сборник статей. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1946. С. 3–9.
17. Бондалетов 1983 – Бондалетов Б.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
18. Бондаренко 1983 – Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М.: Наука, 1983. 212 с.
19. Бондарко 1976 – Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1976. 255 с.
20. Бондарко 1987 – Бондарко А.В. Введение. Основания

- функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 5–39.
21. Бондарко 2001 – Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 208 с.
22. Борщев, Падучева, Парти, Тестелец, Янович 2009 – Борщев В.Б., Падучева Е.В., Парти Б.Х., Тестелец Я.Г., Янович И.С. Синтаксическое, семантическое и прагматическое отрицание в русском языке // Логический анализ языка. Ассерция и негация. Сборник статей. М.: Издательство «Индрик», 2009. С. 129–143.
23. Бродский 1973 – Бродский И.Н. Отрицательные высказывания. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1973. 103 с.
24. Быкасов 2008 – Быкасов А.Н. Функционально-семантическое поле целеустановки в современном русском языке // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. № 55. С. 106–110.
25. Бязырова 2014 – Бязырова В. Под чужим именем // Псевдонимы в осетинской литературе. Осетия-Квайса. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://osetia.kvaisa.ru/1-rubriki/09-interesnoe-chtivo/pod-chuzhim-imenem/> (дата обращения: 07.07.2024).

26. Васильев 1971 – Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. № 5. С. 105–113.
27. Васильева 1958 – Васильева С.А. К вопросу о природе отрицания // Труды Ленинградского технологического института пищевой промышленности. Сборник статей. Л.: Издательство Ленинградского института, 1958. С. 149–172.
28. Витгенштейн 1994 – Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. I. М.: Издательство «Гнозис», 1994. 612 с.
29. Вольпер 1965 – Вольпер И.Н. Псевдонимы В.И. Ленина. Л.: Лениздат, 1965. 111 с.
30. Гаврилова, Каримуллина 2019 – Гаврилова И.Д., Каримуллина Р.Н. Особенности употребления онимов в произведениях русских писателей-фантастов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. XII. Выпуск VIII. С. 125–128.
31. Гак 1977 – Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (На материале французского и русского языков). М.: Международные отношения, 1977. 264 с.
32. Герцен 2011 – Герцен А. «Полярная звезда». 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://alexherzen.ru/izdatelskaya-deyatelnost/polyarnaya-zvezda> (дата обращения: 07.07.2024).
33. Гетманова 1973 – Гетманова А.Д. Отрицание в системах формальной

- логики. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. М.: Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина, 1973. 139 с.
34. Гоголь 1952 – Гоголь Н.В. Женитьба // Гоголь Н.В. Собрание сочинение в шести томах. Т. 4. Драматические произведения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. 464 с.
35. Голев 2012 – Голев Н.Д. Статус и место асемантических элементов в морфодеривационной структуре слова. Статья 2. Системно-структурный, функциональный и генетический факторы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4-1. С. 205–211.
36. Голев 2024 – Голев Н.Д. Антиномии русской морфологии: коммуникативное vs когнитивное; синтагматическое vs номинативное // СибСкрипт. 2024. Т. 26. № 1 (101). С. 94–107.
37. Говоруха-Отрок 2024 – Говоруха-Отрок Ю. Биография. Электронный архив людей. 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://people-archive.ru/character/uriy-govoruha-otrok> (дата обращения: 07.07.2024).
38. Голомидова 1998 – Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Екатеринбург: Уральский

- государственный педагогический университет, 1998. 232 с.
39. Гридина, Коновалова 2017 – Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Псевдоним как форма самопрезентации журналиста в российской региональной газетной прессе конца XIX – начала XX в. // Вопросы ономастики. 2017. Т. XIV. №. 2. С. 126–142.
40. Гришаева 2004 – Гришаева Л.И. Прецедентные феномены как культурные скрепы: (К типологии прецедентных феноменов) // Феномен прецедентности и преемственность культур. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. С. 15–46.
41. Демидова 2017 – Демидова О.Р. Литературный псевдоним как феномен культуры // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2017. № 26. С. 122–136.
42. Дмитриев 1980 – Дмитриев В.Г. Скрывшие свое имя. М.: Наука, 1980. 312 с.
43. Дорошевич 1916 – Дорошевич В.М. Русское слово // Воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 1916. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/d/doroshewich_w_m/text_1916_russkoe_slovo.shtml (дата обращения: 07.07.2024).
44. Жуковский 1960 – Жуковский В.А. Собрание сочинений в 4 т. М., Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. Т. IV. Одиссея. Художественная проза. Критические статьи. Письма. 783 с.

45. Журавлев 2005 – Журавлев А.Ф. К статистике русских фамилий // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 126–146.
46. Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997 – Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1997. Выпуск I. С. 82–103.
47. Зигварт 1909 – Зигварт Х. Логика. Т. II. Выпуск. II. Учение о методе. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза» и книжного склада «Провинция», 1909. 368 с.
48. Зиновьева 2003 – Зиновьева Е.И. Понятие «поля» в лингвометодических исследованиях // XXXII международная филологическая конференция. 2003. Вып. 15. С.108–112.
49. Золотова 1973 – Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.
50. Иванов 2021 – Иванов А.А. Черносотенный террор в оценках и трактовках лидера Союза русского народа Н.Е. Маркова // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 181–191.
51. Ильенкова 2023 – Ильенкова Е.А. К вопросу об определении понятия «комический эффект» // LXXVI Герценовские чтения. иностранные языки. Сборник научных статей международной научной конференции. СПб.: Российский государственный педагогический

- университет им. А.И. Герцена, 2023. С. 115–119.
52. Исаков 1987 – Исаков С. Профессор Хельсинкского университета К.И. Арабажин. Очерк жизни и деятельности. Русские Латвии. 1987. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.russkije.lv/ru/pub/read/isakov-arabazhyn/> (дата обращения: 07.07.2024).
53. Калинин 2017 – Калинин В.М. Знакомьтесь: поэтонимология // Вестник Тамбовского университета. Серия филологические науки и культурология. 2017. Т. III. № 1 (9). С. 10–17.
54. Караулов 1972 – Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. 1972. № 1. С. 57–68.
55. Караулов 1976 – Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 354 с.
56. Колмаков, Романов 2016 – Колмаков Ю.П., Романов Н.С. Летопись Романова. Иркипедия. 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://irkipedia.ru/content/1908_iyul (дата обращения: 07.07.2024).
57. Кочерган 2004 – Кочерган М.П. Вступ до мовознавства: підручник. Київ: Академія, 2004. 368 с.
58. Кочнова 2015 – Кочнова К.А. Дифференциация понятия «лексико-семантическое поле» в рамках изучения языковой картины мира // Филология и литературоведение. 2015. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.snauka.ru/2015/05/1370> (дата обращения:

- 07.07.2024).
59. Кошелев 2005 – Кошелев В.А. «Человек без селезёнки» // Первое сентября. 2005. № 16. [Электронный ресурс]. URL: <https://lit.lsept.ru/article.php?ID=200501608> (дата обращения: 24.02.2026).
60. Кравченко 2019 – Кравченко Ю.В. Псевдонимы русских писателей XIX–XX вв. как лингвокультурные образования: выпускная квалификационная работа. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2019. 120 с.
61. Красных 1998 – Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М.: Издательство АО «Диалог-МГУ», 1998. 350 с.
62. Кузнецов 1990 – Кузнецов А.М. Поле. // ЛЭС. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
63. Кузнецова 1989 – Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 216 с.
64. Куссе 2021 – Куссе Х. Коммуникация в эпоху протестов. Берлин; Берн; Брюссель; Нью-Йорк; Оксфорд; Варшава; Вена: Peter Lang, 2021. 232 с.
65. Ленин 1969 – Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. XXIX. М.: Издательство политической литературы, 1969. 782 с.

66. Ли Ян 2023 – Ли Ян. Лексико-семантическое поле «межличностное общение в Интернете» в современном русском языке (на фоне китайского языка). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2023. 182 с.
67. Лобан 2016 – Лобан Т.В. Прецедентный феномен как объект исследования // Веснік МДПУ імя І.П. Шамякіна. №2(48). Філагічныя навукі. 2016. С. 117–123.
68. Лопатин 2009 – Лопатин В.В. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. М.: АСТ, 2009. 432 с.
69. Магазеева 2000 – Магазеева Е.А. Семантическое описание предметного слова: (словарные дефиниции областного словаря на фоне данных диалектной речи): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Псков: Псковский государственный педагогический институт им. С.М. Кирова, 2000. 21 с.
70. Малышев 2019 – Малышев В. Пророчества Василия Розанова к 100-летию со дня смерти выдающегося русского религиозного философа. Столетия. 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://www.stoletie.ru/kultura/prorochestva_vasilija_rozanova_402.htm?ysclid=lucl47b91i166751792 (дата обращения: 07.07.2024).

71. Маркс, Энгельс 1960 – Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. XXIII. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. 907 с.
72. Мечковская 1996 – Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М.: Аспент пресс, 1996. 207 с.
73. Милосердова 2012 – Милосердова О.С. Эволюция исследований лингвистической категории отрицания // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 11 (045). С. 313–317.
74. Мифтахов 2017 – Мифтахов И.Ф. Медицинские псевдонимы А.П. Чехова как отражение его врачебной деятельности // Отечественная литература как фактор сохранения русской идентичности в глобальном мире. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2017. С. 118–123.
75. Москалева 2009 – Москалева Е.В. Психолингвистический анализ выражения отрицания аффиксами в английских и русских неологизмах // Логический анализ языка. Сборник статей. М.: Издательство «Индрик», 2009. С. 44–52.
76. Мочалкина 2004 – Мочалкина, К.С. Псевдонимы в системе современной русской антропонимии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 2004. 184 с.

77. Мюллер 1967 – Мюллер Г. Лингвистическая статистика и структура языковых полей // Методика преподавания иностранных языков за рубежом. 1967. С. 351–361.
78. Набирухина 1990 – Набирухина А.В. Лексико-семантическое поле "pleasure" в современном английском языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л.: Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственный университет, 1990. 16 с.
79. Назарова, Золотарев 2015 – Назарова Р.З., Золотарев М.В. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 17–23.
80. Никитин 1983 – Никитин Е.Н. Добрая память И.Ф. Масанова // Библиотекарь. 1983. № 2. С. 48–51.
81. Никитин 1992 – Никитин Е.Н. К истории создания «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова // Книга. Исследования и материалы. Сборник 64. М.: Издательство «Книжная палата», 1992. С. 90–98.
82. Никитин 2019 – Никитин Е.Н. Подвиг библиографа (к 145-летию И.Ф. Масанова) // Библиография и книговедение. 2019. № 4 (423). С. 105–111.

83. Никонов 1974 – Никонов В.А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 278 с.
84. Нимчук 1996 – Нимчук В.В. Ономастическая терминология // Сообщения ономастической комиссии. Сборник статей. Киев: Наукова думка, 1996. С. 24–43.
85. Новиков 1982 – Новиков Л.А. Семантика русского языка: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.
86. Норман 2006 – Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М.: Издательство «Флинта», Издательство «Наука», 2006. 344 с.
87. Нуреев 2010 – Нуреев Ю.И. Микрополя совокупности и сингулятивности в структуре функционально-семантического поля количественности современного русского языка // Вестник Университета Российской академии образования. 2010. № 1. С. 39–42.
88. Озерова 1978 – Озерова Н.Г. Средства выражения отрицания в русском и украинском языках. Киев: Наукова думка, 1978. 117 с.
89. Осьмухина 2009 – Осьмухина О.Ю. Авторская маска в русской прозе 1760 – 1830-х гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Саранск: Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева, 2009. 495 с.
90. Падучева 2005 – Падучева Е.В. Соответствие «смысл – текст» в исторической перспективе // Восток – Запад: Вторая международная конференция по модели «Смысл — Текст». Сборник статей. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 330–347.

91. Падучева 2013 – Падучева Е.В. Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры, 2013. 304 с.
92. Падучева 2016 – Падучева Е.В. Модальность. Русская корпусная грамматика. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.ru/%D0%9C%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 10.10.2023).
93. Панарина 2018 – Панарина Н.С. Изменение функций онимов в интернет-коммуникации // Этнопсихоллингвистика. 2018. № 1. С. 265–291.
94. Перепелкин 2015 – Перепелкин А.М. Бунт Александра Неверова // Самарская газета. 2015. 15 окт. С. 11.
95. Перминов 1967 – Перминов Г.Ф. Тургенев о Н.А. Добролюбове. Неизвестный фельетон-пародия Тургенева в «Искре» // Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Т. III. Л.: Издательство «Наука», 1967. С. 106–118.
96. Петрова 2020 – Петрова Е.В. Сущностные характеристики прецедентных феноменов: от шаблонности до многоаспектности // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2020. Т. XXX, вып. 3. С. 417–420.
97. Петрс 2020 – Петрс А.Л. Литературная мистификация: к проблеме термина // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2020. № 197. С. 210–219.

98. Петрухина 2024 – Петрухина Е.В. Когнитивный потенциал интернациональных префиксов и префиксоидов: воздействие на русскую языковую картину мира // Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке. Коллективная монография. Отв. ред. Е.В. Петрухина, В.И. Теркулов, О.Ю. Крючкова. М.: Издательство Московского университета, 2024. С. 128–135.
99. Пешковский 1956 – Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956. 543 с.
100. Покровский 1959 – Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 382 с.
101. Полевые структуры в системе языка: коллективная монография // под ред. проф. З.Д. Поповой. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1989. 197 с.
102. Попова, Стернин 2011 – Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания). М.: URSS, Книжный дом «Либроком», 2011. 172 с.
103. Прокопьева 2011 – Прокопьева О.В. Структура псевдонимов // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 278–280.
104. Прокофьева 2002 – Прокофьева О.А.

- Функционально-семантические особенности категории отрицания в современном английском языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2002. 16 с.
105. Рагозина 2009 – Рагозина И.Ф. Отрицание и опровержение // Логический анализ языка. Ассерция и негация. Сборник статей. М.: Издательство «Индрик», 2009. С. 75–88.
106. Радбиль 2009 – Радбиль Т.Б. «Онтологизация негации» как аномалия языковой картины // Логический анализ языка. Ассерция и негация. Сборник статей. М.: Издательство «Индрик», 2009. С. 89–102.
107. Рахимов 1973 – Рахимов С.О. О месте единиц категории отрицания в системе языка на материале некоторых индоевропейских и тюркских языков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза, 1973. 20 с.
108. Ревзина 1969 – Ревзина О.Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. М.: Издательство Московского университета, 1969. 154 с.
109. Реформатский 1963 – Реформатский А.А. Псевдонимы // Семья

- и школа. 1963. № 6. С. 43.
110. Родионова 2014 – Родионова Л.З. К вопросу о категории отрицания в современном английском языке // Современные коммуникации: Язык. Человек. Общество. Культура. Сборник статей. Екатеринбург: ООО "Издательство УМЦ УПИ", 2014. С. 72–77.
111. Родченко 2012 – Родченко Ю.И. «Тартюф» Ж.Б. Мольера в театральных рецензиях томской периодики конца XIX – начала XX в. (на материале «Сибирского вестника» и «Сибирской жизни») // Вестник томского государственного университета. 2012. № 362. С. 20–23.
112. Русакова 2013 – Русакова О.В. Аффиксоиды в деривационной системе русского языка: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Орел, 2013. 25 с.
113. Русская разговорная речь (Фонетика. Морфология. Лексика. Жест): коллективная монография. Ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1983. 234 с.
114. Савельев 2022 – Савельев В.С. Красов, Некрасов и Не-Некрасов // Карабахские научные чтения. После юбилея: Новые перспективы изучения Н.А. Некрасова и его эпохи. Сборник материалов научно-практической конференции. Ярославль: ООО «Академия 76», 2022. С. 168–172.
115. Савельев 2023 – Савельев В.С. Псевдонимы, включающие

- церковнославянские названия букв кириллицы: структура и способы образования (Статья 2) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2023. № 3. С. 21–33.
116. Санников 2002 – Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки Славянской Культуры, 2002. 547 с.
117. Семенова 2025 – Семенова О.Ф. Стратегический потенциал аргументации в непрототипической коммуникативной ситуации критики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2025. 239 с.
118. Сепир 1993 – Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, Универс, 1993. 654 с.
119. Слюсарева 1973 – Слюсарева Н.А. Проблемы лингвистической семантики // Вопросы языкознания. 1973. № 5. С. 13–23.
120. Соколов 2008 – Соколов М.П. Прагматический и семантический аспекты отрицательного высказывания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. Выпуск LXI. С. 248–252.
121. Соловьева 2018 – Соловьева В.И. Отрицание как лексико-грамматическая категория в современном английском языке (на материале произведений С. Шелдона): выпускная квалификационная работа. Белгород: Белгородский государственный

- национальный исследовательский университет, 2018. 52 с.
122. Соссюр 1999 – Соссюр Ф. Де Курс общей лингвистики. под ред. Ш. Балли, А. Сеше, пер. с фр. А. Сухотина. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. 425 с.
123. Степанов 1975 – Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. 271 с.
124. Степанов 1981 – Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). М.: Наука, 1981. 360 с.
125. Степанова 2008 – Степанова Т.В. Категория отрицания в морфемной структуре слова (на материале диалектной речи). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2008. 295 с.
126. Стручева, Шапошников 2005 – Стручева М.А., Шапошников К.А. Иван Филиппович Масанов: библиография // Библиография. 2005. № 5. С. 63–67.
127. Судаков 1991 – Судаков Г.В. Критерии выделения и особенности организации лексических групп // Лексические группы в русском языке XI–XVII вв. Сборник статей. М.: Академия наук СССР, Институт русского языка, 1991. С. 23–33.
128. Суперанская 1973 – Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.

129. Суперанская, Сулова 1981 – Суперанская А.В., Сулова А.В. Современные русские фамилии. М.: Наука, 1981. 176 с.
130. Супрун 2012 – Супрун В.И. Художественно-эстетический потенциал ономастического поля русского языка // Лингвистика на рубеже веков: актуальные проблемы и новые подходы. Коллективная монография. Т. II. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ "Перемена", 2012. С. 4–59.
131. Сулова, Суперанская 1991 – Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. М.: Лениздат, 1991. 220 с.
132. Сухомлинов 1855 – Сухомлинов М.И. О псевдонимах в древней русской словесности. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1855. 64 с.
133. Сухоруков 2014 – Сухоруков К.М. Тот самый Масанов // Библиография. 2014. № 6. С. 48–57.
134. Тарасова 2000 – Тарасова А.А. Н.Д. Красову (Некрасову) // М. Горький. Полное собрание сочинений. Письма в двадцати четырех томах. Т. VI. М.: Наука, 2000. 623 с.
135. Тихонов 1994 – Тихонов А.Н. Границы и структура лексико-семантического поля // Теория поля в современном языкознании. Тезисы докладов научно-теоретического семинара. Уфа, 1994. Часть III. С. 3–7.
136. Толстой 1971 – Толстой Н.И. Не – не "не" // Фонетика.

- Фонология. Грамматика. К 70-летию А.А. Реформатского. Сборник статей. М.: Наука, 1971. С. 282–287.
137. Труб 1990 – Труб В.М. К проблеме функционального сходства нейтрального и контрастивного отрицания // Логический анализ языка. Сборник статей. М.: Индрик, 1990. С. 303–314.
138. Труб 1994 – Труб В.М. О коммуникативных аспектах отрицания как негативной оценке истинности // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 44–61.
139. Труб 2005 – Труб В.М. Противопоставительная структура как средство семантической интерпретации отрицания // Восток – Запад: Вторая международная конференция по модели «Смысл – Текст». Сборник статей. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 486–497.
140. Труб 2009 – Труб В.М. Отрицание как негативная оценка истинности // Логический анализ языка. Ассерция и негация. Сборник статей. М.: Издательство «Индрик», 2009. С. 256–270.
141. Улуханов 2008 – Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. Издание 2-е, испр. и доп. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 232 с.
142. Унбегаун 1989 – Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. 444 с.
143. Уфимцева 1962 – Уфимцева А.А. К вопросу о лексико-семантической системе языка // Вопросы языкознания. 1962.

- № 4. С. 36–46.
144. Уфимцева 1968 – Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М.: Наука, 1968. 272 с.
145. Фуникова 2014 – Фуникова С.В. Структурные особенности русских фамилий с формантами на *-ов / -ев* и *-ин* // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 13 (184). Выпуск XXII. С. 45–51.
146. Хазанова 2018 – Хазанова А.А. Функционально-коммуникативный анализ русских отрицательных наречий в лингводидактическом аспекте. Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. М.: Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, 2018. 318 с.
147. Холодных 2017 – Холодных Г.В. Псевдонимы русского зарубежья: новые имена // Библиография. 2017. № 3. С.151–152.
148. Цзян Нань 2022 – Цзян Нань. Лексико-семантическое поле «город» в современном русском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, 2022. 288 с.
149. Черниченко 2017 – Черниченко Ю.В. Способы выражения отрицания в современном английском языке. Выпускная квалификационная работа. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2017. 77 с.

150. Шатилова 2007 – Шатилова Л.М. Проблема отрицания в современной лингвистике // Перспективные разработки науки и техники: материалы II Международной научно-практической конференции. 2007. С. 80–82.
151. Шевченко 2017 – Шевченко А.Н. Особенности антропонимов в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // Крымский академический вестник. 2017. № 4. С. 259–264.
152. Шелест 2022 – Шелест Т.А. Понятие антропонима как лексической единицы // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. Симферополь: Индивидуальный предприниматель Корниенко Андрей Анатольевич, 2022. С. 273–277.
153. Шепелюк 2017 – Шепелюк А.А. Реализация категории отрицания при переводе с английского языка на русский: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2017. 26 с.
154. Шмелев 1973 – Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 280 с.
155. Шрамм 1974 – Шрамм А.Н. Принципы семантической классификации качественных прилагательных в русском языке //

- Вопросы семантики. Сборник статей. Выпуск I. Л.: Ленинградский государственный университет, 1974. С. 3–17.
156. Шрамм 1976 – Шрамм А.Н. Семантическая классификация качественных прилагательных // Вопросы семантики. Сборник статей. Выпуск II. Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1976. С. 27–45.
157. Шрамм 1979 – Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1979. 134 с.
158. Шруба, Коростелев 2016 – Шруба М., Коростелев О. Псевдонимы русского зарубежья. Материалы и исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 652 с.
159. Щербак 2008 – Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2008. 452 с.
160. Щур 1974 – Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. 255 с.
161. Яковенко 2016 – Яковенко М.В. Имена, фамилии, топонимы как база для создания псевдонимов // Восточнославянская филология. Языкознание. 2016. № 3 (29). С. 231–238.

162. Янценецкая 1985 – Янценецкая М.Н. Обобщенно-мотивационное значение в семантической структуре словообразовательного типа // Вопросы словообразования в индоевропейских языках: форма и значение. Сборник статей. Томск: Издательство Томского университета, 1985. С. 3–30.
163. Ярцева 1976 – Ярцева В.Н. Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. 377 с.
164. Ipsen 1924 – Ipsen G. Der Alte Orient und die Indogermanen. // Festschrift für W. Streitberg. Heidelberg, 1924. Pp. 30–45.
165. Trier 1932 – Trier J. Sprachliche Leiden. Berlin: Zeitschrift für deutsche Bildung, 1932. 427 p.

Приложение 1. Основной список негатонимов из «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова с указанием источников

№	Негатоним	Источник
1	Абеляр без Элоизы	«Абеляр без Элоизы = Конст. Арс. Михайлов Ист.: сбщ. автора» [Масанов 1956: 84]
2	Аз и Не-Аз	«Аз и Не-Аз = Иппол. Фед. Василевский (Буква) "Стрек." 1876» [Масанов 1956: 89]
3	Аз из «Стрекозы», не имеющий ничего общего с «Азом», непомнящим родства из «Мирского Толка»	«Аз из "Стрекозы", не имеющий ничего общего с "Азом", непомнящим родства из "Мирского Толка" = Иппол. Фед. Василевский (Буква) "Стрек." 1879, № 7» [Масанов 1956: 89]
4	Безвестный, Александр	«Безвестный, Александр = Ал-др З. Эттинген Ист.: "Кн. Лет." 1909, 3161, 20778» [Масанов 1956: 150]
5	Безвестный, П.	«Безвестный, П. = Ал-др Вас. Дружинин "Р. В." 1863, № 8. Ист.: Быков, 363 [без иниц. П.]» [Масанов 1956: 150]

6	Безгласный	«Безгласный = Влад Фед. Одоевский "Б-ка д. Чт." 1834 –36; "Лит. приб. к Р. Инвалиду" 1837; "Моск. Наблюд." 1835-36; "Отеч. Зап." 1839; "Б-ка д. Дач." 1855; – Пестрые сказки с красным словцом. Спб. 1833. Ист.: Ольхин, 223; отд. II, 29; Геннади, Слов., I, 75; III, 60» [Масанов 1956: 150]
7	Безгласный	«Безгласный = Пав. Лукьян. Яковлев Ист.: "Звенья", VI, 101» [Масанов 1956: 150]
8	Безгласный, В.	«Безгласный, В. = Влад Фед. Одоевский "Б-ка д. Чт." 1834 –36; "Лит. приб. к Р. Инвалиду" 1837; "Моск. Наблюд." 1835-36; "Отеч. Зап." 1839; "Б-ка д. Дач." 1855; – Пестрые сказки с красным словцом. Спб. 1833. Ист.: Ольхин, 223; отд. II, 29; Геннади, Слов., I, 75; III, 60» [Масанов 1956: 150]
9	Бездольный	«Бездольный = Берсенев Д.-вост. газеты; – Сборник стихов, около 1914 г. Ист.: сбщ. Н.В. Здобно» [Масанов 1956: 150]
10	Бездольный	«Бездольный = Бор. Григ. Имас Ист.: Катал. МОДП 1916, доп. II, 15, 28. 30, 31» [Масанов 1956: 150]

11	Бездольный, Андрей	«Бездольный, Андрей = Андр. Стюнин Ист.: Заволокин, 95» [Масанов 1956: 150]
12	Бездольный, Ив.	«Бездольный, Ив. = И.Э. Янкевич-Сапега Ист.: Спис. изд. 1903, 43» [Масанов 1956: 150]
13	Бездольный, Иван	«Бездольный, Иван = Игн. Ник. Потапенко Песни и думы. 1881» [Масанов 1956: 150]
14	Бездольный, И. С.	«Бездольный, И. С. = И. С. Ходоровский Ист.: "Кн. Лет." 1914, 24993-98» [Масанов 1956: 150]
15	Бездольный, Никола	«Бездольный, Никола = Ник. Лук. Пушкарев "Буд." 1871. Ист.: ИРЛИ» [Масанов 1956: 150]
16	Бездольный, Сергей	«Бездольный, Сергей = Н. Д. Котельников Ист.: Спис. изд. 1905, 4, 84» [Масанов 1956: 150]
17	Бездомный	«Бездомный = Ник. Ив. Пастухов "Р. Вед." 1866: Моск, заметки» [Масанов 1956: 150]
18	Бездомный, Борис	«Бездомный, Борис = Бор. Льв. Карелин "Харьк. Рабоч."; "Кр. Знамя"; "Лит. Газ." и отд. изд. 1930-х гг. Ист.: сбщ. С. П. Чмелев» [Масанов 1956: 150]
19	Бездомный, Е.	«Бездомный, Е. = Евсей Ив. Уланов "Ниж. Лист."; "Самар. Газ." и др. Ист.: Чешихин, I,

		49» [Масанов 1956: 150]
20	Бездомный, Евстигней	«Бездомный, Евстигней = Евсей Ив. Уланов "Ниж. Лист."; "Самар. Газ." и др. Ист.: Чешихин, I, 49» [Масанов 1956: 150]
21	Бездомный скиталец Еремей Байгуш	«Бездомный скиталец Еремей Байгуш = Ал-др Тим. Рончевский Статьи по медицине» [Масанов 1956: 150]
22	Бездомный, Степан	«Бездомный, Степан – см.: Крестьянин Степан Бездомный (Крестьянин Степан Бездомный = Мих. Дм. Покидов Ист.: Катал. МОДП 1925, доп. IV)» [Масанов 1956: 150]
23	Безземельный	«Безземельный = Ал. Устинов "Соц-Рев." (Гельсингфорс) 1917. Ист.: Dumesnil, 207» [Масанов 1956: 150]
24	Безкозырный, Евстафий	«Безкозырный, Евстафий = Е. Горский "Искра" 1861, №№ 15, 34, 36, 46. Ист.: сбщ. П. В. Быков» [Масанов 1956: 150]
25	Безкопытный Степан	«Безкопытный Степан = Петр Исаев. Вейнберг [?] "Искра" 1860 №№ 17, 19, 21-22, 29, 31; 1861, № 7. Ист.: Архив Венгерова [ошиб.: Степ. Безкорыстный, без указ, издания]» [Масанов 1956: 150]

26	Безлошадный, Антон	«Безлошадный, Антон = Ал-др Григ. Архангельский "Лапоть" 1928-29. Ист.: сбщ. автора» [Масанов 1956: 150]
27	Безответный редактор А. Иванович	«Безответный редактор А. Иванович = Ал-др Ив. Гомолицкий "Веселая Кафедра" 1909. Ист.: см. "Иванович, А."» [Масанов 1956: 150]
28	Безответный редактор Майор Бомба	«Безответный редактор Майор Бомба = Ив. Андр. Вашков "Развл." 1880» [Масанов 1956: 150]
29	Безответный редактор Отставной майор Тарах Бомба	«Безответный редактор Отставной майор Тарах Бомба = Ив. Андр. Вашков "Развл." 1881, № 3» [Масанов 1956: 150]
30	Безпартийный	«Безпартийный = Ал-др Ал-др. Пороховщиков Накануне. Спб. 1911; Задачи имущим совесть. В. П. "Опрощение", Спб. 1911. Ист.: "Кн. Лет." 1909, 16176; 1911, 12663» [Масанов 1956: 150]
31	Безпечальный, Иван	«Безпечальный, Иван = Фил. Диомид. Нефедов "Спб. Вед." 1860-х гг.;

		"Буд." 1869-70; "Ремесл. Газ." 1876. Ист.: Смирнов, 372» [Масанов 1956: 150]
32	Безпокойный	«Безпокойный = Мих. Ив. Рассудов "Бак. Изв."; "Полтав. В."; "Бирж. Вед."; "Астрах. В." 1900-1910-х гг. и др. Ист.: "Театр и Искус." 1902, № 14 (в ст. автора: История одной корресп.); "Театр. Газ." 1916, № 1 (корр. из Екат-слава)» [Масанов 1956: 150]
33	Безпристрастный	«Безпристрастный = Евг. Ив. Богославский Ист.: Архив Венгерова» [Масанов 1956: 150]
34	Безпристрастный	«Безпристрастный = Влас. Мих. Дорошевич "Р. Слово" 1903, № 158. Ист.: Архив "Р. Слова"» [Масанов 1956: 151]
35	Безприютный Странник	«Безприютный Странник = Фил. Диом. Нефедов "Спб. Вед." 1874-76. Ист.: Смирнов, 372» [Масанов 1956: 151]
36	Безпросветный, Сергей	«Безпросветный, Сергей = Серг. Руденко "Девятый Вал" 1906» [Масанов 1956: 151]
37	Безпутный гений	«Безпутный гений = Пав. Евг. Симонов "Буд." 1890-1900-х гг.; "Заноза" 1891; "Шуг" 1895. Ист.: Карц. и Маз., 17» [Масанов 1956: 151]
38	Безпятый	«Безпятый = Фил. Степ. Шкулев "Нар. Рожок"

		1910» [Масанов 1956: 151]
39	Безработная, Пелагея	«Безработная, Пелагея = Влад. Ник. Вентцель "ЛГ Раб." 1926-27. Ист.: сбщ. Л. А. Гринберг со слов автора» [Масанов 1956: 151]
40	Безработный	«Безработный = Дм. Зах. Мануильский "На Темы Дня" 1912; "Голос" 1914; "Наше Слово" 1907-16; "Вперед" (Женева) 1915-17; "Пролетарий" 1917; – Правда об июльских днях. Пг. 1917; Две революции. Пг. 1918. Ист.: Ленин, Соч., изд. 3. XXIV, 856; "Ленин сб.", II, 225; XI, 178; "Прол. Рев." 1923, № 10 (22), 102» [Масанов 1956: 151]
41	Безработный, И	«Безработный, И = Дм. Зах. Мануильский "На Темы Дня" 1912; "Голос" 1914; "Наше Слово" 1907-16; "Вперед" (Женева) 1915-17; "Пролетарий" 1917; – Правда об июльских днях. Пг. 1917; Две революции. Пг. 1918. Ист.: Ленин, Соч., изд. 3. XXIV, 856; "Ленин сб.", II, 225; XI, 178; "Прол. Рев." 1923, № 10 (22), 102» [Масанов 1956: 151]
42	Безработный, Иван	«Безработный, Иван = Дм. Зах. Мануильский "На Темы Дня" 1912; "Голос" 1914; "Наше

		Слово" 1907-16; "Вперед" (Женева) 1915-17; "Пролетарий" 1917; – Правда об июльских днях. Пг. 1917; Две революции. Пг. 1918. Ист.: Ленин, Соч., изд. 3. XXIV, 856; "Ленин сб.", II, 225; XI, 178; "Прол. Рев." 1923, № 10 (22), 102» [Масанов 1956: 151]
43	Безродная, Ю.	«Безродная, Ю. = Юлия Ив. Яковлева "Р. Мысль" 1882, 1891; "Ежен. Обозр." 1887; "Сев. В." 1887; "Р. Богат." 1888-1909; "Артист" 1894; "В. Европы" 1894; "Мир. Божий" 1897-98; "Русь" 1903-08; "Р. Вед." 1906; "Нов. Слово"; "Спб. Вед."; "Сарат. Дневн."; "Юг"; – Офорты. Повести, этюды, сказки. Спб. 1892; Звери и люди. I. Великодушный Голиаф. М. 1895; Малым ребятам. Рассказы и стихи. М. 1896; Гордиев узел. Спб. 1899; Сестры. Повесть. Спб. 1901; Жемчужное ожерелье. Спб. 1902; В избе. Рассказ. 1905. Ист.: Пономарев, Писательницы, 27, 75» [Масанов 1956: 151]
44	Безродная, Юлия	«Безродная, Юлия = Юлия Ив. Яковлева "Р. Мысль" 1882, 1891; "Ежен. Обозр." 1887;

		<p>"Сев. В." 1887; "Р. Богат." 1888-1909; "Артист" 1894; "В. Европы" 1894; "Мир. Божий" 1897-98; "Русь" 1903-08; "Р. Вед." 1906; "Нов. Слово"; "Спб. Вед."; "Сарат. Дневн."; "Юг"; – Офорты. Повести, этюды, сказки. Спб. 1892; Звери и люди. I. Великодушный Голиаф. М. 1895; Малым ребятам. Рассказы и стихи. М. 1896; Гордиев узел. Спб. 1899; Сестры. Повесть. Спб. 1901; Жемчужное ожерелье. Спб. 1902; В избе. Рассказ. 1905. Ист.: Пономарев, Писательницы, 27, 75» [Масанов 1956: 151]</p>
45	Безродный	<p>«Безродный = Ник. Андриан. Попов "Р. Богат."; "В. Сотрудника". Ист.: сбщ. Н. Н. Столов» [Масанов 1956: 151]</p>
46	Безродный	<p>«Безродный = Вас. Вас. Розанов "Гражданин" 1900, №№ 2, 4, 7, 9. Ист.: Цветков» [Масанов 1956: 151]</p>
47	Безродный, А.	<p>«Безродный, А. = Ал-сей Вас. Гертопан Ткачи. Повесть из жизни русских ткачей. Спб. 1903; 1906. Ист.: "Изв. Вольфа" 1909, № 3, 59; "Прол. Рев.", 1925, № 6 (41), 219</p>

		(А. Катанская); Деятели рев. движ., V, в. II, 1224» [Масанов 1956: 151]
48	Безродный, А. В.	«Безродный, А. В. = Н. В. Шаломытов "Ист. В." 1902-04. Ист.: Ченцов, 242» [Масанов 1956: 151]
49	Безродный, Антон	«Безродный, Антон = Сав. Григ. Утков Сиб. журн. и газеты. Ист.: сбщ. И. А. Назаров» [Масанов 1956: 151]
50	Безрукий	«Безрукий = Фил. Степ. Шкулев "Гроза" 1908» [Масанов 1956: 151]
51	Безрукий инвалид	«Безрукий инвалид = Ив. Никит. Скобелев Письмо из Бородина. М. 1838. Ист.: РБС, XVIII, 563 (Ив. Кубасов)» [Масанов 1956: 151]
52	Безрукий, Ф.	«Безрукий, Ф. = Фил. Степ. Шкулев "Гроза" 1908» [Масанов 1956: 151]
53	Безсмертный	«Безсмертный = Ник. Петр. Кичеев "Р. Сатир. Лист." 1889» [Масанов 1956: 151]
54	Безстрашный	«Безстрашный = Ал-др. Вас. Смирнов "Буд." 1879, № 30; "Ст. Владимирец" 1917, № 3. Ист.: Смирнов, 372» [Масанов 1956: 151]
55	Безталанный, М.	«Безталанный, М. = Мих. Ив. Орешников

		Беллетристика. Ист.: Венгеров, Спис., II, 212; Архив Венгерова» [Масанов 1956: 151]
56	Безумный	«Безумный = Илья Вас. Селиванов "В. Европы"; – Повести безумного. М. 1834. Ист.: Архив Венгерова» [Масанов 1956: 151]
57	Безшабашный корреспондент	«Безшабашный корреспондент = Влас. Мих. Дорошевич "Буд." 1889, 1893; "Развл." 1880-х гг» [Масанов 1956: 151]
58	Безшабашный корреспондент «Будильника»	«Безшабашный корреспондент "Будильника" = Влас. Мих. Дорошевич "Буд." 1889, 1893; "Развл." 1880-х гг» [Масанов 1956: 151]
59	Безшабашный корреспондент «Будильника» Wlas	«Безшабашный корреспондент "Будильника" Wlas = Влас. Мих. Дорошевич "Буд." 1889, 1893; "Развл." 1880-х гг» [Масанов 1956: 151]
60	Безшабашный корреспондент Wlas	«Безшабашный корреспондент Wlas = Влас. Мих. Дорошевич "Буд." 1889, 1893; "Развл." 1880-х гг» [Масанов 1956: 151]
61	Безшабашный скоропадент Wlas	«Безшабашный скоропадент Wlas = Влас. Мих. Дорошевич "Буд." 1889, 1893; "Развл." 1880-х гг» [Масанов 1956: 151]
62	Безыменный, С.	«Безыменный, С. = Ал-др Вас. Дружинин "Р.

		В." 1862, №№ 2, 3, 5-9. Ист.: Гербель, Дружинин, 597. В НЭСБ (XVI, 842). показ, ошиб. "Безымянный"» [Масанов 1956: 151]
63	Безымянный, А.	«Безымянный, А. = Ал-др Ильич Безыменский Юный Пролетарий. Омск, 1920. Ист.: Вл. Абрамкин и Ал. Дымшиц, Александр Безыменский 1920-1930. Л-М. 1931, 22» [Масанов 1956: 151]
64	Беспартийный пассажир Савелий Октябрьев	«Беспартийный пассажир Савелий Октябрьев = Бор. Григ. Самсонов "Крокодил" 1930-х гг.» [Масанов 1956: 158]
65	Беспартийный Савелий Октябрьев	«Беспартийный Савелий Октябрьев = Бор. Григ. Самсонов "Крокодил" 1930-х гг.» [Масанов 1956: 158]
66	Беспокойный, Степан	«Беспокойный, Степан = С. С. Шилов "Нерчинская Жизнь" 1908. Ист.: сбщ. Е. Д. Петряев» [Масанов 1960: 8]
67	Беспощадный	«Беспощадный = Пав. Григ. Иванов Ист.: ССП, 53» [Масанов 1956: 158]
68	Врач без пациентов	«Врач без пациентов = Ант. Павл. Чехов "Буд." 1885, № 39» [Масанов 1956: 254]

69	Всадник без головы	«Всадник без головы = Сем. Петр. Киснемский "Шут" 1897; "Развл." 1899, № 23. Ист.: Архив Венгерова» [Масанов 1956: 255]
70	Гомозейка-Безглас ный, Ириной Модестович	«Гомозейка-Безгласный, Ириной Модестович = Влад. Фед. Одоевский Отрывок из записок,, Спб. 1855. Ист.: Геннади, Слов., III, 61» [Масанов 1956: 297]
71	Горе-Богатырь	«Горе-Богатырь = Мих. Ксен. Савин "Развл." 1890-х гг.; "Балалайка" 1910 и 1918; "Рожок" 1910 и в др. Ист.: Альб. "Развл.". 7; "Балалайка" 1910, № 1» [Масанов 1956: 297]
72	Жорж не Сибиряк	«Жорж не Сибиряк = Георг. Никандр. Кгаевский Ист.: Венгерова, Спис., I, 361. В "Кн. Лет." (1907, 9225) автор указан с иниц. И. К.» [Масанов 1956: 379]
73	Жюль Неверный	«Жюль Неверный = К. К. Голохвастов Путешествие на луну купца Труболетова или сон в руку. С французско-нижего родского языка переводил К. К. Г – в. Спб. 1890, и М. 1905; Превращение Ивана Ивановича Пузанчикова в пуделя. Спб. 1890» [Масанов

		1956: 380]
74	Заштатный	«Заштатный = Влад. Мих. Каченовский "Развл." 1882, № 7. Ист.: Языков, XII, 101» [Масанов 1956: 391]
75	Заштатный поэт	«Заштатный поэт = Вас. Ал-др. Петров "Стрек." 1877. Ист.: Быков, 364» [Масанов 1956: 391]
76	Заштатный юморист	«Заштатный юморист = Григ. Евл. Благодетлов "Р. Слово" 1864, № 12. Ист.: "Дело" 1880, № 11 (некролог); Пономарев, 285» [Масанов 1956: 391]
77	К. без С.	«К. без С. = Ник. Ал-др. Фольбаум "Веч. Заря"; "Стол. Утро" 1907; "Нов. Заря" 1908; "Кимвал" 1908, № 1; "Буд." 1909 и др. Ист.: "Буд." 1909, № 8 и др. (спис. сотр.)» [Масанов 1957: 23]
78	Крылов и Не-Крылов	«Крылов и Не-Крылов = Ал-др Ал-сеев. Соколов "Стрек." 1899. Ист.: ИРЛИ» [Масанов 1957: 81]
79	Лжедмитрий	«Лжедмитрий = Дм. Ник. Семеновский "Пересмешник" 1917-18. Ист.: сбщ. А. Е. Ноздрин» [Масанов 1957: 121]

80	Микель Неанджело	«Микель Неанджело = Мих. Влад. Машков Ист.: сбщ. Л. С. Богданов» [Масанов 1957: 187]
81	Микель, но не Анджело	«Микель, но не Анджело = Мих. Влад. Машков Ист.: сбщ. Л. С. Богданов» [Масанов 1957: 187]
82	Не-Аз	«Не-Аз = Иппол. Фед. Василевский (Буква) "Стрек." 1880-х гг.» [Масанов 1957: 252]
83	Не артист	«Не артист = Вас. Феофаров "Перм. Край" 1901-1903. Ист.: "Сев. Край" 1903, № 197 (автор)» [Масанов 1957: 252]
84	Не-Архангельски й	«Не-Архангельский = Андрей Степ. Ладейщиков Ист.: Писатели Урала. Свердловск, 1954» [Масанов 1960: 16]
85	Не-Ашинов	«Не-Ашинов = Влас Мих. Дорошевич "Развл." 1889: Записки Ашинова» [Масанов 1957: 252]
86	Не-Б.	«Не-Б. = Илья Марк. Василевский (Не-Буква) "Овод" 1906; "Пчела" 1906; "Сатирикон" 1908; "Ж. Ж." 1917. Ист.: ИРЛИ» [Масанов 1957: 240]
87	Не-Белинский	«Не-Белинский = Леон. Леонт. Мищенко

		"Воздухоплавание" 1904-05. Ист.: Архив Венгерова» [Масанов 1957: 252]
88	Не-бесный	«Не-бесный = Серг. Аполл. Короткий Ист.: ИРЛИ» [Масанов 1957: 252]
89	Не-бессарабец	«Не-бессарабец = Вас. Як. Лучинский "Одес. Лист." Ист.: <i>ibid.</i> , 1901, № 206 (25-летие газетной работы); Мац., 546» [Масанов 1957: 252]
90	Не Бессарабец	«Не Бессарабец = Вас. Як. Лучинский "Одес. Лист." Ист.: <i>ibid.</i> , 1901, № 206 (25-летие газетной работы); Мац., 546» [Масанов 1957: 252]
91	Небогатый, И.	«Небогатый, И. = Иерих. Евс. Спивак и Фанни Вениам. Мрост Ист.: Спис. ЛОДП, 23» [Масанов 1957: 252]
92	Не-Буква	«Не-Буква = Илья Марк. Василевский "Аксиома" 1906; "Бич" 1906; "Булат" 1906; "Застрельщик" 1906; "Овод" 1906; "Пчела" 1906; "Ювенал" 1906; "Руль" 1908; "Сатирикон" 1908; "Веч. Голос" 1909; "Бирж. Вед." 1911; "Пг. Курьер" 1914-15; "Ж. Ж." 1915-17. Ист.: "Руль" 1903, № 6; Лит. Ежегод.

		1909, 206; ЭСГ, XI, 623» [Масанов 1957: 252]
93	Не-Буренин	«Не-Буренин = Ник. Афан. Соколов "Развл." 1890-х гг.; "Мефистоф." 1907» [Масанов 1957: 252]
94	Не-В.	«не-В. = Испол. Фед. Василевский "Стрек." 1889» [Масанов 1957: 240]
95	Невагнер и Негуно	«Невагнер и Негуно = Сим. Фед. Сабуров Ист.: Катал. МОДП, 120» [Масанов 1957: 252]
96	Не Вальтер Скотт, а Ланской	«Не Вальтер Скотт, а Ланской = Ал-др Ив. Виноградов "Стрек." 1878, № 47. Ист.: см. "Ланской, И"» [Масанов 1957: 252]
97	Не-ваш	«Не-ваш = Ник. Серг Русанов "Новости" 1879, янв. Ист.: Русанов, На родине. 1859-1889. М. [1931], 178» [Масанов 1957: 252]
98	Неведомый	«Неведомый = Ал-др Степ. Афанасьев "Вечерница" (Львов) 1868, №№ 5, 7; "Заря" (Львов) 1880, № 21. Ист.: Левицкий, II, 251, 344, 362, 676» [Масанов 1957: 252]
99	Не-Вересаев	«Не-Вересаев = Конст. Арс. Михайлов "Стрек." 1904-05. Ист.: сбщ. автор» [Масанов 1957: 252]

100	Неверный, А.	«Неверный, А. = Ал-др Иллар. Изюмов "Веч. Час."; "Пг. Эхо"; "Утро"; "Киев. Курьер" 1917-18. Ист.: сбщ. Л. А. Гринберг со слов автора» [Масанов 1957: 253]
101	Неверный, Фома	«Неверный, Фома = Богд. Степ. Боднарский "Нов. Мысль" 1906, № 55. Ист.: Архив Венгерова» [Масанов 1957: 253]
102	Неверный, Фома	«Неверный, Фома = Фил. Ив. Карпов "День" 1914, илл. прил. Ист.: Архив Венгерова» [Масанов 1957: 253]
103	Неверный, Фома	«Неверный, Фома = Григ. Ал-др. Немиров "Развл." 1868 и др. Ист.: "Изв. Вольфа" 1905, № 20, 21; Венгеров, Спис., II, 155» [Масанов 1957: 253]
104	Невеселый, А.	«Невеселый, А. = Ник. Ив. Кочкуров В тульск. изд. 1918-21 гг.» [Масанов 1957: 253]
105	Невидомый	«Невидомый = Ал-др Степ. Афанасьев "Основа" 1861, № 11-12; 1862, № 8. Ист.: Афанасьев, (X)» [Масанов 1957: 253]
106	Невозможный юморист	«Невозможный юморист = Н. Н. Лекторский Ист.: Спис. изд., 1902, 168; Венгеров, Спис., II, 30» [Масанов 1957: 253]

107	Невольник, В.	«Невольник, В. = Иллар. Сем. Ремезов "Самар. Газ."; "Сарат. Дневн." и отд. изд. Ист.: Архив Венгерова; Венгеров, Спис., II, 153; "Р. Книга" 1921, № 4, 22» [Масанов 1957: 253]
108	Невольник, Валер.	«Невольник, Валер. = Иллар. Сем. Ремезов "Самар. Газ."; "Сарат. Дневн." и отд. изд. Ист.: Архив Венгерова; Венгеров, Спис., II, 153; "Р. Книга" 1921, № 4, 22» [Масанов 1957: 253]
109	Невольник, Валериан	«Невольник, Валериан = Иллар. Сем. Ремезов "Самар. Газ."; "Сарат. Дневн." и отд. изд. Ист.: Архив Венгерова; Венгеров, Спис., II, 153; "Р. Книга" 1921, № 4, 22» [Масанов 1957: 253]
110	Невольный тифлисец	«Невольный тифлисец = Лев Мих. Медведев "Буд." 1887. Ист.: Карц. и Маз., 89» [Масанов 1957: 253]
111	Неволя	«Неволя = Савва Як. Дерунов "Буд." 1879-80. Ист.: Архив Венгерова; "Лит. В." 1904, кн. IV, 18» [Масанов 1957: 253]
112	Не-врач	«Не-врач = Корн. Адр. Дворжицкий "Судеб. Газ." 1903-04. Ист.: Архив Венгерова» [Масанов 1957: 253]
113	Не врач	«Не врач = Серг. Порф. Швецов "Степ. Край"

		1897, № 16. Ист.: "Сиб. Жив. Стар.", вып. VIII-IX, 262 (М. Азадовский)» [Масанов 1957: 253]
114	Невыносимый	«Невыносимый = Серг. Ив. Танеев Ист.: сбщ. С. П. Чмелев» [Масанов 1957: 254]
115	Не-Гарольд	«Не-Гарольд = Ем. Игн. Игнатъев "Киев. Слово" 1890-х гг. Ист.: "Киев. Мысль" 1909, № 124 (Яр-ич)» [Масанов 1957: 254]
116	Не-Гейне, а Трэмбач	«Не-Гейне, а Трэмбач = Ник. Адольф Гольденберг "Стрек." 1896. Ист.: ИРЛИ» [Масанов 1957: 254]
117	Негейне, Иван	«Негейне, Иван = Ив. Куз. Кондратьев "Мирск. Толк" 1879; "Свет и Тени" 1882; "Волна" 1884-85; "Нов. Дня" 1887; "Р. Сатир. Лист." 1887; "Развл." 1889. Ист.: "Владим. Губ. Вед." 1904, № 22 (Ив. Гвоздев)» [Масанов 1957: 254]
118	Не-географ	«Не-географ = Як. Дм. Земский "Свисток" 1912. Ист.: сбщ. автор» [Масанов 1957: 254]
119	Не-Герольд	«Не-Герольд = Ем. Игн. Игнатъев "Киев. Слово" 1890-х гг. Ист.: "Киев. Мысль" 1909, № 124 (Яр-ич)» [Масанов 1957: 254]

120	Не-гласный	«Не-гласный = Ник. Петр. Ашешов Провинц. изд. 1890-х гг. Ист.: Венгеров, Слов., VI, 369 (автор)» [Масанов 1957: 254]
121	Негласный	«Негласный = Ник. Степ. Курочкин "Искра" 1861. Ист.: ИРЛИ» [Масанов 1957: 254]
122	Негласный	«Негласный = Ив. Андр. Лишин "Земское Дело". Ист.: ИРЛИ» [Масанов 1957: 254]
123	Не гласный	«Не гласный = Альб. Карл. Гермониус "Пб. Газ." 1910-х гг. Ист.: <i>ibid.</i> , 1910, № 10 (спис. сотр.); "Оса" 1911, 42 ("Зло бы дня")» [Масанов 1957: 254]
124	Не гласный	«Не гласный = Влад. Ал-сеев. Гиляровский "Веч. Газ." 1915, № 63. Ист.: сбщ. автор» [Масанов 1957: 254]
125	Не-Гоголь	«Не-Гоголь = Богд. Степ. Боднарский "Век" 1906, № 84. Ист.: сбщ. автор» [Масанов 1957: 254]
126	Не-гомеопат	«Не-гомеопат = Ал-др Мих. Бутлеров "Нов. Время" 1881; "Ребус". Ист.: Катенев, 460» [Масанов 1957: 254]
127	Не-Гомер	«Не-Гомер = Ник. Ерм. Воронцов "Метеор" (Казань) 1906-07. Ист.: сбщ. Н. Г. Верещагин»

		[Масанов 1957: 254]
128	Негорький	«Негорький = А. В. Шабельский Пьеса: По дороге на дно. Ист.: "Театр, наследие", I, 1934, 237» [Масанов 1957: 254]
129	Неграмотный, Антон	«Неграмотный, Антон = Антон Мих. Галай Ист.: Катал. МОДП, 88, 102, 220, 339, 356, 360; Венгеров, Спис., II, 161» [Масанов 1957: 254]
130	Не-Гуно	«Не-Гуно = Серг. Як. Уколов Ист.: Катал. МОДП, 153» [Масанов 1957: 255]
131	Негуно	«Негуно – см. еще Невагнер и Негуно (Невагнер и Негуно = Сим. Фед. Сабуров Ист.: Катал. МОДП, 120)» [Масанов 1957: 255]
132	Не-Данте	«Не-Данте = Конст. Арс. Михайлов "Стрек." 1904-05. Ист.: сбщ. автор» [Масанов 1957: 255]
133	Недекабрист	«Недекабрист = Ник. Ив. Греч "Полярная Звезда" 1862, в. II. Ист.: Геннади, Слов. I, 85» [Масанов 1957: 255]
134	Не Демьян, но бедный	«Не Демьян, но бедный = Б. Калюжный "Тиски" (Киев) 1923. Ист.: сбщ. В. Гранов»

		[Масанов 1957: 255]
135	Не-депутат	«Не-депутат = Владимир Ильич Ленин Ист.: Ленин, Соч., изд. 4, Справоч. том, ч. 2, 130» [Масанов 1957: 255]
136	Не дикий	«Не дикий = Пим. Ник. Арапов "Сев. Пчела" 1857. Ист.: И. Ф. Горбунов, Соч., изд. имп. Общ. Любит. Древн. Письм., Спб. 1907, 536» [Масанов 1957: 255]
137	Не-дилетант	«Не-дилетант = Дм. Петр. Сапиенца "Север" 1897-98. Ист.: "Прав. В." 1902, № 236 (некролог); "Витеб. Вед." 1902, № 245» [Масанов 1957: 255]
138	Не дипломат	«Не дипломат = Серг. Спир. Татищев "Благовест" 1890. Ист.: Шест.» [Масанов 1957: 255]
139	Недоля	«Недоля = Мих. Дм. Подвысоцкий Ист.: Катал. МОДП, 360» [Масанов 1957: 255]
140	Недоля Зарубенский	«Недоля Зарубенский = Дм. Никит. Дементьев Ист.: сбщ. Н. Н. Столов» [Масанов 1957: 255]
141	Недобобов, Иеремия	«Недобобов, Иеремия = Ив. Серг. Тургенев (?) "Искра" 1859, № 50. Ист.: "Бирж. Вед." 1881 (П. И. Пашино: "Живые и мертвые"); "Кат. и

		Ссылка", 1933, кн. 12 (Б. Козьмин). По свидетельству П. В. Быкова автором является Р. Е. Бах. У Васильева (311) ошибочно указана подпись "Иеремий Набобов"» [Масанов 1957: 255]
142	Недоумевающий Искровец	«Недоумевающий Искровец = Вацл. Вацл. Боровский "Искра" (Женева) 1903, № 48. Ист.: С.-д. изд., I, 40, 57; "Искра", в VII 91-98» [Масанов 1957: 255]
143	Не-еврей	«Не-еврей = Г. Генкель "Восход" 1891, апр.-май. Ист.: "Евр. Лет." 1923, I, 96» [Масанов 1957: 255]
144	Нежданный, Лука	«Нежданный, Лука = Бор. Григ. Самсонов "Крокодил" 1930-х гг. Ист.: "Веч. Москва" 1933, № 166 (2896) (Я. Бельский); в "Лит. Лг." 1933, № 3, с. 4 указ, за подп. "Лука Нежданный"» [Масанов 1957: 256]
145	Неженатый, Серафим	«Неженатый, Серафим = Конст. Конст. Случевский. От поцелуя к поцелую. Роман. Спб. 1872. Ист.: "Всемир. Илл." 1897, № 1485, 56 (П. Быков); Венгеров, Слов., VI, 271 (М. Н. Мазаев)» [Масанов

		1957: 256]
146	Не-Жуковский	«Не-Жуковский = Влад. Вас. Трофимов В сатир, журн. 1905-07 гг. Ист.: сбщ. А. А. Коринфского» [Масанов 1957: 256]
147	Незабудкин, Александр	«Незабудкин, Александр – Ал-др Ник. Глебов В альм. "Сириус". Спб. 1826. Венгеров в Источ. (IV, 524) предполагает о принадлежности пс. М. А. Бестужеву-Рюмину» [Масанов 1957: 256]
148	Незабывайкин	«Незабывайкин = Ал-сей Петр. Сухов (?) "Развл." 1871. Ист.: ИРЛИ; Масанов, II, 107» [Масанов 1957: 256]
149	Независимый	«Независимый = Валериан Конст. Агафонов "Р. Слово" 1913: корр. из Парижа. Ист.: автор в неопубл. письме к Ф. И. Благову от 17 XI 1913, сбщ. И. В. Федоров» [Масанов 1957: 256]
150	Независимый	«Независимый = Л-нид Петр. Меньшиков "Утро России" 1913, июль. Ист.: сбщ. Б. П. Козьмин» [Масанов 1957: 256]
151	Независимый	«Независимый = Петр Бернг. Струве

		"Освобождение" 1903, № 13 (37). Ист.: Ленин, Соч., изд. 3, VI, 437» [Масанов 1957: 256]
152	Независимый	«Независимый = Иер. Иер. Ясинский "Бирж. Вед." 1896-1902; "Ежем. Соч." 1901-05; "Почтальон" 1903; "Провинция" 1905; "Слово" 1900-х гг.; – Как нам жить? Этика обыденной жизни. Изд. 2 и 3. Спб. 1898; Изд. 4. 1899. Ист.: Архив Венгерова; ЭСБ, ХLI, 843» [Масанов 1957: 256]
153	Незамай, В.	«Незамай, В. = Викт. Ипат. Аскоченский "Дом. Беседа" 1860-х гг.: – Басни и отголоски. Спб. 1869. Ист.: Пономарев, 289; Васильев, 314» [Масанов 1957: 256]
154	Незамай, Григорий	«Незамай, Григорий = Григ. Ал-др. Немиров "Развл." 1871-72» [Масанов 1957: 256]
155	Незаметный	«Незаметный = Як. Дм. Земский "Свисток" 1912. Ист.: сбщ. автор» [Масанов 1957: 256]
156	Незаметный	«Незаметный = Ал-др Ал-сеев. Козлов "Весельчак" 1858. Ист.: Произв., напеч. за этую подписью, были перепеч. в сб. автора: А. К. Злов. "Что это такое?" М. 1861» [Масанов 1957: 256]

157	Незаметный	«Незаметный = Влад. Осип. Михневич В "Календаре Искры" на 1868 г.: "Очерки больницы". Ист.: перепеч. в кн. автора "Всего по немногу". Спб. 1875, п. з. "В больнице"; Масанов, I, 107, 159» [Масанов 1957: 256]
158	Незаметный	«Незаметный = Фил. Диом. Нефедов "Развл." 1866-71; "Ремесл. Газ." 1875 Ист.: Смирнов, 436» [Масанов 1957: 256]
159	Незаметный	«Незаметный = Ник. Влад. Соколовский "Голос"; "Неделя"; "В. Трезв."; "Друг Народа"; "Спб. Вед."» [Масанов 1957: 256]
160	Незаметный	«Незаметный = Цветков "Путь к Просвещ." 1920. Ист.: ИРЛИ» [Масанов 1957: 256]
161	Незаметный, Макар	«Незаметный, Макар = Г. М. Цаголов "Терек" 1909. Ист.: Коста Хетагуров. Сб. памяти вел. осетин, поэта. М. 1941, 245» [Масанов 1957: 256]
162	Незванный, Андрей	«Незванный, Андрей = Влад. Галакт. Короленко» [Масанов 1957: 256]
163	Не зверь	«Не зверь = Пав. Евг. Симонов "Буд." 1903, № 12» [Масанов 1957: 256]
164	Незевайкин, Иван	«Незевайкин, Иван = Ив. Куз. Кондратьев

		"Волна" 1884-85. Ист.: "Владимир. Губ. Вед." 1904, № 22 (Ив. Гвоздев)» [Масанов 1957: 256]
165	Незлобный автор	«Незлобный автор = Ив. Филат. Майков-Головешкин Ист.: Катал. МОДП, 184» [Масанов 1957: 257]
166	Незлобный поэт	«Незлобный поэт–см. Незлобивый поэт (Незлобивый поэт = Петр Вас. Быков "Буд." 1874-77; "Развл." 1876-79; "Стрек." 1876-87, 1892, 1906-07; "Маляр" 1877-78; "Гусли" 1881-82; "Осколки" 1881-83; "Наблюд." 1882-84, 1886; в "Альманахе Стрекозы" на 1884 г. Спб. 1884. Ист.: Карц. и Маз., 89; БЭ, XIII, 748. В ЭСГ (I, 622), ЭСБ (доп. I, 342), НЭСБ (VIII, 799) ошиб. вм. "Незлобивый поэт" показ. "Незлобный поэт")» [Масанов 1957: 257]
167	Незмей	«Незмей = Влад. Ал-сеев. Прохоров "Р. Лист." 1890. Ист.: Карц. и Маз., 89» [Масанов 1957: 257]
168	Незнаемый сочинитель	«Незнаемый сочинитель = Ник. Ив. Страхов Изд. "Сатир. В." 1790-92. Ист.: Неустроев,

		686, 690» [Масанов 1957: 257]
169	Незнакомец	«Незнакомец = Пав. Болесл. Зенкевич Ист.: Катал. МОДП, 364» [Масанов 1957: 257]
170	Незнакомец	«Незнакомец = М. Н. Нестеров "Голос" (Ярославль) 1909, № 41. Ист.: Огурцов, 360» [Масанов 1957: 257]
171	Незнакомец	«Незнакомец = Ал-сей Серг. Суворин "Спб. Вед." 1863-74; "Русский" 1868; "Моск. Вед." 1872-74; "Бирж. Вед."; "Нов. Время" 1870-1910-х гг.; Очерки и картинки. Спб. 1875. Ист.: Межов, РИБ 1865-1876, II, 237; III, 374; IV, 163» [Масанов 1957: 257]
172	Незнакомец	«Незнакомец = Бор. Дан. Флит (Д. Маллори) "Одес. Нов." 1910-х гг. "Кродокил" (Одесса) 1911; "Бомба" (Одесса) 1917-19; "Огоньки" (Одесса) 1918-19; "Огонек" (Одесса) 1919; "Приазов. Край"; "Кр. Перец" 1925; "Бузотер" 1929; – Юмористич. рассказы. В. I. Одесса. 1912. Ист.: "Кн. Лет." 1910. 14170; 1912, № 13, 9051; 1915, 1592; 1916, 18105; Спис. МОДП, 68» [Масанов 1957: 257]
173	Незнакомец	«Незнакомец = Влад. Фом. Ханевский

		"Таганрог. В." 1890-х гг. Ист.: "Приазов. Край" 1901, № 35 (некролог)» [Масанов 1957: 257]
174	Незнакомый	«Незнакомый = Андр. Ник. Вакуловский "Урал" 1900-х гг.» [Масанов 1957: 257]
175	Незнакомый	«Незнакомый = Мих. Матв. Херасков "Вечера" 1773. Ист.: Карц. и Маз., 90» [Масанов 1957: 257]
176	Незнатный, Борис	«Незнатный, Борис = Мих. Мих. Левченко Ист.: Шест.; Томаш.» [Масанов 1957: 257]
177	Не знаю кто	«Не знаю кто = А. Л. Леонтьев "Трутень" 1770. Ист.: Семенников, Р. сатир. ж., 49» [Масанов 1957: 257]
178	Не И. Грэк	«Не И. Грэк = Викт. Викт. Билибин "Осколки" 1882. Ист.: ИРЛИ» [Масанов 1957: 252]
179	Неизвестная, Ольга	«Неизвестная, Ольга = Софья Адольф. Поляк Ист.: в сб. "Каторга и ссылка", [Киев] 1924 (под ст. "Еще несколько слов о т.т. Фруме Фрумкиной и Бердягине")» [Масанов 1957: 257]
180	Неизвестное общество неученых людей	«Неизвестное общество неученых людей = Вас. Андр. Жуковский "Муравейник". Лнтерат. листы, издаваемые неизвестным

		обществом неученых людей. 1831. Ист.: Н. М. Лисовский, Библиография русской периодич. печати, 79» [Масанов 1957: 257]
181	Неизвестный	«Неизвестный = Ал-сей Ив. Белозеров Пьесы» [Масанов 1957: 257]
182	Неизвестный	«Неизвестный = Дм. Мих. Борисов "Приволж. Край". Ист.: Соколов, 59» [Масанов 1957: 257]
183	Неизвестный	«Неизвестный = Всев. Ив. Вагин Ист.: "Изв. ВСОРГО", т. XIX, № 5, 83» [Масанов 1957: 257]
184	Неизвестный	«Неизвестный = Юрий Ал-др. Волков Продолжение "Сказки для детей" М. Ю. Лермонтова. Спб. 1859. Ист.: "Спб. Вед" 1859, № 280 (письмо в ред. автора); Пономарев, 289; Каталог Бабунова. Спб. 1869, 745» [Масанов 1957: 257]
185	Неизвестный	«Неизвестный = Ив. Ив. Горбачевский "Р. Архив" 1882, № 2: Записки неизвестного. Ист.: Рост. "Р. Архива" 1863-1908, 10; Ченцов, 361; М. В. Нечкина в "Ист. записках", т. 54 автором считает П. Борисова» [Масанов 1957: 258]

186	Неизвестный	«Неизвестный = А. А. Емельянов Ист.: "Р. Слово" 1914, от 23 июля» [Масанов 1957: 258]
187	Неизвестный	«Неизвестный = Конст. Фед. Калайдович "Тр. ОЛРС" 1818, кн. XI. Ист.: Пономарев, 289» [Масанов 1957: 258]
188	Неизвестный	«Неизвестный = Петр Матв. Карабанов "Зритель" 1792, ч. I, стих. "Сафо". Ист.: Петровский, 344; переп. в кн. автора: Стихотворения, с. 183, п. з. "Выражение любви стихотворицы Сафо к Фаону"» [Масанов 1957: 258]
189	Неизвестный	«Неизвестный = Петр Петр. Каратыгин "Соврем." 1861, 1863. Ист.: Гусев, 481; Языков, Обзор, VII, 50» [Масанов 1957: 258]
190	Неизвестный	«Неизвестный = Анат. Афан. Коган "Моск. Вед." 1880-х гг.; "Пб. Лист." с 1887 г. Ист.: Кугель, 35; Скроботов, 50. У Карц. и Маз. (89) автор ошиб. показ. "К. Коган"» [Масанов 1957: 258]
191	Неизвестный	«Неизвестный = К. Коган [с 1879 г.] и Конст. Ив. Смаковский [в более поздние годы] "Киевл." 1879-1900-х гг. Ист.: Карц. и Маз.,

		89; Лит. о евреях, 67, 75, 289, 533, 539, 544; "Киев. Мысль" 1908, № 257 (Яр-ич)» [Масанов 1957: 258]
192	Неизвестный	«Неизвестный = Мих. Ник. Макаров "Ж. д. Милых" 1804; "Дам. Ж." 1825» [Масанов 1957: 258]
193	Неизвестный	«Неизвестный = Евг. Авг. Мансфельд Ист.: Спис. МОДП, 60, 68» [Масанов 1957: 258]
194	Неизвестный	«Неизвестный = Ал-сей Фед. Мерзляков "Тр. ОЛРС" 1818, кн. XVII-XXVIII. Ист.: Слов. ОЛРС, 188, 190» [Масанов 1957: 258]
195	Неизвестный	«Неизвестный = Ал-др Петр. Нордштейн "Щукинский Сб.", вын. IV. М. 1905: Выписки из тетрадей Неизвестного. Ист.: Фомин, Puschkiniana, 38» [Масанов 1957: 258]
196	Неизвестный	«Неизвестный = Игнат. Ник. Потапенко "Русь" 1904, № 303. Ист.: "Моск. Вед." 1905, № 75 (Судебн. хроника); "Театр и Искус." 1905, №11, 172 (Соревнователи на суде)» [Масанов 1957: 258]
197	Неизвестный	«Неизвестный = Дм. Петр. Сильчевский "Страна" 1881, № 4: Повенец. Ист.: Архив

		Быкова» [Масанов 1957: 258]
198	Неизвестный	«Неизвестный = Конст. Ив. Смаковский "Киевл." 1903, № 136. Ист.: Мац., 320» [Масанов 1957: 258]
199	Неизвестный автор	«Неизвестный автор = Анна Павл. Барыкова Как царь Ахреян ходил богу жалиться. Запрещенная сказка в стихах Неизвестного автора. Париж. Б. у. г. Ист.: Андерсон, 12. У Быкова, Силуэты (129) припис. Фед. Лавр. Барыкову» [Масанов 1957: 258]
200	Неизвестный автор	«Неизвестный автор = Влад. Егор. Гиацинтов Жестокий барон. Трагедия в 2 карт, и притом в стихах. Юношеское произведение неизвестного автора. Изд. В. Г-ва [Гиацинтова]. М. 1892. Ист.: МОДП, 96» [Масанов 1957: 258]
201	Неизвестный, Евгений	«Неизвестный, Евгений = Евг. Авг. Мансфельд После бала Шутка в 1 д. М. 1892. Ист.: Катал. МОДП, 228, 346, 360» [Масанов 1957: 258]
202	Неизвестный каноник Ignorante	«Неизвестный каноник Ignorante bambinelli – Екатерина II "Собеседник" 1783, ч. VII. Ист.:

	bambinelli	Карц. и Маз., 89» [Масанов 1957: 258]
203	Неизвестный сочинитель	«Неизвестный сочинитель = Петр Андр. Вяземский "Девятнадцатый Век" 1872, кн. II. Ист.: Межов, РИБ 1865-1876, I, 149» [Масанов 1957: 258]
204	Неизменный театрал	«Неизменный театрал = Всеv. Ал-сееv. Долгоруков (?) "Сиб. Отгол." 1906» [Масанов 1957: 258]
205	Неисправимый резонер	«Неисправимый резонер = Дм. Ал-др. Клеменц "Вост. Обзор." 1890, № 23; 1892, №№ 13, 40; 1893, №№ 36, 57, 68-69. Ист.: "ИВСОРГО" 1916, XLV, 312» [Масанов 1957: 258]
206	Не истинно русский	«Не истинно русский = Богд. Степ. Боднарский "Веч. Заря" 1906. № 117. Ист.: сбц. автор» [Масанов 1957: 258]
207	Неистовый балетоман	«Неистовый балетоман = Ал-др Ник. Бежецкий "Нов. Время". Ист.: А. А. Плещееv. Наш балет» [Масанов 1957: 258]
208	Неистовый велосипедист	«Неистовый велосипедист = Род. Абр. Менделевич Ист.: "Развл." 1902, №

		27 ("Словарь писателей..."); "Сатир. Стрелы" 1910, № в. 1-й, 8» [Масанов 1957: 258]
209	Не-Каразин	«Не-Каразин = Ал-др Макс. Герсон "Буд." 1879, № 21» [Масанов 1957: 258]
210	Некнижник, Алексей	«Некнижник, Алексей = Ал-сей Дм. Бочагов "Посред. Печат. Дела" 1891, №№ 6, 7» [Масанов 1957: 258]
211	Не князь и не Ухтомский	«Не князь и не Ухтомский = Петр Арк. Слепцов "Волга". Ист.: Соколов, 60» [Масанов 1957: 258]
212	Не Козьма Прутков	«Не Козьма Прутков = Мих. Конст. Лемке "Орлов. В." 1897-901. Ист.: Архив Венгерова» [Масанов 1957: 258]
213	Не-коммунист	«Не-коммунист = Ал-др Влад. Бобрищев-Пушкин "Нов. Мир" (Берлин) 1920-х гг. Ист.: В. А. Дуцман, Обзор иностранной и русской зарубежной прессы, М. 1922, 110» [Масанов 1957: 259]
214	Не-Конфуций	«Не-Конфуций = Серг. Ал-др. Патараки "Стрек." 1890-х гг.; – Философия нового века в оригинальных изречениях... Спб. 1901. Ист.: см. "Стрек." 1901, № 15, 3 и псевд. "Карр,

		С.»» [Масанов 1957: 259]
215	Не-Крестовский	«Не-Крестовский = Валент. Курицын "Сиб. Наблюд." 1902; "Сиб. Отгол." 1906; – Томские трущобы. Томск, 1908; Человек в маске. Томск, 1908; Тайны томских ночей. Томск 1909; Томский Шерлок Холмс. Томск 1909. Ист.: Здобнов, 31, 38» [Масанов 1957: 259]
216	Не-критик	«Не-критик = Марк Савел. Гельфанд "Сарат. Изв." 1930-х гг. Ист.: сбщ. В. А. Сушицкий» [Масанов 1957: 259]
217	Не-Крылов	«Не-Крылов = Ал-др Ал-сеев. Соколов "Развл." 1872; "Пб. Газ." 1880-90-х гг.; 1905-13; "Стрек." 1892-1906; "Буд." 1898; "Пб. Лист."; "Развл. в часы отдыха" (при журн. "Родина") 1900-х гг.; "Родина" 1904. Ист.: Архив Венгерова; "Театр Мирок" 1892, № 12» [Масанов 1957: 259]
218	Не-Крылов	«Не-Крылов = Петр Сем. Цейхенштейн С 1883 г. в изд.: "Астрах. Лист."; "Астрах. В."; "Суфлер"; "Гудок". Ист.: Архив Венгерова» [Масанов 1957: 259]
219	Не Ламанчский	«Не Ламанчский =

		Ал-сей Ал-др. Андриевский "Заря" 1880. Ист.: Шест.» [Масанов 1957: 260]
220	Не Ленин	«Не Ленин = Дм. Ник. Семеновский "Пересмешник" 1917-18. Ист.: сбщ. А. Е. Ноздрин» [Масанов 1957: 260]
221	Не-либеральный скептик	«Не-либеральный скептик = Владимир Ильич Ленин "Нев. Звезда" 1912, № 13. Ист.: Ленин, Соч., изд. 4, т. 18, 114; Справоч. том, ч. 2, 130» [Масанов 1957: 260]
222	Не-лишний	«Не-лишний = Конст. Арс. Михайлов "Стрек." 1904-05. Ист.: общ. автор» [Масанов 1957: 260]
223	Нелюбитель	«Нелюбитель = Вас. Феофаров "Перм. Край" 1901-03. Ист.: "Сев. Край" 1903, № 197 (автор)» [Масанов 1957: 260]
224	Нелюдим	«Нелюдим = Ал-сей Ник. Соловьев "Труд. Правда" 1914; "Правда" 1917, №№ 36, 76; "Варшав. Утро»; "Арм. В."; "Соц.-Дем." и др. Ист.: "Кн. Лет." 1921, 618; "Р. Книга" 1921, № 3, 45; Заволокин, 213» [Масанов 1957: 260]
225	Немакаров	«Немакаров = Ал-др Ив. Тиняков Ист.: "Ж. Ж." 1916, № 13» [Масанов 1957: 260]

226	Не-Македонский, Александр	«Не-Македонский, Александр = см. Александр Не-Македонский (Александр не-Македонский = Сем. Як. Уманский "Буд." 1900-х гг. Ист.: сбщ. А. С. Лазарев)» [Масанов 1957: 260]
227	Немаксим Горький	«Немаксим Горький = Н. Д. Котельников Ист.: На т. л. брош. автора: Рассказ задача о том, как черт японца обманул М. 1904» [Масанов 1957: 260]
228	Не-Мещерский	«Не-Мещерский–см. Князь Не-Мещерский (Князь Не-Мещерский = Влад. Ник. Майнов "Новости" 1880-х гг. Ист.: "Библиогр. Зап." 1892, № 2, 125 (Сержпутовский)» [Масанов 1957: 261]
229	Не миллионер	«Не миллионер = Конст. Арс. Михайлов "Стрек." 1904-05. Ист.: общ. автор» [Масанов 1957: 261]
230	Немудрый, Дмитрий	«Немудрый, Дмитрий = Дм. Конст. Гераклитов "Маляр" 1877-78» [Масанов 1957: 261]
231	Немудрящий, Натан	«Немудрящий, Натан = Евст. Сав. Федоров-Чмыхов "Буд." 1885-86.

		Ист.: РБС, XXV, 221» [Масанов 1957: 261]
232	Не музыкант	«Не музыкант = Ал-др Ник. Баженов "Антракт" 1864-67. Ист.: в кн. автора: Сочин. и переводы. М. 1869, I, 336, 406» [Масанов 1957: 261]
233	Не музыкант	«Не музыкант = Влас. Мих. Дорошевич "Р. Слово" 1902, № 318: Опера "Воскресение". Ист.: Архив "Р. Слова". У Битовта, Толстой (237), с вопросительным знаком приписано Н. Г. Шебуеву» [Масанов 1957: 261]
234	Не музыкант	«Не музыкант = Нил Серг. с "Просвещение" 1918, № 19. Ист.: Указ, публикаций Н. С. Лыкошина» [Масанов 1958: 374]
235	Не на	«Не на = Евс. Сав. Федоров-Чмыхов "Буд." 1885, №35; 1886, №№ 6, 7, 12. Ист.: см. "Немудрящий, Натан"» [Масанов 1957: 261]
236	Ненадович	«Ненадович = Ник. Петр. Кильберг "Буд." 1873, № 4» [Масанов 1957: 261]
237	Ненадо, Г.	«Ненадо, Г. = Ник. Петр. Кильберг "Буд." 1871, № 43» [Масанов 1957: 261]
238	Ненадо, Густав	«Ненадо, Густав = Ник. Петр. Кильберг "Буд." 1871, 1876-77; "Стрек."; "Нива" 1872, № 52;

		<p>"Пб. Газ."; "Пчела" 1870-х гг.; – Пока! Стихотворения и куплеты, петье в петерб. театрах и клубах. Спб. 1872; в Полном собрании песен Беранже. Тифлис. 1892-93. Ист.: "Буд." 1878, № 50 (некролог)» [Масанов 1957: 261]</p>
239	Не-Надо, Густав	<p>«Не-Надо, Густав = Ник. Петр. Кильберг "Буд." 1871, 1876-77; "Стрек."; "Нива" 1872, № 52; "Пб. Газ."; "Пчела" 1870-х гг.; – Пока! Стихотворения и куплеты, петье в петерб. театрах и клубах. Спб. 1872; в Полном собрании песен Беранже. Тифлис. 1892-93. Ист.: "Буд." 1878, № 50 (некролог)» [Масанов 1957: 261]</p>
240	Не-Народник	<p>«Не-Народник = Викт. Ал-др. Гольцев "Р. Мысль" 1891, № 3. Ист.: Указ. статей "Р. Мысли". 1890-1899, 13» [Масанов 1957: 261]</p>
241	Ненезнакомый	<p>«Ненезнакомый = А. В. Храповицкий "Вечера" 1773. Ист.: Берков, История, 295. У Майкова, 31 и в БЭ, III, 770 припис. М. М. Хераскову» [Масанов 1957: 261]</p>
242	Не-Некрасов	<p>«Не-Некрасов = Петр Ал-сеев. Картавов</p>

		"Бомбы" 1906. Ист.: сбщ. автор» [Масанов 1957: 261]
243	Не Нея	«Не Нея = Фед. Богд. Миллер "Развл." 1863, № 15. Ист.: Масанов, II, 40» [Масанов 1957: 261]
244	Ненужный человек	«Ненужный человек = Апол. Ал-др. Григорьев "Оса" 1863, №№ 1, 24, 32; 1864, № 2; "Якорь" 1863, №№ 1, 3; 1864, №№ 1. Ист.: Иванов-Разумник, 368, 371, 380» [Масанов 1957: 261]
245	Неответственный редактор Индеец	«Неответственный редактор Индеец = Ив. Андр. Вашков "Развл." 1880. Ист.: ИРЛИ» [Масанов 1957: 262]
246	Непанов, М.	«Непанов, М. = Мих. Евгр. Салтыков (Щедрин) "Отеч. Зап." 1847, № 11. Ист.: "Живопр. Обзор." 1879, № 1 (П. Быков)» [Масанов 1957: 262]
247	Не-политик	«Не-политик = Як. Дм. Земский "Свисток" 1912» [Масанов 1957: 262]
248	Не полтавец	«Не полтавец = Ник. Ив. Еремченко "Р. Знамя" 1910-х гг.» [Масанов 1960: 16]
249	Непольдекок, Е.	«Непольдекок, Е. = Евсей Марк. Ещин "Нов.

		Дня" 1887. Ист.: Карц. и Маз., 90» [Масанов 1957: 262]
250	Не помещик	«Не помещик = Григ. Фил. Головачев "Соврем. Лет." 1862, № 36: Нечто о крестьянских повериях. Ист.: там же, № 38, 29 (автор)» [Масанов 1957: 262]
251	Не поминай лихом	«Не поминай лихом = Ив. Афан. Куцевский "Новости"; "Сын Отеч." 1870-х гг.; "Пчела" 1877, № 15. Ист.: Мац., 242 » [Масанов 1957: 262]
252	Непомнящий	«Непомнящий = А. С. Масленников В прессе 1920-30-х гг. Ист.: Спис. абонентов моск, телеф. сети 1934» [Масанов 1957: 262]
253	Непомнящий, Иван	«Непомнящий, Иван = Дм. Ал-сеев. Иваненко "Полтав. В."; "Полта в. Голос" 1900-х гг. Ист.: Павловский, 76» [Масанов 1957: 262]
254	Непомнящий, Иван	«Непомнящий, Иван = Ник. Конст. Михайловский "Отеч. Зап." 1877, № 3. Ист.: Карц и Маз., 90» [Масанов 1957: 262]
255	Непомнящий, Сергей	«Непомнящий, Сергей = Серг. Петр. Победоносцев "Б-ка д. Чит." и др.

		журн. 1830-40-х гг. Ист.: РБС, XIV, 143 (Б. Алексеевский)» [Масанов 1957: 262]
256	Непопулярный литератор	«Непопулярный литератор = Л-нид Петр. Блюммер (?) "Кн. В." 1861» [Масанов 1957: 262]
257	Не поэт	«Не поэт = Ал-др Ник. Баженов "Антракт" 1864-67. Ист.: в кн. автора: Соч. и перев. М. 1869, I, (XI); II, 256, 312» [Масанов 1957: 262]
258	Непрактический человек	«Непрактический человек = Пав. Мих. Ковалевский "Соврем." 1863-64. Ист.: "Лит. Наследство", т. 53-54, 285, 287, 481, 486» [Масанов 1957: 262]
259	Непредвиденный, А.	«Непредвиденный, А. = А. А. Борисов "Кр. Путь" (Елабуга) 1924. Ист.: Газ. и кн. мир, I, отд. II, 38» [Масанов 1957: 262]
260	Непризнанный	«Непризнанный = Конст. Фед. Петров "Сод. Р. Торг. и Пром." 1868; "Деятельность" 1869-72. Ист.: "Пб. Жизнь" 1900, № 483» [Масанов 1957: 262]
261	Непризнанный гений	«Непризнанный гений = Серг. Фед. Рыскин Ист.: из бумаг автора, находящихся у его дочери А. С. Осиповой» [Масанов 1957: 262]

262	Непризнанный гений	«Непризнанный гений = Петр Ал-сеев. Сергеенко "Стрек." 1882-91; "Буд." 1883-85, 1892. Ист.: Карц. и Маз., 90» [Масанов 1957: 262]
263	Непризнанный поэт	«Непризнанный поэт = Петр Исаев. Вейнберг "Весельчак" 1858. Ист.: "Всемир. Илл." 1893, т. XLIX (П. Быков); "Бирж. Вед." 1901, № 101 ("Памяти Б. Н. Алмазова")» [Масанов 1957: 262]
264	Непризнанный поэт	«Непризнанный поэт = Игн. Плат. Закревский "Спб. Вед." 1860-70-х гг. Ист.: "Киевл." 1906, № 74» [Масанов 1957: 262]
265	Неприсяжный рецензент	«Неприсяжный рецензент = Влад. Дм. Левинский "Буд." 1889-1906; "Оса" 1911, № 24. Ист.: Карц. и Маз., 90; сбщ. А. С. Лазарев» [Масанов 1957: 262]
266	Не Пушкин, Александр Сергеевич	«Не Пушкин, Александр Сергеевич = Ал-др Серг. Соболев Стихи 1870-х гг. Ист.: Шест.» [Масанов 1957: 262]
267	Неровный, М.Я.	«Неровный, М.Я. = Мих. Як. Гессен Ист.: Катал. МОДП, доп. V.» [Масанов 1957: 263]
268	Не-Романов	«Не-Романов = Аполл. Аполл. Коринфский

		"Пламя Свободы"; "Заноза" 1905-06 и др. Ист.: сбщ. автор» [Масанов 1957: 263]
269	Несветский	«Несветский = Плат. Игн. Иосселиани "Кавказ" 1849» [Масанов 1957: 263]
270	Несвой	«Несвой = Сол. Моис. Коган "Наша Газ."; "Правда Жизни" 1909; "Р. Слово" 1900-х гг.; "Мир" 1910; "Свет в Борьбе" 1912. Ист.: БЭ, XXII, 492; архив "Р. Слова". В ж. "Пятница" 1907, № 2, "Мир" 1910, № 11-12 приписано К. Смирнову (эта подпись является псевдонимом автора). У Мезьер (514) приписано Е. Семенову (псевдоним С. М. Когана)» [Масанов 1957: 263]
271	Несвой	«Несвой = Н. Н. Родионов "Жизнь" 1903-08; "Сибирь" 1908. Ист.: Грибановский, ч. II, в. I, 143; в. II, 64, 69, 146. У Молодых (46) автор указан с инициалами "Н. И."» [Масанов 1957: 263]
272	Несентиментальн ая юмористка	«Несентиментальная юмористка = Григ. Ал-др. Немиров "Шут" 1882. Ист.: Карц. и Маз., 90» [Масанов 1957: 263]
273	Не-сибиряк	«Не-сибиряк = Георг. Никандр. Кгаевский

		Ист.: Венгеров, Спис. I, 361» [Масанов 1957: 263]
274	Нескажусь	«Нескажусь = Петр Дм. Боборыкин "Б-ка д. Чт." 1861, № 11; 1862, №№ 2, 4. Ист.: Карц. и Маз., 90; БЭ, III, 344» [Масанов 1957: 263]
275	Нескажусь, Петр	«Нескажусь, Петр = Петр Дм. Боборыкин "Б-ка д. Чт." 1861, №№ 9, 10. Ист.: Карц. и Маз., 103» [Масанов 1957: 263]
276	Нескажуся	«Нескажуся = Филипп Диом. Нефедов "Развл." 1866. Ист.: Смирнов, 436» [Масанов 1957: 263]
277	Нескромный, Виктор	«Нескромный, Виктор = Влад. Раф. Зотов "Репертуар" 1840-х гг.; "Москвит." 1854, № 5. Ист.: Пономарев, 283» [Масанов 1957: 263]
278	Нескромный, Иван	«Нескромный, Иван = Ив. Фед. Жирков В рязан. газетах. Ист.: Архив Венгерова» [Масанов 1957: 263]
279	Нескромный наблюдатель	«Нескромный наблюдатель = Андр. Мих. Дмитриев У камелька. Повести и рассказы. М. 1881. Ист.: помещ. здесь пьесы "Бац-бац" и "Мала куча" за полн. именем автора указ. в Катал. МОДП, 15, 155»

		[Масанов 1957: 263]
280	Несмелый, К.	«Несмелый, К. = Конст. Конст. Журавлев Ист.: Катал. МОДП 1924, доп. I и VI» [Масанов 1957: 263]
281	Несмелый, Н. С.	«Несмелый, Н. С. = Никиф. Сем. Тихомиров "В. Приказчика" 1912, дек.» [Масанов 1957: 263]
282	Несмоленец, Я.	«Несмоленец, Я. = Степ. Мих. Блеклов "Смолен. В." 1895, №№ 89 и 94. Ист.: Венгеров, Слов, VI, 89» [Масанов 1957: 263]
283	Несовременный человек	«Несовременный человек = Влад. Ал-др. Скрипицын "Россия" 1883, №№ 1, 2» [Масанов 1957: 263]
284	Неспартанский, Леонид	«Неспартанский, Леонид = Л-нид А. Фейгин "Пб. Лет." 1882-83; "Нов. Дня" 1886, 1887-1891; "Р. Сатир. Лист" 1887; "Голос Москвы" и др; – Волшебные звуки или отголоски сцены. М. 1896. Ист.: Карц. и Маз., 90» [Масанов 1957: 263]
285	Не спирт	«Не спирт = Ив. Ал-др. Купчинский Ист.: на т. л. кн. автора: Таинственное непонятное. М. 1904» [Масанов 1957: 263]

286	Не спрашивай, кто я	«Не спрашивай, кто я = Ал-др Ал-сеев. Соколов "Пб. Лист." 1865-66; "Стрек." 1876-78; "Суфлер" 1870-х гг.: "Буд." 1880-83; "Пб. Газ." Ист.: Архив Венгерова; Карц. и Маз., 90» [Масанов 1957: 263]
287	Нестарый петербуржец	«Нестарый петербуржец = Влад. Ал-др. Мазуркевич "Нов. Время"; "Новости"; "Пг. Газ."; "Пб. Лист." 1890-1900-х гг. Ист.: сбщ. автор» [Масанов 1957: 263]
288	Нестарый театрал	«Нестарый театрал = Ив. Ник. Захарьин "Буд." 1874, № 42: Театр, заметка; №№ 43-46; 1875, №№ 1-2: Моск, театры; № 3: Злоупотребл. монополией. Ист.: произведения указаны в кн. авт.: Встречи и воспоминания. Спб. 1903, 319 (без указ, псевдонима)» [Масанов 1957: 263]
289	Не-статистик	«Не-статистик = Влад. Галакт. Короленко» [Масанов 1957: 263]
290	Не стыжусь	«Не стыжусь = Ал-сей Феофилакт. Писемский "Б-кад. Чт." 1861-62. Ист.: "Росс. Библиогр." 1881, № 80 (4), 85 (П. Библиограф)» [Масанов 1957: 264]

291	Не-сумский библиограф	«Не-сумский библиограф = Дм. Петр. Сильчевский "Южн. Край" 1881. Ист.: Архив Быкова» [Масанов 1957: 264]
292	Несчастливцев	«Несчастливцев = Арк. Тим. Аверченко "Симбирянин" 1910. Плагиат неизв. лица. См. "Сатирикон" 1910, № 44 (отд. "Волчьи ягоды")» [Масанов 1957: 264]
293	Несчастный	«Несчастный = Колесников "Р. Стар." 1881: "Записки несчастного". Ист.: сбщ. А. И. Попов» [Масанов 1957: 264]
294	Несчастный муж	«Несчастный муж = Над. Ал-др. Лухманова "Пб. Жизнь" 1891. Ист.: Карц. и Маз., 90» [Масанов 1957: 264]
295	Несчастный, Петр	«Несчастный, Петр = Петр Сем. Парфенов "Текущий день" (Владивосток) 1915, 1/1 и др. Ист.: сбщ. автор» [Масанов 1957: 264]
296	Нетвен, Марк	«Нетвен, Марк = Матв. Ник. Либерман "Всемир. Панорама". Ист.: сбщ. автор» [Масанов 1957: 264]
297	Нетерпеливая невеста	«Нетерпеливая невеста = Вас. Серг. Карцов "Р. Лист." 1890. Ист.: Карц. и Маз., 90» [Масанов 1957: 264]

298	Нетехник	«Нетехник = Ал-др Ал-др. Палтов Несколько слов о новых железных дорогах. Спб. Ист.: ИРЛИ» [Масанов 1957: 264]
299	Нетреба	«Нетреба = Мих. Ал-сеев. Петров "Р. Нар. Учит." 1900» [Масанов 1957: 264]
300	Неувенчаный поэт	«Неувенчаный поэт = Петр Исаев. Вейнберг "Искра" 1860. Ист.: ИРЛИ; Масанов, I, 20» [Масанов 1957: 264]
301	Неудачник	«Неудачник = Дм. Никит. Дементьев Ист.: сбщ. Н. Н. Столов» [Масанов 1957: 264]
302	Неудачный	«Неудачный = Всеv. Ал-сеев. Долгоруков "Развл." 1873-75; "Маляр" 1870-х гг. Ист.: сбщ. автор» [Масанов 1957: 264]
303	Неудачный редактор Wlas	«Неудачный редактор Wlas = Влас. Мих. Дорошевич "Буд." 1888, № 24» [Масанов 1957: 264]
304	Неунывающий гражданин	«Неунывающий гражданин = Петр Дм. Боборыкин» [Масанов 1957: 264]
305	Неунывающий поэт	«Неунывающий поэт = Як. Дм. Земский Ист.: сбщ. автор» [Масанов 1957: 264]
306	Неунывающий харьковец	«Неунывающий харьковец = Вас. Ив. Иванов "Жало" 1906. Ист.: там же, 1908, № 20

		(А. А. Гермейер)» [Масанов 1957: 264]
307	Неунывающий харьковец	«Неунывающий харьковец = Ник. Вас. Маслович "Буд." 1889, №№ 11, 14» [Масанов 1957: 264]
308	Не фельетонист	«Не фельетонист = Влад. Осип. Дембо "Крым. Курьер" 1903-06; "Одес. Обозр." 1908-09; "В. Юга" 1904-05; "Бессар. Жизнь" 1909-10; "Бессар. Обозр." 1909-10; "Подол. Изв." 1911-13 и др. Ист.: Архив Венгерова» [Масанов 1957: 264]
309	Не фельетонист	«Не фельетонист = Ник. Мих. Ежов "Нов. Время" 1890-1900-х гг. Ист.: Архив Венгерова; Спис. изд. 1899, 85» [Масанов 1957: 264]
310	Нечетный, С.	«Нечетный, С. = Степ. Ник. Слетов "Накануне" (Лондон) 1901, № 36; "В. Р. Рев." (Женева) 1902, № 102; "Соц. Рев." 1912, № 4; "Почин" (Париж) 1912, № 12; "Рев. Россия" 1903, № 35; "Соврем." 1911, № 12; "Нар. Дело" 1912, № 16; "Заветы"; в сб. "Эхо". М. 1906; в сб. "Коллективист". М. 1907. Ист.: Памяти С. Н. Слетова. Париж, 1916, 105, 107;

		"Ист. В." 1915, № 8, 671» [Масанов 1957: 264]
311	Нечетный, Ст.	«Нечетный, Ст. = Степ. Ник. Слетов "Соврем." 1914; "Новости" 1915, №№ 229, 230; "За рубежом" 1915, № 3. Ист.: Памяти С. Н. Слетова. Париж, 1916, 108 (Б. Воронов)» [Масанов 1957: 264]
312	Нечуждый	«Нечуждый = Пав. Ив. Заякин "Урал. Жизнь". Ист.: сбщ. В. А. Весновского» [Масанов 1957: 264]
313	Не Шекспир, а Ланской	«Не Шекспир, а Ланской = Ал-др Ив. Виноградов "Стрек." 1878. Ист.: см. "Ланской"» [Масанов 1957: 264]
314	Не юбиляр	«Не юбиляр = Конст. Арс. Михайлов "Стрек." 1904-05. Ист.: сбщ. автор» [Масанов 1957: 264]
315	Не-я	«Не-я = Серг. Павл. Колошин "Развл." 1859-61; "Зритель" 1862-63. Ист.: "Р. Архив" 1871, 492 (Геннади)» [Масанов 1957: 264]
316	Не я	«Не я = Ив. Парф. Горизонтов "Сарат. Лист." Ист.: Соколов, 59» [Масанов 1957: 264]
317	Не я	«Не я = Ив. Ал-сеев. Майоров "Пересмешник" 1917-18. Ист.: сбщ.

		А. Е. Ноздрин» [Масанов 1957: 264]
318	Не я	«Не я = Ник. Ив. Пастухов "Моск. Лист." Ист.: Карц. и Маз., 91; "Моск. Газ." 1911, № 90 (Старый сотрудник)» [Масанов 1957: 265]
319	Не-я, К.	«Не-я, К. = Конст. Ив. Арабажин Ист.: ИРЛИ» [Масанов 1957: 240]
320	Никто	«Никто = Мих. Ал-др. Ашкинази "Веч. Заря"; "Буд." 1908-09. Ист.: сбщ, автор» [Масанов 1957: 269]
321	Никто	«Никто = Юрий Ник. Говоруха-Отрок "Южн. Край" 1880-х гг. Ист.: "Моск. Вед." 1909, № 172 (Вас. Иванов); Мац, 118» [Масанов 1957: 270]
322	Никто	«Никто = Як. Дм. Земский "Свисток" 1912» [Масанов 1957: 270]
323	Никто	«Никто = Ник. Аполл. Путята "Мирск. Толк."; "Свет и Тени" 1880-х гг. Ист.: Карц. и Маз., 93» [Масанов 1957: 270]
324	Никто	«Никто = Ник. А. Тагамлицкий В ростов. н/Д. изд.: "Известия"; "Сов. Дон."; "Молот" 1920-х гг. Ист.: "Изв. ВЦИК" 1926, № 278 (2909) (некролог); "Журналист" 1927, № 1, 47»

		[Масанов 1957: 270]
325	Никто	«Никто = Андр. Зах. Фронштейн Ист.: см. Катал. МОДП 1900, 94 и пс. "Серполетти, А.»» [Масанов 1957: 270]
326	Никто-не	«Никто-не = Вяч. Петр. Чекин "Владим. Газ." 1902-03; "Ниж. Лист." 1903-05; "Сев. Край" 1905; "Владимирец" 1907; "Заур. Край"; "Урал Край"; "Урал Жизнь"; 1900-х гг. Ист.: "Владимирец" 1907, № 125 и др. (Спис. сотр.); Богословский, 106» [Масанов 1957: 270]
327	Никто, Я.	«Никто, Я. = Евт. Павл. Карпов "Орлов, В." 1885-86. Ист.: Архив Венгерова» [Масанов 1957: 270]
328	Ни одной звезды во лбу не имеющий	«Ни одной звезды во лбу не имеющий = Ник. Петр. Румянцев "Собеседник" 1784, VII. Ист.: Пономарев, 289» [Масанов 1957: 271]
329	Ни под каким видом не Вор-отцов?	«Ни под каким видом не Вор-отцов? = Ал-сей Петр. Сухов "Развл." 1871, № 12. Ист.: ИРЛИ; Масанов, II, 108» [Масанов 1957: 265]
330	Педагог без учеников	«Педагог без учеников = Ив. Дм. Белов "Стрек." 1884; "Осколки" 1880-х гг Ист.: "Осколки" 1886, № 29 (некролог); Карц. и

		Маз., 103» [Масанов 1957: 355]
331	Рабочий Александр Безвестный	«Рабочий Александр Безвестный = Ал-др Эттингер Ист.: "Кн. Лет." 1908, 3401; 1909, 11692; 1910, 1496 и др.» [Масанов 1958: 24]
332	Совсем не я	«Совсем не я = Петр Сем. Цейхенштейн "Астрах. Лист." "Астрах. В."; "Суфлер"; "Гудок" с 1883. Ист.: Архив Венгерова» [Масанов 1958: 123]
333	Товарищ без претензий	«Товарищ без претензий = Я. Кальмансон "Работник" (Женева) 1897, № 3-4. Ист.: сбщ. А. И. Попов» [Масанов 1958: 170]
334	Устинов–Безземел ьный	«Устинов–Безземельный = Ал. Ал. Устинов "Земля и Воля" 1917. Ист.: ИРЛИ» [Масанов 1958: 186]
335	Ч. без с.	«Ч. без с. = Антон Павл. Чехов "Зритель" 1883, № 10. Ист.: Масанов Чехов, 6; см. еще "Человек без селезенки"» [Масанов 1958: 226]
336	Человек без ...	«Человек без ... = Фед. Фед. Благов "Буд." 1913» [Масанов 1958: 232]
337	Человек без селезенки	«Человек без селезенки = Ант. Павл. Чехов "Москва" 1882, №№ 3, 12, 27; "Зритель" 1883,

		№№ 1, 2, 7, 10, 12, 14, 19, 21; "Осколки" 1883-87; "Развл." 1884, №№ 36, 43; "Сверчок" 1886, №№ 10, 37, 39. Ист.: "Осколки" 1904, № 28 (некролог); Смирнов, Чехов, 49, 54, 57; Масанов, Чехов; "Р. Мысль" 1909, № 6, 60; Мац., 505. У Карц. и Маз. (135) ошиб. припис. Е. А. Вернеру» [Масанов 1958: 232]
338	Человек без слепой кишки	«Человек без слепой кишки = Фед. Фед. Благов "Буд." 1910-х гг.» [Масанов 1958: 233]
339	ь. ъ. й. Безгласный	«ь. ъ. й. Безгласный = Влад. Фед. Одоевский В сб. "Новоселье", ч. II. Спб. 1834. Ист.: Сакулин, I, ч. II, 127» [Масанов 1958: 261]
340	Это не я	«Это не я = Петр Ал-сеев. Опочинин "Фаланга" 1881; "Гусли" 1882. Ист.: Смирнов, 442» [Масанов 1958: 273]

Приложение 2. Негатонимы из «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова, совпадающие с распространенными русскими фамилиями, с указанием источников

№	Негатоним	Источник
1	Неведомов, И.	«Неведомов, И. = Ив. Ник. Перестиани Ист.: Катал. МОДП 1927, доп. I, 19» [Масанов 1957: 252]
2	Неведомский, А.	«Неведомский, А. = Мих. Дм Артамонов "Раб. Город"; "Раб. Край"; "Начало" (Ив. Вознесенск); "Правда"; "Известия ВЦИК". Ист.: сбщ. Л. С. Богданов» [Масанов 1957: 252]
3	Неведомский, М.	«Неведомский, М. = Мих. Петр. Миклашевский "Начало" 1899; "Мир Божий" 1903 06; "Правда" 1904; "Без заглавия" 1906; "Леший" 1906; "Совр. Мир" 1906 09; "Образование" 1907; "Даль" 1909; "Нов. День" 1909; "Нов. Жизнь" 1910 11; "Наша Заря" 1910 12; "Досуг Раб. " 1912; "Запросы Жизни" 1911 12; "Нива" 1914; "Совр. Илл." 1914; "Соврем." 1915; "Голос Мин." 1916; "Нов. День" 1917; "Газ. Девятого Октября" 1917; "Газ. Протеста" 1917; "Металлист"; в сб.: 1)

		<p>"Вершины". 1909; 2) "На рубеже". 1909; 3) Общественное движение в России в начале XX века. Т. 1. Спб. 1909, 4) "Юбилейный Чеховский сб." М. 1910; 5) "История России XIX в.". Спб. 1912. Ист.: Архив Венгерова; Горький, Материалы и исследования, I, 297» [Масанов 1957: 252]</p>
4	<p>Неведомский, М. П.</p>	<p>«Неведомский, М. П. = Мих. Петр. Миклашевский "Начало" 1899; "Мир Божий" 1903 06; "Правда" 1904; "Без заглавия" 1906; "Леший" 1906; "Совр. Мир" 1906 09; "Образование" 1907; "Даль" 1909; "Нов. День" 1909; "Нов. Жизнь" 1910 11; "Наша Заря" 1910 12; "Досуг Раб. " 1912; "Запросы Жизни" 1911 12; "Нива" 1914; "Совр. Илл." 1914; "Соврем." 1915; "Голос Мин." 1916; "Нов. День" 1917; "Газ. Девятого Октября" 1917; "Газ. Протеста" 1917; "Металлист"; в сб.: 1) "Вершины". 1909; 2) "На рубеже". 1909; 3) Общественное движение в России в начале XX века. Т. 1. Спб. 1909, 4) "Юбилейный Чеховский сб." М. 1910; 5) "История России XIX в.". Спб. 1912. Ист.: Архив</p>

		Венгерова; Горький, Материалы и исследования, I, 297» [Масанов 1957: 252]
5	Неведомский, Мих.	«Неведомский, Мих. = Мих. Петр. Миклашевский Зачинатели и продолжители. Пг. 1919. Ист.: Масанов, Чеховиана, I, 36, 106» [Масанов 1957: 252]
6	Неведомский, Ф.	«Неведомский, Ф. = Фед. Макс. Руднев и Ник. Ал-сеев. Некрасов "Пантеон" 1840 х гг. Ист.: Катал. МОДП, 107; Карц. и Маз., 89; Некрасов, V, 52» [Масанов 1957: 252]
7	Неведомский, Федор	«Неведомский, Федор = Фед. Макс. Руднев и Ник. Ал-сеев. Некрасов "Пантеон" 1840 х гг. Ист.: Катал. МОДП, 107; Карц. и Маз., 89; Некрасов, V, 52» [Масанов 1957: 252]
8	Неверин	«Неверин = Пав. Федор. Леонтьев "Ст. Владимирец". Ист.: сбщ. Л. С. Богданов» [Масанов 1957: 252]
9	Неверин, С. П.	«Неверин, С. П. = Серг. Петр. Бочков Мистерии. (Тайны души Иоанна Нагеля) Драма в 5 д. Перед, из ром. Кнута Гамсуна. М. 1911. Ист.: Спис. МОДП, 77» [Масанов 1957: 252]
10	Неверин,	«Неверин, Сергей = Серг. Петр. Бочков Кошмар

	Сергей	страсти. Драма в 4 д. М. 1910; Попранная заповедь. (Нерожденный). Драма в 4 д. Хабаровск. 1913. Ист.: см. "Неверии, С. П."» [Масанов 1957: 253]
11	Неверов, Александр	«Неверов, Александр = Ал-др Серг. Скобелев "В. Трезв." 1909; "Р. Богат." 1910 12; "Ж. д. Всех" 1911; "Понизовье" (Самара) 1919; "Кр. Панорама" 1922; "Крокодил" 1922 24; "Крестьянка" 1922 23; "Искорка" 1924; в сб.: 1) "Вехи Октября". М. 1923; 2) "Живой Крокодил". М., 1923; 3) "Наш Труд" 1924, № 22 и отд. произв. Ист.: Никитина, Неверов, 124, 125, 131; Неверов, Соч. VI, 275 78; "Кн. Лет." 1924, 6372» [Масанов 1957: 253]
12	Неверов, А.	«Неверов, А. = Ал-др Серг. Скобелев "В. Трезв." 1909; "Р. Богат." 1910 12; "Ж. д. Всех" 1911; "Понизовье" (Самара) 1919; "Кр. Панорама" 1922; "Крокодил" 1922 24; "Крестьянка" 1922 23; "Искорка" 1924; в сб.: 1) "Вехи Октября". М. 1923; 2) "Живой Крокодил". М., 1923; 3) "Наш Труд" 1924, № 22 и отд. произв. Ист.: Никитина, Неверов, 124, 125, 131; Неверов, Соч. VI, 275 78;

		"Кн. Лет." 1924, 6372» [Масанов 1957: 253]
13	Неверов П.	«Неверов П. = Пав Мих. Умов "Борцы" 1906; "Стрела" 1907» [Масанов 1957: 253]
14	Неверов Павел	«Неверов Павел = Пав Мих. Умов "Борцы" 1906; "Стрела" 1907» [Масанов 1957: 253]
15	Неверов, Сергей	«Неверов, Сергей = Викт. Ал-др. Гольцев "Р. Мысль" 1881, №№ 2, 4. Ист.: Карц. и Маз., 89» [Масанов 1957: 253]
16	Неверова, Елена	«Неверова, Елена = Елена Ник. Криджи Ист.: Спис. ЛОДП, 24» [Масанов 1957: 253]
17	Невесов, А.	«Невесов, А. = Ал-др Ефим. Новоселев "Омск. В." 1909 10. Ист.: Из прошлого Сибири. Омск. 1926, 46, 48, 53 (в ст. Ф. Г. Виноградова "Рабочая печать в Сибири"); Здобнов, 38, 39» [Масанов 1957: 253]
18	Невзоров	«Невзоров = Илья Ник. Березин "ЖМНП"; "Р. В."; "Москвит"; "Б ка д. Чт."; "Отеч. Зап."; "Моск. Вед."; "Спб. Вед.": "Геогр. Сб." 1850 60 х гг.; "Все мир. Илл."; НЭСБ. Ист.: "Всемир. Илл." 1896, № 1420, 417; Шест.» [Масанов 1957: 253]
19	Невзоров, Ив.	«Невзоров, Ив. = Ив. Зарубин "Нива" 1892, №№ 14 15. Ист.: Ред. "Нивы"» [Масанов 1957: 253]

20	Неволин	«Неволин = Фед. Мих. Сенюшкин "Правда" 1913» [Масанов 1957: 253]
21	Неволин, Гр.	«Неволин, Гр. = Григ. Наум. Брейтман "Киев. Слово" 1890 х гг. Ист.: "Киев. Мысль" 1909, № 92 (Яр-ич)» [Масанов 1957: 253]
22	Неволин, И.	«Неволин, И. = Ив. Леонт. Леонтьев Охота на корреспондента. Комедия. Литогр. изд. Ист.: Фидлер, 100; Катал. МОДП, 209, 380; Спис. МОДП, 79» [Масанов 1957: 253]
23	Неволин, П.	«Неволин, П. = Евг. Пант. Добровольский "Степ. Край" 1900 х гг. Ист.: Венгеров, Спис. II, 153» [Масанов 1957: 253]
24	Негорев	«Негорев = Ник. Ив. Иорданский "Искра" (Женева) 1904, №№ 61, 77; "Нев. Газ." 1906; "Звезда" 1911; в сб. "За два года". Спб. 1906. Ист.: "Звезда", в. II, 26; МСЭ, III, 502; Справоч. том к 4 изд. Срч. В. И. Ленина, ч. 2, 224» [Масанов 1957: 254]
25	Негорев, Н.	«Негорев, Н. = Ник. Ив. Иорданский "Искра" (Женева) 1904, №№ 61, 77; "Нев. Газ." 1906; "Звезда" 1911; в сб. "За два года". Спб. 1906. Ист.: "Звезда", в. II, 26; МСЭ, III, 502; Справоч.

		том к 4 изд. Срч. В. И. Ленина, ч. 2, 224» [Масанов 1957: 254]
26	Негорев, Н.	«Негорев, Н. = Ал-др. Раф. Кугель "Театр и Искус." 1890 1900 х гг. Ист.: ibid., 1906, юбил. №, с. 5; Масанов, Чеховиана, I, 41, 106» [Масанов 1957: 254]
27	Негорев, Николай	«Негорев, Николай = Ал-др. Раф. Кугель "Театр и Искус." 1890 1900 х гг. Ист.: ibid., 1906, юбил. №, с. 5; Масанов, Чеховиана, I, 41, 106» [Масанов 1957: 254]
28	Недоли	«Недоли = Мих. Дм. Подвысоцкий Ист.: Катал. МОДП, 81, 191» [Масанов 1957: 255]
29	Недолин	«Недолин = Ал-др Степ. Афанасьев "Молодик" на 1843 год. Харьков. 1843. Ист.: Быков, Афанасьев, (III)» [Масанов 1957: 255]
30	Недолин	«Недолин = И. П. Маркелов "Власть Труда"; "Пахарь Башкирии" (Уфа) 1924. Ист.: Газ. и кн. мир, I, отд. II, 35; II, отд, 45» [Масанов 1957: 255]
31	Недолин	«Недолин = М. Маркс Недолин "Ж. Охоты и Конноз." 1872; "Прир. и Охота" 1879. Ист.: Сабанеев, 29» [Масанов 1957: 255]
32	Недолин, А.	«Недолин, А. = Ал-др Степ. Афанасьев "Пб.

		Лист." 1864; "Нов. Р. Базар" 1867, № 17. Ист.: Быков, Афанасьев (XI, XII); РБС, II, 379; Тулуб, 17. У Скроботова (11) этот пс. приписан А. Волгину [т. е. А. Н. Иволгину]» [Масанов 1957: 255]
33	Недолин, А.	«Недолин, А. = Ал-сей Осип. Благоразумов "Сев. В." 1898, №№ 3 5; "Жизнь" 1899» [Масанов 1957: 255]
34	Недолин, Ал.	«Недолин, Ал. = Ал-сей Осип. Благоразумов "Сев. В." 1898, № 2; "Одес. Нов."; "Нов. Обзор." 1890 х гг. Ист.: "Ист. В." 1901, № 11 (некролог)» [Масанов 1957: 255]
35	Недолин, Ал. О.	«Недолин, Ал. О. = Ал-сей Осип. Благоразумов "Сев. В." 1898, № 6 7; "Жизнь" 1899; – Искры. Очерки и рассказы. М. 1899; Психология босячества. (По соч. М. Горького). Одесса. 1900» [Масанов 1957: 255]
36	Недолин, Сергей	«Недолин, Сергей = Серг. Ал-др. Поперек "Лебедь" 1908 09; "Нов. Ж. д. Всех" 1910; "Своб. Худож." 1912; "Юн. Россия" 1912 15; "В. Европы" 1915; "Ж. Ж." 1915 16; "Лукоморье" 1915. Ист.: Архив. Венгерова; Катал. МОДП, 99,

		109, 349, 360. У Венгерова в Списке (156) показано наоборот, т.е. пс. показан настоящей фамилией» [Масанов 1957: 255]
37	Нежданов, А.	«Нежданов, А. = Фед. Андр. Липкин. "Научн. Обзор.", кн. VIII–IX, Ист.: Мезьер, Слов, указ., I, 784» [Масанов 1957: 255]
38	Нежданов, Андрей	«Нежданов, Андрей = Петр Никанор. Зайцев. "В. Жизни" 1918. Ист.: сбщ. автор» [Масанов 1957: 255]
39	Нежданов, Андрей	«Нежданов, Андрей = Юлий Мих. Соболев "Соврем." 1911; "Р. Богат." Ист.: "Кр. Нива" 1926, № 2 (Ю. Соболев); "Кат. и Ссылка" 1926, № 5 (26), 237» [Масанов 1957: 255]
40	Нежданов, Арсений	«Нежданов, Арсений = Петр Никанор. Зайцев "Нов. Ж. д. Всех" 1914. Ист.: общ. автор» [Масанов 1957: 255]
41	Нежданов, Л.	«Нежданов, Л. = Як. Бор. Лившиц Словарь для читателей газет. Л. 1929. Ист.: Всесоюз. кн. л.» [Масанов 1957: 256]
42	Нежданов, П.	«Нежданов, П. = Фед. Андр. Липкин. "Науч. Обзор." 1898; "Жизнь" 1899 1900, "Правда" 1899; "Образование" 1903, №№ 2, 3; "Наша Доля"

		1906; "Дело Жизни" 1907; "Наша Заря" 1910 14; "Ж. д. Всех" 1914; в об. "Политич. положение и тактич. приемы". 1906; – Нравственность. М. 1898. Ист.: Ленин, Соч., изд. 3, II, 656, 597; XII, 559; Справоч. том к 4 изд. Соч. В. И. Ленина, ч. 2, 247» [Масанов 1957: 256]
43	Нежданова, М. Н.	«Нежданова, М. Н. = Мария Ник. Ананьева Ист.: Архив Венгерова; Катал. МОДП, 65» [Масанов 1957: 256]
44	Нежданова, С.	«Нежданова, С. = Софья Ник. Златовратская В период печати 1906 1910 гг.» [Масанов 1957: 256]
45	Незванов, А.	«Незванов, А. = Ал-сей Серг. Брайловский "Крым. Курьер" 1906; "Приволж. Край" 1906; "В. Жизни" 1907. Ист.: Архив Венгерова» [Масанов 1957: 256]
46	Незванов, Д.	«Незванов, Д. = Дм. Викт. Виндинг (Гарин) Дикари. Ком. в 4 д. М. 1887; Маг и волшебник. Ком. шутка в 4 д. Пер. с нем. М. 1888; Три пчелки. Ком. в 4 д. (Переделка). М. [1888]. Ист.: Архив Венгерова» [Масанов 1957: 256]
47	Незванов, Д. и	«Незванов, Д. и Боярский, А. =

	Боярский, А.	Дм. Викт. Виндинг (Гарин) и Ал-сей Авг. Мансфельд Наездница. Ком. в 4 д. М. 1891. Ист.: Катал. МОДП» [Масанов 1957: 256]
48	Незванов, Д. и Е. А.	«Незванов, Д. и Е. А. = Дм. Викт. Виндинг (Гарин) и... (?) По газетному предостережению. (Ракло). Ком. шутка в 3 х актах. М. [1888]. Ист.: см. "Названов, Д."» [Масанов 1957: 256]
49	Незванов, Д. В.	«Незванов, Д. В. = Дм. Викт. Виндинг (Гарин) Вера, Надежда, Любовь. Ком. в 4 д. М. 1888» [Масанов 1957: 256]
50	Незванов, П.	«Незванов, П. = Пав. Ник. Тиц Детские рассказы. Спб. 1883; изд. 2. 1890; Федина курочка. Спб. 1890. Ист.: Спис. изд. 1900, 301, 329; Языков, V, 140; VII, (IX)» [Масанов 1957: 256]
51	Незванов Павлов	«Незванов Павлов = Дм. Викт. Виндинг (Гарин) Ист.: Катал. МОДП, 203; Венгеров, Источн., I, 577» [Масанов 1957: 256]
52	Незлобин	«Незлобин = Ал-др. Ал-др. Дьяков "Одес. В." 1873, № 97; "Р. В." 1875 78, 1880; "Моск. Вед."; "Нов. Время" 1870 80 х гг.; "Берег" 1880; – Кружковщина. Спб. 1878; Нигилизм и

		литературное развитие Одесса. 1880; Ист.: Пономарев, 289; ЭСГ, XI, 638, 674» [Масанов 1957: 257]
53	Незлобин, А.	«Незлобин, А. = Ал-др. Ал-др. Дьяков "Одес. В." 1873, № 97; "Р. В." 1875 78, 1880; "Моск. Вед."; "Нов. Время" 1870 80 х гг.; "Берег" 1880; – Кружковщина. Спб. 1878; Нигилизм и литературное развитие Одесса. 1880; Ист.: Пономарев, 289; ЭСГ, XI, 638, 674» [Масанов 1957: 257]
54	Незлобин, Вл.	«Незлобин, Вл. = Влад. Як. Морозов "Курск. Губ. Вед." 1902, № 265; 1903, № 272; 1904, № 59 60. Ист.: сбщ. Н. А. Королев» [Масанов 1957: 257]
55	Незлобин, С.	«Незлобин, С. = Сем. Вас. Недачин "Нов. Время"; "Моск. Вед."; "Веч. В."; "Бирж. Вед."; "Россия"; "Колокол" и др. 1900 10 х гг. Ист.: Архив Венгерова» [Масанов 1957: 257]
56	Незнаев, Иван	«Незнаев, Иван = Серг. Степ. Степанов Ист.: Заволокин, 152» [Масанов 1957: 257]
57	Незнамов	«Незнамов = Лев Иванов Ист.: Венгеров, Спис., II, 157» [Масанов 1957: 257]
58	Незнамов	«Незнамов = Конст. Ал-сеев. Иеропольский Ист.:

		Науч. раб. СССР, 149» [Масанов 1957: 257]
59	Незнамов, В.	«Незнамов, В. = Викт. Викт. Протопопов За честь отца. Драма в 5 д. и 6 карт. С фр. М. 1898; Укротительница зверей. Фарс в 3 д. Пер. с фр. [М. 1898]; Ночь серебряной свадьбы. Фарс в 3 д. Пер. с фр. М. 1901 и др. Ист.: Катал. МОДП» [Масанов 1957: 257]
60	Незнамов, В.	«Незнамов, В. = Валер. Ив. Яхонтов "Наш Путь" 1913; "Раб. Труд" 1914. Ист.: "Прол. Рев." 1923, № 2 (14), 409; № 9 (21), 168, 172» [Масанов 1957: 257]
61	Незнамов, В. и Ленин, С.	«Незнамов, В. и Ленин, С. = Викт. Викт. Протопопов и Серг. Конст. Алафузов Счастливейший из трех. Фарс в 3 д. Пер. с фр. М. 1899; Буры из Трансваля. Шутка фарс в 3 д. Спб. 1900» [Масанов 1957: 257]
62	Незнамов, В. и Нард. Н.	«Незнамов, В. и Нард. Н. = Викт. Викт. Протопопов и Ник. Сем. Леонард Дама из кафешантана. Фарс в 3 д. Спб. 1900. Ист.: Катал. МОДП, 67, 360» [Масанов 1957: 257]
63	Незнамов,	«Незнамов, Всеволод =

	Всеволод	Влад. Митроф. Пуришкевич Накута и Карни. Когда? После диспута. Аккерман. 1899. Ист.: сбщ. П. Н. Берков» [Масанов 1957: 257]
64	Незнамов, Л.	«Незнамов, Л. = Пав. Фед. Теплов "Раб. Дело" 1899 1900; "Лист. Раб. Дела" 1900 01; "Нев. В." 1906, №№ 1, 4. Ист.: С. д. изд., I, 34 35; Первая р. рев., 675, 683» [Масанов 1957: 257]
65	Незнамов, П.	«Незнамов, П. = Петр Ив. Лежанкин "Леф", "Кр. Нива" 1920 х гг.; "Мол. Гвардия" (М.) 1925; "Кр. Новь"; в сб. "Пикник Поэтов". Чита. 1920; "Камень". Чита. 1922; альм. "Круг"; – Пять столетий. (Стихи). М. 1923; Звери на свободе. (Стихи). М 1926. Ист.: Здобнов, 32, 38» [Масанов 1957: 257]
66	Незнамов (Русский)	«Незнамов (Русский) = Григ. Спир. Петров "Рус. Слово" 1902 04. Ист.: Архив "Р. Слова"» [Масанов 1957: 257]
67	Нелюбин	«Нелюбин = Георг. Карл. Гегер Ист.: Архив Венгерова» [Масанов 1957: 260]
68	Нелюбов	«Нелюбов = Ал-др. Вас. Арсеньев "Нива" 1876, № 30. Ист.: Венгеров, Слов., I, 777» [Масанов 1957: 260]

69	Нелюбов, Л.	«Нелюбов, Л. = Герм. Авг. Ларош "Р. В." 1869, №№ 7, 10; 1870, №№ 3, 6, 8. Ист.: Письма русских писателей к А. С. Суворину. Л. 1927, 110» [Масанов 1957: 260]
70	Нелюдимов	«Нелюдимов = Ант. Сигизм. Ловенгардт "Днепр. Молва" 1899 1900. Ист.: Архив Венгерова» [Масанов 1957: 260]
71	Немиров	«Немиров = Маркус Солом. Головчинер "Медицина". Ист.: Венгеров, Спис., I, 189» [Масанов 1957: 261]
72	Ненашев	«Ненашев = Гавр. Мих. Баломез "Спб. Газ."; "Своб. Россия"; "Балкан. Заря"; "Прогресс". Ист.: Венгеров, Слов., VI, 228 (В. Баранов); БЭ, XXI, 45; у Кантора в "Кат. и Ссылке" 1929 1930 (с. 13) указ, подпись "Ненаш"» [Масанов 1957: 261]
73	Ненашев, К.	«Ненашев, К. = Конст. Ал-сеев. Пажитков "Нар. Газ." 1906 07. Ист.: Архив Венгерова» [Масанов 1957: 261]
74	Несмелов, Н.	«Несмелов, Н. = Ник. Ал-др. Соловьев Беллетристика 1890 х гг.» [Масанов 1957: 263]
75	Нестроев	«Нестроев = Петр Ник. Кудрявцев "Соврем." 1847, № 2: Без рассвета. Ист.: Мезьер, Рус.

		словесность, II, 167» [Масанов 1957: 263]
76	Нестроев, А.	«Нестроев, А. = Петр Ник. Кудрявцев "Отеч. Зап." 1844, № 36; 1845, № 42; 1847, № 51; "Моск. Наблюдатель"; "Спб. Вед." 1863, № 20 22, 24, 27, 28. Ист.: "Библиогр. Зап." 1859, № 20, 649 50 (Г. Геннади); в кн. автора: Повести и рассказы. Ч. I. М. 1860 (в предисл.); "Спб. Вед." 1863, № 120» [Масанов 1957: 264]

Приложение 3. Способы образования негатонимов из «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей»

И.Ф. Масанова

2.5.1 Способы образования негатонимов

2.5.1.1 Префиксальные способы образования негатонимов

(1) Префикс *не-* в сочетании с мотиваторами, которые восходят

- к существительным:

а) к собственным именам существительным:

Слитное написание: *Микель Анджело* > *Микель Неанджело* [Масанов 1957: 187], *Вагнер, Гуно* > *Невагнер и Негуно* [Масанов 1957: 252], *Гейне* > *Негейне, Иван* [Масанов 1957: 254], *Горький* > *Негорький* [Масанов 1957: 254], *Гуно* > *Негуно* [Масанов 1957: 255], *Макаров* > *Немакаров* [Масанов 1957: 260], *Максим Горький* > *Немаксим Горький* [Масанов 1957: 260], *Панов* > *Непанов, М.* [Масанов 1957: 262], *Твен Марк* > *Нетвен, Марк* [Масанов 1957: 264];

Дефисное написание: *Аз* > *Аз и Не-Аз* [Масанов 1956: 89], *Не-Аз* [Масанов 1957: 252], *Александр Македонский* > *Не-Македонский, Александр* [Масанов 1957: 260], *Архангельский* > *Не-Архангельский* [Масанов 1960: 16], *Ашинов* > *Не-Ашинов* [Масанов 1957: 252], *Белинский* > *Не-Белинский* [Масанов 1957: 252], *Буква* > *Не-Буква* [Масанов 1957: 252], *Буренин* > *Не-Буренин* [Масанов 1957: 252],

Вересаев > *Не-Вересаев* [Масанов 1957: 252], *Гарольд* > *Не-Гарольд* [Масанов 1957: 254], *Гейне* > *Не-Гейне*, а *Трэмбач* [Масанов 1957: 254], *Гомер* > *Не-Гомер* [Масанов 1957: 254], *Гоголь* > *Не-Гоголь* [Масанов 1957: 254], *Гуно* > *Не-Гуно* [Масанов 1957: 255], *Данте* > *Не-Данте* [Масанов 1957: 255], *Жуковский* > *Не-Жуковский* [Масанов 1957: 256], *Каразин* > *Не-Каразин* [Масанов 1957: 258], *Конфуций* > *Не-Конфуций* [Масанов 1957: 259], *Крестовский* > *Не-Крестовский* [Масанов 1957: 259], *Крылов* > *Крылов* и *Не-Крылов* [Масанов 1957: 81], *Не-Крылов* [Масанов 1957: 259], *Мещерский* > *Не-Мещерский* [Масанов 1957: 261], *Некрасов* > *Не-Некрасов* [Масанов 1957: 261], *Романов* > *Не-Романов* [Масанов 1957: 263];

б) к нарицательным именам существительным:

Слитное написание: *воля* > *Неволя* [Масанов 1957: 253]¹, *декабрист* > *Недекабрист* [Масанов 1957: 255], *доля* > *Недоля* [Масанов 1957: 255], *Недоли* [Масанов 1957: 255]², *Недоля Зарубенский* [Масанов 1957: 255]³, *змея* > *Незмея* [Масанов 1957: 257], *книжник* > *Некнижник*, *Алексей* [Масанов 1957: 258], *любитель* > *Нелюбитель* [Масанов 1957: 260], *смоленец* > *Несмоленец*, *Я.* [Масанов 1957: 263], *техник* > *Нетехник* [Масанов 1957: 264];

Дефисное написание: *врач* > *Не-врач* [Масанов 1957: 253],

¹ «Воля→не-воля» [Ширшов 2004: 182].

² Псевдонимы *Недоля* и *Недоли* принадлежат одному автору – драматургу М.Д. Подвысоцкому (см. [Масанов 1960: 374]), в связи с чем второй из негатонимов, на наш взгляд, можно интерпретировать как форму множественного числа.

³ «не/дол/я» [Тихонов 2010: 301].

географ > *Не-географ* [Масанов 1957: 254], *герольд* > *Не-Герольд* [Масанов 1957: 254], *гомеопат* > *Не-гомеопат* [Масанов 1957: 254], *депутат* > *Не-депутат* [Масанов 1957: 255], *дилетант* > *Не-дилетант* [Масанов 1957: 255], *еврей* > *Не-еврей* [Масанов 1957: 255], *коммунист* > *Не-коммунист* [Масанов 1957: 259], *критик* > *Не-критик* [Масанов 1957: 259], *народник* > *Не-Народник* [Масанов 1957: 261], *политик* > *Не-политик* [Масанов 1957: 262], *профессор* > *Не-профессор* [Масанов 1957: 262], *сибиряк* > *Не-сибиряк* [Масанов 1957: 263], *статистик* > *Не-статистик* [Масанов 1957: 263];

- к прилагательным:

Слитное написание: *богатый* > *Небогатый, И.* [Масанов 1957: 252]¹, *верный* > *Неверный, А.* [Масанов 1957: 253], *Неверный, Фома* [Масанов 1957: 253]², *веселый* > *Невеселый, А.* [Масанов 1957: 253]³, *возможный* > *Невозможный юморист* [Масанов 1957: 253]⁴, *грамотный* > *Неграмотный, Антон* [Масанов 1957: 254]⁵, *женатый* > *Неженатый, Серафим* [Масанов 1957: 256]⁶, *заметный* > *Незаметный* [Масанов 1957: 256], *Незаметный, Макар* [Масанов 1957: 256]⁷, *злобный* > *Незлобный автор* [Масанов 1957: 257], *Незлобный поэт*

¹ «Богатый→не-богатый» [Ширшов 2004: 87].

² «Верный→не-верный» [Ширшов 2004: 144].

³ «Веселый→невеселый» [Цыганенко 1982: 131].

⁴ «Возможный→не-возможный» [Ширшов 2004: 177].

⁵ «Грамотный→не-грамотный» [Ширшов 2004: 236].

⁶ «не/жен/ат/ый» [Тихонов 2010: 302].

⁷ «Заметный→не-заметный» [Ширшов 2004: 484].

[Масанов 1957: 257], *знатный* > *Незнатный*, *Борис* [Масанов 1957: 257]¹, *известный* > *Неизвестная*, *Ольга* [Масанов 1957: 257], *Неизвестный* [Масанов 1957: 257, 258], *Неизвестный автор* [Масанов 1957: 258], *Неизвестный*, *Евгений* [Масанов 1957: 258], *Неизвестный каноник Ignorante bambinelli* [Масанов 1957: 258], *Неизвестный сочинитель* [Масанов 1957: 258]², *известный, ученый* > *Неизвестное общество неученых людей* [Масанов 1957: 257], *истовый* > *Неистовый балетоман* [Масанов 1957: 258], *Неистовый велосипедист* [Масанов 1957: 258]³, *мудрый* > *Немудрый*, *Дмитрий* [Масанов 1957: 261]⁴, *знакомый* > *Незнакомый* [Масанов 1957: 257], *незнакомый* > *Нензнакомый* [Масанов 1957: 261]⁵, *нужный* > *Ненужный человек* [Масанов 1957: 261]⁶, *ответственный* > *Неответственный редактор Индеец* [Масанов 1957: 262], *популярный* > *Непопулярный литератор* [Масанов 1957: 262], *практический* > *Непрактический человек* [Масанов 1957: 262], *присяжный* > *Неприсяжный рецензент* [Масанов 1957: 262], *ровный* > *Неровный*, *М.Я.* [Масанов 1957: 263]⁷, *светский* > *Несветский* [Масанов 1957: 263], *сентиментальный* > *Несентиментальная юмористка* [Масанов 1957: 263], *скромный* > *Нескромный*, *Виктор* [Масанов 1957: 263], *Нескромный*, *Иван* [Масанов 1957: 263], *Нескромный наблюдатель*

¹ «не/знат/н/ы/й» [Тихонов 2010: 303].

² «не/извест/н/ый» [Потиха 1999: 147].

³ «неистов(ый)» [Тихонов 1985: 661].

⁴ «Мудрый→не-мудрый» [Ширшов 2004: 521].

⁵ «Знакомый→не-знакомый» [Ширшов 2004: 339].

⁶ «не/нужн/ый» [Тихонов 2010: 304].

⁷ «Ровный→не-ровный» [Ширшов 2004: 758].

[Масанов 1957: 263]¹, *смелый* > *Несмелый*, *К.* [Масанов 1957: 263], *Несмелый*, *Н.С.* [Масанов 1957: 263]², *современный* > *Несовременный человек* [Масанов 1957: 263]³, *спартанский* > *Неспартанский*, *Леонид* [Масанов 1957: 263], *старый* > *Нестарый петербуржец* [Масанов 1957: 263], *Нестарый театрал* [Масанов 1957: 263]⁴, *терпеливый* > *Нетерпеливая невеста* [Масанов 1957: 264]⁵, *удачный* > *Неудачный* [Масанов 1957: 264], *Неудачный редактор Wlas* [Масанов 1957: 264]⁶, *четный* > *Нечетный*, *С.* [Масанов 1957: 264], *Нечетный*, *Ст.* [Масанов 1957: 264]⁷, *чуждый* > *Нечуждый* [Масанов 1957: 264];

Дефисное написание: *либеральный* > *Не-либеральный скептик* [Масанов 1957: 260], *лишний* > *Не-лишний* [Масанов 1957: 260], *сумский* > *Не-сумский библиограф* [Масанов 1957: 264];

- к финитным глагольным формам:

Слитное написание: *скажусь* > *Нескажусь* [Масанов 1957: 263], *Нескажусь*, *Петр* [Масанов 1957: 263], *скажуся* > *Нескажуся* [Масанов 1957: 263];

- к форме повелительного наклонения глагола:

Слитное написание: *замай* > *Незамай*, *В.* [Масанов 1957: 256],

Незамай, *Григорий* [Масанов 1957: 256];

¹ «Скромный→не-скромный» [Ширшов 2004: 801].

² «не/сме/л/ый» [Тихонов 2010: 308].

³ «не/со/врем/ен/н/ый» [Тихонов 2010: 308].

⁴ «Старый→не-старый» [Ширшов 2004: 811].

⁵ «Терпеливый→не-терпеливый» [Ширшов 2004: 823].

⁶ Возможно установление отношений неединственной производности: «Неудач(а)→неудач-н-ый и удачный→не-удачный» [Ширшов 2004: 256].

⁷ «не/чет/н/ый» [Потиха 1999: 150].

- к причастиям:

Слитное написание: *ведомый* > *Неведомый* [Масанов 1957: 252]¹, *видомый* > *Невидомый* [Масанов 1957: 253], *зависимый* > *Независимый* [Масанов 1957: 256]², *званный* > *Незванный, Андрей* [Масанов 1957: 256]³, *знаемый* > *Незнаемый сочинитель* [Масанов 1957: 257]⁴, *помнящий* > *Непомнящий* [Масанов 1957: 262], *Непомнящий, Иван* [Масанов 1957: 262], *Непомнящий, Сергей* [Масанов 1957: 262], *признанный* > *Непризнанный* [Масанов 1957: 262], *Непризнанный гений* [Масанов 1957: 262], *Непризнанный поэт* [Масанов 1957: 262]⁵, *увенчанный* > *Неувенчанный поэт* [Масанов 1957: 264], *унывающий* > *Неунывающий гражданин* [Масанов 1957: 264], *Неунывающий поэт* [Масанов 1957: 264], *Неунывающий харьковец* [Масанов 1957: 264]⁶;

- к предикативным наречиям:

Слитное написание: *надо* > *Ненадо, Г.* [Масанов 1957: 261], *Ненадо, Густав* [Масанов 1957: 261];

Дефисное написание: *надо* > *Не-Надо, Густав* [Масанов 1957: 261];

- к местоимениям:

а) к личным местоимениям:

¹ «Ведомый→не-ведомый» [Ширшов 2004: 134].

² «Зависимый→не-зависимый» [Ширшов 2004: 325].

³ «Званный→не-званный» [Ширшов 2004: 329].

⁴ «не/зна/ем/ый» [Тихонов 2010: 303].

⁵ «не/при/зна/нн/ый» [Тихонов 2010: 306].

⁶ «не/уны/ва/ющ/ий» [Тихонов 2010: 309].

Раздельное написание: «*Нея*» > *Не Нея* [Масанов 1957: 261];

Дефисное написание: *я* > *Не-я* [Масанов 1957: 264], *Не-я, К.*
[Масанов 1957: 240];

б) к притяжательным местоимениям:

Дефисное написание: *ваши* > *Не-ваши* [Масанов 1957: 252];

Слитное написание: *свой* > *Несвой* [Масанов 1957: 263];

- к инициалу:

Дефисное написание: *Б.* > *Не-Б.* [Масанов 1957: 240], *В.* > *не-В.*
[Масанов 1957: 240];

- к словам, частеречная принадлежность которых не определяется
однозначно:

Слитное написание: *гласный* (прил.) / *гласный* (сущ.) > *Негласный*
[Масанов 1957: 254]¹, *Жюль Верн* (сущ. собств.) / *верный* (прил.) > *Жюль*
Неверный [Масанов 1960: 135], *треба* (сущ.) / *треба* (предикативное
наречие; из украинского языка) > *Нетреба* [Масанов 1957: 264];

Дефисное написание: *бессарабец* (сущ. нариц.) / *Бессарабец* (сущ.
собств.) > *Не-бессарабец* [Масанов 1957: 252], *гласный* (прил.) / *гласный*
(сущ.) *Не-гласный* [Масанов 1957: 254].

(2) Префикс *ни-* в сочетании с мотиваторами, которые восходят

- к личным местоимениям:

Слитное написание: *кто* > *Никто* [Масанов 1957: 269, 270], *Никто,*

¹ «Гласный→не-гласный» [Ширшов 2004: 224], «не/глас/н/ый» [Тихонов 2010: 300].

Я. [Масанов 1957: 270]¹.

2.5.1.2 Образования с отрицательной частицей *не*

Частица *не* в сочетании с мотиваторами, которые восходят

- к существительным:

а) к собственным именам существительным:

Раздельное написание: *Микель Анджело* > *Микель, но не Анджело* [Масанов 1957: 187], *Демьян Бедный* > *Не Демьян, но бедный* [Масанов 1957: 255], *Козьма Прутков* > *Не Козьма Прутков* [Масанов 1957: 258], *Ламанчский* > *Не Ламанчский* [Масанов 1957: 260], *Ленин* > *Не Ленин* [Масанов 1957: 260], *Александр Сергеевич Пушкин* > *Не Пушкин, Александр Сергеевич* [Масанов 1957: 262], *Шекспир* > *Не Шекспир, а Ланской* [Масанов 1957: 264];

б) к нарицательным именам существительным:

Раздельное написание: *артист* > *Не артист* [Масанов 1957: 252], *врач* > *Не врач* [Масанов 1957: 253], *дипломат* > *Не дипломат* [Масанов 1957: 255], *сибиряк* > *Жорж не Сибиряк* [Масанов 1956: 379], *игрек (И. Грэк)* > *Не И. Грэк* [Масанов 1957: 252], *миллионер* > *Не миллионер* [Масанов 1957: 261], *музыкант* > *Не музыкант* [Масанов 1957: 261, 374], *полтавец* > *Не полтавец* [Масанов 1960: 16], *помещик* > *Не помещик* [Масанов 1957: 262], *поэт* > *Не поэт* [Масанов 1957: 262], *спирит* > *Не спирит* [Масанов 1957: 263], *фельетонист* > *Не фельетонист* [Масанов

¹ «ни/кто» [Тихонов 2010: 311].

1957: 264], *юбиляр* > *Не юбиляр* [Масанов 1957: 264];

в) к собственным и нарицательным именам существительным:

Раздельное написание: *Князь Ухтомский* > *Не князь и не Ухтомский* [Масанов 1957: 258];

- к прилагательным:

Раздельное написание: *дикий* > *Не дикий* [Масанов 1957: 255];

- к финитным глагольным формам:

Раздельное написание: *стыжусь* > *Не стыжусь* [Масанов 1957: 264];

- к причастиям:

Раздельное написание: *имеющий* > *Ни одной звезды во лбу не имеющий* [Масанов 1957: 271, *Аз из «Стрекозы», не имеющий ничего общего с «Азом», непомнящим родства из «Мирского Толка»* [Масанов 1956: 89];

- к личным местоимениям:

Раздельное написание: *я* > *Не я* [Масанов 1957: 264, 265], *Совсем не я* [Масанов 1958: 123], *Это не я* [Масанов 1958: 273];

- к предлогу:

Раздельное написание: *на* > *Не на* [Масанов 1957: 261];

- к именным группам:

Раздельное написание: *Вальтер Скотт* > *Не Вальтер Скотт, а Ланской* [Масанов 1957: 252];

- к словосочетаниям с подчинительной связью:

Раздельное написание: *истинно русский* > *Не истинно русский*
[Масанов 1957: 258], *Вор-отцов* > *Ни под каким видом не Вор-отцов?*
[Масанов 1957: 265];

- к предложениям:

Раздельное написание: *Поминай лихом* > *Не поминай лихом*
[Масанов 1957: 262], *Знаю кто* > *Не знаю кто* [Масанов 1957: 257],
Спрашивай > *Не спрашивай, кто я* [Масанов 1957: 263];

- к словам, частеречная принадлежность которых не определяется
однозначно:

Раздельное написание: *Бессарабец* (сущ. нариц.) / *Бессарабец* (сущ.
собств.) > *Не Бессарабец* [Масанов 1957: 252], *гласный* (прил.) / *гласный*
(сущ.) > *Не гласный* [Масанов 1957: 254].

2.5.1.3 Постфиксальный способ образования негатонима

Постфикс *-не* в сочетании с мотиватором, который восходит к
местоимению:

Дефисное написание: *никто* > *Никто-не* [Масанов 1957: 270].

2.5.1.4 Префиксально-суффиксальные способы образования негатонимов

Префиксально-суффиксальным способом образованы негатонимы
с префиксом *бес-/без-* и суффиксом *-н-*, префиксом *без-* и нулевым
суффиксом, префиксом *за-* и суффиксом *-н-*, префиксом *не-* и

суффиксами *-им-*, *-н/-нн-*, *-ов-*, *-ев-*, *-ин-*, *-кин-*, *-ск-*, *-ович-*, префиксом *недо-* и суффиксом *-ов-*.

(1) Префикс *бес-/без-* и суффикс *-н-* в сочетании с мотиваторами, которые восходят

- к нарицательным именам существительным:

Слитное написание: *весть* > *Безвестный*, *Александр* [Масанов 1956: 150], *Безвестный*, *П.* [Масанов 1956: 150], *Рабочий Александр Безвестный* [Масанов 1958: 24]¹, *глас* > *Безгласный* [Масанов 1956: 150], *Безгласный*, *В.* [Масанов 1956: 150], *Гомозейка-Безгласный*, *Иринея Модестович* [Масанов 1956: 297], *ь. ъ. й. Безгласный* [Масанов 1958: 261]², *доля* > *Бездольный* [Масанов 1956: 150], *Бездольный*, *Андрей* [Масанов 1956: 150], *Бездольный*, *Ив.* [Масанов 1956: 150], *Бездольный*, *Иван* [Масанов 1956: 150], *Бездольный*, *И. С.* [Масанов 1956: 150], *Бездольный*, *Никола* [Масанов 1956: 150], *Бездольный*, *Сергей* [Масанов 1956: 150]³, *дом* > *Бездомный* [Масанов 1956: 150], *Бездомный*, *Борис* [Масанов 1956: 150], *Бездомный*, *Е.* [Масанов 1956: 150], *Бездомный*, *Евстигней* [Масанов 1956: 150], *Бездомный скиталец Еремей Байгуш* [Масанов 1956: 150], *Бездомный*, *Степан* [Масанов 1956: 150]⁴, *земля* > *Безземельный* [Масанов 1956: 150], *Устинов–Безземельный* [Масанов 1958: 186]⁵, *kozyрь* > *Безkozyрный*, *Евстафий* [Масанов 1956: 150]⁶, *копыто* >

¹ «Весть→без-вест-н-ый» [Ширшов 2004: 133].

² «Глас→без-глас-н-ый» [Ширшов 2004: 223].

³ «без/доль/н/ый» [Тихонов 2010: 46].

⁴ «Дом→без-дом-н-ый» [Ширшов 2004: 288].

⁵ «Земл(я)→без-земель-н-ый» [Ширшов 2004: 333].

Безкопытный Степан [Масанов 1956: 150], лошадь > *Безлошадный*,
Антон [Масанов 1956: 150]¹, ответ > *Безответный редактор*
А. Иванович [Масанов 1956: 150], *Безответный редактор Майор Бомба*
[Масанов 1956: 150], *Безответный редактор Отставной майор Тарак*
Бомба [Масанов 1956: 150]², партия > *Безпартийный* [Масанов 1956:
150], *Беспартийный пассажир Савелий Октябрьев* [Масанов 1956: 158],
Беспартийный Савелий Октябрьев [Масанов 1956: 158]³, печаль >
Безпечальный, Иван [Масанов 1956: 150]⁴, покой > *Безпокойный* [Масанов
1956: 150], *Беспокойный, Степан* [Масанов 1960: 8]⁵, пристрастие >
Безпристрастный [Масанов 1956: 150, 151]⁶, приют > *Безприютный*
Странник [Масанов 1956: 151]⁷, просвет > *Безпросветный, Сергей*
[Масанов 1956: 151]⁸, путь > *Безпутный гений* [Масанов 1956: 151]⁹,
работа > *Безработная, Пелагея* [Масанов 1956: 151], *Безработный*
[Масанов 1956: 151], *Безработный, И* [Масанов 1956: 151], *Безработный,*
Иван [Масанов 1956: 151]¹⁰, род > *Безродная, Ю.* [Масанов 1956: 151],
Безродная, Юлия [Масанов 1956: 151], *Безродный* [Масанов 1956: 151],
Безродный, А. [Масанов 1956: 151], *Безродный, А. В.* [Масанов 1956: 151],

⁶ «бес/козыр/н/ый» [Тихонов 2010: 49].

¹ Возможно установление отношений неединственной производности: «Лошадный→без-лошадный и лошадь→без-лошад-н-ый» [Ширшов 2004: 447].

² «Ответ→без-ответ-н-ый» [Ширшов 2004: 157].

³ «Партиj(а)→бес-партий-н-ый» [Ширшов 2004: 617].

⁴ Возможно установление отношений неединственной производности: «Печальный→бес-печальный и печаль→бес-печаль-н-ый» [Ширшов 2004: 642].

⁵ «Беспокой(и-ть)→безпокой-н-ый» [Ширшов 2004: 681].

⁶ «бес/пристраст/н/ый» [Тихонов 2010: 50].

⁷ «бес/приют/н/ый» [Тихонов 2010: 50].

⁸ «Просвет→бес-просвет-н-ый» [Ширшов 2004: 778].

⁹ «без/пут/н/ый» [Тихонов 2010: 50].

¹⁰ «Рабо(а)→без-работ-н-ый, безработ(н-ый)→безработн-ая» [Ширшов 2004: 735].

Безродный, Антон [Масанов 1956: 151]¹, *смерть* > *Безсмертный* [Масанов 1956: 151]², *страх* > *Безстрашный* [Масанов 1956: 151]³, *талант* > *Безталанный, М.* [Масанов 1956: 151]⁴, *ум* > *Безумный* [Масанов 1956: 151]⁵, *шабаш* > *Безшабашный корреспондент* [Масанов 1956: 151], *Безшабашный корреспондент «Будильника»* [Масанов 1956: 151], *Безшабашный корреспондент «Будильника» Wlas* [Масанов 1956: 151], *Безшабашный корреспондент Wlas* [Масанов 1956: 151], *Безшабашный скоропадент Wlas* [Масанов 1956: 151]⁶, *имя* > *Безыменный, С.* [Масанов 1956: 151]⁷, *Безымянный, А.* [Масанов 1956: 151]⁸, *пощада* > *Беспощадный* [Масанов 1956: 158]⁹.

(2) Префикс *без-* и нулевой суффикс в сочетании с мотиваторами, которые восходят

- к нарицательным именам существительным:

Слитное написание: *пята* > *Безпятый* [Масанов 1956: 151], *рука* > *Безрукий* [Масанов 1956: 151], *Безрукий инвалид* [Масанов 1956: 151], *Безрукий, Ф.* [Масанов 1956: 151]¹⁰.

(3) Префикс *за-* и суффикс *-н-* в сочетании с мотиваторами, которые восходят

¹ «без/род/н/ый» [Тихонов 2010: 47].

² «Смерть→бес-смерт-н-ый» [Ширшов 2004: 468].

³ «бес/страш/н/ый» [Тихонов 2010: 50].

⁴ «талант – бесталанный» [Ефремова 1996: 83].

⁵ «ум→без-ум-н-ый» [Ширшов 2004: 841].

⁶ «бесшабашн(ый)» [Тихонов 1985: 94].

⁷ «без/ымен/н/ый» [Потиха 1999: 29].

⁸ «без/ымян/н/ый» [Потиха 1999: 29].

⁹ «бес/пощад/н/ый» [Потиха 1999: 30].

¹⁰ «Рук(а)→без-рук- Ø-ий» [Ширшов 2004: 767].

- к нарицательным именам существительным:

Слитное написание: *штат* > *Заштатный* [Масанов 1956: 391],
Заштатный поэт [Масанов 1956: 391], *Заштатный юморист* [Масанов
1956: 391]¹.

(4) Префикс *не-* и суффикс *-ащ-* в сочетании с мотиваторами,
которые восходят

- к глаголам:

Слитное написание: *мудрить* > *Немудрящий*, *Натан* [Масанов
1957: 261]².

(5) Префикс *не-* и суффикс *-им-* в сочетании с мотиваторами,
которые восходят

- к глаголам:

Слитное написание: *выносить* (кого-л.) > *Невыносимый* [Масанов
1957: 254]³, *исправить* (кого-л.) > *Неисправимый резонер* [Масанов 1957:
258]⁴.

(6) Префикс *не-* и суффикс *-н/-нн-* в сочетании с мотиваторами,
которые восходят

- к нарицательным именам существительным:

Слитное написание: *воля* > *Невольный тифлисец* [Масанов 1957:
253]⁵;

¹ «за/штат/н/ый» [Тихонов 2010: 182].

² «Мудр(и-ть)→не-мудр-ящ-ий» [Ширшов 2004: 521].

³ «Вынос(и-ть)→не-вынос-им-ый» [Ширшов 2004: 554].

⁴ «не/ис/прав/им/ый» [Тихонов 2010: 303].

⁵ «Вол(я)→не-воль-н-ый» [Ширшов 2004: 182].

- к глаголам:

Слитное написание: *изменить* > *Неизменный театрал* [Масанов 1957: 258]¹, *ждать* > *Нежданный, Лука* [Масанов 1957: 256]², *предвидеть* > *Непредвиденный, А.* [Масанов 1957: 262]³.

(7) Префикс *не-* и суффикс *-ов-*, в сочетании с мотиватором, который восходит

- к нарицательным именам существительным:

Слитное написание: *вес* > *Невесов, А.* [Масанов 1957: 253], *взор* > *Невзоров* [Масанов 1957: 253], *Невзоров, Ив.* [Масанов 1957: 253], *мир* > *Немиров* [Масанов 1957: 261], *строй* > *Нестроев* [Масанов 1957: 263], *Нестроев, А.* [Масанов 1957: 264];

- к глаголам:

Слитное написание: *ведать* > *Неведомов, И.* [Масанов 1957: 252], *верить* > *Неверов, Александр* [Масанов 1957: 253], *Неверов, А.* [Масанов 1957: 253], *Неверов П.* [Масанов 1957: 253], *Неверов Павел* [Масанов 1957: 253], *Неверов, Сергей* [Масанов 1957: 253], *Неверова, Елена* [Масанов 1957: 253], *ждать* > *Нежданов, А.* [Масанов 1957: 255], *Нежданов, Андрей* [Масанов 1957: 255], *Нежданов, Арсений* [Масанов 1957: 255], *Нежданов, Л.* [Масанов 1957: 256], *Нежданов, П.* [Масанов 1957: 256], *Нежданова, М. Н.* [Масанов 1957: 256], *Нежданова, С.* [Масанов 1957: 256], *звать* > *Незванов, А.* [Масанов 1957: 256], *Незванов, Д.* [Масанов

¹ «Измен(и-ть)→не-измен-н-ый» [Ширшов 2004: 467].

² «Жда(ть)→не-жда-нн-ый» [Ширшов 2004: 314].

³ «Предвиде(ть)→не-предвиде-нн-ый» [Ширшов 2004: 163].

1957: 256], *Незванов, Д. и Боярский, А.* [Масанов 1957: 256], *Незванов, Д. и Е. А.* [Масанов 1957: 256], *Незванов, Д. В.* [Масанов 1957: 256], *Незванов, П.* [Масанов 1957: 256], *Незванов-Павлов* [Масанов 1957: 256], *знать* > *Незнамов* [Масанов 1957: 257], *Незнамов, В.* [Масанов 1957: 257], *Незнамов, В. и Ленин, С.* [Масанов 1957: 257], *Незнамов, В. и Нард. Н.* [Масанов 1957: 257], *Незнамов, Всеволод* [Масанов 1957: 257], *Незнамов, Л.* [Масанов 1957: 257], *Незнамов, П.* [Масанов 1957: 257], *Незнамов (Русский)* [Масанов 1957: 257], *любить* > *Нелюбов* [Масанов 1957: 260], *Нелюбов, Л.* [Масанов 1957: 260].

(8) Префикс *не-* и суффикс *-ев-*, в сочетании с мотиватором, который восходит

- к нарицательным именам существительным:

Слитное написание: *горе* > *Негорев* [Масанов 1957: 254], *Негорев, Н.* [Масанов 1957: 254], *Негорев, Николай* [Масанов 1957: 254];

- к глаголам:

Слитное написание: *знать* > *Незнаев, Иван* [Масанов 1957: 257];

- к притяжательным местоимениям:

Слитное написание: *наш* > *Ненашев* [Масанов 1957: 261], *Ненашев, К.* [Масанов 1957: 261].

(9) Префикс *не-* и суффикс *-ин-*, в сочетании с мотиватором, который восходит

- к нарицательным именам существительным:

Слитное написание: *воля* > *Неволин* [Масанов 1957: 253], *Неволин*, *Гр.* [Масанов 1957: 253], *Неволин*, *И.* [Масанов 1957: 253], *Неволин*, *П.* [Масанов 1957: 253], *доля* > *Недолин* [Масанов 1957: 255], *Недолин*, *А.* [Масанов 1957: 255], *Недолин*, *Ал.* [Масанов 1957: 255], *Недолин*, *Ал. О.* [Масанов 1957: 255], *Недолин*, *Сергей* [Масанов 1957: 255], *злоба* > *Незлобин* [Масанов 1957: 257], *Незлобин*, *А.* [Масанов 1957: 257], *Незлобин*, *Вл.* [Масанов 1957: 257], *Незлобин*, *С.* [Масанов 1957: 257]];

- к глаголам:

Слитное написание: *верить* > *Неверин* [Масанов 1957: 252], *Неверин*, *С. П.* [Масанов 1957: 252], *Неверин*, *Сергей* [Масанов 1957: 252], *любить* > *Нелюбин* [Масанов 1957: 260].

(10) Префикс *не-* и суффикс *-кин-*, в сочетании с мотиватором, который восходит

- к форме повелительного наклонения глагола:

Слитное написание: *зевай* > *Незевайкин*, *Иван* [Масанов 1957: 256], *забудь* > *Незабудкин*, *Александр* [Масанов 1957: 256], *забывай* > *Незабывайкин* [Масанов 1957: 256].

(11) Префикс *не-* и суффикс *-ск-*, в сочетании с мотиватором, который восходит

- к причастию:

Слитное написание: *ведомый* > *Неведомский*, *А.* [Масанов 1957: 252], *Неведомский*, *М.* [Масанов 1957: 252], *Неведомский*, *М. П.* [Масанов

1957: 252], *Неведомский, Мих.* [Масанов 1957: 252], *Неведомский, Ф.* [Масанов 1957: 252], *Неведомский, Федор* [Масанов 1957: 252].

(12) Префикс *не-* и суффикс *-ович-*, в сочетании с мотиватором, который восходит

- к предикативному наречию:

Слитное написание: *надо* > *Ненадович* [Масанов 1957: 261].

(13) Префикс *недо-* и суффикс *-ов-* в сочетании с мотиватором, который восходит

- к нарицательным именам существительным:

Слитное написание: *боб* > *Недобобов, Иеремия* [Масанов 1957: 255].

2.5.1.5 Образование негатонимов с предлогом *без*

Предлог *без* входит в состав сочетаний трех типов:

- именные синтаксемы «*без* + форма родительного падежа существительного»: *Абеляр без Элоизы* [Масанов 1956: 84], *Врач без пациентов* [Масанов 1956: 254], *Всадник без головы* [Масанов 1956: 255], *Педагог без учеников* [Масанов 1957: 355], *Товарищ без претензий* [Масанов 1958: 170], *Человек без ...* [Масанов 1958: 232], *Человек без селезенки* [Масанов 1958: 232], *Человек без слепой кишки* [Масанов 1958: 233];

- синтаксема, включающая в свой состав инициалы: *К. без С.* [Масанов 1957: 23];

- синтаксема, включающая в свой состав сокращения: *Ч. без с.*
[Масанов 1958: 226].

Как правило, во всех случаях наблюдается раздельное написание.

2.5.1.6 Безаффиксный способ образования негатонимов. Сложение

(1) Формант *горе-* в сочетании с мотиватором, который восходит

- к нарицательным именам существительным:

Дефисное написание: *богатырь* > *Горе-Богатырь* [Масанов 1956:
297].

(2) Формант *лже-* в сочетании с мотиватором, который восходит

- к собственным именам существительным:

Слитное написание: *Дмитрий* > *Лжедмитрий* [Масанов 1957:
121].

2.5.1.7 Смешанный способ образования негатонима. Сложение и
префиксация

Слитное написание: Негатоним *Непольдекок, Е.* [Масанов 1957:
262] образуется на базе именной группы *Поль де Кок*, при этом
происходит сложение компонентов производящей базы и префиксация с
помощью префикса *не*.

2.5.1.8 Морфемизация субморфов

Дефисное написание: *небесный* > *Не-бесный* [Масанов 1957: 252].

2.5.1.9 Суффиксальные способы образования негатонимов

(1) Суффикс *-ник-* в сочетании с мотиватором (в состав которого

входит префикс *не-*), восходящим

- к нарицательным именам существительным:

Слитное написание: *неволя* > *Невольник*, *В.* [Масанов 1957: 253],
Невольник, *Валер.* [Масанов 1957: 253], *Невольник*, *Валериан* [Масанов
1957: 253]¹, *неудача* > *Неудачник* [Масанов 1957: 264]².

(2) Суффикс *-ец-* в сочетании с мотиватором (в состав которого
входит префикс *не-*), восходящим

- к прилагательным:

Слитное написание: *незнакомый* > *Незнакомец* [Масанов 1957:
257]³.

(3) Нулевой суффикс в сочетании с мотиватором (в состав которого
входит префикс *не-*), восходящим

- к прилагательным:

Слитное написание: *нелюдимый* > *Нелюдим* [Масанов 1957: 260]⁴.

(4) Суффикс *-ов-* в сочетании с мотиватором (в состав которого
входит префикс *не-*), восходящим

- к прилагательным:

Слитное написание: *нелюдимый* > *Нелюдимов* [Масанов 1957: 260],
несмелый > *Несмелов*, *Н.* [Масанов 1957: 263].

(5) Суффикс *-ев-* в сочетании с мотиватором (в состав которого

¹ «Невол(я)→неволь-ник» [Ширшов 2004: 182].

² Возможно установление отношений неединственной производности: «Неудач(а)→неудач-ник и удачник→не-удачник» [Ширшов 2004: 256].

³ «Незнаком(ый)→незнаком-ец» [Ширшов 2004: 339].

⁴ «Нелюдим(ый)→нелюдим- Ø» [Ширшов 2004: 451].

входит префикс *не-*), восходящим

- к существительным:

Слитное написание: *несчастливец* > *Несчастливцев* [Масанов 1957: 264].

(6) Суффикс *-н-* в сочетании с мотиватором (в состав которого входит префикс *не-*), восходящим

- к нарицательным именам существительным:

Слитное написание: *несчастье* > *Несчастный* [Масанов 1957: 264], *Несчастный муж* [Масанов 1957: 264], *Несчастный, Петр* [Масанов 1957: 264]¹.

Примечание. Неоднословный негатоним *Недоумевающий Искровец* [Масанов 1957: 255] включает в свой состав производный компонент *недоумевающий*, выражающий значение отрицания. При этом данный компонент обладает членимостью, указывающей на наличие формальной отрицательной маркировки (см. «недо/ум/ева/ть» [Потиха 1999: 28]).

¹ «**Не**-счастье → • несчаст-н(ый)» [Тихонов 2014: 472].

Приложение 4. Основной список негатонимов из «Словаря псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)» М. Шрубы с указанием источников

№	Негатоним	Источник
1	Бездомный	«Бездомный = Сер. Поспехов "Софийские новости" (1932). Ист.: Български периодичен печат. № 8438.» [Шруба 2018: 109]
2	Бездомный, Кузьма	«Бездомный, Кузьма = Кузьма Ник. Пелехатый "Прикарпатская Русь" (Львов, 1920); "Воля народа" (Львов, 1921-1923). Ист.: Миревич.» [Шруба 2018: 109]
3	Бездомный, Лев	«Бездомный, Лев = Лев Фед. Мансветов "Русский народный голос" (Ужгород, 1934-1938); "Живая струя: Стихи и проза" (Мукачево, 1940). Ист.: Кудрявцев.» [Шруба 2018: 109]
4	Беззубов	«Беззубов = ? "Русское дело" (1922)» [Шруба 2018: 989]
5	Беспартийный	«Беспартийный = Ал-др Ив. Цакони [?] "Возрождение" (1928. № 944, 971; 1929. № 1330) [из Белграда]. Ист.: предположит. атрибуция. [МШ]» [Шруба 2018: 112]

6	Беспартийный	«Беспартийный = ? [1, О народной самозащите; 3, Новогодний обзор] "Новь" (1922)» [Шруба 2018: 929]
7	Беспечальный, Андрей	«Беспечальный, Андрей = Ал-др Вл. Бобрищев-Пушкин (?) "Накануне" (1922-1923). Ист.: Шруба 2016. С. 329-330 (предположит. атрибуция).» [Шруба 2018: 112]
8	Зарубежная, М.	«Зарубежная, М. = ? [4, юмореска] "Эмигрант" (1924)» [Шруба 2018: 1024]
9	Зарубежный	«Зарубежный = ? [78] "Борьба за Россию" (1928)» [Шруба 2018: 815]
10	Мичман без дырки	«Мичман без дырки = ? "Софийское болото" (1933)» [Шруба 2018: 1003]
11	Не-академик	«Не-академик = ? [Из Праги] "Дни" (1925)» [Шруба 2018: 863]
12	Не Бессарабец	«Не Бессарабец = ? [11, 13, Жизнь Бессарабии] "Голос Бухареста" (1933)» [Шруба 2018: 850]
13	не-Брешко	«не-Брешко = ? [128, фельетон] "Русское дело" (1920)» [Шруба 2018: 988]
14	Не-Буква	«Не-Буква = Ил. Марк. Василевский "Последние новости" (1920-1921); "Накануне: Лит. прил." (1923). Ист: Масанов.» [Шруба

		2018: 302]
15	Не-Верещагин	«Не-Верещагин = ? [45, Мал. хроника] "Русь" (1922)» [Шруба 2018: 992]
16	Невзгодков, В.	«Невзгодков, В. = Рост. Евг. Звягинцев "Воля России: [Журн.]" (1929. № 10/11). Ист.: Émigration russe. С. 348.» [Шруба 2018: 302]
17	Невидимцев, Б.	«Невидимцев, Б. = Марк Льв. Споним "Воля России: [Журн.]" (1926-1927). Ист.: [ЛФ]» Шруба 2018: 302]
18	Невидный	«Невидный = ? [1, из Москвы] "Социалист-революционер" (1927)» [Шруба 2018: 1004]
19	Не-Владимир	«Не-Владимир = ? [308, корр. из Польши, из "кресов"] "Руль" (1921)» [Шруба 2018: 973]
20	Не-возвращенец	«Не-возвращенец = ? [929] "Дни" (1926)» [Шруба 2018: 863]
21	Невозвращенец	«Невозвращенец = ? [218/219] "Борьба за Россию" (1931)» [Шруба 2018: 815]
22	Невольник, Валериан	«Невольник, Валериан = Иллар. Сем. Ремезов Ист.: Рус. книга. 1921.№ 4. С. 22» [Шруба 2018: 302]
23	Невольный	«Невольный рижанин = ? [21, корр. из Риги]

	рижанин	"Русское дело» (1921)" [Шруба 2018: 989]
24	Невольный туркестанец	«Невольный туркестанец = ? [2, Большевики на Востоке] "Соц. вестник" (1923)» [Шруба 2018: 1004]
25	Не врач	«Не врач = ? [о Свободной России] "Жизнь" (1920)» [Шруба 2018: 869]
26	Не Гу и не Фо	«Не Гу и не Фо = ? [23, мал. фельетон] "Наше слово" (1917)» [Шруба 2018: 914]
27	Недавно бежавший	«Недавно бежавший = ? [72] "Борьба за Россию" (1928)» [Шруба 2018: 815]
28	Недепутат	«Недепутат = Вас. Григ. Григорьев Ист.: Исаков» [Шруба 2018: 303]
29	Не-дикарь	«Не-дикарь = ? [стихи] "Зарубежный клич" (1921)» [Шруба 2018: 877]
30	Не-дипломат	«Не-дипломат = ? [19, Кто будет преемником (сов. полпреду) Довгалевскому?] "Иллюстр. жизнь" (1934)» [Шруба 2018: 883]
31	Не-дипломат	«Не-дипломат = ? [2, 4, По белу свету, 13, 14, 17, передовая] "Отечество" (1926)» [Шруба 2018: 935]
32	Не-Дипломат	«Не-Дипломат = ? [1-, междунар. политика] "Отечество" (1927-1928)» [Шруба 2018: 936]

33	Не дипломат	«Не дипломат = ? [9] "Воскресенье" (1921)» [Шруба 2018: 845]
34	Не дипломат	«Не дипломат = ? [2] "Заря" (1922)» [Шруба 2018: 878]
35	Не доктор	«Не доктор = ? [27/28, подвал, Живые мощи] "Русская земля" (1934)» [Шруба 2018: 979]
36	Недоумевающий	«Недоумевающий = ? [108, заметка] "Молва" (1932)» [Шруба 2018: 900]
37	Независимый	«Независимый = ? [ревельский корр.] "Время" (1921-1922)» [Шруба 2018: 847]
38	Независимый	«Независимый = ? "Дни" (1925)» [Шруба 2018: 863]
39	Независимый	«Независимый = ? [фельетоны, рассказы и пр.] "Ревельское слово" (1918-1919)» [Шруба 2018: 957]
40	Не-зарубежник	«Не-зарубежник = ? [900] "Дни" (1926)» [Шруба 2018: 863]
41	Не-здешний	«Не-здешний = ? [24, 31, 100] "Вечернее время" (1924)» [Шруба 2018: 828]
42	Нездешний	«Нездешний = ? [24, 31, 100] "Вечернее время" (1924)» [Шруба 2018: 828]

43	Незнакомец	«Незнакомец = ? [9, Мелочи сов. быта, перепеч.?] "Иллюстр. жизнь" (1934)» [Шруба 2018: 883]
44	Неизвестный	«Неизвестный = ? [191, из Югославин] "Возрождение" (1925-1926)» [Шруба 2018: 836]
45	Неизвестный, Эверт	«Неизвестный, Эверт = Ник. Крылов Ср. в письме Н. Крылова в редакцию журнала "Русские записки" от 20 дек. 1938 г.: "Я просил бы, если возможно, напечатать в Вашем журнале прилагаемые при этом 3 моих стихотворения под псевдонимом "Эверт Неизвестный"». Ист.: Hoover Institution Mark V. Vishniak papers. Box 6. Folder 32. [МШ]» [Шруба 2018: 303]
46	Не изобретатель	«Не изобретатель = ? "За свободу!" (1931)» [Шруба 2018: 875]
47	Неисправимый	«Неисправимый = Сер. Льв. Войцеховский "Наше время" (Варшава, 1932. 28 сент. и др.). Ист.: Hoover Institution. Sergei L. Voitsekhovskii papers. Box 10 (альбом с вырезками статей С. Л. Войцеховского). [МШ]» [Шруба 2018:

		304]
48	Некарамзин	«Некарамзин = ? [1923, фельетон] "За свободу!" (1926)» [Шруба 2018: 875]
49	Не-Каринский	«Не-Каринский = Вл. Фед. Каринский Ист.: Фигурнова.» [Шруба 2018: 304]
50	Не-китаец	«Не-китаец = ? [982] "Дни" (1926)» [Шруба 2018: 863]
51	Не-Кобзарь	«Не-Кобзарь = ? "Пилюля" (1924)» [Шруба 2018: 939]
52	Не-коммунист	«Не-коммунист = Ал-др Вл. Бобрищев-Пушкин "Новый мир" (Берлин, 1921-1922). Ист.: Краткий биографич. словарь» [Шруба 2018: 304]
53	Не-коммунист	«Не-коммунист = ? [280, письмо из Петрограда] "Общее дело" (1921)» [Шруба 2018: 931]
54	Не-коммунист	«Не-коммунист = ? [Очерки красной России] "Русская газета" (1924)» [Шруба 2018: 978]
55	Не-Красов	«Не-Красов = Леон. Юл. Пирагис (Король-Пурашевич) "Завтра" (Рига, 1933). Ист.: Абызов» [Шруба 2018: 304]
56	Некрылов, Вл.	«Некрылов, Вл. = ? [псевд.?, 19/69, стихи]

		"Сегодня" (1919)» [Шруба 2018: 999]
57	Некрылов, Влад. [Некрылов, В.]	«Некрылов, Влад. [Некрылов, В.] = Ил. Бор. Хавкин "Сегодня" (1920-1930-е). Ист.: Кудрявцев» [Шруба 2018: 304]
58	Не-младоросс	«Не-младоросс = ? [20, автор штабс-капитан] "Русское дело" (1937)» [Шруба 2018: 990]
59	Не-монархист	«Не-монархист = ? [100, из Мюнхена] "Путь" (1921)» [Шруба 2018: 952]
60	Немосквич	«Немосквич = ? [112, сов. театр, "Любовь Яровая"] "Борьба за Россию" (1929)» [Шруба 2018: 815]
61	Ненадежный	«Ненадежный = ? [1935, из Москвы] "Руль" (1927)» [Шруба 2018: 973]
62	Ненарком	«Ненарком = Викт. Мих. Чернов "Революционная Россия" (1923-1926); "Пути" (Нью-Йорк. 1933). Ист.: Библиогр. Чернов.» [Шруба 2018: 305]
63	Не-Новый	«Не-Новый = ? [979, из Белграда] "Дни" (1926)» [Шруба 2018: 863]
64	Не-педагог	«Не-педагог = ? [959] "Дни" (1926)» [Шруба 2018: 863]
65	Непокорный, М.	«Непокорный, М. =

		<p>Мих. Арк. Сырокомля-Сопоцько (Аркадьев) [?]</p> <p>Черт: Песнь Росса о гибели Родины и думы о ее спасении. Кн. 1. Белград, 1927. 400 с.; Черт, Кн. 2. Белая защитница Родины и мировая черно-красная чума. Белград, [1927]. 472 с.; Черт. Кн. 3. Как нам спасти Отечество? Как устроить родную землю? Новый Сад, 1927. 428 с.; Из поэмы "Черт". Песнь Росса о гибели Родины и думы о ее спасении. Новый Сад, 1927. 22 с. Ист.: Джурич 1990. С. 175-176 (предположит. атрибуция)» [Шруба 2018: 305]</p>
66	Не-политик	«Не-политик = ? [152, мал. фельетон] "Путь" (1921)» [Шруба 2018: 952]
67	Неполитик	«Неполитик = ? [874, 877, подвал, передовая, поездка в Москву] "Руль" (1923)» [Шруба 2018: 973]
68	Непомнящий, Иван	«Непомнящий, Иван = ? [213, Тов. Фигатнер; 226-] "Вечернее время" (1925)» [Шруба 2018: 828]
69	Непонятная женщина	«Непонятная женщина = Мих. Анд. Ильин (Осоргин) "Последние новости" (1925); "Ухват" (1926). Ист.: Библиогр. Осоргин.»

		[Шруба 2018: 305]
70	Непонятная женщина	«Непонятная женщина = ? [2, Письмо в редакцию] "Ухват" (1926)» [Шруба 2018: 1013]
71	Не-поэт	«Не-поэт = Конст. Як. Шумлевич [?] "Новое время" (Белград, 1921. № 178 [стихотв. фельетон]; 1930. № 2777 [стихи "Старость"]); ср. Тематически и формально близкие стихи К. Шумлевича "Зачем?" в № 2786. Ист.: предположит. атрибуция. [МШ]» [Шруба 2018: 305]
72	Не-поэт	«Не-поэт = ? [440, фельетон] "Молва" (1933)» [Шруба 2018: 900]
73	Не-примыкающий	«Не-примыкающий = Григ. Леонид. Лозинский "Звено" (1924. № 84). Ист.: [ГС]» [Шруба 2018: 305]
74	Не-Пьеро	«Не-Пьеро = ? [147, стихи] "Время" (1921)» [Шруба 2018: 847]
75	Не-рецензент	«Не-рецензент = Зин. Ник. Журавская "Свобода" (Варшава, 1921. № 159) [театр и музыка]. Ист.: Ред. экз. "Свобода" (справка: [ЕС])» [Шруба 2018: 305]
76	Не рецензент	«Не рецензент = ? [50, фельетон] "Россия"

		(1920)» [Шруба 2018: 963]
77	Не рецензент	«Не рецензент = ? [1, театр] "Эмигрант" (1924)» [Шруба 2018: 1024]
78	Не рецензент	«Не рецензент = ? [52 (1740), 6 мар. "Лоэнгрин", театральн. заметка] "Эхо" (1926)» [Шруба 2018: 1039]
79	Несвой	«Несвой = ? [29, восп. о че-ка; 30, беседа с Н. Л. Аронсоном; автор – "известный на Кавказе адвокат"] "Слово» (1923)" [Шруба 2018: 1002]
80	Несоветский экономист	«Несоветский экономист = ? [1, 2, 10] "Заря" (1923)» [Шруба 2018: 878]
81	Не-спортсмен	«Не-спортсмен = ? [179, спорт] "Русское дело" (1920)» [Шруба 2018: 988]
82	Не-театрал	«Не-театрал = Глеб Петр. Струве "Возрождение" (1926. № 394) [?]; "Россия" (Париж, 1927). Ист.: Библиогр. Струве, Глеб.» [Шруба 2018: 306]
83	Не-Театрал	«Не-Театрал = ? [1884, театр] "За свободу!" (1926)» [Шруба 2018: 875]
84	Неунывающий	«Неунывающий = Лев Давид. Бронштейн (Троцкий) Ист.: Библиогр. Троцкий. С. 1047.»

		[Шруба 2018: 306]
85	Неунывающий россиянин	«Неунывающий россиянин = ? [4, Лит. житейские разговоры] "Эос" (1926)» [Шруба 2018: 1024]
86	Не учитель	«Не учитель = ? [Почему? (из Принаровья)] "Былой нарвский листок" (1924)» [Шруба 2018: 818]
87	Не-Шиповник	«Не-Шиповник = ? "Пилюля" (1924)» [Шруба 2018: 939]
88	Не-Шмага	«Не-Шмага = ? [17, 25-, Хроника] "Русское дело" (1919-1920)» [Шруба 2018: 988]
89	не-Шмага	«не-Шмага = ? [17, 25-, Хроника] "Русское дело" (1919-1920)» [Шруба 2018: 988]
90	Не-эмигрант	«Не-эмигрант = ? [19, из России] "Борьба за Россию" (1927)» [Шруба 2018: 815]
91	Не-юрист	«Не-юрист = ? [2, Преступление и наказание при диктатуре] "Соц. вестник" (1923)» [Шруба 2018: 1004]
92	Поспехов-Бездомный, Сергей	«Поспехов-Бездомный, Сергей = Сер. Поспехов "Софийские новости" (1932). Ист.: Български периодичен печат. № 8438.» [Шруба 2018: 109]

93	Человек без портфеля	«Человек без портфеля = ? [73, сов. действительность] "Дни" (1923)» [Шруба 2018: 865]
----	-------------------------	---

Приложение 5. Негатонимы из «Словаря псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)» М. Шрубы, совпадающие с распространенными русскими фамилиями, с указанием источников

№	Негатоним	Источник
1	Неверов, Александр [Неверов, А.]	«Неверов, Александр [Неверов, А.] = Ал-др. Сер. Скобелов Ташкет – город хлебный. Рига: Граммату драугс, 1929; "Голос России" (Берлин, 1921); "Накануне: Лит. прил." (1922); "Эхо" (Ковно, 1925-1926) [перепеч. из сов. изданий (журн. "Октябрь" и др.)]. Ист.: Кудрявцев» [Шруба 2018: 302]
2	Невзорова, М.	«Невзорова, М. = Мария Кожемякина "Балкански журнал" (София, 1921-1923); "Русская мысль" (1922). Ист.: Кожемякина 1926. С. 48 (справка: [ГС]).» [Шруба 2018: 302]
3	Неволин, Гр.	«Неволин, Гр. = Григ. Наум. Брейтман Ист.: Незабытые могилы. Т. 1.» [Шруба 2018: 302]
4	Неволин, М.	«Неволин, М. = Марк Як. Лопшиц "Общее дело" (Париж, 1918-1940); "Новая русская жизнь" (Гельсингфорс, 1919-1922); "Россия" (София, 1920-1921); "Русская жизнь" (Рига, 1920); "Русь" (София, 1922-1928); "Сегодня" (1937). Ист.:

		Бакунцев 2010.» [Шруба 2018: 302]
5	Негорев, Ник. [Негорев, Н.]	«Негорев, Ник. [Негорев, Н.] = Ник. Ив. Иорданский "Наше слово" (Ревель, 1917) [перепеч.]. Ист.: Масанов.» [Шруба 2018: 303]
6	Негорев, Ник. [Негорев, Н.]	«Негорев, Ник. [Негорев, Н.] = Сер. Вл. Штейн "За свободу России" (Ревель, 1920); "Свобода России" (Ревель, 1920); "Руски архив" (Белград, 1931. №14/15); "Иллюстр. Россия" (1934. № 464) [о Н.В. Гоголе]. Ист.: Исаков, Шор; Пономарева, Шор 2012. С. 174, 182; ср.: [Кудрявцев. С. 318, 784], где псевд. "Негорев" в ревельских изданиях приписан (вслед за Масановым) Н. И. Иорданскому.» [Шруба 2018: 303]
7	Недолин, В.	«Недолин, В. = Вас. Аким. Никифоров (Волгин) "Принаровский край" (Нарва, 1922). Ист.: Исаков. Хроника» [Шруба 2018: 303]
8	Недолин, С.А.	«Недолин, С.А. = Сер. Ал. Поперек В дальневосточной печати; предлагал свои произведения парижско-шанхайскому журналу "Русские записки"; ср. в письме М. Н. Павловского к М. В. Вишняку от 5 янв. 1939 г.: "Харбинский автор, некий Сергей Недолин (это псевдоним, настоящая фамилия – С. А. Поперек, Харбин, Мукденская ул.

		№4, кв. 2) прислал нам два своих рассказа "Лихач-Кудрявич" и "Брюхо". Рассказы безнадежно плохи, и мы Вам их не посылаем" (Hoover Institution. Mark V. Vishniak papers. Box 8. Folder 62). Ист.: Булгаков. С. 115.» [Шруба 2018: 303]
9	Нежданов, Вл.	«Нежданов, Вл. = Вал. Франц. Салатко-Петрище (Перелешин) В дальневосточной печати; "Рубеж" (Харбин, 1940-е?). Ист.: Кудрявцев.» [Шруба 2018: 303]
10	Нежданов, Л.	«Нежданов, Л. = Як. Бор. Лившиц "Путь" (Гелы ингфорс, 1921. №84, 94 и др.). Ист.: Масанов.» [Шруба 2018: 303]
11	Незлобин, Борис [Незлобин, Б.]	«Незлобин, Борис [Незлобин, Б.] = Ник. Вас. Альникин "Казачье слово" (София, 1921-1922); "Казачьи думы: [Газ.]" (София, 1922); "Казачий путь" (Прага, 1924-1926); "Казачий быт: Лит. сб." (Париж, 1925); "Казачий сполох" (Прага, 1926). Ист.: РЗФ. Т. 1.» [Шруба 2018: 303]
12	Незлобин, К.И.	«Незлобин, К.И. = Конст. Ник. Алябьев Сценич. имя. Ист.: Янгиров.» [Шруба 2018: 303]
13	Незнамов, П.	«Незнамов, П. = С. П. Наумов "Голос Крыма" (Симферополь, 1940-е). Ист.: Туаулуу 2004. Р. 458.»

		[Шруба 2018: 303]
14	Нелюбин	«Нелюбин = Ник. Ив. Муханов "Рижский вестник" (1915-1917). Ист.: Шор 2013. С. 313.» [Шруба 2018: 304]
15	Нелюбин, Георгий	«Нелюбин, Георгий = Георг. Карл. Гегер "Сегодня" (1927-1930). Ист.: Абызов.» [Шруба 2018: 304]
16	Нелюбин, С.	«Нелюбин, С. = Георг. Карл. Гегер "Сегодня" (1929). Ист.: Абызов.» [Шруба 2018: 304]
17	Немиров, А.	«Немиров, А. = Ал-др Ник. Неймирок Послевоенный псевд. Ист.: Джурич 1990. С. 119.» [Шруба 2018: 304]
18	Несмелов, Арсений [Несмелов, Арс.; Несмелов, А.]	«Несмелов, Арсений [Несмелов, Арс.; Несмелов, А.] = Арс. Ив. Митропольский "Вольная Сибирь" (Прага, 1927-1930); "Воля России: [Журн.]" (1927-1931); "Современные записки" (1928-1929); "Часовой" (1932); "Вселенское дело" (Рига, 1934); "Якорь" (Берлин, 1936); "Меч" (Варшава, 1937); "Русские записки" (1937). Ист.: Émigration russe. С. 351.» [Шруба 2018: 305]
19	Несмеянов, С.	«Несмеянов, С. = Ник. Ефр. Андреев Послевоенный псевд. Ист.: Краткий биографич. словарь.» [Шруба 2018: 305]

Приложение 6. Способы образования негатонимов из «Словаря псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)» М. Шрубы

3.4.1 Способы образования негатонимов

3.4.1.1 Префиксальные способы образования негатонимов

Префикс *не-* в сочетании с мотиваторами, которые восходят

- к существительным:

а) к собственным именам существительным:

Слитное написание: *Карамзин* > *Некарамзин* [Шруба 2018: 875],
Крылов Вл > *Некрылов, Вл* [Шруба 2018: 999], *Крылов Влад.* > *Некрылов, Влад.* [*Некрылов, В.*] [Шруба 2018: 304];

Дефисное написание: *Брешко* > *не-Брешко* [Шруба 2018: 988],
Буква > *Не-Буква* [Шруба 2018: 302], *Верецагин* > *Не-Верецагин* [Шруба 2018: 992], *Владимир* > *Не-Владимир* [Шруба 2018: 973], *Каринский* > *Не-Каринский* [Шруба 2018: 304], *Кобзарь* > *Не-Кобзарь* [Шруба 2018: 939], *Пьеро* > *Не-Пьеро* [Шруба 2018: 847], *Шмага* > *Не-Шмага* [Шруба 2018: 988], *не-Шмага* [Шруба 2018: 988];

б) к нарицательным именам существительным:

Слитное написание: *депутат* > *Недепутат* [Шруба 2018: 303],
москвич > *Немосквич* [Шруба 2018: 815], *нарком* > *Ненарком* [Шруба 2018: 305], *политик* > *Неполитик* [Шруба 2018: 973];

Дефисное написание: *академик* > *Не-академик* [Шруба 2018: 863],

дикарь > *Не-дикарь* [Шруба 2018: 877], *дипломат* > *Не-дипломат* [Шруба 2018: 883, 935], *Не-Дипломат* [Шруба 2018: 936], *зарубежник* > *Не-зарубежник* [Шруба 2018: 863], *китаец* > *Не-китаец* [Шруба 2018: 863], *коммунист* > *Не-коммунист* [Шруба 2018: 304, 931, 978], *младоросс* > *Не-младоросс* [Шруба 2018: 990], *монархист* > *Не-монархист* [Шруба 2018: 952], *педагог* > *Не-педагог* [Шруба 2018: 863], *политик* > *Не-политик* [Шруба 2018: 952], *поэт* > *Не-поэт* [Шруба 2018: 305, 900], *рецензент* > *Не-рецензент* [Шруба 2018: 305], *спортсмен* > *Не-спортсмен* [Шруба 2018: 988], *театрал* > *Не-театрал* [Шруба 2018: 306], *Не-Театрал* [Шруба 2018: 875], *шиповник* > *Не-Шиповник* [Шруба 2018: 939], *эмигрант* > *Не-эмигрант* [Шруба 2018: 815], *юрист* > *Не-юрист* [Шруба 2018: 1004];

- к прилагательным:

Слитное написание: *видный* > *Невидный* [Шруба 2018: 1004]¹, *здешний* > *Нездешний* [Шруба 2018: 828]², *незнакомый* > *Незнакомец* [Шруба 2018: 883]³, *известный* > *Неизвестный* [Шруба 2018: 836], *Неизвестный*, *Эверт* [Шруба 2018: 303]⁴, *надежный* > *Ненадежный* [Шруба 2018: 973]⁵, *покорный* > *Непокорный*, *М.* [Шруба 2018: 305]⁶, *понятный* > *Непонятная женщина* [Шруба 2018: 305, 1013]⁷,

¹ «не/вид/н/ый» [Тихонов 2010: 299].

² «не/здеш/н/ий» [Тихонов 2010: 302].

³ «Незнаком(ый)→незнаком-ец» [Ширшов 2004: 339].

⁴ «не/извест/н/ый» [Потиха 1999: 147].

⁵ «не/надеж/н/ый» [Тихонов 2010: 304].

⁶ «Покорный→не-покорный» [Ширшов 2004: 683].

⁷ «не/поня/т/н/ый» [Тихонов 2010: 306].

советский > *Несоветский экономист* [Шруба 2018: 878];

Дефисное написание: *здешний* > *Не-здешний* [Шруба 2018: 828],
новый > *Не-Новый* [Шруба 2018: 863];

- к причастиям:

Слитное написание: *зависимый* > *Независимый* [Шруба 2018: 847, 863, 957]¹, *помнящий* > *Непомнящий, Иван* [Шруба 2018: 828], *примыкающий* > *Не-примыкающий* [Шруба 2018: 305], *унывающий* > *Неунывающий* [Шруба 2018: 306], *Неунывающий россиянин* [Шруба 2018: 1024]²;

- к местоимениям (притяжательным):

Слитное написание: *свой* > *Несвой* [Шруба 2018: 1002];

- к наречиям:

Слитное написание: *давно* > *Недавно бежавший* [Шруба 2018: 815]³.

3.4.1.2 Образования с частицей *не*

Частица *не* в сочетании с мотиваторами, которые восходят

- к нарицательным именам существительным:

Раздельное написание: *врач* > *Не врач* [Шруба 2018: 869],
дипломат > *Не дипломат* [Шруба 2018: 845, 878], *доктор* > *Не доктор*
 [Шруба 2018: 979], *изобретатель* > *Не изобретатель* [Шруба 2018: 875],

¹ «Зависимый→не-зависимый» [Ширшов 2004: 325].

² «не/уны/ва/ющ/ий» [Тихонов 2010: 309].

³ Возможно установление отношений неединственной производности: «Недавн(ий)→недавн-о и давно→не-давно» [Ширшов 2004: 253].

рецензент > *Не рецензент* [Шруба 2018: 963, 1024, 1039], *учитель* > *Не учитель* [Шруба 2018: 818];

- к словам, частеречная принадлежность которых не определяется однозначно:

Раздельное написание: *бессарабец* (сущ. нариц.) / *Бессарабец* (сущ. собств.) > *Не Бессарабец* [Шруба 2018: 850];

- к словам, частеречная принадлежность которых не определяется: ? > *Не Гу и не Фо* [Шруба 2018: 914].

3.4.1.3 Префиксально-суффиксальные способы образования негатонимов

Префиксально-суффиксальным способом образованы негатонимы с префиксом *без-/бес-* и суффиксом *-н-*, префиксом *за-* и суффиксом *-н-*, префиксом *не-* и суффиксами *-енец-*, *-им-*, *-н-*, *-ов-*, *-ев-*, *-ин-*.

(1) Префикс *без-/бес-* и суффикс *-н-* в сочетании с мотиваторами, которые восходят

- к нарицательным именам существительным:

Слитное написание: *дом* > *Бездомный* [Шруба 2018: 109], *Бездомный, Кузьма* [Шруба 2018: 109], *Бездомный, Лев* [Шруба 2018: 109], *Поспехов-Бездомный, Сергей* [Шруба 2018: 109]¹, *партия* > *Беспартийный* [Шруба 2018: 112, 929]², *печаль* > *Беспечальный, Андрей*

¹ «Без дома→бездомный» [Цыганенко 1982: 126], «дом→без-дом-н-ый» [Ширшов 2004: 288].

² «Партиј(а)→бес-партий-н-ый» [Ширшов 2004: 617].

[Шруба 2018: 112]¹.

(2) Префикс *за-* и суффикс *-н-* в сочетании с мотиваторами, которые восходят

- к нарицательным именам существительным:

Слитное написание: *рубеж* > *Зарубежная, М.* [Шруба 2018: 1024], *Зарубежный* [Шруба 2018: 815]².

(3) Префикс *не-* и суффикс *-енец-* в сочетании с мотиваторами, которые восходят

- к глаголам:

Слитное написание: *возвращаться* > *Невозвращенец* [Шруба 2018: 815]³;

Дефисное написание: *возвращаться* > *Не-возвращенец* [Шруба 2018: 863].

(4) Префикс *не-* и суффикс *-им-* в сочетании с мотиваторами, которые восходят

- к глаголам:

Слитное написание: *исправить* > *Неисправимый* [Шруба 2018: 304]⁴.

(5) Префикс *не-* и суффикс *-н-* в сочетании с мотиваторами, которые восходят

¹ Возможно установление отношений неединственной производности: «Печальный→бес-печальный и печаль→бес-печаль-н-ый» [Ширшов 2004: 642].

² «за/рубеж/н/ый» [Потиха 1999: 85].

³ «не/возвращ/ен/ец/» [Тихонов 2010: 299].

⁴ «не/ис/прав/им/ый» [Тихонов 2010: 303].

- к нарицательным именам существительным:

Слитное написание: *воля* > *Невольный рижанин* [Шруба 2018: 989],
Невольный туркестанец [Шруба 2018: 1004]¹;

(6) Префикс *без-* и суффикс *-ов-*, в сочетании с мотиватором,
который восходит

- к нарицательным именам существительным:

Слитное написание: *зуб* > *Беззубов* [Шруба 2018: 989].

(7) Префикс *не-* и суффикс *-ов-*, в сочетании с мотиватором,
который восходит

- к нарицательным именам существительным:

Слитное написание: *взор* > *Невзорова, М.* [Шруба 2018: 302],
мир > *Немиров, А.* [Шруба 2018: 304];

- к прилагательным:

Слитное написание: *смелый* > *Несмелов, Арсений [Несмелов, Арс.;
Несмелов, А.]* [Шруба 2018: 305];

- к глаголам:

Слитное написание: *верить* > *Неверов, Александр [Неверов, А.]*
[Шруба 2018: 302], *ждать* > *Нежданов, Вл.* [Шруба 2018: 303],
Нежданов, Л. [Шруба 2018: 303], *знать* > *Незнамов, П.* [Шруба 2018:
303], *смеяться* > *Несмеянов, С.* [Шруба 2018: 305].

(8) Префикс *не-* и суффикс *-ев-*, в сочетании с мотиватором,

¹ «Вол(я)→не-воль-н-ый» [Ширшов 2004: 182].

который восходит

- к нарицательным именам существительным:

Слитное написание: *горе* > *Негорев, Ник.* [*Негорев, Н.*] [Шруба 2018: 303];

(9) Префикс *не-* и суффикс *-ин-*, в сочетании с мотиватором, который восходит

- к нарицательным именам существительным:

Слитное написание: *воля* > *Неволин, Гр.* [Шруба 2018: 302], *Неволин, М.* [Шруба 2018: 302], *доля* > *Недолин, В.* [Шруба 2018: 303], *Недолин, С.А.* [Шруба 2018: 303], *злоба* > *Незлобин, Борис* [*Незлобин, Б.*] [Шруба 2018: 303], *Незлобин, К.И.* [Шруба 2018: 303];

- к глаголам:

Слитное написание: *любить* > *Нелюбин* [Шруба 2018: 304], *Нелюбин, Георгий* [Шруба 2018: 304], *Нелюбин, С.* [Шруба 2018: 304].

3.4.1.4 Образование негатонимов с предлогом *без*

Предлог *без* входит в состав синтагм, включающих именные синтаксемы «*без* + Родительный падеж существительного»: *Мичман без дырки* [Шруба 2018: 1003], *Человек без портфеля* [Шруба 2018: 865].

3.4.1.5 Суффиксальные способы образования негатонимов

(1) Суффикс *-ник-* в сочетании с мотиватором (в состав которого входит префикс *не-*), восходящим

- к нарицательным именам существительным:

Слитное написание: *неволя* > *Невольник, Валериан* [Шруба 2018: 302]¹.

(2) Суффикс *-ец-* в сочетании с мотиватором (в состав которого входит префикс *не-*), восходящим

- к прилагательным:

Слитное написание: *незнакомый* > *Незнакомец* [Шруба 2018: 883]².

(3) Суффикс *-ов-* в сочетании с мотиватором (в состав которого входит префикс *не-*), восходящим

- к нарицательным именам существительным:

Слитное написание: *невзгоды* > *Невзгодов, В.* [Шруба 2018: 302].

(4) Суффикс *-цев-* в сочетании с мотиватором (в состав которого входит префикс *не-*), восходящим

- к прилагательным:

Слитное написание: *невидимый* > *Невидимцев, Б.* [Шруба 2018: 302].

3.4.1.6 Морфемизация субморфов

Дефисное написание: *Некрасов* > *Не-Красов* [Шруба 2018: 304].

Примечание. Однословный негатоним *Недоумевающий* [Шруба 2018: 900] является производным, но выражает значение отрицания и обладает членимостью, указывающей на наличие формальной

¹ «Невол(я)→неволь-ник» [Ширшов 2004: 182].

² «Незнаком(ый)→незнаком-ец» [Ширшов 2004: 339].

отрицательной маркировки (см. «недо/ум/ева/ть» [Потиха 1999: 28]).